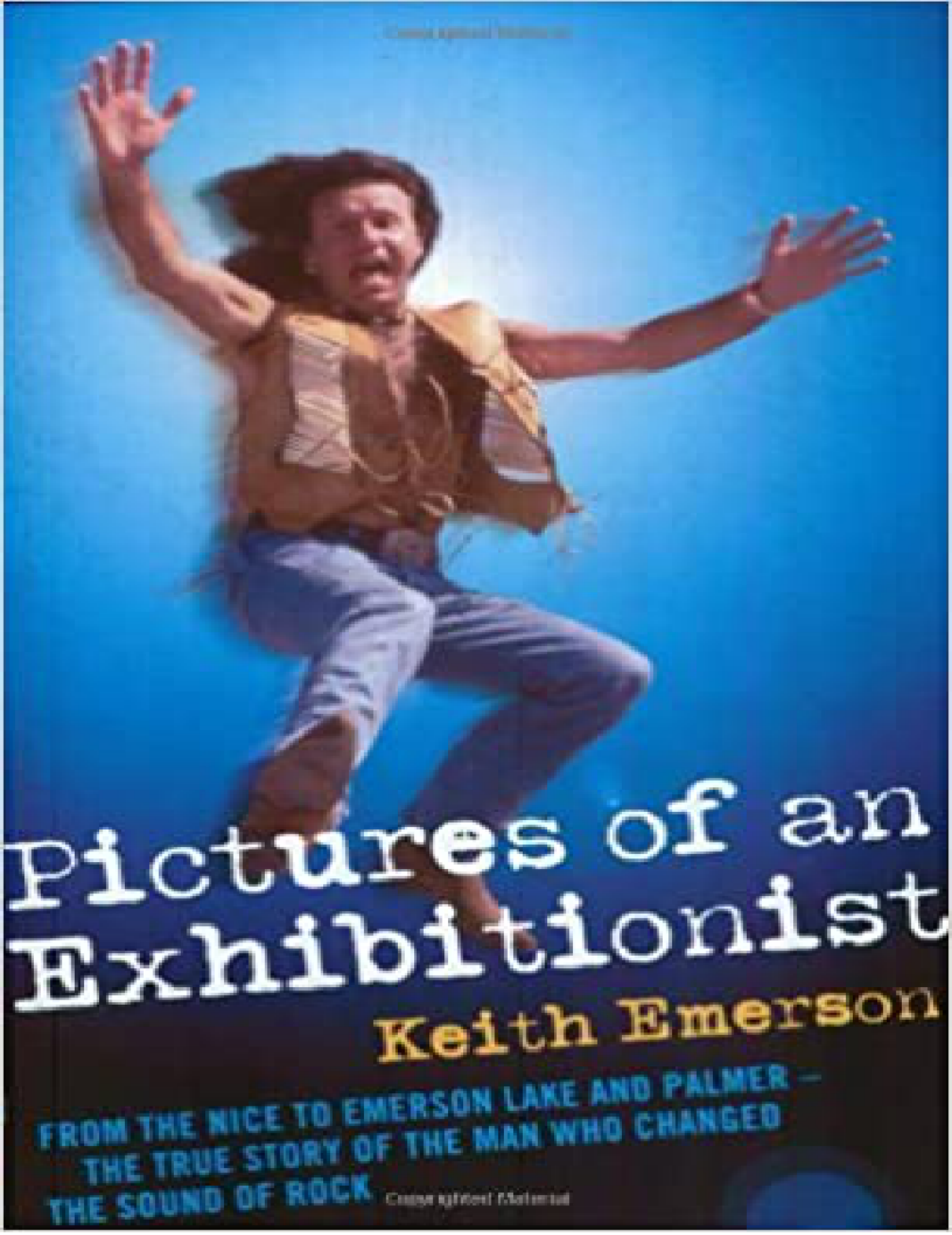

Pictures of an Exhibitionist
Keith Emerson
FROM THE NICE TO EMERSON LAKE AND PALMER –
THE TRUE STORY OF THE MAN WHO CHANGED
THE SOUND OF ROCK

Annotation

Кит Ноэль Эмерсон (англ. Keith Noel Emerson) (2 ноября 1944 — 11 марта 2016) — британский клавишник и композитор. Наряду с Джоном Лордом и Риком Уэйкманом признан одним из лучших клавишников в истории рок-музыки.

От The Nice до Emerson, Lake & Palmer — откровенная история человека, изменившего саунд рок–н–ролла.

- Кит Эмерсон
  - От себя, т. е. переводчика
  - Слова благодарности
  - Предисловие
  - 1. Под лезвием ножа
  - 2. Школьные (невз)годы
  - 3. Банк или музыкальная карьера
  - 4. Наращивая долю в акциях T–Bones
  - 5. Сомнительно, но… это Nice
  - 6. Хендрикс возглавляет список
  - 7. Первый прорыв в США
  - 8. Пожарные работы
  - 9. Парни ведут себя плохо
  - 10. Роман с Клео
  - 11. Слушая с Матерью
  - 12. Конец Nice, начало нового
  - 13. ELP дают прикурить
  - 14. Ветчина или сыр?
  - 15. ELP возвращаются в США
  - 16. Big in Japan[59]
  - 17. Manticore готова к взлёту
  - 18. Взмывая ввысь на концертном рояле
  - 19. Выступление с Оскаром
  - 20. Что посеешь, то и пожнёшь
  - 21. Повеситься на трубах
  - Избранная дискография
  - Награды ELP
  - Фотоматериалы оригинального издания
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

Кит Эмерсон
Картины эксгибициониста [1]
Pictures of an Exhibitionist

От себя, т. е. переводчика

Я очень люблю читать рок–литературу: истории. Биографии, публицистику. Случается, откроешь какую–то книгу, немного почитаешь и уже хочется её закрыть. Причина проста: плохой перевод. Дело не в том, что стиль хромает или перевод далек от оригинала, хотя и такое случается. Главное, переводчик не разбирается в предмете, говоря рок–н–ролльным сленгом: лажает по–черному, садит мимо кассы. Короче говоря, не шарит в теме. Это выражается в исковерканных названиях групп, песен и альбомов (а в музыкальной среде такие вещи не принято переводить, если того не требует контекст).

Доходит до того, что переводчик не понимает какого пола человек — в английском языке есть имена, общие как для мужчин, так и для женщин. Из последнего в памяти остался плохой перевод книги Ника Мейсона “A saucerful of secrets”. Сейчас, например, читаю книгу «10 заповедей рекламы»: она хоть к сабжу и не относится. Но в одной из глав переводчик умудрился обозвать группу Herman's Hermits Германом Хермитзом. Неужели сложно посмотреть в Интернете? Не знаю…

Так вот, представляю на ваш суд свой дебютный перевод — автобиографию Кита Эмерсона “Pictures of an Exhibitionist”, потому что очень люблю творчество этого музыканта. Решиться на перевод меня сподвиг пример http://anton-yakovina.livejournal.com/, чей перевод книги барабанщика The Doors Джона Денсмора я с удовольствием читаю. Как я уже сказал, это мой дебют. Так что, ляпов и огрехов наверняка будет миллион, поэтому благодарю заранее за критику, особенно конструктивную. Ляпы будут скорее литературные и лингвистические, чем музыкальные — в этом я уверен на 99,99 %.

---

11 марта, 2016 г.
Умер Кит Эмерсон.

Как можно выразить словами состояние души, когда узнаешь, что ушёл человек, который повлиял на тебя, как мало кто? Как

будто по голове ударили и с ног сбили. Таких людей немного, ты их никогда не встречал, они о тебе знать не знали. Да это и не важно.

Вновь открываю доступ к его автобиографии, которую скрыл из общего доступа в надежде, что смогу найти издательство. А теперь мне пофиг, пусть будет доступна всем. Если вдруг случится чудо и книга увидит свет официально, тогда удалю. Еще мечтал, что Маэстро напишет предисловие к русскому изданию. Жаль, этому не быть. Да и книжку вряд ли кто согласится издать: не окупится. Разве что заработаю достаточно денег на самостоятельное издание или найду спонсора. В крауд-фандинг не верю.

В общем, читайте, фэны, и помните его.

Ну, понеслась!

Сайт автора перевода: http://www.popmusicarchive.kz/

Слова благодарности

Моей матери, бодрой и энергичной в свои годы — успехов в её любимом саду, и **отцу** (хотя и покинувшему этот мир, но наблюдающему за мной с Небес), бережно хранившим все вырезки обо мне, которые заложили основу данной книги (хотя я и мог сохранить копию у себя)

Крису Уэлчу, написавшему больше биографий, чем сыгравшему соло на ударных (и делавшему это весьма неплохо)

Уиллу и **Кэнди Александрам**, которые в своей неподражаемой манере снабдили меня таким объемом информации, что иногда это сводило меня с ума

Брюсу Пилато, журналисту с большой буквы, за поддержку и конструктивную критику

Супругу моей матери — **Фрэнку Уэллсу** (второй отец), также известный как Всезнающий. Ему следовало бы участвовать в передаче «*Кто хочет стать миллионером*»

Доктору Роберту Мугу, придумавшему инструмент, навеки связанный с прогрессивной музыкой

Нилу Престону, известному фотографу, за фотографию на обложке

Марку Эйзеноффу, за фотографии, когда пиротехнические эффекты едва не обожгли ему лицо, а также **Мэри Энн Бёрнс**, которой пришлось вскарабкаться на уровень третьего этажа, чтобы сфотографировать горящий орган

Грегу Лейку — Голосу

Карлу Палмеру — Барабанам (и иногда рефери ELP)

А также:

Ли Джексону и **Брайану Дэйвисону**, коллегам по The Nice — надеюсь, вы останетесь моими друзьями после прочтения этой книги. Если нет — мой адрес: Аляска, Сноу Вью, 11439

Джону Блейку — «Ты же не хочешь выпустить эту книгу, не так ли?»

Адаму Парфиту — позаботившемуся, чтобы книга вышла в свет

Последнему по счёту, но не по важности — моему менеджеру **Стюарту Янгу**, за то, что был поддержкой и опорой все эти годы

Моим сыновьям: **ААРОНУ УЛЕ ЭМЕРСОНУ**, **ДЭЙМОНУ КИТУ ЭМЕРСОНУ**, а также их матери: **ЭЛИНОР ЭМЕРСОН**

Предисловие

Я решил написать автобиографию, пока другие не напишут полную ерунду обо мне. Решение пришло после того, как я обнаружил на чердаке родительского дома подборку публикаций о себе: я и только я должен написать эту книгу, пока в серии «Жизнь замечательных людей» не издадут жизнеописание Кита Эмерсона, естественно посмертно. Там всегда чего–то не хватает, наверное, последней главы. Надеюсь, мне доведется написать ещё не одну главу своей музыкальной жизни. Описанные в книге факты, события и имена соответствуют действительности. Поскольку ничего кроме школьных сочинений мне писать не доводилось, я глубоко признателен тем, кто вносил коррективы в процессе работы над книгой. Ваши имена упомянуты по ходу повествования.

То, что вы прочтете здесь, представляет собой подробный отчет музыканта, прошедшего через все стадии «жизни в дороге» в духе Джека Керуака, со всеми её достоинствами и недостатками. Это вовсе не значит, что у других истории лживые или выдуманные. Хотя… без художественного вымысла читать книгу было бы скучнее.

Повествование начинается с больничной койки, далее развиваясь в хронологическом порядке сквозь серию фактов и анекдотов — смешных и грустных, общеизвестных и очень личных. Кому–то они могут показаться слишком язвительными или приукрашенными, но именно так всё и было и, в какой–то степени, всегда будет. Правда!

Я убежден, что расцвет современной прогрессивной музыки пришелся на шестидесятые и семидесятые годы XX века. Время, когда у музыкантов была свобода выражения, а музыкальные корпорации не вмешивались в творческий процесс. Хотя моя книга — по сути, биография того периода, я расцениваю её как послание человека, достигшего подлинного триумфа в своём деле. Послание тем музыкантам, кто хочет следовать своим собственным путем и достичь успеха… в конце концов.

Кит Эмерсон, 2003 г.

Бывший банковский клерк Кит Эмерсон… его группа продала в Европе больше пластинок, чем Rolling Stones. Теперь он скрывается в роскошном поместье в графстве Суссекс. ELP заработали 1 млн. фунтов стерлингов во время последнего американского тура, который посетило 750 000 человек.

Daily Mail, 6 мая 1974 г.

Рок–звезда Кит Эмерсон, клавишник реформированной супергруппы семидесятых Emerson, Lake & Palmer, задолжал 145 000 фунтов стерлингов банку Barclay's Bank.

Daily Mail, 13 шюня 1993 г.

Во времена славы ELP, Кит Эмерсон был не прочь вырядиться в костюм броненосца. Он метал ножи в клавиатуру огромного Хаммонд органа, боролся с ним, умудряясь при этом импровизировать на тему Аарона Коупленда. Полная задница.

Журнал Vox, 1995 г.

Come not, when I am dead,
To drop thy foolish tears upon my grave,
To trample round my fallen head,
And vex the unhappy dust thou wouldst not save.
There let the wind sweep and the plover cry;
But thou, go by.

Alfred Lord Tennyson

Когда умру, ты прах тревожить мой

Не приходи, напрасных слез не лей,
И над моей несчастной головой
Пустых похвал не расточай елей.
Здесь ветра свист, да крики птичьих стай,
А ты — ступай.

(перевод Владимира Захарова)

1. Под лезвием ножа

Лос–Анджелес, 5 октября 1993 г.

Звонок телефона у изголовья кровати нарушил мрачное молчанье затемнённой комнаты и вывел пациента из мрачной задумчивости. После ночей, проведенных в панике, жалости к себе, струях холодного пота и беззвучных слёз, внезапное вторжение добило и без того истерзанные тело и дух.

Слова доктора Бассета в течение многих дней и ночей нависали как голодный стервятник, наблюдающий за своей жертвой.

— Вне всякого сомнения, Вы должны это понять, и анализы проводимости нерва это показали — у вас обнаружилась большая разница в функциональности левой и правой руки.

Я не хотел в это верить, но продолжал слушать. Потеряв 25 % слуха в правом ухе вследствие тяжелого рок–н–ролльного образа жизни, невероятно, что я мог до сих пор слушать.

— Я просто хочу играть, — всё, что я мог ответить.

Анализ проводимости нерва — процедура болезненная: иглы втыкают в руку и проводят по ней разряд тока. Столько страданий и без операции, на которую, возможно, придется согласиться. Мой друг и техник Уилл Александер, сопровождавший меня на эти мучительные процедуры, рассмеялся моему выпаду на усмешку медсестры в регистратуре:

— Так это Вы прославленный клавишник?

— Ага! Надеюсь так и будет, когда выпишусь отсюда. Но если *вы* облажаетесь, тогда тоже прославитесь!

В голосе доктора не было и тени сомнения. Не сомневался и я в своём жалком существовании без возможности играть.

— У Вашей правой руки очень большая проблема, и, поверьте мне, мы бы не стали прибегать к операции без всякой необходимости. Ко мне приходили студенты из Джульярда с жалобами на трудности в игре, рассчитывая на мою помощь. Но их проблема была в их головах, так что пришлось им отказать. Я не хочу сказать, что риск минимален, но если Вы ничего не сделаете, вам станет только хуже. Если вы согласитесь на операцию, по крайней мере, у вас будет какой–то шанс. Функциональность локтевого нерва правой руки сильно ограничена. Возможно, блокирован и лучевой нерв. Мы сможем выяснить это только во время операции.

Что ж, хорошая новость от доктора Бассета. Неужели годы

молотьбы по клавишам сделали своё дело?

Я был разрушен — не только финансово, но и физически и морально. После 23 лет брака у меня осталась викторианская настольная лампа, диван и вращающийся стульчик. Мой любимый 9–футовый концертный Стейнвей превращается в трухлявые опилки где–то в портовых складах. Мотоциклы ржавеют и уже практически «убиты», а теперь надо мной нависла угроза того, что я никогда больше не смогу играть.

Телефон зазвонил снова.

— Да, хорошо! Спущусь через 10 минут, — ответил я Карлу Палмеру резко.

Он не заслуживал такой резкости, учитывая, чего ему стоило довезти меня до больницы Сидарс Синай, упуская шанс позавтракать «У Норма» всего лишь за 3 бакса.

— Я бы на твоём месте приклеил к груди бумажку с надписью: *«Не забудьте, это правая рука, и в пятницу я играю в водное поло»*, — пошутил Карл.

Мне было совсем не до шуток, хотя мне нравится его своеобразное чувство юмора. Но я очень ценил его поддержку, больше чем когда–либо.

Мне уже предложили положить все свои драгоценности в сейф отеля перед тем, как лечь в больницу. Очевидно, лос–анджелеские воришки любят выбирать себе в жертву людей, накачанных транквилизаторами или обезболивающими. Поэтому я сдал свой Ролекс и брильянтовую сережку на хранение. После этого мы поехали — шутник и его пассажир, вцепившийся в свою правую руку и до сих пор сомневающийся, сделал ли он правильный выбор, отдавая себя во власть регенеративной технологии.

Моей правой руке уже изрядно досталось. Так, в 1988 году мне удалили ганглиевую кисту, в 1990–м вправляли сустав на мизинце. Удивительно, что я мог после этого играть, но теперь, по–видимому, наступил судный день, и я доверил свою судьбу одному человеку — доктору Бассету.

Карл пожал мою левую руку, пожелал удачи и я зашагал в сторону Шуман Билдинг, изо всех сил стараясь скрыть свой страх. Сестра Хайди опять сидела в регистратуре, всё та же сестра Хайди, которая брала анализы крови за день до этого.

— Мы уже Вас заждались, — сказала она, улыбаясь и обнажая при этом вампирьи клыки.

Как она может забыть человека с такими глубокими венами? Вряд ли я стал бы наркоманом. Ведя вниз по лестнице, сестра облачила меня в больничный халат, сняв предварительно всё остальное.

Мне надели пластиковый чепчик, чтобы спрятать длинный хаер, и я стал выглядеть как чокнутая Миссис Моп[2]. Затем я прошел сквозь толпу больных в направлении ужасного вида каталки. В больнице нет места ни насмешкам, ни гордости. На самом деле, в американской системе стационарного лечения есть место только для заполнения больничных листов и страховых формуляров, а их там в избытке. Честно говоря, тогда мне было наплевать. Скоро мне предстоит наркоз в городе ангелов.

Лежу на каталке, жгут сжимает грудь как злобный питон, зажимы ЭКГ спадают с моей волосатой груди, наследию моего волосатого прошлого, что наряду с воспоминанием о моих глубоких венах вызвало удивление у сестры Хайди:

— О, Вы такой толстокожий! Чего Вы так нервничаете?

— Я бы сейчас с удовольствием оказался в другом месте.

— Вот и анестезиолог. Он Вам понадобится, — сестра вышла из палаты, цокая каблуками.

Предпринимая последнюю попытку взбодрить себя, моя память стала перематывать плёнку воспоминаний. Кнопка Play нажата, и я увидел Англию — длиннющая очередь в Norflok Club ожидает увидеть The Nice… это было на следующий день после инцидента с флагом в лондонском Альберт–холле… пушечные ядра, провозглашающие появление Emerson, Lake & Palmer на фестивале Isle of Wight в 1970–м… головокружительную сенсацию вращающегося в воздухе фортепиано на California Jam… рёв семидесятитысячной толпы на Олимпийском стадионе в Монреале после того, как я закончил играть свой концерт для фортепиано с оркестром.

Это была успешная карьера. Мне, бывало, говорили: «Ты всего лишь клавишник, до тех пор, пока можешь играть». Лента внезапно остановилась.

На меня смотрел человек с лицом, выражающем чрезмерную самоуверенность: такое обычно носят, играя Бога на Бродвее. Он знает свои линии (роли) назубок, но тем не прочь отдохнуть денёк-другой перед тем, как попасть в мои линии (вены). Блаженная улыбка превратилась в оскал, так как верхняя губа прилепилась к зубам. Во рту пересохло от страха. Я добился лишь того, что произвел ложное впечатление, пытаясь делать вид, что мне очень нравятся больничные процедуры.

— У меня очень глубокие вены, и ещё я не выношу вида иглы, — объяснил я слабо.

Это проигнорировали. Анестезиолог намеревался воткнуть иглу в мою руку любой ценой: «Я вам кое–что дам, чтобы вы успокоились». Он знает все линии своей роли в совершенстве, пытаясь найти линии моих вен.

— Чудесно! Как насчет хорошей порции коньяка? Смотри, а то я выпью то, что в капельнице!

Бьюсь об заклад, он и это пропустил мимо ушей. Глядя в медицинское назначение, я почувствовал, как пламя разливается по жилам: это драгоценная жидкость, в поисках нужного русла пытается прорваться через мышечную ткань под давлением насоса.

Наконец ему удалось отыскать вену. Я стараюсь не смотреть, но приходится. Больно–то как!

— Теперь всё в порядке?

Без ответа! *Боже! Надеюсь, я смогу играть после этого.*

Вдруг мороз начал разливаться по руке — значит, все идет как надо. Гулкий рёв, напоминающий рой пчёл, раздался в моей голове, раздался… раз–дааался …дался, пока я цеплялся за осколки сознания …знания …знания… безвольно проваливаясь, …беспомощный …в невесомость, …в бездну… звук колоколов… какофония… в… голове …голо …ве …голо …вее …голо …вее … веее …еeee …еeee …

2. Школьные (невз)годы

Уэртинг, графство Суссекс, Англия, 1946 г.

Рассеивающийся свет, проникая сквозь плотно задёрнутые шторы, отбрасывает причудливые тени и образы. Ребёнку, смотрящему сквозь решетку детской кроватки, они кажутся невероятными. Звуки праздника, доносящиеся из другой комнаты, только усиливают впечатления. Для двухлетнего малыша, осторожно выбравшегося из постели поближе к веселью, всё казалось удивительным волшебством с лёгкой примесью страха быть обнаруженным. Я слушал, как отец извлекает удивительные звуки, сжимая нечто, прильнувшее к его груди. Это вовсе была не мама, а итальянский аккордеон, инкрустированный перламутром, на котором папа научил меня первой песне:

Now is the hour;
For me to say goodbye
Soon you'll be sailing
Far across the sea
While you’re away please
Remember me

И вот пришло время
Сказать друг другу прощай
Скоро ты уедешь
За тридевять земель
Вдалеке от дома
Меня ты вспоминай

Очень грустная песня, полная пафоса, и мне сейчас совершенно непонятно, почему тогда она казалась такой трогательной. Тем не менее, благодаря «Now is the hour» я вошел в мир музыки. Иногда, напевая ее, я как бы возвращаюсь в колыбель своей музыкальной карьеры.

Тогда же я сделал собственное транспортное средство из одного специфического устройства — круглое, цилиндрическое, металлическое и даже с ручкой. Но явно непригодное к езде по дороге. Мы говорим о горшке, а не о самокатах, и трюки на Харли–Дэвидсоне идут ни в какое сравнение с авариями тех лет. *«Поезд скрылся за холмом, издавая протяжный гудок»*, — пел я

радостно, сидя верхом на горшке, делая «свои дела». Я и сам издал протяжный звук, когда получил плотный пинок чьей–то костлявой ноги, отправившей меня прямехонько в стену. «Мои дела» разлетелись по округе, и веселье на этом закончилось.

Я был от природы любознательным, облазил все углы в дому, совал пальцы в розетки. Однажды я обнаружил использованный подгузник двоюродного брата и стал выжимать содержимое сквозь маленький кулачок, приготовив *свой первый соус*.

Наше трио жило счастливо, несмотря на невзгоды и необходимость сводить концы с концами. Но мама и папа как–то с этим справлялись, что стало очевидным благодаря моему появлению. Жить по продовольственной книжке — совсем не как у Христа за пазухой, поскольку продовольствия в послевоенные годы вечно не хватало. Голь на выдумку хитра, как говорят в таких случаях. Хитрость приводила, например, к тому, что многие домашние рецепты британцев превратились в деликатесные блюда своего времени. Мясо с капустой и картофелем, проще говоря, рагу из недоеденных овощей, соскобленных с тарелок, а затем снова прожаренных в печи, стало национальным «повторно использующимся» блюдом, которое мне нравится и сегодня.

Я родился 2 ноября 1944 года в маленьком доме с террасой у подножья Пеннинскоих возвышенностей в Тодмордене, графство Ланкашир. Беременных женщин эвакуировали из терзаемого войной Лондона как раз те места. Мама часто в последствии шутила, что нашла меня под камнями, в противовес традиционной капусте. Дом находился слишком далеко от того великолепия, что окружало меня в семидесятые. На целый ряд домов приходился один туалет в конце улицы, горячей воды вообще не было — её нужно было кипятить. Люди трудились по 18 часов в день, в том числе и мама. И вот где–то около 22:33 в самых примитивных условиях местная акушерка сунула ей в рот носовой платок, чтобы крики не напугали соседских детей, и мама произвела меня на свет. Отец, по такому случаю получивший увольнительную из армии, находился на улице, гуляя по местным каналам до тех пор, пока не услышал мой плач. Он с гордостью подбадривал маму, когда все закончилось.

Что касается отца, он считал, что Вторая мировая война касалась больше самой армии, чем лично его. Несмотря на то, что служил он добросовестно, армию папа ненавидел. Войска, в которых он служил, были расквартированы в Ройал Сигналс[3] в Галифаксе. Когда обнаружилось, что отец отличный стрелок и его нужно отправить на фронт, он вдруг стал чаще промахиваться. Отец совсем не хотел воевать с врагом, которого не выбирал.

Тем временем, мама со мной поселилась у свекрови на

южном побережье Англии в небольшом городке Уэртинг, в весьма стесненных условиях. Там я начал учиться ходить. Я должен был научиться дойти до «Папули», к тому времени, когда тот вернется домой, хотя я и не понимал, что означает «папуля». К счастью, война в 1945–м окончилась, и отец демобилизовался в марте 1946–го, когда мне исполнился год и три месяца. Меня подтолкнули к человеку с распростертыми для объятий руками, который, как я понял, и был причиной всей суматохи.

Обнаружив способность передвигаться самостоятельно, я ненавидел ходить без цели. Мне это казалось бесполезным: как взрослым нравится ходить просто так? Они также предпочитали разговаривать друг с другом без определенной темы. Ужасно глупо! Так, одним воскресным днем я тащился следом за своими воссоединившимися родителями, которые прогуливались по главному бульвару Уэртинга. Мне это надоело, и я уселся там, где стоял, в то время как мама с папой продолжали идти дальше. Я смог прочесть по губам: «Идем дальше, Пэт *(папа всегда называл маму Пэт, он считал, что её настоящее имя Дороти было слишком труднопроизносимым)*, и скоро он снова побежит за нами».

— Не дождетесь! — заявил я.

Вскоре вокруг собралась аудитория, привлеченная моим отчаявшимся видом и выпяченной в обиде губой. «Ооо, посмотрите на этого ребёнка! Ты потерялся? Где твои папа и мама?»

К этому времени родители уже почти скрылись из вида, будто бы подтверждая мои неоправданные подозрения, что они меня не любят. Я уже представлял, как они празднуют избавление от меня где–нибудь в отеле или другом месте. Я уставился на бетон бульвара, на котором сидел, оценивая свои перспективы, которые казались неутешительными. Вдруг чья–то сильная рука подняла меня с земли, а другая отшлепала по попе, и меня решительно потащили домой, где сразу отправили спать. Смешно, но я вдруг понял, что наверно родители меня любят. Лечь спать засветло было действительно строгим наказанием. Я начал понимать расстояние между неповиновением и властью.

Позднее я решил приложить свои маленькие ручки к мелким домашним обязанностям, чтобы помочь родителям. Они об этом не подозревали, пока однажды не обнаружили моё творчество. Это открыло мне глаза на то, что взрослые — перфекционисты. Казалось, им ни чем нельзя угодить. Они не оценили моих услуг, когда отцовской бритвой я «усовершенствовал» помазок из барсучьего волоса, обрезав его до «правильного» состояния. Ну, я видел, как отец использовал этот удивительно острый

инструмент близко к горлу, часто с кровавым результатом. Мой способ был более безопасным, искусным, но… неоцененным. Такой же недооцененной, хотя далеко не такой искусной и безопасной, оказалась попытка почистить камин. Я часто наблюдал, как мама делает это, в то время как папа продолжал музицировать, сжимая астматический инструмент на груди. Он что, его и в постели носил? Каким–то образом мне удалось не обжечься, пока я нёс тлеющие угольки в руке к ближайшему безопасному месту — отцовскому креслу.

Летом я обычно играл на уэртингском каменистом пляже, таская за собой ведро и лопату в тщетной попытке защитить английский берег от вторгающихся волн и воображаемой армии. И тут внезапно выскочил отец и бросился в надвигающуюся волну. В атлетическом прыжке он нырнул с головой в воду и поплыл в сторону моря. Мама сидела и спокойно вязала. Я не мог понять. Неужели отец опять от нас уходит? Если так, почему мама такая невозмутимая? Я подбежал к кромке воды, крича и плача, пока мама не просигнализировала отцу плыть обратно.

— Ты его напугал, — сказала она, нежно шлепая отца, пока тот вытирался полотенцем.

Бетон. Шум. Много людей. Некоторые одного роста и возраста со мной. Кто–то намного старше и/или выше. Вокруг суета, каждый инстинктивно ищет путь в нужном направлении. Я никогда не играл с другими детьми, не говоря о том, чтобы ассоциировать себя с ними. На самом деле, я даже не подозревал, что существую и другие дети.

Я плохо помню первый школьный день (в 4 года), но второй запомнился отлично. Я уже был там один раз, но понял, что не хочу снова туда возвращаться. Никогда!

— Сперва отрежьте мои руки от перил!

Мама и директор школы тщетно попытались заманить меня внутрь.

— Нет, там слишком шумно!

Горы конфет и даже личный счёт в швейцарском банке не могли меня заставить зайти туда.

Но у меня не было ни единого шанса. Я был слишком мал, а они слишком велики. Меня завели в шумное большое здание, и я сразу напустил в штаны, потому что все знали, куда следует идти в таком случае, а я был слишком напуган, чтобы спросить.

На третий день я пытался пошутить. «Если не можешь победить, присоединись».

В классе стояли большие доски, на которых лежал мел. Большинство учеников начали выполнять задание по письму, выводя какую–то наивную чепуху.

Меня смутило существо, в котором я вскоре признал женщину. Хотя сейчас я вряд ли отличаюсь от нее. Наполнившись решимостью привлечь её внимание, я запихнул половину куска мела в нос. УРА! Этого должно хватить, чтобы отвлечь её от рисования шедевра, и мы сможем насладиться вдвоем моим счётом в швейцарском банке. Девочку, сидящую рядом, похоже, впечатлила моя способность засовывать большие куски в узкую расщелину. Но, перед тем как выйти на поклон, возникла небольшая проблема, потому что сей предмет, казалось, прочно поселился в носовой пазухе. Учительница в панике потащила меня в кабинет директора, где в течение получаса обе пытались вытащить проблемный объект из маленькой ноздри своими толстыми пальцами. После того, как они заметили, что у меня скосило глаза, и я дышу только одной ноздрей, здравый смысл подсказал им давить через свободную ноздрю. Они попросили меня вдохнуть ртом побольше воздуха и выдувать его через нос, закрыв рот. Непростое задание, хоть я и старался изо всех сил. Раздался звук, будто вылетела пробка из бутылки Моёт et Chandon, и мел пулей срикошетил по книгам и папкам. Мне было нехорошо, но дышалось легче.

Четвертый день увенчался дракой с каким–то мальчишкой. Когда я рассказал об этом отцу, он наконец стянул с себя свистящий инструмент, чтобы научить меня боксировать. Результатом стал раскровавленный нос невинного одноклассника, так как весь пятый день прошел в тренировке. Шестой и седьмой дни родители отдыхали, им это было нужно.

Воспоминания о дедушке с маминой стороны, как я его называл «деда Дики», у меня остались такие: когда дедушка и бабушка (с которой у меня день рождения был в один день, и которую я очень любил) приехали из Лондона, дед сразу сграбастал меня в охапку и потащил на пирс, где стоял ряд торговых автоматов, сунул кучу монет и стакан лимонада, а сам улизнул в бар. Естественно, я просадил все деньги ещё до того, как дед напился пива. Пришлось сидеть на ступеньках паба, посасывая остатки теплого лимонада и слушая шум пьяного разговора, доносящегося изнутри. Когда дед наконец вышел, его красный нос стал совсем сизым. Настроение у дедушки Дики было лучше некуда, и он позволил мне прокатиться на всех аттракционах ярмарки. Пьянство деда было для меня сплошным развлечением, но адом для мамы, двух её сестер и брата, когда они были детьми, как и в детстве отца. В общем, они верили, что пьянство обязательно приведет в Ад, поэтому я воспитывался в атмосфере строгой умеренности.

Терпение не было моей добродетелью, особенно когда рядом

заваливался спать деда Дики, сильно храпя или, как он это называл, «загоняя коров в сарай». Тетя Джойс нашла средство: «Заткни прищепкой его нос!» Так, вооружившись средством из маминого арсенала, я попытался поспать перед тем, как начнутся позывные «Ужасного рога». Проснувшись в четыре утра, я нервно выбрал прищепку в тусклом свете уличной лампы и поводил ею над свистящим носом. Черт! Слишком мала, надо взять побольше… есть! Внимание, ОТПУСКАЮ!

— Ааа, че за ХУЙНЯ?

Дед вскочил как пружина, прищепка со свистом улетела в темноту, а я трясся под одеялом, пока дедуля снова не захрапел, толком даже и не проснувшись. Ему не надо было соревноваться с пернатым хором по утрам, так как птицы улетели на зимовку намного раньше обычного. Не в силах заснуть, я вытащил несколько пушинок из подушки и стал развлекать себя тем, что наблюдал, как храп дедули удерживал пух в воздухе. Так я скоротал время до самого завтрака. На кухне меня встретило море лиц, застывших в ожидании.

— Ну, — раздался хор родственников. — Ты это сделал?

Следующие 15 минут они надрывали животы от смеха, слушая мой печальный рассказ о провалившейся попытке напялить прищепку на нос деда.

— Ты все–таки это сделал! — сказали они сквозь слёзы.

Да, у меня почти получилось.

Я до сих пор с гордостью ношу память о дедушке — уолтемские карманные часы, на которых он учил меня правильно указывать время. Ещё я перенял от него любовь к духовым оркестрам.

Воспоминания о Второй мировой войне, хотя она и закончилась, все ещё были свежи в памяти отца, особенно когда речь заходила о механизмах и развитии воздухоплавания. Парни из неба спасали жизнь, таким как он. Если над нами пролетал самолёт, он мог безошибочно назвать какой именно. Он таскал меня на аэрошоу — Фарнборо, Хиггин Хилл, в царство Харрикейнов и победоносных Спитфайров. Там было невыносимо громко, у меня обычно болела голова к концу шоу, и рвало по дороге домой.

На школьной площадке дети обычно маршировали и пели гимны Уильяма Уорд–Хиггса, меняя слова так, что любой «красавчик Пресли» мог их написать:

Good old Sussex by the Sea,
Good old Sussex by the Sea,
You can always tell by the seaweed smell,

It’s old Sussex by the Sea.

На суссекском брегу,
На суссекском брегу,
Расскажи о том, как воняет планктон,
На суссекском брегу.

Стихи Уорд–Хиггса были возвышенными, более благозвучными для ушей местной аристократии: «*Расскажите о том, что мы лучше умрем за Суссекс, что у моря*». Если рядом не было учителя, мы могли зайти ещё дальше: «*Расскажите им всем, что здесь воняет как в Аду, на суссекском брегу*».

Дело в том, что водоросли у побережья консервативного Уэртинга издают едкий запах, особенно летом. И только мухи готовы ринуться туда, куда и ангелы боятся ступить. Пожилые люди (кто ещё не присоединился к ангелам, но готов оказаться в вестибюле Господа) думали, что аромат размножающихся насекомых среди гниющего планктона, оказывает целебное действие на их застарелые болячки. Местные жители не были счастливы от того, что их прибрежный городок часто награждался уничижительным званием, например, «Божья приемная» или Costa Geriatrica (Брегус Старческус). Не нужно много времени понять, что престарелые люди приезжают сюда, чтобы найти своё последние прибежище, но, прибыв, быстро об этом забывают. Несомненно, в городе были созданы все условия, дабы позаботиться о пожилых людях. Санатории занимали большую часть территории Уэртинга.

Мой отец по натуре был отнюдь не бунтарем. Обычно он был сдержанным, хотя иногда ему выплеснуть эмоции. Иногда он все же выходил из себя, неожиданно для себя самого, меня и других. Он не приветствовал конфронтацию, но если его втягивали в спор, он принимал его за хорошую партию настольного тенниса. Где–то в районе Митчем Южного Лондона во время войны моя мама влюбилась в его голубые как небо глаза, волнистые волосы и особенно ей понравился его мягкий характер. Он обучал бальным танцам… от вальса до танго. Он играл на фортепиано и аккордеоне — тому, что моя мама не делала из соображений безопасности. Они были прямой противоположностью. Брат матери, Тед, считал, что они идеальная пара и познакомил их после того, как услышал как отец играет на фортепиано. Пусть лучше мама сама расскажет:

«Это было в 1942 году. Война продолжалась уже 3 года. Мой юный брат Тед, большой любитель танцев, подружился с

молодыми музыкантами. Они решили создать танцевальный коллектив, поскольку в то время танцы в местных парках расценивались как летний отпуск. Люди не могли уезжать на отдых из опасения, что их дом подвергнется бомбардировке немцами. Так случилось, что мое первое знакомство привело к свадьбе… конечно, я тогда этого не знала».

Когда мне было семь лет, огромные поля сельскохозяйственных угодий Суссекса решением муниципального совета превратились в район жилой застройки. Это было в 4 милях к западу от Уэртинга. Родители были среди счастливчиков, получивших ордер на жилье, и мы покинули маленькую квартирку почти у крыши дома и въехали на улицу Мелвилл Вэй. С нами перекочевал и монстроподобный представитель семейства мебели. Отец вновь удивил меня тем, как он уселся за него поиграть — он был слишком тяжел, чтобы его можно было надеть на грудь, и слишком велик для меня, чтобы я мог одновременно добраться до клавишей и педалей. Поэтому отец приделал деревянные бруски для «газа» и «сцепления» после того, как я дотянулся до клавиатуры и стал одним пальцем наигрывать простенькие мелодии. Впоследствии мы играли дуэтом, пока в один прекрасный день мне не сообщили, что следует учиться играть на фортепиано правильно. Меня это несколько расстроило, так как я думал, что играю правильно. Оказывается, недостаточно правильно. Нужно было всего–то использовать больше, чем один палец. Все, если говорить точнее, даже те, что на другой руке.

Так, в 10 часов утра субботнего дня мисс Маршалл позвонила в дверь квартиры номер 56. Мисс Маршалл, милая пожилая леди с пухлыми ручками, выглядевшими как пара раздутых резиновых перчаток, ввела меня в мир скрипичного и басового ключа. Второй было легче запомнить, потому что первые буквы формирующих его нот составляли слово[4], а первый можно было расшифровать как «Каждый хороший мальчик заслуживает награды»[5]. Я решил стать хорошим мальчиком, но в награду получил больше ни одного урока. Это расстраивало родителей. Небольшой зарплаты, что отец получал, работая телефонным инженером, а мама — заведующей детской столовой, едва хватало, чтобы прокормить нас, но не на оплату моих тягостных занятий на клавишах. Кроме того, был ли смысл? Я ненавидел быть на виду, терпеть не мог любые публичные выступления, поэтому уроки привели бы только к ненужному вниманию ко мне.

Презрение к свету рампы стало очевидным, когда меня выбрали на роль одного из трёх пастырей в школьной рождественской постановке. Я хотел быть одним из трёх Царей,

но мой вид посчитали недостаточно величественным. Энн Стюарт, восьмилетняя девочка, с которой я часто играл в больничку, по иронии судьбы получила роль девы Марии. Не понаслышке знакомая со школьными рождественскими спектаклями, мама проделала огромную работу с тонной материи и кучей старой мешковины, чтобы я смотрелся подобающим образом, когда выйду на сцену. Я выглядел как взрыв в прачечной.

— Мы должны следовать за той… той… а?

— ЗВЕЗДОЙ! — прокричал суфлер.

Иногда мне разрешалось вместе с родителями посещать общественные мероприятия, организованные местным отделением GPO (General Post Office — почтовая компания Соединенного Королевства, позднее превратившаяся в British Telecom, где мой отец работал главным инженером). Эти мероприятия были подлинными алмазами в обстановке веселья и радости. Большие танцевальные оркестры гремели на весь зал, большие люди кружились в едином порыве по танцполу. Иногда отец, желая продемонстрировать свои таланты, приглашал на танец другую женщину, предварительно спросив разрешения у матери. Мама, под моим бдительным оком, милостиво давала согласие. Я всё пытался понять, как один из музыкантов играл, хотя то, чем он занимался, больше походило на шпагоглотание. Позднее я узнал, что это был тромбонист.

С восьми лет я жил в мире конкурсов и соревнований. Когда я бегал, я скакал галопом. Когда я упражнялся на фортепиано, а школьные друзья звали играть на улицу, (мой попугайчик любил грызть ноты, придавая листам вид бумажных салфеток); я носился галопом по гаммам и *арпеджио*. Я очень хотел играть со своими друзьями в кукурузных полях в ковбоев и индейцев или в Пап и Мам — ещё одну игру, в которую «дева Мария» очень любила. «Покажи мне свою, а я тебе свою». Я почувствовал себя обманутым. У меня был, а у неё нет.

Чувство разочарования от различия во внешнем виде позднее сменилось чувством полного замешательства, когда я поступил уже в мужскую школу в Вест Тарринге. Нам, четырнадцатилетним, рассказывали на уроке по биологии какую-то утвержденную инструкцию о репродуктивной системе человека. Некоторые друзья хвастались опытом в этой области, но никто из них ничего не мог доказать. Все казалось красивым и интересным, но какая женщина разрешит проделать с ней эти вещи?

Кто хочет задать вопрос? Я поднял руку. «А что если захочется в туалет во время этого?»

Удивительно, как класс не взорвался, ибо все хотели знать ответ на этот вопрос. Учитель деликатно продемонстрировал с помощью картинок, что во время эрекции, маленький клапан закрывает мочеиспускательный канал. Но оплодотворение возможно.

— А от этого нельзя сойти с ума, сэр? — спросил кто–то.

— В твоем случае, Смити, очень может быть! Следующий вопрос!

Пройдет ещё девять лет до моего первого раза… вот и все, что можно пока сказать.

Я был безнадежным спортсменом. Мне перепала пара бутс от двоюродного брата Майка. Они были из плотной кожи, совсем не как те, что продаются сегодня. Бег в них походил на бег по полю в ластах. Мяч был ещё хуже — сделанный из тяжелой кожи с лопнувшей камерой внутри. Удар головой — как будто бьешь кирпич. Мне больше по душе был теннис, и я стал капитаном школьной команды. Это подразумевало поездки на турниры в женские школы. Мне это очень нравилось! Одной Каролайн Вирралс с признаками проявляющейся женственности в короткой белой тенниске было достаточно, чтобы перепрыгнуть с шестом через сетку, — без разницы выиграл я или проиграл.

Тем временем, мисс Маршалл решила выйти на пенсию по состоянию здоровья. Следующей учительницей, заслуживающей сожаления, стала мадам Коллиндж, к которой надо было ездить на велосипеде. Она была подлинным воплощением своего титула — властной и импозантной, не выносящая маленьких человечков, не говоря уже о маленьких пианистах. У неё была кот, который облюбовал крышку пианино. В отличие от чеширского кота, этот был большим и черным, встретив взглядом, говорившим, что лучше мне убраться подобру–поздорову к своим маркам.

Я перестал собирать марки, фотография стала новым хобби. Гитара стала меня больше интересовать, чем пианино, и родители подарили одну на Рождество. Отец играл и на ней. Боже! Было ли хоть что–то, на чем он не умел играть? Он выдавал ритмы, сидя на кухонной трубе, что раздражало мать, а я аккомпанировал ему на губной гармошке. Ларри Адлер, а не Сони Бой Уильямсон, был главным представителем губной гармоники в те дни. Как он умудрялся играть многие годы и не проглотить ее? Я тоже хотел хорошо играть.

Время пролетело незаметно, и мне нужно продемонстрировать своё мастерство в игре на фортепиано широкой аудитории, чуть большей, чем близкие родственники (весьма спорное утверждение). Кто хочет услышать произведение

«*Соната Плохая идея*» какого–то древнего композитора? Пройдет много времени, прежде чем что–то серьезное будет сочинено и исполнено — больше, чем до сексуальной инициации. Нужно было избавиться и от других страхов пубертатного периода. Это был очень болезненный процесс, и методы избавления приняли разнообразные формы.

West Tarring School не входила в число школ, из стен которой вышли выдающиеся люди. Туда ходили ребята из семей служащих и рабочих, которые не сумели закончить начальное образование — аттестационный экзамен илевен–плас определяет, пойдешь ли ты учиться в обычную школу или техническую. Некоторые ребята происходили из цыганских семей, пользовавшихся дурной славой. На прилежных учеников нагоняла страх банда школьных хулиганов, известная своими разбоями. Карманные деньги спасали от расправы по дороге домой. Я видел, как у моих друзей быстро снижалась успеваемость, они теряли концентрацию на уроках, если к ним начинали приставать. Мне повезло больше остальных. Следовало предпринять меры, если человек в учебе демонстрировал пассивность. Точнее её можно определить как серьезная форма мечтательности при работе над рифами Флойда Крамера.

Мой приятель, сейчас психолог, а также известный эксперт в области поведения животных, ликовал, когда обнаружил ахиллесову пяту одного хулигана, которого мы больше всего боялись. Он не был таким уж большим, но все расступались перед ним в страхе, когда он шёл по коридору. Люди отводили глаза из страха напороться на режущее как меч: «Чего уставился? Хочешь получить?» Никто не давал отпор, тем самым потакая его безнаказанности.

План друга был прост. «Просто смотри на него и ничего не говори. Просто смотри». Мы тренировались друг на друге, словно это была игра «Кто первый моргнет». Так мы развлекались до тех пор, пока не становилось скучно, затем шли воровать яблоки из местного сада.

В те дни воровство яблок был любимым видом спорта британских школьников, выросших в сельской местности. Чтобы стать асом в яблококрадстве, необходимо хорошо знать местную округу. Разведывая выбранные сады на верных десятискоростных велосипедах, мы знали, как туда проникнуть и что более важно — как оттуда выбраться. Всё планировалось заранее самым тщательным образом. Когда потенциальный объект нападения был выбран, его местонахождение шепотом передавалось из уст в уста всем верным людям.

Мой друг и я нацелились как–то после школы на один такой.

Перемахнув через забор, мы попали в изобилие спелых яблок, соблазнительно свисавших со сгибающихся под их тяжестью ветвей. Казалось, яблоки только и ждали, чтобы два неряшливо одетых, с рубашками из–под–пятницы–суббота и галстуками вкривь, школьничка съедят их. На вражеской территории нужно работать быстро, хватая добро и засовывая в растянутые карманы. В последнюю очередь яблоки отправлялись в растянутую парусом рубашку. Затем обратно через стену и… вот он, наш враг номер один!

— Воруете, значит?

— Кто, мы?

— Ну–ка подогнали мне яблок, быстро!

Я почувствовал дрожь в коленках, пытаясь на практике реализовать стратегию «Как заводить друзей и оказывать влияние на людей» и глядя в упор на самого страшного хулигана. Враг принял устрашающий вид, и я, используя отвлекающую тактику, взял из кармана яблоко и стал его есть. Наконец, нерешительно схватив оставшиеся яблоки, я закинул их обратно в сад, затем смерил хулигана взглядом в стиле Кэрри Гранта — одна бровь вверх, другая вниз, как меня учил друг Питер Кризи.

— Ты псих, Эмерсон — сказал бандит, отступая. — Реальный псих.

Местное хулиганье оставило меня в покое, потому что я играл Джерри Ли Льюиса. «Намано, не трогай его, он лабает рок–н–ролл на пианине».

Ежедневные поездки на велосипеде в тускло–мрачные стены «музыкального будуара» мадам Коллиндж вскоре стали такими же утомительными, как и развозка бакалеи, приносившая, впрочем, мне до 15 шиллингов в неделю. Для этого у меня был специальный велосипед, с корзинкой на переднем колесе, который я нагружал заказами сыра, помидоров и бекона. Тяжелые пакеты не только серьезно нарушали равновесие, но и закрывали вид. Удивительно, как я не превратился в уличную пиццу.

Чудеса обычно даровались святым. И я стал мальчиком в хоре. К сожалению, церковное вино в ризнице со временем разбавилось до консистенции морса. Но жаловаться не стоило, так как вместе с остальными мальчишками, мы выпили его почти полностью. Что ж, зато получили хороший кайф. Вскоре меня исключили за то, что я избил альта Уэйна Уильямса.

Очкарик Уэйн достал меня настолько, что в один прекрасный день за пределами церкви я надавал ему по полной программе. Увидев очки, я вспомнил совет отца не бить очкариков, поэтому перед тем как нанести удар, снял с его лица вышеупомянутый предмет. Викарий позднее с симпатией рассказывал моей матери,

что альта стоило поколотить, чтобы он мог петь как сопрано.

Как–то перед самым Рождеством родители сообщили, что у них нет денег на подарок. Мне было их жаль, но, проснувшись в рождественское утро, я с трепетом обнаружил носок с яблоком, мандарином и горстью грецких орехов. Однако, самым большим подарком стала поездка на Рождество в Лондон к бабушке. Родственники, казалось, заняли каждый уголок и трещину в гостиной на Перси Роуд, где главное место занимало пианино. Никто не обратил внимание на мое замечание, что его настраивал водопроводчик. Оно издавало бодрый нестройный звук, но это абсолютно нормально, когда у тебя в руках стакан вишневого ликера или виски. Мой отец не переносил алкоголь и поэтому с удовольствием садился за инструмент, к вящей радости остальных. Когда я забирался под клавиатуру, чтобы посмотреть, как его руки, наигрывая популярную мелодию, двигаются одновременно в разных направлениях, меня наполняло восхищение. Он поймал мой взгляд.

— Я никогда не смогу играть так, как ты, — сказал я с завистью.

Продолжая играть, он посмотрел прямо мне в глаза и сказал: «Да, не сможешь. Ты будешь играть ещё лучше!»

Это было лучшее Рождество в моей жизни!

Отцовское ободрение стало для меня глотком свежего воздуха в последующие музыкальные годы. Миссис Смит спасла меня от апатии и способствовала моему становлению в качестве исполнителя. Она была молода, замужем и по моим незрелым стандартам сексуально привлекательна. Мне становилось очень стыдно, если я не оправдывал её ожиданий. Я грезил о романе, она же была честна со мной. Вместе с родителями она часто повторяла: «У него определенно есть талант, но все зависит от того, воспользуется он им или нет».

Миссис Смит не подозревала, что у меня появилась сильная страсть к химии другого рода. Эффект, который оказывал калий на цветы и прочие вещества, приводил меня в восторг. Я решил пойти дальше. Если поджечь бертолетову соль (общий гербицид), смешанную с пищевой солью и сахаром, получается ещё более впечатляющий результат. Но куда больший эффект достигался, если эту гремучую смесь запаковать в металлический тюбик, который нужно плотно закрыть с обеих сторон и вставить взрыватель в специально просверленную дырочку. Я не горжусь этим, но наш тайный клуб единомышленников производил грозное оружие, поражавшее своей взрывной мощью. Мы занимались экспериментами в меловых карьерах и вагончиках строителей, пока друг не получил ожог руки во время упаковки

очередной «бомбы». Слухи о группе поджигателей дошли до местной полиции, которая стала обыскивать ранцы учеников при входе и на выходе из школы. Тогда мы не подозревали, что то, что мы делаем, ныне широко используется террористами в грязных целях

3. Банк или музыкальная карьера

Музыкальный фестиваль в Уэртинге, 1956 г.

“A Gavotte” Цильхера повторялся до бесконечности, что даже лишенная слуха мама смогла бы исполнить её на кастрюлях и сковородах. Я находился среди двадцати шести конкурсантов, которым предстояло сыграть одну и ту же пьесу под звон гонга жюри.

Выйти на ринг… первый раунд.

До самой последней минуты у меня были плохо отработаны переходы и развитие, и теперь, под номером семь, я ожидал своей очереди. Миссис Смит посоветовала не слушать выступления других участников.

«Каждый будет играть по–своему. Кто–то быстрее, кто–то медленнее. А ты играй так, как выучил, не обращая внимание ни на что!»

Помимо строгого судьи, скромную аудиторию в зале составляли восторженные мамы и папы, дяди и тёти, дедушки и бабушки. Все они пришли, чтобы поддержать свои чада. Никто не аплодировал, каждое исполнение гавота рассматривалось под микроскопом. Я прошел по безмолвной, пустынной сцене, расставил ноты, беспомощно взглянул на них; сердце бешено колотится, время тянется, казалось бы, бесконечно. Этого достаточно, чтобы взять увеличенный вместо уменьшенного аккорда. Где–то внизу, будто бы за пределами аудитории прозвенел колокольчик, сигнализируя о том, что я должен начинать. Расположив руки над клавиатурой, я сыграл произведение как робот, не замечая всего, что происходит вокруг. Было очень трудно вложить какие–то эмоции в музыку, единственной целью было добраться до конца живым. Я сыграл без серьезных ошибок, собрал ноты, оставив за собой слегка влажный стул, ожидавший следующего товарища по несчастью, и присоединился к группе прошедших испытание. Один за другим проходили конкурсанты. Если мне казалось, что кто–то исполнял пьесу лучше меня, я расстраивался и жалел тех, кто ошибался. Наконец, конкурсанты расселись малыми группами возле сцены, вздохнув с облегчением, что им больше никогда не придется исполнять гавот (станцевать не возбранялось). Судья, Макс Пирани, собрал бумаги, и пока он взбирался на сцену для оглашения вердикта, в зале воцарилась полнейшая тишина.

Не спеша, он перебирал свои записи, а мы в это время ерзали

и извивались как ужи на сковороде в старых вельветовых креслах. Родители и родственники позади нас нервничали не меньше. Наступила пора огласить результат, и Макс Пирани таял в лучах всеобщего ожидания. Остальное прошло как в тумане. Я помню, что вышел из зала с жуткой мигренью. Меня не сильно волновал результат, если он приводит к таким последствиям. На автостоянке мама с папой поздравили меня, но я хотел лишь быстрее лечь в постель, чтобы в тиши и темноте наконец–то обрести покой после столь утомительного дня. На следующее утро, едва продрав глаза, я принялся изучать рецензию на мое исполнение, опубликованную Британской федерацией музыкальных фестивалей. Она гласила:

> Танцующий ритм и достаточно хороший контроль тембра — не кристально чистый, но все же с высокой степенью аккуратности.

Я занял третье место — родители были на седьмом небе от счастья!

Фестивали проходили ежегодно, охватывая все виды искусств: от танца до музыки и декламации стихов. Я с успехом участвовал в конкурсе пианистов, обычно попадая в тройку призеров. Я до сих пор помню парня, который постоянно меня обходил. Думаю, сейчас он владеет мясной лавкой.

Спустя год миссис Смит решила, что мне пора участвовать в конкурсах по исполнению музыки с листа. Та же сцена, то же фортепиано, за исключением того, что лежит на пюпитре. Участники конкурса должны исполнить перед аудиторией музыку, которую до тех пор ни разу не видели. Какое удовольствие получала аудитория, наблюдая за очередным пианистом, тупо таращившегося на нотный лист в ожидании сигнала, было за пределами моего понимания. Участники конкурса старались смотреть на ноты, одновременно думая о том, как нужно расположить руки на клавиатуре. Взгляд на ноты, взгляд на клавиатуру, на ноты, на клавиатуру. Это ошибка. Не важно, что следующий такт будет сложнее предыдущего, простой доиграй до конца. Чтобы избежать жульничества, конкурсантов запирали в комнате, где не было слышно звуков, доносящихся со сцены. Таким образом, никто не мог разобрать, что нужно играть. Это похоже на прием у стоматолога, где не слышно, как работает бор–машина.

— Следующий!

Мы сидели тихо, надеясь услышать хоть что–нибудь, но тщетно. Когда открывалась дверь и появлялся очередной исполнитель с бледным как тень лицом, его ожидал шквал

вопросов.

— Ну и как там? Это какая–то соната? Левой рукой много пришлось играть?

Обычно, отмучившийся был состоянии прострации, а нас быстро утихомиривал взрослый, присматривавший за конкурсантами.

Подошла моя очередь. Мне дали две минуты просмотреть ноты, разобраться в размере и длительности нот. Я промычал под нос места с паузами, чтобы лучше представить, как они должны звучать. Пальцы на клавиатуру ставить нельзя, так же как и имитировать игру в воздухе. Только сидеть. Казалось, прошла целая вечность. Это походило больше на изучение меню, когда ты вовсе и не голоден. Колокольчик все ещё не звенел. Мне становилось неловко от наступившей тишины, а в зале кто–то пытался подавить кашель. Неужели таким образом Джону Кейджу пришла в голову идея «Четырех с половиной минут тишины»? *Исполнитель выходит на сцену, кланяется аудитории, усаживается за инструмент, а затем просто смотрит на него*. Я начал думать — моё главное увлечение в те дни — есть ли у меня нужные краски для аэроплана из пробкового дерева, который я тогда мастерил? Что появится в электронно–лучевой трубке, когда я приду домой?

ДИНЬ! Гонг прозвенел, возвращая меня в реальность, и я набросился распутывать тайну черных точек на белой бумаге. Каким–то образом мне удалось преодолеть их все.

Комментарии жюри:

> Не смотри на свои руки — тональность сперва определена неверно — длительности нот весьма неразборчивы. Сыграно недостаточно свободно, но в целом неплохо.
>
> Общий бал — 76.

В целом неплохо? Я оценивал свои шансы сто к одному!

Джо Хендерсон, известный как «Мистер Фортепиано», вместе с Рассом Конуэем и Унифредом Атуэллом несколько подсластили пилюлю после мучительных попыток сыграть Моцарта и Бетховена. Перед тем как началась массовая истерия по гитаре, эти ребята были настоящими поп–звездами. Во всех хитах ранних шестидесятых в основе композиции звучит фортепиано. Когда я был подростком, то целыми днями просиживал возле нового полированного стереофонического радиоприемника, отыскивая радиостанции в надежде услышать кого–то, кто играет на том же инструменте, что и я.

Лучшие подарки не заворачивали в праздничную обертку, их

дарили в живом виде. До сих пор я помню, как бабушка подарила мои первые ноты с поп–музыкой. Это была “Trudie”. К большому неудовольствию учителя музыки я набросился на изучение со всей страстью. На уроках музыке мистер Мортон часто вызывал меня сыграть что–нибудь. Он был валлийцем и очень любил приложиться к бутылке во время обеда, после чего становился важным как павлин. Во время игры друзья пытались толкнуть под локоть, чтобы я взял целую ноту вместо половиной.

— Хорошо, Эмерсон, сыграй им что–нибудь новое, — говорил он в конце урока. И под радостный гул одноклассников я опрометчиво начал играть свежий хит — “Summer Place” Перси Фэйта, а возможно это была “On the Rebound” (Возвращаясь к жизни) Флойда Креймера.

Такие мини–концерты часто сопровождались бурными аплодисментами, потому что были своего рода отдушиной в череде академических уроков. Когда я покидал класс под одобрительные возгласы одноклассников, мистер Мортон обычно подзывал меня к себе.

— Ты можешь показать мне этот убийственный страйд (стиль джазовой игры) левой руки?

Гуляя по пирсу, я смотрел как, выстроившись в ряд вдоль покрытых солью перил, мужики закидывали удочки в пенящуюся воду и полностью погружались в себя. Я стал наблюдать за ними и вскоре обнаружил, что сам хочу порыбачить.

Начав с маленькой лески, вскоре я перешел на спиннинг. Я узнал, как готовить наживку и где лучше копать червя–пескожила (они оставляют маленькие следы на песке). Разрыхляя землю большим садовым ножом, я надеялся, что моя наживка будет лучшим завтраком для кефали, барабули или камбалы. Однако, оказавшись в числе сотни других рыболовов с точно такой наживкой, я понял, что у рыбы совсем другие вкусы, и на наших червей она никак не реагировала. Поэтому, пристегнув нож к велосипеду, я проехал пятнадцать миль к реке Эйдур, чтобы накопать больших морских червей. Здесь, выше по течению, рыба не могла поймать больших червей, а в низине черви имели привычку кусаться, из–за чего прикормка становилась бесполезным занятием. Это я узнал от одного бывалого рыболова.

«Вся штука в том, пацан, что нужно брать их тепленькими, за голову. Если они тебя укусят, заткни им пасть. Понял?» Благодаря такому нехитрому сравнению я многое узнал о музыке. Я поймал свою первую рыбу — кефаль — и с гордостью принес её домой, а мама приготовила её к приезду бабушки. Я до сих пор следую совету того рыболова.

Пятнадцать шиллингов в неделю, которые я зарабатывал в

бакалейной лавке, была неплохой статьей дохода. Но их всё же не хватало на мои растущие увлечения: конструирование моделей самолётов и фотографию. Не считая плёнки, фотоаппарата, фотоувеличителя, проявителя и фиксажа, а также фотобумаги, вывешивавшейся сушиться вместе с бельем, мне требовалась тёмная комната. В то время как первое хобби нуждалось в открытом пространстве без деревьев, электрических столбов и злых псов в момент приземления, второе требовало темноты и уединения. Ничего этого не хватало.

Возможность зарабатывать больше появилась, когда тетя Венди предложила играть у неё на фортепиано по субботам на уроках танцев. И хотя дополнительные пятнадцать шиллингов не могли не порадовать, работу я ожидал с чрезвычайным волнением. Дело в том, что я панически стеснялся общества девочек. Работа подразумевала игру перед эскадроном цветущих представительниц слабого пола, облаченных в трико. Я не мог сдерживать своё развитие, изо всех сил стараясь скрыть его под клавиатурой пианино (хорошо, что это было пианино!). Будучи в полном распоряжении у тети Венди, я доставал нужные ноты, начиная от чечетки и заканчивая балетом, а в это время динамичный дуэт жил в ритме танца, готовя программу для выступления на Уэртингском музыкальном фестивале.

Одна девочка была блондинкой, другая — брюнеткой. И обе являлись причиной бессонных ночей. В конце концов, я набрался смелости, и во время игры в теннис с Кэрол, пригласил её в кино. Моё первое свидание закончилось тем, что домой я ехал с красным от стыда лицом и болью.

Мои школьные оценки отображали как взлёты, так и падения. В течение года я мог показать отличный результат по английскому, и отвратительный по математике. С 1957 по 1960 год по математике у меня было отлично, но по английскому — неуд. Непостоянство в учебе дополняла тройка по музыке, пока в 1960–м я не получил четверку. Школьный отчет утверждал, что у меня несомненно есть талант, но я сомневаюсь, что он имеет много общего с традиционными гимнами, с которых начинались школьные собрания.

Сборник «Английские гимны» требовал, чтобы каждая строфа начиналась с тонического аккорда, дабы напомнить желающим петь дальше, что они находятся в той же тональности и в том же здании. Я игнорировал это правило, что делало собрания короче. Учителя были рады тому, что могли дольше наслаждаться своим кофе.

После окончания школы в июле 1961 года у меня на руках был оптимистичный аттестат. Вот что написал обо мне классный

руководитель: «Последний год в школе пошел ему на пользу, и он серьезно улучшил свои отметки по всем предметам. Он обладает чрезвычайной сознательностью и в будущем достигнет успеха». Директор школы добавил: «Очень ответственный и надёжный молодой человек».

После летних каникул я поступил в Уэртингский Колледж Дальнейшего Обучения, где стал всем, чем угодно, но никак не ответственным и надёжным. В отличие от школы, там не было никакой дисциплины. От вас ожидали поведения взрослого человека, которое распространялось и на учебу. Если ты учишься — значит, ты учишься, если нет — вам обычно говорили: «Не тратьте наше время, и ваше тоже». Я рассматривал колледж как компромисс, оттягивающий неизбежный момент вступления в реальный мир. Первый семестр принес одни «уды» и «неуды».

Уэртингский Колледж Дальнейшего «Развлечения» неосознанно потворствовал злоупотреблению студентами своими привилегиями. Здесь у тебя был шанс доказать свою значимость и выйти в мир, которому было плевать на твои награды и прочие сертификаты. Мой вклад заключался в том, что я прятал пиво с вином в пианино, располагавшееся в комнате отдыха, приводя его в некондиционное состояние. Ну, возможно, несколько нот «не строили» в верхнем регистре, но когда слухи о заначке дошли до ректора, он попросил сыграть что–нибудь. Звук молоточков, клацающих по бутылкам, мало напоминал соприкосновение железа и струн. Даже немузыкальный ректор быстро понял разницу между «клац» и «динь». Когда открыли крышку пианино, обнажив спрятанное, моя судьба, ровно как и судьба бутылок, была предрешена. Последовало отчисление.

Я помню, как мне было стыдно, когда моя всегда заботливая мама со смущением пошла на прием к ректору с просьбой пересмотреть решение о моём отчислении. Я остался ждать снаружи во дворе, пиная гальку под ногами и чувствуя себя полным ничтожеством. И вот она появилась с таким мрачным выражением лица, что мне захотелось на месте похоронить себя.

— Это твой последний шанс, Кит. Ещё раз, и ты вылетишь отсюда навсегда!

Я попытался вздохнуть, но воздуха не хватало. Мама поцеловала меня. Мне нечем было ответить, разве что своим стыдом. Она села на велосипед и поехала на работу в школу, где служила директором столовой. Правда, это была уже другая школа. Я же понуро побрел на занятия.

Что касается отца, он решил подбодрить меня и купил, как ему казалось, хорошие ноты для фортепиано — Фэтса Уоллера и Джимми Ван Хойзена. С другой стороны, он мог удивить меня,

например, услышав запись Арта Тейтума, воскликнул: «Ты должен играть как он!»

Подобные замечания задевали меня, но заставляли ещё усерднее трудиться, чтобы произвести хорошее впечатление на него. Папа слышал о существовании Уэртингского молодежного джазового оркестра, спонсируемого местным муниципалитетом, и повел меня как–то вечером в четверг на репетицию.

Я сидел тихо позади, а в это время, оркестр истошно репетировал темы Каунта Бейси и Дюка Эллингтона. Когда они закончили, меня представили руководителю Вику Йейтсу, пригласившему меня к роялю сыграть что–нибудь. Вероятно, я сыграл короткий регтайм или «Summer Place» Перси Фейта. Он выбрал что–то из кипы нот и попросил сыграть. Я никогда не видел ничего подобного, со странными знаками поверх нот. Что такое Gm7? Я хорошо учился по химии и, возможно, это было одно из химических соединений, типа H_2SO_4. Вик дал мне стопку нот и предложил выучить пять пьес, сказав, что мы увидимся на следующей репетиции через неделю. Теперь мне пришлось не только репетировать классические произведения для миссис Смит, готовиться к занятиям в колледже, но и изучать музыку, выглядевшую как формула какой–то бомбы, которую надо аккуратно разобрать.

«Возьми “I’ve Got Rhythm”» Гершвина. Все мелодии Арта Тейтума строятся вокруг одной последовательности аккордов».

И хотя я не понимал, зачем нужно менять то, что уже и так работает, я исправно отсылал задания по почтовому курсу джазового фортепиано Джулса Рубинса, рекламу которого я отыскал в газете под названием «*Melody Maker*».

Каждую неделю я получал ноты, по которым должен был разобраться в квинтовом круге, без чего невозможно вникнуть в мир джазовой импровизации. Исправленные уроки затем возвращались мне назад вместе с новым заданием. В начале девяностых я узнал, что бывшая жена моего друга и замечательного поэта Пита Синфилда — Стефани — оказалась дочкой того самого Джулса Рубинса!

Вик был доволен моими успехами. Его оркестр играл на местных мероприятиях вроде званых ужинов или балов. Благодаря музыкантам оркестра я открыл для себя новый мир джаза, первыми образцами которого стали классические альбомы студии «Blue Note».

Джазовая музыка, как традиционная, так и современная, набирала популярность в Британии. Её передавали по радио, она даже попадала в поп–чарты. Кларнетист Монти Саншайн с оркестром Криса Барбера исполнили пьесу Сиднея Беше под

названием “Petite Fleur” («Маленький цветок») и достигли с ней третьего места в хит–параде в феврале 1959–го. “Take Five” Дейва Брубека стала шестой в октябре 1961–го. Той же осенью до второго места добралась “Stranger on the Shore” («Незнакомец на берегу») Acker Bilk’s Paramount Jazz Band.

Джаз разбил колледж на две группы. Были «модернисты», носившие короткие волосы, консервативные рубашки, клубные пиджаки. Они предпочитали «Чернику–дайкири»[6]. Им оппонировали «Длинноволосые традиционалисты», щеголявшие в небрежных свитерах, курившие трубки в стиле Шерлока Холмса. Они пили сидр. Хотя я себя относил к модернистам, но пробовал себя в обоих стилях. От первых я стал цвета рома с черникой, от вторых — оттенка светло–зелёного, в итоге меня вырвало в середине урока по алгебре.

Я создал из участников оркестра собственный коллектив — Трио Кита Эмерсона, куда вошли барабанщик и контрабасист. У меня на руках были все карты, чтобы делать бизнес. Наше первое выступление прошло в клубе стрелков, где мы сыграли все подряд: от джазовых стандартов до “Gay Gordons”[7] из страха быть застреленными. В итоге мы заработали неплохую сумму в 15 шиллингов.

Я до сих пор неравнодушен к химии и, однажды заскучав на уроке, стал обследовать шкафчик под партой. И что же я нашел? Пока лектор стоял к нам спиной, я налил пару ложек цветной жидкости в пробирку и убедил студента справа сделать так же, используя содержимое его ящика, а затем передать пробирку дальше. Всё было проделано незаметно, остальные в это время усиленно царапали карандашами по бумаге, чтобы скрыть секретный рейс пробирки по классу. Наконец, меня похлопали по левому плечу и всучили пенящуюся пробирку, которую по достоинству оценили бы в ужастике студии Hammer.

— А теперь задание на дом. Я хочу, чтобы вы выучили параграфы с 83 по 90 по теме эффекта окисления. Это все, — произнёс лектор.

Пряча бурлящую склянку под пиджаком, я проследовал в мужской туалет, сопровождаемый толпой жаждущих шоу сокурсников.

— Ух ты! Что там у нас?

— Выглядит как котел ведьмы, — заметил кто–то. — Лучше вылить это в сортир.

Я исполнил требование зала и для полноты картины помочился в пробирку.

Бабах! Писсуар раскололся пополам от взрыва, и я чуть не лишился своего инструмента.

— Что за шум? — спросил проходивший мимо учитель, разглядывая помещение из–за двери.

— Ничего, сэр! Просто зашли в туалет, — ответил я, прикрывая задом испорченный писсуар и застегивая ширинку.

Он с подозрением осмотрел на место происшествия, поскольку несколько ребят поднимались с пола. Некоторые, спасаясь, нырнули под двери кабинок и ещё не успели вылезти оттуда.

— Хмм. Отставить! Всем сдать домашнее задание к пятнице, и… что ты делаешь на полу, Смити?

Мои одноклассники вскоре поняли причину взрывной реакции. Поскольку основа мочи — кислота, то что бы мы не создали в пробирке, обязательно станет щелочной средой, предрасположенной к химической неустойчивости, а следовательно, к взрыву.

Летом шестьдесят второго я сдавал финальные экзамены с чувством, что у меня нет ни единого шанса получить проходной балл. Это было время большого напряжения, так как наше будущее зависело от результата экзаменов. Тем временем, школа нас поощряла проходить производственную практику в местных компаниях в надежде, что это вызовет в нас желание посвятить себя какой–либо профессии или откроет какой–нибудь талант, необходимый для нашей будущей карьеры. Мне нравилась химия, и я надеялся, что это станет моей профессией, пока не посетил химическую лабораторию. Тогда я круто изменил своё мнение. Я обнаружил, что у человека, любезно показавшего нам лабораторию, не было руки! Если бы он играл на фортепиано, у него не было бы никаких шансов на успех. Он потерял руку во время производственной аварии, и я пересмотрел своё решение посвятить себя химии.

В 1962–м году заявить руководителю практики о том, что ты хочешь стать музыкантом, было эквивалентно тому, что дегенерат пойдет записываться в десантную школу — это означало лишь тратить его время. Быть музыкантом не рассматривалось как серьезная работа, и мои родители поддерживали это мнение.

— Играй в свободное время, — советовал мне отец. — Хорошо иметь дополнительный заработок по выходным, но у тебя должен быть стабильный доход. Жизнь музыканта не безоблачна. Работа в государственном учреждении, как моя, намного надёжнее.

Поэтому я искал надёжную работу, поближе к дому, чтобы я мог упражняться на фортепиано в любой удобный момент.

Внушительное здание в трёх милях от нашего микрорайона было построено для Департамента регистрации Ллойдс Банка.

«Кандидаты должны обращаться к руководителю филиала мистеру Уэллсу». Ну, я и обратился.

Им так срочно требовались сотрудники, что меня приняли без аттестата зрелости, который я получил позднее. У меня была лишь одна хорошая оценка, по химии. Вряд ли это пригодится в работе с деньгами вкладчиков, но, пожалуй, будет полезным, если вы захотите их отобрать.

Меня определили в компьютерный департамент, я был весьма разочарован тем, что напрямую с деньгами иметь дело не приходилось. Работая на оборудовании IBM, одетый в обязательный белый халат, я приобрел ложное чувство почтительности и ответственности перед начислением дивидендов для Shell Transport и других компаний с непонятными названиями. Но прошло совсем немного времени, и ничтожность этой работы охватила меня со всей полнотой и абсолютной скукой.

Родители были рады, что у меня есть стабильная работа и всё, казалось бы, идет в нужном направлении. Поэтому они благосклонно воспринимали музыку, которую я слушал, хотя иногда она находилась за пределами их понимания. По крайней мере, я не рассчитывал зарабатывать музыкой на жизнь, а такой образ жизни, по их мнению, воспевать не стоит. То, что я не умел петь, устраивало наших соседей. Им хватало моего бренчания на пианино.

Выступлений становилось больше. Если нам не платили, это не имело значения, потому что у меня была «постоянная» работа.

Новости о сейшнах распространялись со скоростью ветра, и где бы они не проходили, музыканты быстро собирались там, чтобы поиграть.

Таким местом был, например, Harrison’s Bar в Брайтоне. Он был прибежищем для матросов и девушек лёгкого поведения. Им было не важно, кто и что играют на сцене, поскольку в зале стоял невообразимый гул. Зато там можно было экспериментировать, что для джаза особенно важно. Здесь я встретил человека, который изменил представление и обо мне, и о музыке, которую я играл. Его имя — Джед Армстронг. Местные музыканты звали его Нодди из–за агрессивной манеры игры на ударных и раскачивания головой из стороны в сторону. Он обрушивал шквал ударов на тарелки, бомбил бочку и творил чудеса левой рукой по рабочему барабану. Если солист был в ударе, то он ободряюще вопил «Йееее!» Джед был шумным. Не просто шумным, мы с ним были одинакового знака — Скорпиона. Это как если бы Сал Парадайз встретил своего героя Дина Мориарти в книге Керуака «*На доро*ге».

Мы разговорились, и он пригласил меня выйти и сыграть. Хотя я не чувствовал, что играю на уровне, Джед вытащил меня на сцену и поддерживал на первых порах. Обычно он посмеивался надо мной, когда я играл попсу, и тогда он старался быстро перейти к чему–то другому. Джед придерживался твёрдых взглядов на всё: от записей до манеры одеваться и вести себя в обществе. Я прислушивался к его мнению. Вообще–то он был очень серьезным, но любил шутки в стиле Лени Брюса. Мы встречались время от времени в пабах, играли вместе или просто сидели у него дома, слушая джазовые пластинки, а он обычно курил странно пахнущие сигареты. Джед был очень замкнутым человеком, жил с матерью, которую я никогда не видел, хотя её присутствие в доме ощущалось. Его фирменные рубашки «Austin Reed» были идеально выглажены, «Ливайсы», штиблеты и клубный пиджак всегда вычищены — по–видимому, его мамой, никогда не появлявшейся перед гостями. Его друг, Боб Спэнсуик, тоже барабанщик, был полной противоположностью Джеда. Неряшливо одетый, он вечно болтался с сигаретой во рту, а зарабатывал на жизнь ловлей рыбы. Я едва избежал освистания за «работу с этими мажорами из банка».

Он был прав! У меня не было ничего общего с теми или на кого я работал. Они, вероятно, считали меня чудиком, так как во время обеда я предпочитал в столовой сидеть один, в то время как остальные собирались большими компаниями, травили байки и анекдоты, над которыми дружно смеялись. Быстро закончив обедать, я искал покоя в комнате отдыха, где, к моей беспредельной радости, стояло пианино, и я мог на нём разрабатывать новые идеи. Единственным моим слушателем был Вэл Чизмен. Обед заканчивался слишком быстро и пора возвращаться к работе, чтобы постоянно поглядывать на часы. Иногда я нарочно резал перфокарту, как будто её зажевал сортировщик компьютера, чтобы иметь возможность пройти в отсек машинисток и перепечатать испорченную карточку. Я был слишком застенчив, чтобы завести роман с кем–нибудь из них, но все же надеялся, что кто–то из девушек сама проявит инициативу.

В конце концов, я попросился перейти в канцелярию. Вкладывать бумагу в конверты — хоть какая–то физическая нагрузка, в отличии от нудного наблюдения за работой компьютера IBM. Но переход привел к тому, что я оказался под опёкой мистера Уэллса, все больше и больше приходившего к выводу, что я не гожусь для работы в банке.

В пабе «У Харрисона» в обычное воскресное утро, заказав дайкири–чернику, расположившись у шумного и липкого бара, с Джедом на сцене, ты с трудом различаешь музыку во всеобщем

гвалте. Оркестр кончает играть и следующий в очереди — я, с Годфри Шепардом на басу. Джед остался за барабанами, и мы начали “Straight No Chaser” Телониуса Монка. Зал ходит ходуном, не обязательно от нашей музыки. Я поднял глаза с клавишей и увидел, что у Годфри на голове пара женских панталон, и он пытается глядеть на струны сквозь штанину. По всей видимости, одна из дам, отрабатывающая свою смену, потребовала песню группы под названием The Beatles, а когда Годфри отказал, она задрала платье, спустила панталоны и накинула их ему на голову, обозвав Годфри «Контрабасная пизда месяца».

Миссис Смит научила меня всему, что знала. Она хотела, чтобы я поступил в Королевский музыкальный колледж в Лондоне. Если бы она видела наши выступления в пабе, после всего, что она сделала для меня — это её сильно расстроило. Я был перед ней в неоплаченном долгу за её внимание и заботу. То, что она разглядела и ценила мой талант, всегда меня поддерживало. И я с неохотой попрощался с ней, чтобы дальше не расстраивать.

8:50. Проспал. Изматывающий десятиминутный бросок до работы на верном велосипеде позволил мне успеть плеснуть воды на лицо, смыть пот и сажу после ночи в пабе, причесаться и занять рабочее место.

Чем мы сегодня будем заниматься? О да, все тем же самым — вкладыванием бумаг в конверты. Вот это прикол!

Мы коллеги изо всех сил пытались не замечать мое разбитое состояние, пока я копался в бумагах Я не заметил, что мистер Уэллс увидел, как я засунул не то нужное письмо в чужой конверт, не то ненужное письмо в нужный конверт. Короче, что бы там ни было, одно не соответствовало другому. Крепко сцепив руки за спиной, он твёрдо вышагивал по коридору, принимая важные решения, например, где должен располагаться шкаф с папками. Сейчас ему требовалось принять куда менее важное решение обо мне, и это заняло меньше времени, чем выбрать место для шкафа. В 10:00 меня вызвали к нему в кабинет, и мои сослуживцы дали понять, чем может закончиться вызов, а именно — УВОЛЬНЕНИЕМ.

Войдя в святая–святых, я сел напротив него у обитого кожей стола, пока он просматривал какие–то бумаги. Наконец, он взглянул на меня: «Я понимаю, что вы весьма искусный пианист».

Я безмолвно пожал плечами.

— Наши сотрудники доложили мне о ваших упражнениях в комнате отдыха.

Я попытался показать, что не верю. Возложив руки на роскошный стол и наклонившись ко мне, он произнёс: «Вероятно,

ваше будущее лежит не в банковской сфере, мистер Эмерсон».

Это утверждение отозвалось созвучием хаоса и ужаса, когда я представил реакцию родителей на то, что становилось неизбежным.

«Нет, сэр, я хочу работать в банке. Музыка — это, так, хобби».

Если бы я был Пиноккио, мой нос проткнул бы кожаную обивку рабочего стола.

«У меня есть серьезные основания Вам не верить, я даже предполагаю, что музыка — ваше главное увлечение, отвлекающее от работы здесь. Поэтому я назначаю Вам испытательный срок на шесть недель!»

Аудиенция окончилась, и я в шоке вернулся на рабочее место. Я не мог рассказать родителям об этом. И я решительно принялся за работу, жертвуя перерывами и обедом. Я обрабатывал корреспонденцию Shell Transport и Trading Dividends быстрее, чем они производят свою продукцию, и следующие шесть недель прошли в стиле «дивиди–дивиди–ду–да» под бдительным оком мистера Уэллса.

Некоторое время я даже думал, что серьезным образом укрепляю положение банка. Это меня немного расслабляло. Я разгуливал с блокнотом, пристально осматривая помещения, хмуря брови, покусывая кончик карандаша с видом глубокой концентрированности, делал какие–то пометки в блокноте и снова совершал обход. Если это не могло убедить начальство — то что тогда? Я изображал кипучую деятельность. Тем временем, я нашел милое уютное местечко между шкафами, в котором находил покой и уединение. Мистер Уэллс сюда никогда не заходил — за ним водилась привычка входить без предупреждения.

Я усаживался почитать музыкальную прессу: *Melody Maker* рассказывал обо всем, что происходило на стремительно менявшейся музыкальной сцене. Всё, что я слышал по радио, происходило из Лондона. Из того, что я понял из прочитанного и услышанного, хороших клавишников на зарождающейся блюзовой сцене Британии просто нет. Кроме Брайана Оджера, Джорджи Фейма и Грэма Бонда других клавишников в поп–музыке уровня Дейва Брубека было раз–два и обчелся. Из своего опыта игры на всяких развалюхах с клавишами, я понял, что рано или поздно мне придется купить собственный портативный инструмент, с которым можно ездить на концерты.

Я оторвал глаза от газеты, ноги в это время покоились на полке шкафа, и одного взгляда было достаточно. Глаза мистера Уэллса встретились с моими. Меня не уволили, просто посоветовали, что для всех будет лучше, если я сам напишу

заявление. Домой я шёл после прощальной пьянки в состоянии унижения, во время которой я с час проторчал в туалете, где купленное для меня мартини выбиралось обратно. Я провалил попытку выйти в порядочное общество и к стыду своих родителей пополнил ряды безработных.

Это, а также ночная жизнь, по мнению отца, представляло моральное разложение, с чем он боролся изо всех сил. Он пришел домой раньше обычного, когда я отрабатывал особо сложный фрагмент пьесы, над которой трудился последние две недели.

— Ты до сих пор не можешь сыграть правильно? — орал он на меня, хлопая за собой дверью.

Я злился на себя и на то, что он пришел так рано, но это подстегивало меня работать усерднее. Я играл пассаж раз за разом, но чем больше играл, тем труднее он мне давался. Наконец, я в сердцах грохнул кулаками об клавиатуру. Дверь внезапно открылась, и мой старик смотрел на меня как бык на красную тряпку. Отец не был атлетом, но и слабаком его сложно было назвать. Раньше он никогда ни на кого не нападал, но по его лицу было ясно, что сейчас это впервые произойдет. Я вылетел из комнаты в сад, отец за мной следом. Обнаружив, что загоняю себя в ловушку, я схватил грабли в надежде отбиться от него.

— Не трогай меня! — кричал я на отца.

Так мы и стояли, глядя друг другу в глаза. Никто не хотел наносить увечья… но если бы до этого дошло? Я всё ж надеялся, что этого не произойдет. Я любил своего отца!

В конце концов, отец развернулся и пошел в дом, а я залез под розовый куст. Нам обоим было паршиво. Я сел на велосипед и, с твёрдым намерением уйти из дома, поехал в центр города посмотреть на пенсионеров, играющих в боулинг в парке… пока не проголодался и не пополз домой. На кухне мама тихонько сунула мне под нос сэндвич. Музыка во времена моего взросления была чем–то вроде позорного пятна на репутации нашей семьи. Отец не желал больше слышать мои атональные бредни, пока он был дома. Со мной он также не желал разговаривать. Меня отлучили от пианино и подвергли остракизму.

Иногда я искал утешения и понимания у Джеда Армстронга. Мы часто слонялись по городскому пирсу или ездили в Брайтон на сейшны, а то и просто заваливались к нему домой послушать альбомы фирмы Blue Note. Джед научил меня тому, что не проходят в школе. Например, кричать во время игры, цитировать джазовую философию, ссылаясь на Гурджиева (армянского мистика и философа). Джед считал, что Гурджиев написал Джазовую Библию. Мое христианское воспитание и вера в

загробную жизнь серьезно пошатнулись.

— Мы похожи на растения, — разъяснял Джед теорию Гурджиева. — И умрем мы как растения.

Размышляя над унылой перспективой умереть как гвоздика, я вернулся домой, включил газ. Соло Уинтона Келли крутилось в моей голове. Должна быть и другая жизнь! Если это значило быть вне закона, я с удовольствием присоединюсь к тем, кто играл и умер за музыку, в которую они верили. Но сперва я должен поверить в себя, стать личностью и начать зарабатывать на жизнь.

Главной проблемой пианистов было отсутствие нормальных рабочих инструментов на всей территории Суссекса. Большинство инструментов постигала одна и та же участь: на них проливались напитки, о клавиши тушились окурки. Когда я впервые услышал «Walk on the Wild Side», я был просто ошеломлен. До этого я думал, что орган может находиться либо только в церкви, либо в развлекательных залах, где проводят сеансы игры в бинго. Джимми Смит ревел на органе.

После того, как участники Трио Кита Эмерсона собрали свои инструменты, я подошёл к музыкантам группы, игравшей в тот вечер с нами. Клавишник впечатлил меня, в основном за счёт того, что он играл на портативном органе под названием «Bird». Его инструмент было слышно в зале! Он показал мне, как легко можно разобрать орган и сложить его в багажник машины. Я ни на минуту не сомневался — мне нужен такой же инструмент, но для этого необходимо найти работу и заработать деньги. Я устроился бухгалтером по учету затрат на фабрику по производству телетайпов в Брайтоне. Час езды на туда и ещё больше обратно домой — это была ещё одна гнетущая работа, со скучными шкафами для документов и ещё более скучными людьми. С нетерпением ожидал я наступления уикенда, чтобы съездить в Портсмут и полюбоваться на мой будущий «голос». Это был мой личный крестовый поход. Я слишком долго играл на плохих инструментах. В конце концов, отец обратил внимание на мою цель и решил составить план: ведь у меня теперь была работа.

Я откладывал и откладывал деньги, и, наконец, мне удалось собрать двести фунтов на орган «Bird», который я так мечтал заполучить. Отец отвез меня в Портсмутский органный центр, где я уселся за инструмент прямо в демонстрационном зале и стал играть. Звук органа отца не впечатлил. Продавец, заметив реакцию отца, отвёл нас в другую комнату, сказав при этом: «Так, прежде вы примете решение, сэр, вам следует попробовать *это*».

Это был он! Сияющий в великолепии красного дерева — Хаммонд–орган модели L100. Я поиграл и на нём. Вот это был

звук! Отец был согласен, но у меня не хватало денег ни на первый взнос, ни на аренду.

«Ты должен его заполучить, он намного лучше, чем от орган», — прошептал мне на ухо отец, в то же время отсчитывая деньги. Покупка инструмента поставила меня в тупик: каким образом я буду возить его на выступления, не говоря уже о взносах, которые мне придется платить за бесконечно длинный кредит?

«Леди и джентльмены, к вашим услугам — мистер Кит Эмерсон на Хаммонд–органе!»

Мой дебют с новым инструментом состоялся в бинго–холле в Брайтоне. У отца был друг с фургоном, который доставил нас на выступление. И теперь отец гордо стоял за спинами престарелых игроков, слушая, как я играю «Tico–Tico», пританцовывая на басовых педалях подобно обезумевшему Фреду Астеру. Народ ломанулся в бар из–за того, что синхронность игры рук и ног оставляла желать лучшего. Мне заплатили двадцать пять фунтов плюс пять фунтов за перевозку. Это облегчило кредитную нагрузку, а тем временем по городу быстро распространился слух о «каком–то парне», играющем на Хаммонд–органе, большой редкости в те дни.

Блюз становился основой музыки, которую позже назвали ливерпульским саундом. Мы с Джедом смотрели на это с чувством глубокой печали.

— Боже, эти парни называются Rolling Stones! Ты их видел? Они просто уроды, и они пачками сдирают риффы Мадди Уотерса. В них нет души, только барабанщик демонстрирует хоть какое–то чувство стиля, — возмущался Джед.

— Каким образом?

— Он хотя бы носит клубный пиджак.

Тот факт, что они пытались звучать по–черному, в то время как вели себя как самая дерзкая шпана, не лезло ни в одни ворота. Моей целью было найти свой стиль.

Я собрал группу под названием John Brown’s Bodies. Мы играли в клубе «Pop Inn» в Брайтоне. Джеда в группе не было. Мне казалось, что Джед не согласится с некоторыми коммерческими элементами, которые я хотел ввести. Но дух Джеда всегда витал рядом, он и сейчас со мной. Существенным плюсом в составе JBB кроме органа, гитары, баса и барабанов был фургон одного из музыкантов. Pop Inn был блюзовым клубом, где выступали Georgie Fame’s Blues Flames и Graham Bond Organisation. Гэри Фарр (сын чемпиона по боксу в супертяжелом весе Томми Фарра, единственного британского боксера, выдержавшего бой с Джо Луисом) руководил группой T–Bones.

Они уже выступали на Фестивале блюза и джаза в Ричмонде, аккомпанируя Сонни Бой Уильямсону. Ещё они выпустили сингл «One More Chance», который медленно взбирался на вершину чартов. Это был попсовый номер, едва олицетворявший аутентичный блюз, что T–Bones играли на сцене. Я поджемовал с их барабанщиком Брайаном Уокли в баре «У Харрисона». Он рассказал об этом Гэри, устрашающего вида парня, который растягивал слова в дикой смеси валлийского и суссекского акцентов. На самом деле Гэри был классным фронтменом, замечательным блюзовым вокалистом.

— Я хочу, чтобы ты играл в моей группе, — прорычал Гэри.

Я глянул на Брайана Уокли, который кивал головой, чтобы я быстрее согласился. С ним в группе я был уверен, что музыка останется в пределах моих норм приемлемости.

— Когда я начинаю?

Я быстро написал заявление об увольнении на фабрике, они быстро его приняли, пожелав удачи. Я с облегчением вздохнул: мне больше не придется по утрам совершать утомительные поездки на поезде.

4. Наращивая долю в акциях T–Bones

Отношения с отцом, после того, как я ушёл с фабрики и присоединился к T–Bones, вернулись на прежний уровень, что были после увольнения из банка. По крайней мере, сотрудники банка подарили мне на память будильник. В этот раз мне не презентовали ничего, и атмосфера дома была натянутой.

Агентство, занимавшееся делами T–Bones, находилось в Лондоне и называлось Marquee Artists. Менеджером группы был Джорджио Гомельски, который также опекал и The Yardbirds. Наряду с другими участниками группы — гитаристом Уинстоном и басистом Стю, я получал двадцать фунтов в неделю. Мы мотались по всей Англии, играли блюзовые стандарты типа “Louisiana Blues”, “Hideaway”, “Jump Back” и даже “The Cat” Джимми Смита с “Honky Tonk Train Blues” Мида Люкс Льюиса. Резидентство на сцене знаменитого клуба «Marquee» звало и манило.

В тот период времени я всё ещё жил с родителями. Группе я объявил, что бесценный орган нужно возвращать домой после каждого концерта. Поэтому обычно нам приходилось разгружать фургон в два часа ночи посреди микрорайона, в котором я жил. С шумом и грохотом мы заносили инструмент домой, а мама с папой делали вид, что спят у себя наверху. Орган весил 350 фунтов[8], и требовалось усилие всей команды, чтобы его занести. В два часа ночи группа редко когда бывала трезвой. Путаясь и спотыкаясь, парни налетели на пианино, находившееся в той же комнате. Шум от нас, должно быть, раздавался на всю округу.

На следующее утро мама заботливо протирала мой Хаммонд от последствий предыдущей ночи. Она стоически переносила новые шрамы, неизбежно появлявшиеся раз за разом. Большой мир звал и манил, давая понять, что пришло время покинуть гнездо. Мама с трудом сдерживала слёзы, в то время как отец, казалось, всё больше и больше отдалялся от меня. Упаковав мои чемоданы, мама не выдержала, села на кровать, эмоции захлестнули её полностью. Слёзы, слёзы, слёзы. Я не знал, что делать, мне казалось, что я поступаю опрометчиво. Но я должен был это сделать, не для группы, не для себя, а ради неё и отца. Это был мой единственный шанс достичь чего–то в жизни. Я должен уехать в Лондон — центр мироздания. Думаете, я не чувствовал жалости к родителям? Конечно, чувствовал. Отец с матерью воспитывали меня, давали советы, поощряли, но стрелу рано или поздно надо выпускать. Я должен попасть в цель,

обратного пути нет. Я должен попасть в цель для них, пусть это будет маленькая цель.

Клуб «Cavern» дал жизнь тому, что мы теперь гордо именуем «ливерпульской сценой». Неудивительно, что The Beatles завоевали юг так быстро. Cavern вонял хуже любого туалета, который мне доводилось посетить. Полной противоположностью (розами там не благоухало, но все же) ему был клуб «The Crawdaddy» — видавшее вид заведение в Ричмонде, графство Суррей. На подмостках клуба родилась вся блюзовая сцена Англии. Джон Мейолл был отцом–основателем, а его Bluesbreakers выковали кадры для будущей многоликой британской рок–сцены. The Yardbirds, The Stones, Cream, Led Zeppelin и The T–Bones — все они вышли из одной конюшни. T–Bones были блюзовыми пуристами, но не возражали против сотрудничества с джазовыми музыкантами в поиске новых направлений, тем более, что было куда расти.

Перед моим появлением состав T–Bones состоял из Гэри Фарра — вокал и губная гармоника, Уинстона Уезеролла на гитаре, Стю Паркса на басе и Брайана «Легза» (Длинноногого) Уокли — ударные. Я со своим 160–килограммовым Хаммондом заменил ритм–гитариста Энди МакКекни. Вскоре я привык к ночному образу жизни. Как минимум год меня посещал ночной кошмар, в котором я возвращался в банк, чтобы отработать там ещё месяц во искупление грехов. Это был яркий, очень реалистичный кошмар, и я обычно просыпался в холодном поту в своей маленьком одноместном номере в Sussex Gardens Hotel.

Отелем это было можно назвать чисто номинально. В номерах не было туалетов, поэтому безопасней и быстрей справить человеческие нужды можно было прямо в раковину в четыре утра, чем на ощупь шариться по коридору в поисках выключателя общего туалета. По утрам в порядке вещей за завтраком можно было натолкнуться на Gerry and the Pacemakers или Herman's Hermits. У входа в ожидании своих хозяев стояли груженые аппаратурой фургоны, готовые отправиться на север, юг, восток или запад.

Мы придумывали развлечения для себя во время бесчисленных поездок из Лондона в клубы и университеты Англии, Шотландии или Уэльса. Мы разучивали блюзовые темы, покупали книги с театральными пьесами, распределяя между собой роли, и устраивали представления прямо в тесном фургоне. «*Сторож*» Гарольда Пинтера пользовался особой популярностью, потому что в нём задействовано всего три персонажа. У меня был кожаный чехол от органа, на котором можно было удобно растянуться позади сидячих мест, особенно по дороге домой

после выступлений. Мы кидали жребий: кто получит лучшее место (рядом с водителем), но поскольку я не трогал другие инструменты, то спал на крышке своего органа. Теперь я смело могу заявить, что жил и спал музыкой.

На второй неделе ночных выступлений в сырых и грязных клубах, мой двадцатилетний организм дал сбой. Я подхватил жесточайшую простуду. Я не мог пропустить выступления, так что, потея и кашляя перед аудиторией, я в конце концов схватил пачку салфеток и зашёлся в сильном приступе кашля. Гэри и остальные ребята шутили и посмеивались надо мной, пока я не открыл окно и с силой выплюнул мокроту прямо в бурю, разыгравшуюся снаружи. Наступила полна тишина.

— Теперь доволен? — спросил Гэри.

— Да, спасибо, — ответил я, испытывая облегчение в носу и лёгких.

— Ты действительно доволен? — повторил Гэри, вынуждая меня посмотреть на него. Он глядел на меня, в то время как жирная сопля свисала с его волос до самых плеч. — НЕМЕДЛЕННО ВЫТРИ! — проревел он.

И я сделал, я должен был!

Когда бы T–Bones ни выезжали на гастроли, «Marquee» оставался для нас родным домом. Ты едешь по шоссе M1 в четыре утра, чтобы получить свою тарелку с картошкой и бобами, и побалагурить с другими музыкантами из Лондона, исповедующими такой же образ жизни. Обычно мы вползали в Лондон настолько рано, что редкие скворцы начинали свои песни, отдававшиеся эхом на пустынных улицах. Мы проезжали следом за молочниками и разносчиками газет. Бутылки с молоком и газеты, оставленные без присмотра, превосходно дополняли наш завтрак. Когда мы разбредались по своим постелям, город только просыпался.

На сцену «Marquee», без предварительной репетиции, прямо из Америки прибыл Ти–Боун Уокер, собственной персоной — легендарный блюзовый музыкант, творчество которого было образцом для группы Гэри. Нас удостоили чести аккомпанировать ему, и мы вели себя как дети, старавшиеся угодить во всём. Это на самом деле был Блюз с большой буквы. Первоклассная вещь! Gary Farr and the T–Bones уже играли Сонни Бой Уильямсоном перед моим появлением в группе, но теперь к нам пожаловал сам Ти–Боун Уокер.

— Играем в тональности соль, — кричал он нам, задавая ритм, в то время как мы должны были быстро подстроиться. — Соло… *ты*!

Ти–Боун смотрел на меня: «Ну и что ты делаешь? Фигачишь

какое–то клише Биг Джона Паттона? Именно!»

После концерта он сразу же свалил: забрал свой гонорар и был таков. Нас, как аккомпанирующий состав, отвели в индийский ресторан прямо за углом отеля, где мы жили. Мы поглощали карри с жареной картошкой, а Гэри развлекал нас тем, что выпивал пинту пива за шесть секунд. Уинстон и Стюарт отстали буквально на секунду. Они много курили и поглощали всё, до чего могли дотянуться.

— Давай, попробуй вот это, — они подсунули мне горсть таблеток, похожих на леденцы.

— А что они делают?

— Не бери в голову, просто попробуй.

Я отказался и меня подняли на смех.

Перед выступлением в «Marquee» Стю выкурил особенно большой косяк. Мы отыграли первый номер, и Стю вдруг обнаружил, что не подключил бас к усилителю. Когда он наконец услышал себя, то так обрадовался, что стал прыгать по сцене, совершенно забыв о низких потолках. Один слишком высокий прыжок, и Стю без сознания лежит на полу. Бэнд продолжает играть. В конце концов он пришел в себя и смог играть в горизонтальной, зато статичной, позиции. Должен отметить, что Гэри был не слишком доволен. После концерта в гримёрке произошла ссора, ставшая началом конца пребывания в группе Уинса и Стю. Рикки Фарр, брат Гэри, взял бразды правления группой, хотя официально не являлся менеджером. Тони Секунда официально был нашим менеджером, после того, как Джорджио Гомельски сосредоточился на The Yardbirds. Но все–таки наше агентство регулярно отправляло нас в турне.

Это произошло в четверг, 18 ноября 1965–го года. Мне уже исполнился двадцать один год. В то время были очень популярны сборные турне. Расходы минимизировались за счёт общего оборудования и одного автобуса. Главными звёздами «Марки–шоу» были Manfred Mann и The Yardbirds (с Джеффом Беком на гитаре). На разогреве выступали Пол и Брайан Райаны, а также сатирическое поп–трио The Scaffold с братом Пола МакКартни Майком. Goldie and the Gingerbreads иногда замещали Инес и Чарли Фоксов. Мне стыдно признаться, но я любил Goldie and the Gingerbreads. У них был хит под названием “Can't You Hear My Heartbeat?” («Разве ты не слышишь, как бьется моё сердце?»), а Марго очень посредственно играла на басовых педалях Хаммонд–органа. Наконец, список замыкали The Mark Leeman 5, чей барабанщик Брайан Дэйвисон волею судьбы в будущем присоединится к моей группе The Nice.

Вот как вспоминает Брайан тот тур:

> Манфред Мэнн и Кит обычно первыми выходили из автобуса, чтобы проверить своё оборудование. Кит тогда был ещё совсем молокососом. T–Bones были в нижней части списка, но Киту не нравилось играть второстепенную роль в группе. Гэри я запомнил больше, чем Кита. Он пригласил меня к себе в гримёрку и предложил выпить сидр. Я был польщен, пока не попробовал его. Я подавился и меня вырвало. Сидр смешали с метиловым спиртом!

Manfred Mann закрывали шоу, потому что у них было больше хитов. «Doo Wah Diddy Diddy» был одним из них. «There she goes just a–walking down the street, singing…» (Вот она идет по улице, напевая…) и «Shaking her ass with her knickers round her feet, singing…» (Аппетитно покачивая туго обтянутой трусиками попкой, напевая…). Наблюдая за их выступлением из зала, я никак не мог понять, почему тот же инструмент звучал громче, когда Манфред играл на нем. Добрый роуди рассказал, что видел, как Манфред убавлял громкость усилителя Leslie перед выходом T–Bones. Перед последним концертом тура я врубил его на полную мощность, и мы затмили всех. Манфред Мэнн больше со мной не разговаривал.

Джефф Бек был неотразим. Без всяких примочек типа фузза он создавал необычные звуки на своей гитаре. Он явно разочаровался в поп–ориентированных Yardbirds. Я симпатизировал Джеффу, тем более, что T–Bones двигались в том же направлении.

Нужно было серьезно подумать над тем, как зарабатывать больше двадцати фунтов в неделю, которые платила нам контора. Гэри и его брат Рикки стали искать замену Уинсу и Стю. Я был в группе меньше года, и мне казалось, что всё разваливается. Газета *The Argus* написала 14 января 1966 года:

> Окончательный разрыв между участниками оригинального состава произошел в прошлом месяце. Гитаристы Стюарт и Уинстон были уволены, их заменили два парня из Лондона. Теперь Gary Farr and the T–Bones не могут называться брайтонской группой.

Они немного перепутали: один из парней был не из Лондона, а с севера — джорди[9]. Он стал моим многолетним другом, Ли Джексон.

Мы с Брайаном Уокли наблюдали за переменами, инициатором которых был Рикки Фарр, смутно понимая, что к чему. Вопреки нашим музыкальным взглядам и причине, по

которой я присоединился к группе, мы постепенно отходили от блюза и джаза. Когда появился гитарист Сирано — копия Пита Таунсенда, выводивший громкость усилителя за 11 децибел, это предвещало конец света. И хотя Гэри и Рикки убеждали меня, что перемены только к лучшему, я сомневался всё сильнее, когда мне пришлось обучать Сирано аранжировкам. Ли быстро схватывал и методично занимался. Он уже поиграл с Джоном Мейоллом и Алексисом Корнером, а Сирано даже не знал, что означает Am7. Мне жутко надоело каждый раз объяснять структуру аккордов. Гэри с Рикки были твёрдо уверены в своём выборе. Я продолжал работать, и постепенно новые T–Bones набрали форму и могли выступать. Но Брайан Уокли решил уйти из группы и вернуться в оркестр, игравший на лайнерах в морских круизах.

Обновленная команда переехала в дом на Лэдброк Гроув[10]. Последний этаж в доме 4 по улице Кембридж Гарденс состоял из двух скромных комнат, совмещенного санузла и маленького кабинетика. В каждой комнате стояла маленькая плита, раковина и кровать. Под кроватью подразумевался матрас, брошенный на пол. Я недолго занимал кабинет, а Гэри с Ли жили в большой комнате. Совместная жизнь, по нашему предположению, должна была положительно сказаться на творчестве. Вдохновения Гэри придавал роман с домовладелицей, который по моему разумению мог принести нам пользу, если бы вдруг мы не смогли оплачивать ренту. Но это была скоротечная связь, после чего она деликатно его отшила: «Найди себе ровесницу». По–настоящему из нас так никто не повзрослел. В доме номер четыре на Кембридж Гарденс прошло наше второе детство.

У Гэри было духовое ружье. Ему захотелось увеличить его скорострельность, и он вставил капсулу твёрдого топлива в магазин ружья. После чего аккуратно щелкнул затвором, чтобы ничего не нарушить. Топливо увеличило мощность ружья на сто процентов. Мы это проверили опытным путем. Без топлива пули оставляли в металлическом ведре только вмятину. С топливом ведро было прошито насквозь. Я опробовал убийственную комбинацию на голубе, сидевшем на трубе соседнего дома. Тушка голубя буквально взорвалась: перья разлетелись в разные стороны, а всё остальное свалилось в трубу в чей–то камин. Жалобы последовали сразу. Жители дома были возмущены стрельбой из неизвестного местоположения. Полиция начала патрулировать по улице, так что нам пришлось припрятать ружье.

Но, отложив в сторону игры и прочее веселье, мы вынуждены были искать барабанщика. Мы прослушивали кандидатов в клубе «Marquee», откликнувшихся на наше объявление в газете *Melody Maker*. Гэри заботливо предоставил возможность мне самому

решать, кого брать в группу. Но после целого дня прослушивания, ни одного достойного кандидата не оказалось. Звонка от барабанщика группы под названием The Bow Street Runners[11] было чересчур. Его имя Алан Тёрнер.

Барабанщиков всегда сложно фотографировать из зала, особенно если они миниатюрные от природы. Алан был маленького роста, но очень крепким парнем, и самое важное, он стал нашим спасителем. Он играл средненький шаффл, подходивший для всего. Я полностью и целиком утвердил его кандидатуру. Теперь мы снова были полноценной группой. Забронировав самое престижное время в «Марки» — субботний вечер, 9 апреля 1966 года мы выступили с группой The Sands на разогреве. Дэвид Боуи и The Buzz играли на следующий день, но в воскресенье никто не ходит по клубам, и аудитория была очень скромной.

В нашей берлоге происходило всё больше разных движений. Поток прелестных девушек в комнату Ли туда и обратно, скрипы, вздохи, сотрясавшие фундамент дома, сигнализировали либо о крайнем наслаждении, либо о нестерпимой боли.

На вечеринках всегда находились незваные гости. Ящики пива и портвейна на кухне, занятые ванны, люди на лестничных площадках. Разошедшийся Лонг Джон Болдри заставил дом ходить ходуном, пластинки гремели во всю мощь. И тут я увидел черно–белое платье с соблазнительным декольте, длинные медные волосы, спадающие на узкие плечи. Она улыбнулась МНЕ, и стала подниматься вверх по лестнице.

Схватив на кухне пиво и стараясь не ввязаться в разговор, я продолжал искать её глазами, заодно пытаясь придумать дурацкий повод оказаться рядом на лестнице в надежде привлечь её внимание. Что я тогда сказал? «Мы не можем встречаться прямо здесь». Ооо, нет, только не это!

Она не могла не заметить моего пристального взгляда, хотя никакого взгляда не было. Он просто спросила: «Чего?» Музыка орала так, что разговаривать было невозможно. Я, должно быть, мямлил что–то в ворот пиджака. По движению губ можно было решить, что я говорю нечто похабное. В мозгах всё перепуталось, когда я увидел ее, но мы успели обменяться телефонами.

На следующий день, перед тем, как позвонить ей, я всё утро придумывал, что сказать. По будням она была занята, так как училась в школе и должна была делать уроки. Когда парни узнали про мою пассию, они были безжалостны. Они дразнили меня, напевая «Good Morning, Little Schoolgirl». Потихоньку я обретал уверенность в любовных делах, промахи в которой полностью компенсировались, когда T–Bones погрузили свою

аппаратуру и поехали на очередные гастроли — на этот раз в Биарриц, на юг Франции.

Покинув паром в Кале, до пункта назначения ехать пришлось ещё десять часов. Французские бутерброды *с сыром и ветчиной* быстро надоели, и спорт стал единственным средством от скуки. Кто первый сломается? На полной скорости по дороге к югу от Ле Мана Гэри вылез из окна автомобиля и стал орать. Сцена справа: он вылезает из окна и проползает по крыше фургона, схватившись руками за багажник. Сцена слева: Гэри залезает в салон с другой стороны. Сирано, не желая отставать, проделывает то же самое. Вскоре вокруг нас собирается все больше машин, которых и так предостаточно на автостраде. Наш роуди, заодно исполнявший роль водителя, изо всех сил старался сохранить ровную скорость транспортного средства.

С самого начала нового состава стало ясно, что между Гэри и Сирано возникла острая конкуренция. Я предпочитал держаться в стороне, скрывая врожденную стеснительность. Я не смог приобрести такие нужные для поддержания командного духа качества, как чувство юмора и способность поддерживать беседу. Показывая своё нежелание присоединяться к развлечениям группы, я завоевал репутацию зануды. Но мне всё равно нравилась моя новая жизнь. Вот я еду на юг Франции, чтобы в течение месяца выступать в клубе, все наши расходы оплачиваются, мы играем всю ночь, днем купаемся и загораем на золотистом пляже у берегов Атлантического океана. А в это время сотрудники Ллойдс Банка, которых я покинул какое–то время назад, возможно так и смотрят на часы в ожидании окончания рабочего дня. Я лишь беспокоился о том, что моя «восьмиклассница» не дождется меня. Вскоре выходки Сирано начали досаждать и мне.

Например, было роковой ошибкой заснуть в салоне фургона. Вы рискуете нарваться у себя на лице на задницу Сирано, издающую громкий «кашель трусов» за минусом самих трусов. Если это не сработает, он мог вставить свой член или что–нибудь пахнущее так же, например увлажненный большой палец, вам в ухо. Сирано очень гордился своими гениталиями. Он с удовольствием демонстрировал их в возбужденном состоянии.

— Летят утки, — объявлял он, спуская штаны и тряся своими яйцами. «Обезьянки» производили двойной изгиб, позволяя наблюдателю насладиться видом зевающей задницы, в том время как «инструмент» зажимался между ног. Его «pièce de résistance»[12] был настоящим шедевром. Натягивая мошонку на пенис, он гордо объявлял: «Последний цыпленок на прилавке».

Первый сексуальный опыт Сирано состоялся, когда ему было

всего десять лет. Девочка его возраста предложила Сирано вставить его шары в свою «штучку». Сирано начал с «двойки» и медленно расставил свою любимую коллекцию шаров. Когда стало понятно, что придется расстаться с «шестеркой», он подвел черту. Сирано обнаружил, что потерял большую часть коллекции. Я полагаю, что большинство парней потеряет, получив подобное предложение.

В то время был популярен фильм «*Небесный Макс*». Картина посвящена пилотам Первой Мировой войны, жаждавшим получить награду. Сирано учредил собственную награду. Она никак не связана со сбитыми самолётами — скорее, с самым длинным залпом пердежа. Победитель награждался вульгарным орденом «Говняный Макс», за который мы боролись изо всех сил.

Чтобы получить орден, нужно твою «пулеметную очередь» освидетельствовать… это обычно делал Сирано с противогазом на голове.

Ингредиенты хорошего, добротного пука являются хорошо задокументированным аспектом британского быта. Некоторые утверждают, что это бобы, возможно, разбавленные пивом Newcastle Brown Ale. Что бы там ни было, нужно было терпеливо сдерживать «порывы», пока не найдешь свидетеля, если ты, конечно же, хочешь получить «Говняного Макса».

Сирано любил подкалывать Ли. Иногда он его обзывал «*Нанук с Севера*»[13], иногда сравнивал с картиной Франса Халса «Портрет молодого офицера» (*The Laughing Cavalier*), что для гитариста, знающего всего три аккорда, весьма впечатляюще.

> *Дорогие мама и папа,*
>
> *в настоящий момент у меня все хорошо. Нас только что сняли для французского телевидения и сфотографировали для журнала «Париматч». В воскресенье мы будем выступать на радио. Кажется, здесь мы пользуемся успехом. Мы приехали в Биарриц в фургоне, увешанным нашими плакатами. А пока мы разгружались, вокруг нас собралась толпа.*

Клуб был маленьким, а наше жилье ещё меньше — всего лишь одна комната с тремя двухъярусными кроватями. Никакой личной жизни. Мы в основном играли блюзы, иногда включая в репертуар музыку Западного побережья, например “Along Comes Mary” группы The Association.

Дни были солнечными и Ли намеревался основательно загореть. Мы валялись на пляже, выкопали в песке огромную яму и, заговорив язык парню, продававшему «Beignet Abricot»[14],

«помогли» ему туда свалиться, несколько дней наблюдая за перемещениями француза по пляжу с поднятым над головой подносом, полным пончиков. Для поддержания физической формы, мы стали копать глубокую яму, накрывая её полотенцами. Приближающийся возглас «Beignet Abricot» вдруг превратился в «Beignet Abricooooooo…!», и поднос проследовал в яму вслед за владельцем. Мы были главными подозреваемыми. Гэри провел какое–то время в полицейском участке, потому что выглядел как главарь банды. Мой первый урок был таков: любое паблисити — хорошее паблисити. Вечером в клубе яблоку негде было упасть.

Подобно арабским скакунам, неистово роющим землю копытами, мы носились по просторному пляжу, чтобы, опередив сёрферов, броситься в убывающую волну и быть безжалостно отброшенным обратно к берегу вновь надвигающимся прибоем. Было здорово, но я сильно скучал по моей подружке–школьнице. Я не мог звонить ей по телефону, поэтому обходился открытками. Поздно ночью после отбытия группы из клуба с «les девушками» я обнаружил бутылку скотча и уселся за пианино, переполненный аккордами страсти, пока не вырубился. Классический сценарий — сигаретный туман бездвижно застыл в воздухе, стулья покоятся на липких столах, а ночные духи вылезли из своего укрытия в поисках последнего пристанища. Меланхолический пейзаж, он был бы более понятным, если бы я проявил зрелость и уважение к употребляемому напитку. Кое–как я дополз до нашей комнаты, и, что удивительно, комнаты двоились и троились в моих глазах. Вместо шести, в комнате вдруг стало целых двадцать четыре кровати. Плюхнувшись на одну из них, я почувствовал, что попал на американские горки. Попробовал закрыть глаза — стало только хуже. Я перевернулся, и голова безвольно свесилась вниз, и это позволило организму избавиться от отравы. Когда ребята вернулись, пол был уделан, а я лежал в отключке. Они были безжалостны, но справедливы и заставили меня подняться и убрать это безобразие.

Я написал бесчисленное количество писем, пока в них не отпала необходимость — мы ехали домой. У меня был шанс укрепить наши отношения.

Невинность первой любви нужно бережно ограждать от суровой действительности. Отсутствие опыта в подобных делах вынуждало меня быть осторожным и сдерживать примитивные порывы тела. Я был старомодным в ухаживании. Сгребая жалкие гроши моего еженедельного жалования, я приглашал подружку на прогулку по площади Пикадилли, затем мы шли в кино, а после я отвозил её на метро домой. Иногда она приглашала к себе в дом в тенистом пригороде Лондона Ричмонде. Её родители с

подозрением смотрели на меня. В редкие моменты уединения мы неловко тискали друг друга, но время проходило слишком быстро, и мне нужно было уезжать. Мои бедные яйца распирало, и вряд ли они вынесли бы ещё один день такого наказания. Мне выпал шанс взять на пробу её невинность в новой комнате, куда я недавно переехал из крошечной каморки. Но как только я приступил, раздался стук в дверь: судя по звукам из соседней комнаты, у Ли там точно проходило не чаепитие. Меня начали одолевать наихудшие опасения, когда она направилась открывать дверь. Раздался пронзительный вопль, и дверь резко захлопнулась. Я вышел посмотреть, что там. Голая девушка, в истерике, была пристегнута к стулу — ремни перетягивали грудь. Тем не менее, ей явно это нравилось. Спасибо тебе, Ли, за заботу.

Было не легко убедить родителей взять её с собой на наш концерт, и что ей там будет безопасно. Я клятвенно заверил их, что буду вести себя как истинный джентльмен и, вот — мы подъезжаем к её дому в самом конце улицы. Она робка залезла в наш фургон, и парни встретили её очень дружелюбно. Все, кроме Сирано: «Хммм, тебя редко увидишь с белой девчонкой, Кит».

Но наши отношения были обречены. В последний раз, поцеловав её на прощание, я в полном отчаянии покатил свои переполненные мешочки обратно на Кембридж Гарденс. Войдя в дом, я постучался к Ли и попросил его поделиться любой девчонкой, бывшей у него в тот момент. Ли неохотно дал одну, и мы проследовали ко мне в комнату. Она улеглась на кровать, и долго ей ждать не пришлось. Как только я кончил, она смылась обратно к Ли. Думаю, она толком не поняла, что произошло.

На следующее утро, отправляясь в Манчестер, я чувствовал себя настоящим жеребцом, наконец выбившемся в элиту. Теперь я мог бы на равных с остальными.

— Надеюсь, у неё нет трипака, — сказал Сирано.

— А что это?

Сирано подробно объяснил мне симптомы болезни.

«Они засовывает штуки, похожую на зонтик, тебе в пенис и медленно тянут обратно, чтобы взять на анализ выделения. Затем, в зависимости от того, гонорея это или сифилис, они каждую неделю буду колоть твой зад большими иглами, и ты в жизни больше не сможешь бухать».

Моя челюсть упала на пол, а член едва не втянулся обратно. От природы я мнительный, поэтому в течение двух последующих недель, я постоянно бегал в туалет осматривать своего бедного друга на предмет фатальных симптомов. Три недели спустя я с облегчением вздохнул: симптомов не было. Я стал умнее.

The Who в то время переживали период саморазрушения.

Поп–арт, как его называли, провозгласил своими цветами красный, белый и синий — цвета Юнион Джека. В моде были угловатый черной–белый дизайн и мишени в «яблочко». Именно так я оформил свою комнату. Тем временем, группа завела пса, которому дали кличку Косяк. Ли предлагал назвать его Хайнц, как кетчуп. Но первая кличка закрепилась, и Косяк стал талисманом группы. Мы решили придать ему индивидуальности, чтобы выделить из общей собачьей массы. Покрасить в поп–артовые цвета предложил Тони Секунда — недолго пробывший нашим менеджером. Раздобыв краски, мы затолкали бедного Косяка в ванную, чтобы сделать ему правильный имидж. Это было очень непросто: Косяк постоянно стряхивал краску, часть из которой попадала на стены. Мы оповестили СМИ и впервые в жизни Косяк попробовал, какова на вкус слава, когда прошелся с высоко поднятой головой по Портобелло Роуд под щелканье камер.

T–Bones быстро превратились в медийные персоны. Это больше не был блюзовый бэнд, скорее, компания музыкантов в поиске своего направления, следившая за чартами, чтобы выглядеть подобающе. Я часто беседовал Ли, реалистичным и благожелательным малым. Перемены были необходимы, и мы часто обменивались идеями в перерывах между репетициями или концертами, сгорбившись над стареньким пианино за кулисами. Сумасшедшие музыкальные идеи в паре с утопическими мечтами проплывали словно ртуть.

Я говорил: «Мы не можем так играть».

— Почему? — удивлялся Ли. — Почему бы и нет?

Я соглашался. Я поклялся себе, что если когда–нибудь соберу группу, Ли в ней обязательно будет.

Ещё одно выступление в колледже. Группы (T–Bones и The Graham Bond Organisation) сменяли друг друга в одной гримёрке, расположенной далеко от сцены и слишком далеко от туалетов. Мы решили сходить прямо в стаканы, из которых пили, чтобы не заблудиться в лабиринте пыльных классов. Когда появились The Graham Bond Organisation, то Грэм, страдавший героиновой зависимостью, заприметил бокалы с живительной влагой и решил, что это скрампи[15]. Он опорожнил ближайший из них. Решив, что это я виноват, Грэм Бонд стал меня искать, пока их барабанщик Джон Хайзмен не остановил это безобразие, припугнув, что уедет. Вечер для Грэма закончился тем, что ему вручили уведомление о неуплате алиментов.

Отношения между Гэри и Сирано всегда были соперническими, но в конце концов ухудшились настолько, что Гэри передал бразды правления своему брату Рикки. Это было

началом конца. Рикки, полон решимости защитить младшего брата, собрал группу в офисе Marquee Artists и сделал всем строгий выговор. Не глядя ни на кого конкретно, он говорил, что нам следует прийти к единому соглашению, если мы хотим прорваться наверх. Сирано допустил промах, задав Рикки вопрос. Удар! Сирано решил действовать исподтишка. Жажда мести наполняла его, но здравый смысл подсказывал, что лучше молча сидеть. Однако красное лицо и пренебрежительный взгляд выдавали его истинное настроение. Меня мучили боли в желудке. Сирано, несмотря на любовь к заоблачным децибелам, не заслуживал такого отношения. Нам вообще не стоило вступать в открытую вражду. Группе нужно было двигаться вперёд и по этой и по многим другим причинам.

Моя первая любовь, попробовав на вкус прелесть сексуальной свободы и чувствуя вину от этого, заявила мне, что всё кончено. Мы только начали свои отношения, поэтому я тяжело переживал разрыв. Я стал отдаляться от команды, которая начала потихоньку разваливаться. Концертов не было, денег, соответственно, тоже, что привело к невозможности оплачивать счёта. Той зимой мне пришлось залезть в электрический счётчик в комнате, чтобы подключить маленький электрический радиатор. Белье я возил домой по выходным, скрывая от родителей ужасное положение, в котором оказался.

Однажды вечером я вернулся к себе в комнатку и увидел, что мои единственные соседи — две маленькие мышки Элла и Телониус, уже не подавали признаков жизни. Засунув в счётчик монетку в липкой плёнке, я взял их маленькие тельца в руки и начал массировать перед обогревателем. Элла быстро ожила, а вот Телониус, кажется, был мёртв. Он сильно окоченел, я дул на него изо всех сил, держа в руках под струями горячего воздуха. Прошло пять минут — никакого результата. Я уже решил, что Телониус покинул бренный мир. Похоронить мыша в море через канализацию мне показалось хорошей идеей… но, вдруг! Был ли это непроизвольный спазм или к Телониусу потихоньку возвращается жизнь? Следующие пол–часа я выхаживал его, пока он не набрался сил.

Родители не подавали виду, что им не нравится мой образ жизни. Он был за пределами их понимания. На фоне их благополучия, я скрывал горькую правду о том, что группы больше не было, а у меня на счету осталось всего четыре фунта. Я почти смирился с мыслью, что придется возвращаться домой, но этого не случилось.

Завсегдатаи Tin Pan Alley и The Ship — клубов, расположенных рядом с «Марки» по Уордор стрит,

распространили слух, что группе подписанной Island Records Криса Блэкуелла, нужен клавишник. Я пошел на прослушивание к VIPs и мне понравилось, что они не отошли от блюзовых корней. Их вокалист, Майк Харрисон, пел очень по–черному, а тощий барабанщик Майк Келли создавал прочную надёжную базу для музыки бэнда. Меня взяли. В стане «Костей» никто кроме Ли об этом не знал. Он тоже думал, как устроить свою жизнь. Ли пожелал мне удачи. Все мои махинации со счётчиком вскрылись. Сложив в пластиковые мешки и чемоданы нехитрые пожитки, передав Эллу и Телониуса в зоомагазин, я тихо свалил, пока не приехала полиция. Мне пришлось бродить по улицам в поисках нового жилища.

Большинство домовладельцев рекламировали сдаваемые внаем комнаты путем вывешивания объявлений на окнах магазинов. Походив по нескольким объявлениям, волоча за собой багаж, я пришел на Кромвелл Роуд 14, где полная пожилая леди в огромном подпоясанном ремнем вязаном свитере показала мне тёмную сырую комнату за четыре фунта в неделю. Она продиктовала правила проживания со всей строгостью.

«Ванной в конце коридора ты можешь пользоваться только по четвергам, и никаких женщин!»

Женщин у меня не было, и других вариантов проживания тоже. Я вытащил последнюю мелочь, заплатил вперёд и заселился.

Источников дохода не было, выступлений в обозримом будущем — тоже. Несколько записей, в которых я участвовал с T–Bones, так и не издали. Я рассчитывал, что с VIPs сложится всё иначе, но лелеял надежду, что T–Bones найдут грамотного менеджера, и все пойдет как нужно.

Тем временем мне надо было как–то зарабатывать деньги. VIPs полным ходом репетировали, готовясь к выступлениям в Париже. Перед моих уходом, я встретился с Ли, находившемуся на мели и без крыши над головой. У меня возникла идея. Я сказал своей домовладелице, что Ли — мой брат, и он присмотрит за комнатой в моё отсутствие.

Август 1966 года.

Мама и папа!

Париж — отличный город. Наш отель находится рядом с «Фоли–Бержер»[16], Монмартр — на расстоянии вытянутой руки. VIPs — хорошая группа, хотя «Кости» мне ближе. Нас хорошо принимают, но я надеюсь, что по

возвращении домой дела у T–Bones пойдут хорошо. Хотелось бы знать точнее. Я нормально питаюсь, деньги платят исправно. Навещу вас сразу, как только приеду.

С любовью, Кит

Отель представлял собой стандартный довоенный пансион — маленькие эмалированные раковины с большими затычками, высокий ореховый гардероб, деревянные полы, узкие кровати с соломенными матрацами, туалет в конце коридора. Я делил номер с Грегом Ридли, басистом VIPs. Так я стал узнавать участников команды. Гитарист, чье имя вылетело из головы, казалось, скрывался от меня за спинами остальных. Как выяснилось позже, у него были большие проблемы. Наркотики раздобыть в Париже оказалось сложно, поэтому он вводил в шприц все, что попадалось под руку.

По возвращении в Лондон мы начали искать ему замену. Им оказался Лютер Гросвенор, молодой энергичный гитарист с обилием идей. Мы снова отправились в путь. На этот раз в Гамбург, погрузившись в фургон Коммер — символ рок–н–ролльной жизни. За рулем сидел роуди, которые не мог даже соединить два провода вместе. Настроение было приподнятым в ожидании увидеть знаменитый бульвар Репербан. Там группа была известно под именем VI Pills. Нам предстояло играть в «Star Club», клубе, страстно мечтавшем попасть в одну лигу с Cavern. Сами The Beatles играли здесь во время первой поездки в Гамбург. По прибытии мы разгрузили оборудование. Нам предстояло играть три сета за вечер, последний в 4 утра. Своих коллег я увидел только на сцене. А где же наш певец Майк Харрисон?

— Погоди, не открывай занавес, наш вокалист ещё не подошёл! — кричал я за кулисы.

— Где он? — спрашивал я Майка Келли.

— Наверно, мастурбирует в уборной. Думает, что это поможет ему расслабиться перед выходом.

Наконец Майк приперся и мы начали со «Stagger Lee», затем немного блюзовой классики, и «Georgia» в самом конце. Поверьте мне, Майку Харрисону не стоило дрочить, чтобы звучать как Рэй Чарльз. В Британии было всего два человека, которые могли петь как черные, и Стиви Уинвуд один из них. Он не онанировал перед выходом на сцену, и возможно, поэтому добился успеха и не испортил зрение.

Кроме меня и Лютера остальные участники коллектива пользовались услугами проституток, которые к тому же ухаживали за ними в быту. Древнейшая профессия заботилась о новейшей, обеспечивая всем необходимым. Битлы не только

повлияли на их музыкальные вкусы, но также дали странное представление об английском языке. Мне кажется, что английскому их учили Джон Леннон и Пол Маккартни, разговаривая на необычной смеси ливерпульского диалекта и немецкого. Кровавая Мэри была одной из любимиц VIPs. Она утверждала, что Джон Леннон тоже её любил. Ничего необычного; все девицы уверяли нас, что у них были связи с теми или иными участниками ливерпульских групп. Если не The Beatles, то Gerry and the Pacemakers или в худшем случае, Freddie and the Dreamers. К сожалению, мы находились не на тихоокеанском побережье, но среди огней ночного Гамбурга. Кровавая Мэри была сильно похожа на одну из героинь Роджерса и Хаммерстайна, она могла достать все, что угодно. Остальные девушки уважали её за то, что она всегда их защищала.

Всю неделю я жил на шницелях по–венски или кебабах, запивая *яблочным соком*, и никогда не видел днем остальных музыкантов. Они появлялись только к началу выступления, облаченные в новые тряпки, купленные для них девушками по вызову. Каким образом были заработаны деньги никого не волновало.

В три часа ночи мы выходили на сцену. Меня удивляло, как остальные легко переносили изматывающие выступления, в то время, как я едва держался на ногах. Дела ухудшились, когда наши техники потеряли мой стульчик, и мне пришлось играть стоя. Играть стоя очень непросто. Джерри Ли Льюис мог, но только не органисты. Мои современники — Брайан Оджер, по моему мнению, лучший британский джазовый органист, а также Джорджи Фейм и Алан Прайс, оба пели сидя за инструментом, и наконец Дон Шинн.

Перед отъездом в Гамбург я заскочил в «Марки» посмотреть на Дона. Народу в клубе было немного, девчонки сидели в первом ряду и хихикали, в то время как Дон наяривал на сцене со своим бэндом. Должен признаться, он был прикольным чуваком — одевался в школьную форму с кепочкой, между отделениями запивал наркоту водкой. Между композициями он наливал виски в чайную ложку и выпивал его. Он был в полной мере эксцентричным типом, но отличным музыкантом. Казалось, он боролся против всех и вся. Я не знал, жалеть его или удивляться его безумству: пока он отважно играл, инструмент разваливался на глазах. Последней отвалилась крышка органа. Аудитория не могла сдержать смех, чего Дон не ожидал никак. Я был потрясен: этот парень был нечто, и я покинул клуб с кучей идей в голове. Тогда я ещё не знал, что одно единственное выступление оказало исключительное впечатление на меня.

Четыре утра, наш последний сет в «Стар–клубе». ВИПы переместились отдохнуть в соседний клуб. Стерео–система играла Penny Lane. Пластинки в основном издавались в моно–формате, потому что стерео было ещё роскошью. Нам предстояло два дня добраться до центра Франции, днем мы должны выезжать. Но парни не беспокоились по поводу расписания. Он гордо заявили, что останутся на денек в Гамбурге и полетят самолётом за счёт поклонниц, облеплявших музыкантов как инородная субстанция прилипает к подошве башмака.

— На, глотни это, — Кровавая Мэри заметила мое подавленное состояние и протянула мне горсть таблеток.

— Что это такое?

— Просто попробуй! — хором заорали остальные музыканты. — Они прикольные.

— А что они делают такого прикольного? — спросил я с подозрением.

— Мы их постоянно принимаем. Они не вызывают привыкания, не имеют побочных эффектов, просто взбодрят тебя немного.

Я признал, что взбодриться мне не помешает, но таким образом?

— Поверь мне, — ответила Кровавая Мэри.

Я взял таблетку под аплодисменты группы, запил кока–колой и откинулся на спинку стула.

— Пусть диджей поставит “Strawberry Fields”, — заорал Майк Харрисон.

— В жопу это дерьмо, лучше Колтрейна, — ответил я, и группа уставилась на меня с удивлением. Какая–то девушка подсела ко мне ближе. Неважно, что лицо у неё было похоже на морду бульдога, жующего осу. Но, черт возьми, у меня была компания!

«Let me take you down», — запела толпа и мне пришлось смириться с Битлз. — *«… Strawberry fields for ever»*. До этого мне не доводилось слушать песню в таком состоянии. Каждая нота будто взрывала мои клетки и мне не было стыдно признать это и продемонстрировать остальным. Я вместе со всеми прыгал и бесился. Я вдруг полюбил нашего роуди за всего его ошибки и, расчувствовавшись, сказал ему, что он должен пару дней отдохнуть. Я сам поведу наш фургон, а он может поспать.

«He likes to keep his fire engine clean, it's a clean machine…». “Penny Lane” текла сквозь мозг, когда я лежал в кровати с девушкой, которую лучше забыть, что не так просто сделать. *«Чистая ясная машина…»*. Да, она была очень чистой. Ещё очень маленькой, факт, которые нельзя не заметить.

«Что это за таблетки?», — спросил я в надежде получить оправдание за мой конфуз.

«Скорее всего, прелудин», — последовал унылый ответ.

Я рассчитывал на халявный секс, но её уродливость и моё «мастерство» скорее уморили её со смеху. Это было похоже на кидание сосиски на Оксфорд стрит. Вместо этого, я таращился в потолок, она спала, пока не зазвонил телефон: наш роду напомнил мне о моём обещании. Наспех выпив чашку кофе, я приготовился к ВЕЛИКОМУ ПУТЕШЕСТВИЮ! Роуди вывел машину из Гамбурга, и перед тем, как выехать на автобан, я занял водительское место. Прежде, чем заснуть, он дал мне карту, объяснил какой выезд нам нужен и пожелал удачи.

«Let me take you down, 'coz we're going to… somewhere in France… ду–ду–ду–ду–ду–ду… no fucking chance… ду–ду–ду–ду–ду–ду…». Чертова песня засела в голове и никак не хотела уходить.

«Боже, что за сволочь вчера…». Рассвет обнажил унылый пейзаж — равнину северной Франции. Какой выезд нам нужен, двадцать третий? Кажется, он. Я решил не будить техника и свернул с автотрассы. Действие прелудина прошло, и наступило истощение. Веки слипались, я приоткрыл окно, чтобы освежиться утренним воздухом, но легче не стало. Организм требовал сна после такого надругательства над ним. Знак впереди то ли двоится, то ли расплывается. Уже не важно, я свернул на него, выворачивая руль до упора, при этом не снижая скорости. Мы наклонились почти на 45 градусов, колеса взвизгнули. Я начал просыпаться, но было поздно. Выезд бы более крутым, чем я ожидал, и мы вылетели за ограждение. Если это был не шум, однозначно это был факт, что мой пассажир находился в воздухе, всюду летают обломки, он открыл глаза — решил, что это происходит во сне, перед тем как рухнуть вниз и продолжать спать в той же позиции.

Смертельно опасные ситуации происходят словно в замедленном действии. Внезапно, ты дышишь ровно, просматриваешь фильм своей жизни совершенно отстраненно, а бонусом тебе предлагают редкую возможность увидеть как толстый техник превращается в стройного эльфа вопреки закону гравитации, словно пёрышко, подвешенное в печи. Глухой удар, и мы на встречной полосе: встречный транспорт представляет смертельную опасность, что нас быстро разбудило. Но вдруг всё стихло. Мы молча сидели и наблюдали за окружающим нас спокойствием, как оседает вокруг пыль, поют птицы, а большое солнце встает на востоке. Боже, как хорошо остаться в живых!

Я стал осматривать повреждения. Задней части почему–то

досталось больше всего. Один край вообще срезало полностью, да так, что заднюю дверь открыть невозможно. Но меня больше беспокоило наше оборудование. Мы не только остались живы, но и наше оборудование уцелело. Мы танцевали от счастья с широко раскрытыми глазами, адреналин играл в наших жилах. Мы танцевали на дороге освобождения. Наше освобождение не произвело никакого впечатления на ВИПов, мрачно осмотревших разбитый фургон после того, как мы с опозданием добрались до клуба, затерянного в глуши сельской местности.

— Ты в первый и последний раз сидишь за рулем. Какого черта ты раздолбал тачку?

— Нет времени объяснять, — процедил я сквозь зубы, закипая изнутри. — У кого–нибудь есть консервный нож, чтобы открыть нашу посудину и вытащить инструменты?

Кое–как мы вскрыли монтировкой заднюю дверь и быстро занесли наши инструменты в клуб.

С такой активностью ветер перемен подул ещё до того, как Боб Дилан спел об этом. Но все что я хотел, черт возьми — просто играть. Не важно, что аудитория состояла из кучки французских фермеров, главной целью которых было надраться как следует, чем слушать нас. ПОЕХАЛИ!

Теперь я предпочитал играть на органе стоя. Так я мог лучше наблюдать за публикой, и это стоило того. Прямо перед сценой завязалась драка из–за бутылки Chateau le Chunder едва ли более известной чем пойло под названием «Божоле». Вряд ли они не поделили женщин, которые были уродливее той, что я встретил в Гамбурге.

В духе салунов Дикого Запада, владелец клуба кричал нам из–за кулис, чтобы мы продолжали играть. Блин, это было прикольно. О! Плохой хук, его следовало блокировать левой, тогда зубы остались бы целы. По фигу, просто группа лягушатников решила размяться. На меня нашло вдохновение, и я с грохотом опрокинул орган так, что внутренняя система реверберации оглушительно взорвалась. В то время как лягушатники выбивали друг из друга дурь, я подражал им на органе, шатая его и взбираясь на крышку, включая и выключая, заставляя издавать воющие звуки: и музыкант и инструмент зашлись в неистовом безумии. Ноты отныне были не важны. Я хотел выйти за пределы границ инструмента; пусть вокруг твориться черт знает что, *нафиг последствия*. Мой девятифутовый друг и не подозревал, сколько у меня может быть энергии: я бросил сто шестьдесят килограммов по всей сцене в финальном акте, так что аудитория замерла в замешательстве, не веря своим глазам, что такое может произойти.

Я спал. Организм нуждался во сне, и я заснул самым мёртвым сном всей жизни, прямо как современный Рип ван Винкль — голова бьется о стекло машины либо болтается из стороны в сторону. Я спал крепко, воспоминания о прошлой ночи стерлись начисто. ВИПы вернулись домой на пароме. Я потихоньку возвращался к реальности. Мы мчались по M1 на очередной концерт. Когда я наконец полностью проснулся, группа повернулась ко мне и заорала: «Ты должен сделать это ещё раз, это было круто!»

— Сделать что?

— Ага, правильно, — парни ответили с сарказмом, не веря, что я вообще не помню, что произошло вчера. Картинки прошедшего дня приходили волнами, но на меня навалилась депрессия: действие прелудина и адреналина наконец отступило.

Парни теперь ожидали повторения вчерашнего шоу. Но, оглядев на смирную публику, сидящую на полу, я решил, что они не готовы к этому. Когда мы начали свой обычный сет, реакции не последовало ни какой. Тогда я посчитал, что их нужно немного встрясти. Я, кажется, нашел в себе мистера Хайда и швырнул предмет мебели на пол сцены. Челюсти отвисли ещё драматичнее, чем после моего первого сексуального опыта. На этот раз зал в унисон произнёс: «Что это, блин, было?»

Приближалось Рождество, и я вернулся к себе в квартиру на Кромвелл роуд. Я сдвинул друг к другу два кресла, чтобы мой «брат» Ли мог спать. Как он это делал, я не представляю, но меня больше интересовали новости о T–Bones.

— А их больше нет, — грустно ответил Ли.

Ну что ж, по крайней мере у меня было немного денег, и мы начали болтаться по клубам. Меня раздражало, когда проходя через охрану, у меня спрашивали удостоверение личности, а у Ли — нет. У нас была разница всего в несколько месяцев. Я разглядел единственное отличие — усики, которые он начал отращивать, они были темнее пушка, пробивавшегося под моим носом.

— На, делай как я, покрась их этим, — Ли протянул мне пробку, которую только что поджег.

Я взял.

— Давай, делай.

Глядя на отражение в зеркале, я не был до конца убежден. Тем не менее, мы пошли в «Кромвель», с угольными пятнами под носом.

— Ты выглядишь на десять лет старше, — подбадривал меня Ли.

Этот вечер должен стать моим. Потенциальная удача сидела

на другом конце стола. Наконец она наклонилась ко мне, её глаза уставились на меня: «Эй, что за сажа у тебя на верхней губе?»

— Ой, что? Здесь? Спасибо, что показала.

Она недовольно ушла из–за стола, а я бросился в туалет.

Когда Ли и я ушли из клуба, было очевидно, что у него дела были лучше. Я видел не меньше двух девушек с черными пятнами на лице.

5. Сомнительно, но… это Nice

Открытка из Жуан–ле–Пен, Лазурный берег:

Мама и папа,

господи, вот это жизнь! Солнце здесь великолепно даже в начале года, и мы успели обгореть, хотя на пляж ходим по утрам, а днём редко. Клуб, в котором мы играем, — просто фантастика. Его окружает пальмы. Внутри огромный мраморный танцпол и сказочное освещение. На столах стоят свечи, вокруг роскошные стулья и… ДЕВУШКИ!

Мы играем после обеда и по вечерам. Я возвращаюсь в четверг, в Лондоне буду поздно вечером. Я вам ещё позвоню. Думаю, через несколько дней мы будем играть где–то на Севере. Я очень постараюсь найти время и приехать к вам с подарком на мамин день рождения.

С любовью, Кит

Я откладывал деньги. В то время как группа ночевала в отеле, я спал в фургоне, отмораживая себе задницу. Нас обокрал владелец клуба, улизнувший после нашего последнего выступления. Я был зол как чёрт и предложил остальным вернуться в клуб и стойками от микрофона разбить мраморный дворец лягушатника. Парни были не против, пока мы не увидели армию вышибал, выглядевших как стенка кирпичного сортира. Я не мог в это поверить. Меня ещё раз надули перед поездкой в Уэртинг, когда я играл всю ночь бесплатно под предлогом прослушивания. Хозяин клуба никогда никому не платил, но я хотя бы имел крышу над головой, благодаря родителям. И я никогда не считал это самим собой разумеющимся — часть моих заработков, пока я жил в родительском доме, шла маме на хозяйские расходы. Но теперь, в Жуан–ле–Пен, играя всю неделю и ночуя в машине, чтобы сэкономить, я расценил это как пощечину от мерзкого лягушатника. Тот инцидент оставил неприятный осадок от Франции. Перед самым возвращением в Англию, у нас был ещё один концерт в Париже. Именно там появился Микки О.

Во время проживания на Кембридж Гарденс мы толком не общались. Он поселился в кабинете, а я занял комнату Гэри.

Теперь он намеревался поговорить со мной после выступления. Микки опекал певицу нового английского рекорд–лебла. Её звали Пэт Арнолд, раньше она была на подпевках у Айка и Тины Тернер. Тина вскоре сама покинет Айка. Как мы все знаем, честь ей и хвала, у неё хватило мужества и решительности достичь славы на сольном поприще.

Пэт Арнолд — или луче ПиПи Арнолд — оказалась в Англии, с рабочей визой и контрактом с Immediate Records, фирмой, основанной менеджером Rolling Stones Эндрю Луг Олдэмом. Её первый сингл “The First Cut Is the Deepest” Кэта Стивенса взбирался на вершины английских чартов, и теперь она искала музыкантов для аккомпанирующего состава, чтобы отправиться на гастроли в поддержку своего хита. Я колебался: несомненно, ей были нужны черные музыканты.

«Нет, — ответил Микки О. — Она видела сотрудничество Тины с Филом Спектором. Черные и белые — все нормально». Но больше всего меня беспокоил сам факт работы с женщиной. Я поблагодарил Микки и пообещал позвонить ему по возвращении домой.

Неделю спустя я стоял у двери небольшого домика в глухом переулке. Меня встретила пара ясных глаз.

— Привет! — сказала она — Заходи.

Хотя она была значительно ниже ростом, чем я, я никак не мог справиться со смущением, которое до сих пор испытывал в присутствии женщины. В комнате стояло электропиано Fender Rhodes. Я слышал его на записях, но играть на таком не приходилось. Усевшись за него, я взял пару аккордов.

— Боже, как я люблю Арету Фрэнклин. У неё столько страсти! — произнесла ПиПи.

И чтобы продемонстрировать это, она поставила пластинку Ареты и стала подпевать. Я молчал, не зная что делать. У неё было много других записей и куча идей. Наконец, ПиПи сказала:

— На, возьми их с собой, — и протянула мне сорокопятки, которые только что ставила. — Собери группу и разучите материал.

Я не мог поверить, что так — увидев всего один раз — эта женщина мне поверила. Я решил рискнуть.

— Если я соберу команду, можем мы выступить с сольными номерами?

— Без проблем, — ответила она. — У вас будет 20–30 минут, чтобы разогреть публику перед моим выходом. Можете играть всё, что вам в голову взбредёт.

С такими новостями я ворвался в свою крохотную комнатку и заорал: «Ну, Ли, вот оно! Давай, собираем группу!»

Конечно же, она захотела медь. Соул требовал солидной духовой секции, а у меня не было опыта написания аранжировок для других инструментов, кроме как своего. Но я взял саксофониста, тромбониста и трубача. В группу вошли также барабанщик Иэн Хейг и гитарист Дейви О'Лист из группы The Attack, имевшей сингл под названием “Hi Ho Silver Lining” — первый хит Джеффа Бека. Мы разучили все записи, что мне дала ПиПи, репетируя в одном из пабов Ист–Энда.

Это было в мае 1967 года.

«Дудки» не пошли, а ПиПи неохотно приезжала на репетиции с Ли, Иэном, Дейви и мной. Она могла позвонить и сказать: «Мы можем выучить “Sweet Soul Music” на два тона выше оригинала?»

Хотя наш собственный сет представлял из себя полную мешанину всего, чего угодно, моя группа потихоньку вырабатывала собственный стиль. “Billy's Bag” (пьеса Билли Престона), тема из фильма с Клинтом Иствудом «*За пригоршню долларов*», а также битловская “A Day in the Life” — вот те несколько вещей, что мы играли перед выходом на сцену ПиПи. Её сет состоял из “Sweet Soul Music”, “Lay This Burden Down”, “Nowhere to Run”, “Respect”, “You Keep Me Hangin' On”, “One Step at a Time” и конечно же, “The First Cut Is the Deepest”.

Когда мы все вместе ехали на наш первый концерт в Бристоле, а мы должны были выступить на хлебной бирже, ПиПи нас спросила: «Пацаны, а вы думали, как будете называться?»

Нет, мы не думали.

— Кто–нибудь из вас слышал о Лорде Бакли?

Никто из нас и понятия не имел, кто это.

— Чуваки, он крут. Он говорит на чудном диалекте, например, у него есть скетч о Господе и Моисее, где он называет Господа Наз. — Подражая Лорду Бакли, она продолжала: — «И вот Наз глянул на Моисея и сказал…».

— Что такое Наз? — спросил Ли.

— Блин, ну ты и деревенщина. Наз — это Наз, но если Вы предпочитаете на вашем благородном английском — Найс — Славный. Вам следует взять это название, — заявила ПиПи, прыснув со смеху. — “The Nice — Славные”. Да, круто. Она стала нас дразнить.

— Мы не можем называться прилагательным, все будут нас спрашивать, «Славные» что?» — я пытался возразить.

Ли трезво рассудил, что есть «Who» — «Те, кто» и «Them» — «Они», и никто их не спрашивает «Они что?». Но меня это не убедило. Мне будет очень стыдно всем говорить, что моя группа называется «Славные», а нас окружали бы голубоватые ребятки, с умилением произнося: «Ооо, “Славные”, как это мило».

ПиПи понравилось название, и всю дорогу в Бристоль она прикалывалась над нами: «ПиПи Арнолд и её “Славные”». Она никак не могла сдержаться и все время смеялась. Я уверен, что всё это очень славно, но не хотел смешивать бизнес с развлечением, но и расстраивать её тоже не хотелось. С неохотой, не я принял название. Так мы стали The Nice.

27 мая 1967 года БиБиСи транслировало заранее записанное выступление ПиПи Арнолд и The Nice. Моя мама была взволнована, но оповестила местные СМИ перед выходом передачи. 24 мая 1967 года *The Worthing Gazette* написала:

Субботнее шоу для органиста Кита

> Когда он покинул ВИПов два месяца назад, ПиПи Арнолд попросила его собрать аккомпанирующий коллектив и отправиться с ней в турне. Его группа, The Nice, существует всего месяц. В понедельник было записано шесть песен для субботнего шоу на ТВ, а БиБиСи отберет четыре из них для телетрансляции. Мама Кита, миссис Д. Эмерсон, сообщила газете, что это будет прорывом в карьере её сына, поскольку он очень много работал над этим проектом.

Спасибо, мама.

Шанс достичь успеха маячил перед нами, как морковка перед ослом. Только отсутствие ПиПи на репетициях сильно препятствовало осуществлению наших планов. Я обучил The Nice вещам, которые она хотела играть на сцене, а затем мы сидели без дела и ждали её появления. Парням это надоедало, и они заставляли меня позвонить ей. Мутный голос на другом конце беспокоил меня, но я не хотел тревожить ребят. Поэтому я говорил им, что она сейчас находится в офисе звукозаписывающей компании и не может приехать, о чем очень сожалеет. Она также просила передать, что вчера мы звучали великолепно. Я лгал.

The Nice получали двадцать фунтов в неделю. Обычно мы с Ли приезжали в офис Immediate Records каждую неделю, где бухгалтер компании Тони Колдер выдавал нам зарплату. Офис располагался близко к концу Оксфорд стрит, там, где начиналась Тоттенхэм Корт Роуд. Здание представляло собой модное строение тех лет — немного поп–арта здесь, немного хрома и стекла там. Президент звукозаписывающей компании — одетый с

иголочки Эндрю Луг Олдэм, — для меня он был подобием «Вечной загадки», концептуальной пьесы, которую я напишу позднее. Он был полон тайн, и я почти не видел его во время своих редких посещений офиса компании. Но его репутация не подвергалась сомнению. В конце концов, он был менеджером The Rolling Stones, и, кажется, до сих пор имел к ним отношение, насколько я знал.

Неявка ПиПи на репетиции дошла до того, что иногда она не появлялась на концертах. До концерта оставалось пять минут, её нигде нет. Это означает, что ко всему прочему, у меня на руках ещё и расстроенный промоутер, причитающий: «Да где же она?»

«Без понятия. Я с ней ещё не разговаривал, но она обо всём в курсе… кажется, нам следует сворачивать наше оборудование».

«О, нет! Нельзя! Там полно народу, и они хотят музыку!»

«Но мы всего лишь её аккомпанирующий состав. Мы не готовы играть весь концерт, хотя…» Я глядел на него в надежде, что он поймет мой намёк.

Он понял. У него не было другого выхода, как поощрить наше начинание, причем в наличной форме. Деньги в карман, и то, что мы ещё не успели разучить, пришлось осваивать на ходу. Черт, мы сыграли все подряд: Tico–Tico и Gay Gordons плюс десятиминутный блюзовый джем. Получилось так, что отсутствие ПиПи оказало позитивный эффект на команду. Мы стали более уверенными, более сыгранными, особенно после того, как понравились аудитории ПиПи. Мы могли теперь сами двигаться, и блестящая возможность сделать карьеру маячила перед носом. Люди, пришедшие посмотреть на нас во время турне по английским клубам, были вдвойне довольны, когда ПиПи появлялась на сцене. Их любовь к музыке соул и неизведанному была удовлетворена за один раз. Неизведанное — это The Nice. Мы бросили вызов классификации. Мы искали вдохновение в таких артистах, как Frank Zappa and the Mothers of Invention и Чарльз Ллойд, сильно контрастируя с черной музыкой ПиПи Арнолд. Для нас никогда не было проблемой смешивать различные музыкальные традиции. Британские политики, однако, сомневались, стоит ли впускать в страну, как они нежно их называли, «цветных». Только благодаря движению, организованному консерватором по имени Энок Пауэлл, ситуация изменилась. Он обвинил политиков в том, что рабочие места распределяются не справедливо. И тут начали придираться к самому главному элементу любого музыканта, которые хорошо знают, что ахиллесова пята англичан — это бюрократия. Что–то вроде: «Извини, друг, не могу ничего поделать, это не в моих полномочиях».

Профсоюз британских музыкантов работал на основе обмена. Виза ПиПи заканчивалась, но пока не к моменту выхода данной заметки в *Melody Maker*:

«Славные» малые

> ПиПи Арнолд и The Nice — самый счастливый и хипповый звук, прогремевший на клубной сцене в последние месяцы. Органист Кит Эмерсон обладает отменой техникой. Имея академическое образование, он использует идеи, основанные на классической музыке, и превращает их в дикие, необузданные соло на органе. Ли Джексон, с колокольчиками и северным акцентом, задает ритм на басу, а Иэн Хейг грохочет за барабанами. Гитарист Дэйви О'Лист быстро прогрессирует и намеревается разрушить гегемонию пары Хендрикс–Клэптон. Пэт — вспышка таланта, объединяет парней в безумии музыки соул. Она обладает колоссальной притягательностью и широким диапазоном и оправданно заслужила овации за исполнение Going out of My Head. Забудьте о других — обратите внимание на Пэт, Дэйва, Кита, Ли и Иэна и прочувствуйте Nice!
>
> *Melody Maker, 15 июля 1967 г.*

Хотя гитарист Дэйви О'Лист был ещё более стеснительным и скромным, чем я, к нашему счастью, среди его друзей были самые важные музыкальные журналисты тех дней.

Он жил в доме в Эрлс Корте с мамой, отцом и двумя сестрами, которые души в нём не чаяли. Очень симпатичная семья не только потому, что и мама и дочки были щедро одарены природой эффектной внешностью — что не прошло не замеченным, — а ещё и потому, что они всегда друг друга поддерживали. Некоторые члены группы страстно желали участвовать в развитии четырнадцатилетней сестры Дэйви — Сюзи. Иногда мы репетировали в их доме. Сидя за пианино, я с трудом сдерживал себя, чтобы не пялиться на развивающуюся грудь Сюзи. Не стоило заигрывать с несовершеннолетней сестрой моего гитариста. Свободная любовь — это одно, но здесь всё было как–то по–домашнему. На дворе стояли шестидесятые: время революции, перемен, более глубокого понимания, отсутствия чёткого осознания — откуда ты пришел и куда направляешься, — в конечном итоге это представляло собой дух свободы. Родители,

в частности институт брака, были объявлены вне закона и представляли собой Истеблишмент. В конце концов, Истеблишмент создал наши проблемы, а мы считали себя новым порядком, украшенным увядшими цветами, с колокольчиками из зоомагазина, символами мира. Мы пытались выкорчевать из наших умов власть авторитетов.

Законодателем этой культуры был Тимоти Лири. Принял чуть больше ЛСД, и ты уже перед лицом вечной слепоты. Как мало мы знали о том вреде, который наносили своей иммунной системе. Мы презирали последствия и твёрдо были убеждены, что только мы правы и больше никто — любви хватит на все последствия.

«Почувствуй моё недомогание», — пел Джон Леннон. «Это называется Меллой Йеллоу («травка» из банановой кожуры, или ЛСД)», — пел Донован.

Испытывал ли наш барабанщик Иэн Хейг невообразимую страсть к коллекционированию моделей самолётов, или же всё дело было в субстанции, их скреплявшей? Если так, его модели должны были развалиться, судя по его виду. Однако текущая ситуация не позволяла нам устраивать конфликты, так как The Nice стали получать признание как самостоятельный коллектив, без ПиПи Арнолд. Я надеялся, что у него появится другое хобби, без горючих материалов, что позволит ему сыграть на Виндзорском фестивале. ПиПи Арнолд и The Nice должны были выступить на центральной сцене, но в последний момент, мы сумели договориться с организаторами о 45–минутном сете на одной из боковых площадок.

Мы много работали, сознавая, какую славу можем получить, сыграв на столь престижном мероприятии. Используя все возможности нашего очень ограниченного бюджета, мы наняли для выступления Сэнди Сарджент. Сэнди была танцовщицей в популярном шоу *Top of the Pops*, телевизионной программе с песнями, находящимися в хит–параде. Сотрудничество с Сэнди было делом деликатным, потому что она дружила с ПиПи. Она была горячей штучкой, и все мужчины страстно хотели её. И вот, после того, как кто–то запустил дымовую бомбу, она забралась на крышку моего органа и начала танцевать. А мы предложили имитировать секс с элементами мазохизма, используя для этого хлыст. Раздался жуткий треск, и мой инструмент присоединился к группе перкуссии. Приношу за это извинения, но Ли, кажется, это очень понравилось.

После Виндзорского фестиваля джаза и блюза события развивались быстрее, чем мы могли предположить. Эндрю Луг Олдэм решил слезть с лежака и облагодетельствовать нас своим присутствием, так как клуб «Марки» предоставлял нам свою

сцену каждую неделю. И как было написано в *Melody Maker*:

> «Марки» гордится нововведением — забавной машиной по выдаче хот–догов за шиллинг и шесть пенсов. Во вторник вы увидите The Beatles, пришедших посмотреть на The Nice.

Immediate Records начала составлять контракт на запись и издание песен The Nice. Срок действия визы ПиПи Арнолд практически истек, но перед тем, как она вернулась в Америку, меня пригласили сыграть на её альбоме, продюсером которого выступил Мик Джаггер. Я помню одну сессию: она началась около двух часов пополудни — присутствовал полный набор будущих рок–звёзд из справочника «Кто есть кто». Меня слегка беспокоила перспектива альбома Пэт, спродюсированного Джеггером с его псевдо–кокни акцентом, который не произвёл на меня должного впечатления. Но он приступил к выполнению своих обязанностей с ободряющим чувством оптимизма. Группа музыкантов отлично работала всю ночь без всяких перерывов, но через некоторое время большинство начали возмущаться.

«Ещё один дубль, пацаны, потом будет хавчик. РАБОТАЕМ ЗА ЕДУ!» — распекал нас Джаггер по громкой связи.

Около двух часов ночи стало понятно, что всё не так уж и гладко. Слишком много пауз между дублями, пока Мик слушал мнения «богов» из аппаратной. Распространился слух, что Джеггер звонил Джимми Миллеру за помощью, и теперь тот едет в студию навести порядок в этом бардаке. Я вышел оттуда около четырёх утра, встретив по дороге Ронни Вуда, который тогда присоединился к The Small Faces. Он пришел с гитарой и подружкой Крисси, я пожелал ему удачи. Мне заплатили пятьдесят фунтов за сессию — этого хватит оплатить аренду жилья на месяцы вперёд.

Проблемы с Иэном Хейгом становились все явнее и серьёзнее. Он плохо выглядел, и его время в группе было сочтено. Ли, Дэйви и я были обеспокоены и между собой обсуждали альтернативы. Иэн должен уйти, но кто же его заменит?

Решение предложил Дэйви. «Есть барабанщик из Mark Leeman 5, которого очень уважает Крис Уэлч из *Melody Maker*. Он здорово лабает джаз — отличный джазовый барабанщик».

— Когда мы можем с ним встретиться?

— Я позвоню Крису и попрошу его привести Брайана на наш концерт, — ответил Дэйви.

Следующий шоу проходило в клубе «Speakeasy». После выступления меня представили Брайану Дэйвисону. Первое, что меня поразило — искромётный блеск его глаз. Каждое

высказывание сопровождалось лёгким посмеиванием. Будучи несколько взрослее большинства «детей цветов», он, тем не менее, носил все атрибуты эпохи. Брайан Дэйвисон — Блинки (Мигала) — получил прозвище в своей группе Mark Leeman 5 после того, как остальные обнаружили, что барабанщик Арт Блэйки сильно повлиял на его технику. Так, Блэйки стал Блинки. Мы договорились встретиться ещё раз.

— Мне не очень нравится его имидж… его одежда, волосы, — сказал я Дэйви и Ли после встречи.

— О чем ты говоришь? Барабанщик Spirit вдвое старше, да ещё и лысый, — хором ответили они.

— Хорошее замечание!

Брайана мы не прослушивали — его репутация не вызывала ни у кого сомнения. Осталась лишь одна проблема — уволить Иэна, и это повисло тяжким бременем на мне. Он не сделал ничего плохого, был приятным малым, и самое главное — он был другом. Он причинял боль в первую очередь себе и, конечно, группе.

Всю ночь перед беседой я размышлял над сложившейся ситуацией вместе с Ли. Я очень наделся, что он пойдет со мной в качестве поддержки. Возможно, это было частью плана Ли, дабы поднять мою уверенность в себе, когда он категорически заявил: «Ты лидер группы, ты сам должен сказать ему».

Полагаю, я всегда хотел услышать эти слова, но, честно говоря, быть лидером группы было трудно и страшно. Но кто–то должен был делать грязную работу, и выбор пал на меня.

Всю ночь я плохо спал, а на утро поехал к Иэну. Его трясло и бросало в пот. Перед тем, как я смог произнести хоть одно слово, он сам сказал, зачем я пришел. Я лишь кивнул. Он ответил, что всё в порядке. С его стороны не было ни злости, ни чего–либо еще, только покорность обстоятельствам — буквально. Меня это поразило.

— Всё… нормально.

Какое–то время мы смотрели друг другу в глаза.

— Удачи тебе! — произнёс я.

— И тебе тоже!

Больше его я никогда не видел.

Хотя группа, подарившая вам «Flower King of Flies», была ещё совсем зелёной, вы могли бы бросить её семена на любую почву, и они немедленно бы расцвели. Эндрю Олдэм и его рекорд–компания это знали, а поскольку история имеет свойство повторяться время от времени, так что мы поставили свои подписи под контрактом только благодаря тому, что наши семена

не были брошены на бесплодную равнину, но о них позаботились на столах с блестящей поверхностью, армированные хромированными ножками. Более того, наши семена обогатили пчелки из улья рок–н–ролльного медиа–цирка.

«Мы хотим начать запись как можно скорее», — заявил Олдэм. Его слова поддержал закадычный друг Эндрю, бухгалтер Тони Колдер: «Мы хотим, чтобы вы записали собственный материал», что настроило нас на рабочий лад.

Дэйви всё чаще приглашал меня к себе домой, удостоверившись, что сэндвичи, которые я приносил собой, были вне поля зрения его бассета, а я играл на пианино. Именно там я сочинил “Azrael”, массивную тему на 5/4, которая незаметно переходила в вариацию рахманиновской прелюдии в до–минор. Ли написал текст, основанный на персонификации скелета с косой, ещё известного как Ангел Смерти. Прелюдия Рахманинова рисовала картину пробуждающегося человека, пытающегося вылезти из гроба, в котором он был заживо поргребён, ошибочно признанный мёртвым. Я чувствовал, что две идеи соответствовали друг другу. Ещё много композиций родилось в той маленькой комнатке.

Голос Дэйви больше подходил для мелодических линий в противовес хриплому пению Ли, но вместе они могли охватить все жанры. Мы были очень гибкими. Дэйви писал тексты во время поездок на метро, Ли цитировал Оскара Уайльда, используя такой же противоречивый юмор и пафос для своих лирических полотен, а Брайан весело посмеивался, отстукивая ритм на телефонной книге.

Мы были очень счастливой группой — мечтой музыканта, но без глюков тоже не обходилось. На концертах Дэйви частенько заглушал мой Хаммонд своим стоваттным усилителем. Брайан (Блинки) — очень внимательный барабанщик, живо реагирующий на происходящее на сцене, поэтому частенько Ли, Брайан и я орали Дэйву сделать потише.

Наконец, набрав достаточно материала, мы начали записывать альбом, загрузившись со своими инструментами в студию Олимпик в районе Барнс, как раз под мостом Хаммерсмит. Глин Джонс, продюсировавший ранние записи Rolling Stones, выступил нашим продюсером на новом восьми–канальном оборудовании студии.

После того, как Глин остался доволен расположением микрофонов, я начал играть Rondo. Мы обкатали эту вещь на концертах и, войдя в правильный темп, Дэйви выдал первое соло подобно Стрельцу, выпускающему стрелы во всех направлениях. Брайан с Ли держали ритм. Когда Дэйв закончил соло, я был

ошеломлён, и судя по выражению лица Дэйви, он тоже. Или так смотрят все, кто пройдется по минному полю?

До сих пор то соло остаётся для меня одним из лучших соло всех времён. Своё соло я начал незамысловато, простыми линиями и интервалами, а ритм–секция делала своё дело. Появился Эндрю Олдэм, его было видно в аппаратной; я в это время неистовствовал в финале. Затем мы собрались прослушать полученный результат. Общий вердикт был таков: «Вау!» С довольной улыбкой на лице, Эндрю Олдэм прихватил копию композиции и быстро смылся. Не даром его лейбл назывался Immediate (Немедленный).

Я до сих пор помню в мельчайших подробностях момент, когда я покидал студию и возвращался к себе в каморку с чувством благоговения от того, что нам удалось сделать — непонятно как. Мы импровизировали без всякой подготовки, выдавали брильянты по ходу игры — всё, что мы играли, казалось, было единственно возможным в тот момент. Я был настолько вдохновлён тем, что произошло, и мне захотелось создать ещё кучу новых идей из своего соло. Боже! Музыка была великолепной! Мы двигались без карт, на ощупь прокладывая дорогу, вполне возможно мы пришли бы и к другим местам.

По причинам, которые мы тогда не понимали, Тони Колдер посоветовал зарегистрировать авторские права на песни под одним именем — для нашего же блага. Мы долго не хотели принять совет, но всё–таки создали анаграмму из собственных фамилий — Эмерлист Дэвджек.

Политические убеждения Ли в те времена склонялись к определённой анархии. Конкретно, он ненавидел профсоюз музыкантов, обзывая их «музыкальными работягами»: «Профсоюз вообще не должен существовать. Музыка — творческий акт, ей не нужен профсоюз». Он развил свою мысль дальше: «Они нужны для водителей автобусов и таксистов, которые иногда выходят на забастовки. Поп–музыканты находятся на самом дне табели о рангах. Они ведь грязные и немытые засранцы, а не чистенькие стриженные паршивцы из танцевальных оркестров, посещающих собрания профсоюза. Был я там пару раз. Зачем сидеть несколько часов и слушать о том, как тысячи фунтов утекают из наших карманов? Плохие музыканты пытаются добиться власти путём создания комитетов и организации мероприятий для настоящих музыкантов. Если бы у нас было время, мы бы посещали собрания и ни за что не выбрали их в руководство, но мы слишком заняты. Ты просто платишь целевые и пытаешься игнорировать их. Профсоюз только создаёт проблемы. Никто не может играть в Швеции только потому, что промоутеры не принимают взамен

шведские группы. Если профсоюз и должен существовать, то в качестве советчика, а не диктатора. Если я хочу играть в ЮАР, я буду там играть. Они же только мешают — пусть катятся в Кремль».

Привычка Ли таскать с собой «*Цитаты Председателя Мао Цзэдуна*» помогла придумать название для нашего альбома, *«The Thoughts of Emerlist Davjack»*.

Необходимо было создать обложку альбома, и мы оказались в фотостудии в Сохо, практически в костюмах Адама — завёрнутые в большую полиэтиленовую плёнку, в позе зародыша. Идея Ли для задней части обложки приятно возбуждала его сексуальный аппетит. Он нашел где–то женщину с огромным бюстом и предложил фотографу спроецировать слайды группы на её обнаженное тело. Полученным результатом я не был доволен. Моё лицо наложилось как раз на гигантскую грудь, и стало напоминать искаженного Багза Банни. Моё самолюбие лишь вызывало раздражение и насмешки остальных до тех пор, пока мы не нашли компромисс. Фотограф расположил наше фото, где мы стоим на травянистом кургане, чуть ниже, слегка растянув по вертикали.

Реакцию на «*The Thoughts of Emerlist Davjack*» лучше всего охарактеризовала рецензия из *Daily Mail* от 28 октября 1967 года:

> Вот она — необычная группа с пластинкой, обещающей стать хитом. Клавесин, дрожащий голос, экстравагантные мелодии, церковные вставки и всё остальное. И каким–то образом, всё остается удивительно не претенциозным.

6. Хендрикс возглавляет список

Очередь желающих попасть внутрь растянулась от дверей клуба «Марки» вдоль по Уордор стрит до самой Шафтсбери авеню, длинная извилистая цепочка в целую четверть мили. На счастье английская погода не возражала против массового скопления людей, одарив нас одним из редких тёплых летних вечеров. Если бы зарядил дождь, разразилась гроза или пошел снег, это не имело никакого значения для людей из очереди, несмотря на то, что клуб мог едва вместить восемьсот человек. Понятно, что не всех пустят внутрь. Самый ожидаемый концерт Лондона никто не хотел пропустить: все, кто хоть немного интересовался происходящим в лондонских клубах, недоверчиво отнеслись к объявленному списку музыкантов, готовящихся выступить в «Марки». Неужели состав групп окажется обычной мистификацией?

Таксист вёз незнакомого пассажира вдоль очереди по дороге к служебному входу клуба.

— И чего это они здесь толпятся?

— Сегодня играет Джими, и я тоже.

— А ты кто такой?

— Ээээ, The Nice.

— Какой nice?

— Просто… THE NICE.

Я всё ещё сожалел о том, что согласился на название.

Когда я расплачивался с таксистом, он произнёс: «Странно. Не понимаю, куда катится это поколение со своими попонами, цветами и колокольчиками. Иногда я думаю, что я вожу колхозный двор».

Зайдя внутрь я обнаружил, что наше оборудование установлено так, что его легко можно убрать во время перерыва. В то же время Маршаллы Хендрикса высились небоскрёбами на сцене. У него уже было два хита, “Hey Joe” и “Purple Haze”, неудивительно, что пол–Лондона хотело попасть туда.

Убедившись, что всё работает как надо, я проскользнул через служебный выход и присоединился к своим товарищам, устроившимся в уютном заведении под названием «La Chasse». Оно располагалось в нескольких ярдах от «Марки», и туда нередко заходили представители музыкальной элиты: несколько лестничных пролётов, и ты можешь увидеть сквозь стенки пустого бокала всю музыкальную общественность Лондона.

— Народу там — тьма, — заметил Джек Барри, владелец «La

Chasse». — Вам лучше вернуться часов в пять, если хотите выйти на сцену.

Работая локтями, с трудом протиснувшись сквозь толпу, мы наконец зашли в клуб, который превратился в парилку. На стенах образовалась влага, стекавшая подобно водопаду, а разгоряченная публика рвалась к сцене. Требовалась тактика коммандос, чтобы добраться до гримёрки, располагавшейся прямо у сцены. Столько народу: я не был уверен, что наши усилители потянут. И вот мы вышли на маленькую сцену, чтобы отыграть блестящий сет перед ревущей толпой.

Мы закончили и ввалились в гримёрку. И вот он во всем великолепии: в сумасшедшем прикиде — убойной комбинации рыцаря и мушкетёра. Он источал настолько сладкую ауру, словно мёд вытекал из вафли. Он сказал, что ему понравилось наше шоу, и пригласил нас присоединиться к предстоящему туру по Англии. Никто никому не смотрел в глаза, его предложение мы восприняли с сомнением, а он отправился довершить дело, начатое The Nice. Я уже покинул клуб, когда Хендрикс вышел на сцену и разжёг дьявольскую печь до адской температуры. Это произошло 24 октября 1967 года.

Следующий отрывок позаимствован из книги Джона МакДермотта *«Джими Хендрикс: сессии»*, издательство Little, Brown and Company:

> Приближался прибыльный рождественский период, поэтому и Track и Reprise[17] давили на группу, чтобы она закончила альбом и закрепила оглушительный успех *«Are You Experienced?»*. 23 октября Час Чендлер зарезервировал Delane Lea Studios для группы, где она могла репетировать и подготовиться к записи в Olympic. Следующим вечером команда играла в лондонском «Марки» с The Nice на разогреве. Услышав джем Джими с клавишником–виртуозом The Nice Китом Эмерсоном, Чендлер решил подписать Эмерсона на одну из сессий звукозаписи — просто глянуть, что из этого получится. «Кит Эмерсон — это чувак, с которым Джими должен что–то сделать», — рассказывает Час Чендлер. Джими часто джемовал с The Nice, и у Кита здорово получалось взаимодействовать с Джими. Они действительно могли создать что–то вместе, но я был под дулом пистолета и должен закончить альбом, так что мы не могли тратить время.

Мы бороздили Англию, Уэльс и Шотландию вдоль и поперёк, добираясь до самой глуши, зарабатывая примерно тридцать

фунтов за вечер. Фургон Коммер, за рулем которого сидел настоящий скаус[18], исправно возил нас до места назначения. Чрезмерно серьезный, Баз был в числе тех, кто зажёг петарды возле тента, закрывавшего сцену Виндзорского фестиваля. Наверно, у него всё–таки было чувство юмора.

Как–то вечером в компании с Дэйви мы слушали записи и обменивались идеями, и вдруг я увидел у него пластинки с ЛСД.

Я спросил:

— Если я положу эти бумажки под язык, как долго будет длиться эффект? А какие у них последствия?

— Если ты их примешь со знакомыми людьми, получишь приятные вибрации. Я помогу тебе пройти через трип.

У них не было никакого вкуса, я не мог представить, что такой маленький кусочек бумажки мог вызвать сильные галлюцинации. Мы глядели друг на друга, ожидая действия. Стало скучно, и поставил пластинку. А дальше…

… А далее, возможно, я почувствовал покалывание в шее. Дэйви засмеялся, а я растворился в его рту. Он был таким широким, что меня засосало целиком, и я изо всех сил пытался выбраться из него. Понятие скорости не существовало. Я глянул снова, и образ Дэйви стал прозрачным, лондонский закат просвечивал сквозь него. А затем…

— Я СЛЕПНУ!

— Это крууууууто!

— СЛЕПОТА — КРУТО?

Я был равно как удивлён, так и озадачен тем, что моя сетчатка двигалась словно диафрагма фотоаппарата, но вновь обретённая способность могла внезапно исчезнуть или застрять — что тоже не радовало.

— Теперь мы готовы выйти на улицу, — сказал Дэйви.

Я не был готов; вещи вокруг так и норовили навалиться на меня, но я не хотел оставаться один в комнате. Когда мы вышли, уже смеркалось, меня сразил калейдоскоп размытых пятен самых разных цветов; таких ярких я никогда не видел. Красный был ещё краснее, жёлтый — ядовито жёлтым, всё перемешалось друг с другом. И хотя лазерное шоу пока не изобрели, оно в точности соответствовало тому, что я ощущал тогда. Люди выглядели уродливыми и странными. Так могло быть и на самом деле, но в этот раз они действительно были уродливыми и странными. Что они там делали, расхаживая как радиоуправляемые модели, частоты которых перемешались и перепутались?

— Глянь–ка вон туда.

Я повернулся в направлении, куда смотрел Дэйви и увидел морду огромного насекомого, приближавшегося ко мне.

— Ух ты! — я отпрыгнул с изумлением.

— Ты захватил средство против насекомых? — смеялся Дэйви.

Полная шиза! Мы видели одно и то же, хотя «насекомое» трансформировалось обратно в человека с очками. Мы шли, и Дэйви убеждал меня, что всё в порядке и нужно расслабиться и получать удовольствие. Я подчинился и стал играть с появлявшимися изображениями, как если бы я был палитрой всех известных цветов и текстур. Мы были на одной волне, наши сенсорные рецепторы настроились на один канал. Оказавшись в саду, мы увидели это одновременно. Цветы превратились в руки с шевелящимися пальцами, и чем ближе мы подходили, тем более манящими они становились. Дэйви наклонился, чтобы сорвать один цветок, и, найдя это затруднительным, неожиданно вскрикнул. Мы оба отпрыгнули назад.

— Ты это слышал? — спросил ошеломлённый Дэйви. — Цветок кричал на меня.

Я слышал это, потому что стоял рядом — меня оглушило, трясло, я был просто обдолбан.

Я посоветовал Дэйву не трогать его и вообще оставить цветы в покое.

— Я не могу поверить — цветы кричали на меня! Но это чертовски круто, чувак. Ты видел пальцы на листьях, они почти заманили нас?

Я всё видел. Я видел всё очень отчетливо, и должны пройти годы, прежде чем я отважусь подстричь газон. «Руки» лучше оставить в покое, мы попрощались с ними и быстро свалили из парка.

Еда! Вот, что нам было нужно. Мы даже не переглянулись, но увидев фаст–фуд в конце улицы, инстинктивно направились туда. Там было очень ярко, слишком ярко. Дэйви отметил, что нужно быть спокойным и не выдавать нашего состояния. Его замечание вызвало новый приступ паранойи. Меню елозило из стороны в сторону перед носом, и я не мог понять, кто это делает и зачем. Но что бы ни было передо мной, когда я понял, как нужно это держать, оно вдруг стало таким интересным. Маленькие картинки с тарелками, полными еды. Почему бы кому–то не сделать большие плакаты с изображением булочек и… погодите, это что — цыплячья ножка? Ещё там были изображения напитков фантастических цветов. Это что, каталог для выставки искусств?

Дэйви понятия не имел.

— Что вы желаете?

Я глянул вверх и на меня надвигалось ещё одно лицо, с чем–то восхитительным на голове. Но после второй или третьей

мысли, я понял, что оно мне не нравится.

«Что вы желаете?» Лицо увеличилось ещё больше, голос раздавался со всех сторон, как на квадрофонической пластинке. Хотя таких эффектов ещё не изобрели, я вдруг обнаружил их существование. Мы реально могли заказать одну из картинок. Я выбрал самую красивую. Дэйви тоже выбрал какую–то, но его не была такой же пркрасной, как моя.

Когда принесли наш заказ, я не знал, что с ним делать, и уставился на Дэйви, надеясь на помощь. Когда он с успехом запихнул себе в лицо гранату, замаскированную под кукурузину, меня озарило, что эти ништяки можно засунуть себе в рот, прожевать и даже проглотить и не взорваться. Какая великолепная идея! Поморщившись от света разноцветных ламп, я поднёс к лицу свой заказ и с ужасом его отбросил. Смешение тканей живых животных, сырые — прямо с какой–нибудь тёмной, мерзкой скотобойни, с переплетающимися сухожилиями и кишками. Я обнаружил это, когда собирался отправить порцию себе в рот. Аааааааа! Схватив и бросив с отвращением мерзкое, извивающееся месиво, я выскочил наружу. Дэйви следом за мной. Всё, с меня хватит: паранойя побеждала и пугала меня до невозможности.

Нарезая круги по огненным улицам Гадеса[19], мне стало так страшно из–за того, что вещи никогда не станут прежними, а я никогда больше не увижу цвета в их обычной проекции, еду в том числе. Кое–как добравшись до своей комнаты, я запер дверь, задвинул шторы и нырнул под одеяло. В дополнение ко всему, я сунул голову под подушку, но демоны все ещё витали вокруг. Это была не ночь, а пытка на Лысой Горе. На утро цвета никуда не исчезли. Если бы у меня был черно–белый телевизор, было бы прикольно наполнить его цветами. К счастью, пару дней спустя всё вернулось в норму.

Ли теперь жил над знаменитой кофейней «2 I's» в районе Сохо, которую прославил фильм «Espresso Bongo». Было непросто разглядеть его имя на входной табличке среди имён типа Джина, Мишель и Лулу. Большинство жильцов дома давали уроки «французского», но Ли с не меньшим желанием мог научить разговаривать на джорди, если кто–нибудь звонил ему по ошибке.

Как–то мы забирали его на концерт, и Ли выглядел совершенно счастливым.

— Как она, чувачки! Послушайте–ка это, — он сунул кассету в магнитофон. То, что мы услышали, походило на домашнюю запись. Только вот чего? На плёнке слышалась куча шумов и нечто, похожее на корову, жующую сено.

— И что за фигню мы слушаем?

— Тёлка ночью делала мне минет. — ответил Ли радостно. — Вот, это самый лучший кусок.

Мы напрягли уши и пододвинулись ближе к маленькой колонке.

— Тебе нравится серебрить меня? — спросил настойчивый басист, судорожно заглатывая воздух. Серебрить — значит делать минет.

Мы ждали ответа, затаив дыхание: любое слово, но она, кажется, всё ещё была занята. Наконец…

— Джяяя!

Если это был утвердительный ответ, то звучал он так, словно во рту у неё была сливовая косточка.

— То, что надо! — довольно ответил Ли.

Со стоном мы вернулись к созерцанию окрестностей.

> Ли, северянин, живущий в центре джунглей Сохо, наслаждается компанией особей противоположного пола, делает домашние демо–записи и пишет самые странные тексты к песням группы.
>
> *Хью Нолан, журнал Disc, 16 октября 1967 г.*

Теперь, когда мысли аморального Дэвджэка стали общедоступными, Rondo вызывала подлинный восторг. Всего–то нужно было собрать вместе Блинки, Ли, Дэйви и безумного органиста — и бешенный скачущий ритм зажжёт любого. Как–то одним вечером я превзошел самого себя. Всё звучало великолепно: хорошая акустика, отличный приём публики. Дэйви был в ударе, выдавая неистовые и удивительные фразы. Чтобы меня не переиграли, я подошёл к своему соло с большим атлетизмом, чем обычно. Каким–то образом я перелетел через Хаммонд в одном могучем прыжке, не подозревая, что перед сценой находится глубокая тёмная оркестровая яма. В какой–то момент я почувствовал себя Джеронимо или Бутчем Кэссиди с Сандэнс Кидом, когда они совершают гигантский прыжок в глубь ущелья. Последнее, что увидел бэнд — пара робингудовских туфель, удаляющиеся вслед за помятой вельветовой задницей. Музыканты вытянули шеи в надежде рассмотреть своего клавишника в том месте, где он растворился, а он в это время находился в полёте, который никогда не повторится в обратном направлении. Аудитория с готовностью восприняла исчезновение кого–то со сцены, но с этой группой возможно всё. что угодно. Что ж, по крайней мере, трое ещё продолжали играть.

Я приземлился без увечий, разве что мои помятые вельветовые штаны окончательно пришли в негодное состояние, в

трёх метрах под сценой. Собравшись с мыслями, я начал искать дорогу обратно. Я забрался по балюстраде и, оказавшись среди восторженной толпы, посмотрел пару секунд на группу из зала. Они продолжали играть как ни в чём не бывало. С удовольствием я заметил некое беспокойство на их лицах, но в целом в качестве трио у них неплохо получалось. Теперь мне надо было каким–то образом вернуться на сцену, и это оказалось непросто. Получив порцию хлопков по спине, ободряющих выражений, а также ударов похлеще, я направился к служебному входу за кулисы, где мне преградил путь человек в униформе.

— Вы не можете пройти без пропуска!

Ну конечно же, это был вахтёр, наслаждающийся своей мелкой властью.

— Послушайте, — ответил я ему, указывая на сцену. — Я играю в той команде, и если я там не окажусь в ближайшее время, то нас ожидает бесконечное соло на ударных, а затем соло на басу. Вы же этого не хотите, не так ли?

Возможно, он был любителем садовых гномов и водных строений. Блокада продолжалась. Но помощь оказалась близко. Ли, обеспокоенный уже всерьёз, отважился подойти к краю сцены и осторожно всматривался в тёмную пропасть, в которой я исчез. Меня не было уже довольно долго, и Ли меня не хватало так же, как Эдисону не хватало свечи. Без лишних слов, Баз отпихнул гестаповца, подхватил меня и вытащил на сцену, навстречу горячему приёму, как если бы появился Гамлет со своим знаменитым монологом, облаченный в скафандр водолаза и балетную пачку.

Сборный тур с Хендриксом во главе начал своё шествие с концерта в лондонском Альберт холле в ноябре 1967–го. Мечта любого фэна сегодня: The Jimi Hendrix Experience, The Move, Pink Floyd, The Amen Corner, The Nice. Всего за 15 шиллингов (меньше, чем один фунт в те времена). У Хендрикса было два хита: “Hey Joe” и “Purple Haze”; The Wind Cries Mary только–только вышла синглом. У The Move в активе были “Flowers in the Rain” и “I Can Hear the Grass Grow”. Pink Floyd с Сидом Барреттом имели “See Emily Play”, Amen Corner — “Gin House”. Наконец, The Nice выпустили синглом титульную композицию альбома — “The Thoughts of Emerlist Davjack”. Наш сет был встречен восторженно, *Melody Maker* написала:

> …The Nice, в том числе, должна привлечь тысячи новых фэнов — они сыграли восхитительную новую музыку. Кит Эмерсон сходит с ума, оседлав орган, ворочая его из стороны в сторону и даже бросая на

> сцену. Исполнение композиции с сингла было безукоризненным, голос гитариста Дэйва О'Листа звучал молодо и искренне в глубинах старого холла.

Рок–банды представляли собой пёструю толпу разнообразных личностей. В первый день, когда мы загружались в концертный автобус, все выглядели как прилежные шестиклассники, отправляющиеся на экскурсию в музей мадам Тюссо. Джими, верный своему загадочному имиджу, передвигался на отдельной машине и появлялся только перед самым началом концерта. Одним из его техников, и на какое–то время — наш, был Лемми, который впоследствии стал мега–звездой и фронтменом Motörhead, вспоминает:

> Хендрикс привез с собой из Монтерея сто тысяч таблеток с ЛСД. Их ему дал Огастэс Аусли Стэнли Третий, изобретатель ЛСД. Они тогда ещё не были незаконными, и Хендрикс провёз их через британскую таможню без всяких проблем. Из лагеря Хендриса все, кроме Митча Митчелла, в том туре пребывали в одном большом трипе.

Я близко познакомился с Митчем Митчеллом, которым восторгался ещё со времён Джорджи Фэйма и его Blue Flames, а также с Ноэлом Реддингом. Митч без конца нянчился со своей ударной установкой, Ноэл всегда нянчился с самыми сладкими нимфетками. Но этим занятием были увлечены все, особенно один конкретный участник The Move. Он сильно рисковал, пихая «Эвер реди» в почтовый ящик, чтобы получить минет от групи прямо за углом концертного зала. Он думал, что имеет дело с девушкой.

Огромное разнообразие музыкальных стилей нашего роудшоу подразумевало разнообразный приём. Подростки вопили при виде Карла Уэйна из The Move. Интеллектуалы неуклюже тащились от Pink Floyd и The Nice. Те, что посередине, в изумлении смотрели на Джими.

«Вам нравится моя прическа?» — спрашивал он и, не дожидаясь ответа, выплёскивал в лицо шквал звуков безумного вступления “Wild Thing” The Troggs. Хотя, это мог быть и последний хит битлов. Митч с Ноэлом были похожи на привязанных веревкой к машине дрег–рейсера. Ли же всем своим видом показывал, как ему приятно получать удары хлыстом, пока случайно не навалился на меня с бас–гитарой, получив по спине ощутимый удар, оставивший глубокий рубец.

Настало время менять действо.

Вспоминая Дона Шинна с отверткой на сцене «Марки», мне пришла в голову идея, что тот же результат можно достичь более драматическим способом, используя турецкий кинжал, купленный в античной лавке на Портобелло роуд. Лемми, страстный коллекционер атрибутов Второй мировой войны, обладал большой коллекцией немецких военных ножей и подарил мне два кинжала из арсенала Гитлерюгендовцев, приговаривая: «Выбивает всё дерьмо из английских бойскаутов. Если хочешь использовать ножи, бери серьёзные».

Я немного попрактиковался, кидая их в мишень для игры в дартс, но в основном попадал рукояткой. Однако я не стал унывать и решил использовать кинжалы на концерте, втыкая их в клавиатуру, приблизительно на пятую часть, одновременно включая и выключая орган. Общий эффект был вполне драматичным: создавалось впечатление, что орган издает стоны в предсмертной агонии. Заканчивая атаку, я запрыгнул на крышку, и обнаружил, что верхом на органе можно скакать по всей сцене. Система реверберации просто взрывалась. Сцена маленькая, возможность метать ножи аккуратно не было, но я продолжал кидать, не обращая внимание, попали ли они в усилители, как и задумывалось. Я доиграл до конца, и в момент кульминации шоу бросил орган на пол, оставив сцену в живописных руинах.

В гримёрной мне предъявил разъяренный барабанщик, показывая огромную царапину на лбу. «Ты кем себя возомнил, твою мать, Эрролом Флинном?»

На следующем концерте Блинки окружил себя разного размера гонгами. Можно было подумать, что перед нами сидит продавец кухонной утвари, но этими «кастрюлями» он защищался от повторения вчерашнего шоу.

Место. Не помню. Лицо. Вряд ли. В середине выступления нож поднят высоко над головой и готов отправиться в полёт по неровной траектории в направлении акустической системы. А между колонками — знакомое лицо, частично спрятанное за странным оборудованием, кинокамерой Super 8. Предупреждающий взгляд Блинки, вихрь танца Ли, голова Дэйва, втянутая в плечи. Я держал кинжал, пока указательный палец оператора, с поддержкой похотливого язычка, довёл ситуацию до точки кипения и спровоцировал меня совершить злодейский акт. Джими вне всякого сомнения верил в мои метательные способности больше, чем наш барабанщик. Будь он настолько глуп, чтобы превратиться в человеческую мишень на том конце любительского циркового номера, я бы не хотел оказаться тем, кто увековечит его в истории раньше времени. К счастью, это был удачный день. Нож попал в «дом», воткнувшись в динамик

усилителя.

Другой зал неделю спустя. Прогуливаясь за кулисами, я услышал: «Тссс, он идет». В комнате собралась толпа и мне стало любопытно, что там происходит. У Хендрикса была камера Super 8, и он демонстрировал отснятый материал на экран, установленный в его грим уборной. Он прокручивал взад и вперёд кадры разрушения органа, что создавало впечатление кузнечика–маньяка, бесконечно скачущего по раскаленным углям, прыгая над «шкафом» туда и обратно.

Когда возникала возможность отстроиться перед концертом, обычно это было бесплатно–для–всех. Иногда мы джемовали, но я не думал, что Джими это было интересно.

Меры безопасности были весьма условными, часто не хватало гримёрок и помещений для аппаратуры и инструментов. Сити Холл города Шеффилд был не исключением. Пять воодушевленных девушек пробрались в служебное помещение и потребовали автографы. Поскольку не оказалось никого, чтобы их выставили, большинство групп исполнили просьбу. Даже Джими, лишь бы его оставили в покое. Но, когда они уже уходили, одна насмешливо бросила в его направлении: «Я думаю, Эрик Клэптон намного лучше тебя». Раскрыв рот от удивления, каждый задумался, как ответить на эту совсем ненужную ремарку. Но Джими лишь пассивно ответил в духе самого любезного придворного: «Да, я тоже так думаю», чем поразил всех.

Pink Floyd были самыми странными чуваками в туре. Сид Барретт — единственный настоящий музыкант из них, хотя кое в чём был очень похож на нашего Дэйва. Он не принимал себя слишком всерьез, в отличии от его товарищей, которые в целом производили впечатление университетских снобов. Я подслушал как Роджер Уотерс спрашивал других, чей черёд идти в студию на следующий день. Я спросил его:

— Вы по очереди ходите в студию? А вы когда–нибудь вместе там собирались?

— О нет, — последовал ответ. — Это избавляет нас от споров и конфронтации.

Их музыка, я думаю, похожа на искусственное оплодотворение, но не близка к божественному непорочному зачатию. Она звучала холодно и фригидно.

На Хендрикса ходили смотреть все музыканты, и хотя я не горел желанием, но мельком просматривал его финальные номера. Глядеть на другие группы для меня, как день отдыха, проведённый за работой, но на Хендрикса нельзя не смотреть. Митч и Ноэл видели его ближе всех. Они никогда не знали, что он выкинет еще. Если Битлз выпускали новую запись, Джими

разучивал её до того, как она попадет на прилавки магазинов, и играл с такой мощью, что версия самих битлов слушалась как кавер. Но как только вы сталкивались с любезными, благородными и даже скромными манерами, его поведение становилось ещё более любезным, благородным и скромным, особенно когда он случайно разбил гитару об ударную установку Митча. Это произошло на концерте в Северной Ирландии, Митч был весь в слезах.

«Как ты мог так поступить?» — всхлипывал он. — «Никогда не делай этого больше».

Хендрикс тихо улыбался, но не извинился.

Одним редким вечером я сидел в Speakeasy за столиком вместе с ним и Джеффом Беком. Чувствуя себя не своей тарелке, я надеялся, что присутствие простого пианиста не очень обременит их, в то время как сами они с энтузиазмом обсуждали достоинства струн для банджо против обычной «проволоки», а также различные типы аппликатуры — вся та фигня, которую клавишнику незачем знать или интересоваться. Джими вытащил коробок спичек и одним стремительным движением большого пальца зажег спичку, как будто поджег зажигалку Zippo.

— Как это у тебя получилось? — рассмеялся я.

— Смотри, я тебе покажу, — усмехнулся Джими. — секрет в том, что спичку надо загнуть одним движением, а затем резко так… Раз!

Ещё одна спичка зажглась, и я обнаружил, что у него огромные большие пальцы.

— Дай я попробую.

— Аккуратнее, а то не сможешь стучать по клавишам, если не получится.

Я попробовал, результат впечатлил. Настолько, что я пошел к другому столику продемонстрировать свой новый навык. Выбираешь спичку, гнёшь большим пальцем… резко щелкаешь пальцами… чувствуешь запах палёной кожи вперемешку с фосфором. Смущенные зрители, взглянув на меня, потянулись за своими стаканами, а я только тогда почувствовал боль. Весь следующий концерт большой палец напоминал мне о прошлом вечере, когда должен был вступать в игру.

Артур Браун прозвал меня «Хендриксом клавишных». Хотя я и восхищался Джими, я был смущен и польщен тем, что столь уважаемый современник с готовностью поставил меня в один ряд с кем–то из разряда Магнума 44 калибра. Я и Джими прошлым вечером вели себя как старые друзья, но когда мое «Привет» было проигнорировано, стало больно. В этом бизнесе отношения считались чем–то излишним, особенно в сочетании с

наркотиками.

Последним местом нашего тура был Глазго, зал под названием Green's Playhouse. Как и в любой последний вечер, бригада техобслуживания позволила себе как следует повеселиться. У группы Amen Corner был хит “Gin's House”, и когда Энди Фэйруэзер–Лоу (известный как Энди Фаулуэзер–Хай) упал на колени, чтобы нанести удар в последний раз перед сотнями вопящих девиц, техники услужливо окружили его стаканами воды и в дополнение прибили к полу мой орган. На прощальной вечеринке члены бригады устраивали конкурсы, измеряя, чей краб больше, раздавливая их между монетками. Если этого было мало, делились, у кого было больше половых болезней.

Ли вспоминает:

> После окончания тура наша цена взлетела до 400 фунтов за вечер.

Я съехал с дыры на Кромвелл роуд и поселился в квартире на третьем этаже в Дрэйтон Гарденс, вместе с Дэйви.

7. Первый прорыв в США

Если Америка была беременна «обещаниями и ожиданиями», то нам это лишь предстояло выяснить. Из аэропорта Хитроу следовал наш трансатлантический рейс до Нью–Йорка. Нам обещали две недели в Scene Club, принадлежавшего Стиву Полу, и, возможно, пару концертов на Западном побережье.

Это произошло в феврале 1968–го. Год, в котором астронавты выйдут на орбиту Луны, и в то же время почтовые расходы поднимутся на шесть пенсов, что приведет к недовольству остального населения Америки. Мартин Лютер Кинг и Бобби Кеннеди начали привлекать вниманию мировой общественности.

«Scene Club» являлся своего рода гаванью для многих артистов из андерграунда с Восточного побережья. К нему благоволил сам Энди Уорхол, там выросли и обитали Velvet Underground, Нико и и Лу Рид. Если ты хочешь покорить Америку, то этот клуб, подобно атомному реактору, может разогнать твою молекулярную структуру настолько, что представления о музыке изменятся у всей планеты. Если ты найдешь своё место в этом мире в нужное время, нужное место находится всего лишь за одной дверью. Шестьсот мрачных тусклых квадратных метров находятся глубоко в недрах Нью–Йорка. Кошмар для любого роуди, потому что размер его сцены не больше, чем полка над камином. К тому же она не смотрит прямо в зал с беспорядочно расставленными столами и стульями. Полка могла сузиться, но только не система обеспечения питанием: хот–доги в изобилии лежали на вращающихся полифонических турбинах.

Полёт через Атлантический океан являлся новым опытом для всех нас. До этого я летал только на небольшие расстояния. Во время десятичасового перелета (при попутном ветре) мы с ума сходили, обнаружив, что каждое кресло оборудовано стерео–наушниками, где можно услышать музыку на любой вкус.

— Послушай седьмой канал… Майлз Дэвис.

— ЧТО? ЭЙ, НА ВТОРОМ КАНАЛЕ «ЖАР–ПТИЦА»[20]!

Остальные пассажиры были очень недовольны, но терпели. Наконец, подали обед. Кое–кто оставил пакетики с перцем, солью и салфетками на память. Чем ближе мы подлетали к пункту назначения, тем более возбужденными становились. Блинки и Ли умудрились посетить кабину пилотов, и оба возвращались по проходу, бормоча что–то под нос. «Ух ты, круто!» — Дэйви сидел и тихо улыбался. Когда мы приземлились, нас охватило лёгкое

разочарование. Знаменитых небоскребов не видно, только какой–то безликий пейзаж. После высадки пришлось стоять в бесконечной очереди к иммиграционному контролю, который, казалось, проверял всех на причастность к родственности убийцы Авраама Линкольна.

— Ух ты! — воскликнул Дэйви. — Глянь на пушку того полицейского. КРУТО!

Мы видели подобное лишь по телевизору, а теперь сами находимся в центре событий. Люди смотрели на нас с подозрением. Не думаю, что наше появление было таким уж возмутительным. Наши волосы не были столь длинными, но любая длина ниже воротничка вызывала вопрос: «Парни, вы из группы?»

— Да, — ответил я вежливо представителю паспортного контроля.

— На какое время Вы прибыли?

— Это есть в моей визе. Думаю, где–то на месяц.

Далее проследовала длинная пауза, пока он искал моё имя среди отцов–пилигримов и наконец — бац–бац! — документы проштампованы и возвращены владельцу. «Добро пожаловать в Соединённые Штаты Америки!» — произнёс страж, и я поспешно проследовал дальше, покрывшись гусиной кожей.

В город нас должна доставить нас специальная машина. Забрав свой багаж (у меня было всё новенькое, специально купленное папой и мамой), мы покатили тележки на улицу, где нас ожидала огромная машина — такую мы никогда не видели.

— Блин, это же лимузин! — заорал Ли.

— Вау! Круто! — ответил Дэйви.

Внутри оказались телевизор, стереофоническое радио, бар и кондиционер — все те роскошества, которых не было в наших конурах в Англии. Блинки включил радио и начал прокручивать ручку настройки, улавливая тысячи станций. В Англии у нас было всего три, и они транслировались в моно. Он нашел джазовую радиостанцию.

— Мы должны пойти в центр города и зайти в джазовые клубы — «Village Vanguard» и «Blue Note».

У Ли были свои идеи, и они не касались дум–дум–дум–дум музыки, как он частенько называл джаз.

Дэйви первым увидел Эмпайр Стейт Билдинг.

— Где?

Мы опустили стекло и высунули головы из окна в направлении Манхэттена, возникшего из облаков смога.

— Думаю, это был он. — ответил Дэйви. — Только что исчез за той высоткой.

Нам удалось увидеть его перед тем, как мы въехали в мост через Гудзон. Знаменитый небоскрёб мне не показался огромным, но угол зрения изменился в тот момент, когда лимузин въехал на остров. На улицах темно из–за грандиозных монолитных структур, решетки на тротуарах изрыгают клубы паров, словно под землей находится ад. Гнилая снедь уличных продавцов впитала в себя загрязненный воздух — вы можете ощутить вкус жареного лука и свинца, но каким–то образом эта смесь заряжает тебя фантастическим воодушевлением.

Мы встретили Эндрю Олдэма в отеле около Центрального парка и провели короткое совещание. Чтобы сэкономить на транспортных расходах, мы арендовали оборудование здесь, и я получил драгоценный урок.

> За день до первого шоу в «Scene», — вспоминает Ли. — мы должны были арендовать Хаммонд для Кита. Денег у нас было немного, и Эндрю Олдэм дал Киту сто долларов на такси. У нас был адрес одного места, но мы не выяснили, как далеко оно от нас. Короче, мы сели в такси, проехали около трёх кварталов и оказались у нужного шоурума. Когда мы вылезли, я спросил Кита, взял ли он сдачу, а он ответил, что нет. Я поинтересовался, что он имел в виду. Он ответил: «Ну, водитель попросил семьдесят восемь, и я сказал, что сдачи не надо». «Кит, он имел в виду центы, а не доллары! Ты ему подарил недельную зарплату… неудивительно, что он сжег резину, когда отъезжал от нас!»

Я купил свою первую американскую еду перед там, как заселиться в отель. Гамбургер и шоколадный коктейль — ничего вкуснее я ещё не пробовал. Наш отель пах совсем по–другому и больше походил на раздевалку регбистов, где не убирают мусор и ещё… маленькие, покрытые бронёй существа с локаторами, поспешно скрывающиеся в трещинах и щелях.

— Терпеть их не могу, что бы это ни было — заявил Блинки.

— Тараканы — заметил Дэйви.

— Накрой их башмаком и отправь в мою комнату — сказал Ли.

— Круто. Я бы не волновался из–за них, — ответил Дэйви. — если твоя комната чем–то отличается от моей, ты всё равно найдешь у себя целое стадо.

Биологические часы были запрограммированы на английское время, но мы решили съездить в Scene Club. Как только я вышел из отеля и огляделся вокруг, ко мне подошла стройная коротко

стриженная блондинка.

— Мне нравится твой акцент… ты должно быть из Англии.

Ничего себе! Я не привык, что особи противоположного пола так открыто подходили ко мне (английские девушки сравнительно более скромные). Плюнув на время, я принял её предложение выкурить косяк и пригласил — её звали Линн — к себе в номер. Проходя через холл отеля, я был вновь поражен тем, что служащие не обратили внимания на то, что вероятно превратится нечто большее, чем свидание тет–а–тет. У нас дома, как минимум, нужно зарегистрироваться как мистер и миссис и показать свидетельство о регистрации брака. И только тогда вам позволен поцелуй на ночь на месте происшествия. Устроившись в номере, она скрутила сигарету с такой тщательностью, что словить кайф из получившейся соломинки можно только, затянувшись как следует. Но мы оба знали, что то была не главная причина, почему мы собрались здесь, и перешли к более важным вещам.

На следующий день, перед нашим первым шоу, Линн пригласила меня к своему другу, проживавшему в роскошных апартаментах неподалёку от южной части Центрального Парка. У меня не было времени привыкнуть к американской прямолинейности и, по определённым причинам, знакомство с очень привлекательной зрелой блондинкой (приблизительно лет на десять старше меня) заставляло чувствовать себя слегка напуганным. Линн была очень довольна нашим знакомством.

— Разве он не клёвый! Вам разве не нравится его говор? — её переполняли эмоции.

Но там было совсем не уютно; в квартире присутствовал ещё один парень, который нашел меня столь же привлекательным, как и Эдгара Гувера. Оказалось, что он — муж подруги Линн и через некоторое время должен уйти. Мы сидели и пили чай, пока ему не намекнули, что пора знать честь. Тогда две девушки стали ещё дружелюбнее и веселее. Они достали таблетки и предложили их мне. Вспомнив о Гамбурге, я отказался.

— Они тебя лучше возбудят, вовсе не потому, что тебе нужна помощь, — прошептала Линн. Происходящее настолько интриговало и что бы ни произошло, я не хотел упускать свой шанс и заглотнул таблетку. Линн протянула ладонь к своей подруге.

— У него большой член.

Я должен сам в этом удостовериться. Не думаю, что он настолько велик, но им понравился.

— Давайте примем вместе ванну, — заявила подруга, как будто произнесла что–то типа «давайте сыграем партию в нарды».

Они пошли готовить ванную, раздеваясь при этом.

Там была огромная круглая ванна, пена из которой переливалась не только из–за присутсвия двух разгоряченных женщин.

— Ну, ты идешь к нам?

Подруга обладала телом, по моим незрелым меркам, как у кинозвезды — большая грудь, тонкая талия. Однозначно, о таком я не мечтал и в самых диких снах. Неуклюжий любовный треугольник развернулся на полотенцах, разбросанных на кровати, и в какой–то момент я из участника превратился в наблюдателя. Линн получала огромное удовлетворение от своей подруги (я многое почерпнул из этого урока). Чтобы я не скучал, Линн предложила удовлетворить её подругу. Во время процесса удовлетворения я пренебрег собственным, сосредоточившись на мысли — этично ли трахать хозяйку, особенно в присутствии её лучшей подруги.

Тревога увеличилась, когда в голову пришла мысль, что один мой выстрел должен удовлетворить их обеих и потребуется какой–то время для перезарядки. Несмотря на некоторое замешательство, кажется, все отлично провели время, и мне нужно ковылять в клуб на саунд–чек.

— Увидимся вечером после концерта? — пропели они.

— Обязательно! — прохрипел я.

Улыбка до ушей, мне не терпится попасть в клуб, но к моему разочарованию парни внешне никак не показали свою заинтересованность. Нам предстояло сыграть концерт. Народу набралось средненько, человек двадцать пять. На нас отреагировали скорее из вежливого интереса, поэтому я не мог дождаться окончания нашего последнего сета и вернуться к Линн и её подруге, чтобы повторить наш спектакль.

В два часа ночи я выхожу в обнимку с обеими. Поднимаясь по ступенькам к такси, я с неудовольствием обнаружил, что за нами увязался какой–то их друг. Ещё больше я забеспокоился, когда уже в квартире, пластинки гремят, пиво льётся рекой — и тут они ведут того парня в спальню, где в обед я предавался утехам.

— Давай, присоединяйся к нам — воскликнула Линн.

Меня не прельщала идея рассматривать волосатую задницу того парня возле моего гарема, и я отказался. «Нет, спасибо. Я лучше здесь посижу и попью пиво».

Уставившись в пол, мне пришлось слушать до боли знакомые звуки её оргазма. Странно, но мои глаза затуманились. Когда туман рассеялся, я сидел и смотрел на пятно на полу, осознав, что плачу. Какой же я дурак! Я решил, что влюбляюсь. Для неё это было в порядке вещей: как руку пожать. Я не мог объяснить

или оправдать ни её действия, ни собственные. Я лишь знал, что это неправильно. В начале всё было прикольно, но настало время уйти. Любовные стоны нарастали, я рассчитывал, что они заглушают мои шаги, в то время, как я покидал квартиру. На цыпочках я вышел в коридор и осторожно прикрыл дверь — замок тихонько щелкнул — и вышел в ночь, чтобы добраться до отеля, лечь в постель и накрыться подушкой.

Когда я проснулся, то все ещё чувствовал себя разбитым, но заставил себя подняться. Мне нужно отстроить звучание своего американского Хаммонда. Компания, выдавшая инструмент в аренду, понятия не имела, как я обращаюсь со своим у себя дома. Баз увещевал меня *«не перегибать палку»* на сцене, что оказалось не лёгким делом. В клубе оказалось пианино, и после обеда я часто просиживал за ним, разбирал ноты в поисках чего–нибудь подходящего для нашей группы. Два парня и девчонка, работавшие в клубе уборщиками, как–то подслушали мои упражнения.

— Бах! — воскликнули они. — Здорово, это же Третий Бранденбургский концерт.

Вторжение меня слегка напрягло, но я позволил им взглянуть на ноты.

— Окей, Гэвин, ты отвечаешь за контрабасы и виолончели, я закрываю альты, скрипки и так далее, а ты, Сандра, играешь верхние партии.

Во взгляде Сандры чувствовалось, что ей уже хватает верхов. Шесть рук лихо пустились извлекать звуки, а три головы играли с листа всю оркестровку. Звуки, что они издавали, напоминали механическое пианино. Вероятно, этот инструмент никогда не подвергался такой интенсивной атаке. Тем не менее, общее впечатление было восхитительным. Опа, они споткнулись на третьей странице… небольшое совещание, как расположить руки… и снова взяли старт. Наконец, они поняли, что отняли слишком много времени, и вернулись к своим прямым обязанностям, а я остался наедине со своими мыслями, стоит ли вообще прикасаться к этому произведению.

Аудитория в клубе росла каждый вечер. Ли не терял бдительности и решил, что Нико из группы Velvet Underground присутствовала каждый вечер и смотрела на меня. Настало время для меня и Блинки и посетить наших богов. Мы забрались в жёлтое такси и отправились в центр. Это Village Vanguard? Не важно. Что было важно, так это возможность увидеть наших героев — Уинтона Келли, Хэнка Мобли, Кларка Терри и Джимми Кобба. Я вырос на этих звуках, слушая их в доме Джеда, а теперь я вижу их авторов собственными глазами. Когда они закончили

играть, раздалось несколько вежливых хлопков. Казалось, что большая часть клиентуры зашла просто, чтобы пропустить стаканчик. Как будто перед ними выступал средненький бэнд их гостиничного холла. Я был расстроен. Большое Яблоко оказалось слишком крупным для первого раза; я попытался выплюнуть косточки. В музыкальном плане молва о нашем вторжении в США дошла до родных берегов, и то была добрая молва. 10 февраля 1968 года *Melody Maker* написала: «Nice замечательно выступают на клубной сцене Нью–Йорка, их “Rondo” вызвала бурю эмоций».

> Nine times the colour red explodes like heated blood,
> The battle is on!
> Quick! Find another fire.[21]
>
> Девятый раз взрывается цвет красный словно, кипящая кровь,
> Битва началась!
> Быстро! Найди другой огонь.

Эти слова взяты из посвященного астрологии концептуального альбома группы, чье название вылетело из головы. Наш репертуар таким образом пополнился новым произведением, которое я грозно нашептывал в микрофон каждый вечер перед тем, как взорваться в спонтанном безумии, сознавая, что из угла на меня смотрит блондинка, Овен, похожая на Ким Новак. После окончания концерта она, казалось, полностью поглощена разговором с барменом. Когда я оглянулся, её уже и след простыл. Синяки ещё не зажили (я получил их несколько дней назад), но я рискнул нарваться и спросил бармена, что это за ангел.

— Она очень милая леди, — вздохнул он. — учится пению и танцам. Отзывается на имя Клео, хотя, я сомневаюсь, что это её настоящее имя.

— У неё есть парень? — спросил я как можно равнодушнее.

— О нет! Я никогда не видел Клео в компании мужчин. Она хорошая девочка.

Я был заинтригован и в то же время по–дурацки оптимистичен. Я отметил её имя в уме в надежде, что в следующий раз подойду к ней. Мне нужна компания в городе, который никогда не спит, но не из числа подружек на одну ночь.

Когда мы дошли до её дома, обсуждая по дороге знаки Зодиака, я начал понимать, как был прав бармен — она действительно хорошая девушка. Поцелуй на прощанье и обещание увидеться на следующий день были достаточно

невинными, и наш роман разгорался под сводами клуба. Теперь я играл композицию “Aries — The Fire Fighter” с удвоенной энергией.

The Nice отреагировали на удивление сдержанно, глядя на серьезные намерения с моей стороны. За исключением Ли, остальные предпочитали раскрывать новые сторон своей личности, иногда прибегая к помощи странных субстанций. Они могли продолжать и дальше открывать себя, так как нам предложили две недели выступлений в нью–йоркском клубе «Electric Circus». В планах стояло новое посещение Штатов в июне, после апрельского турне по Швеции.

«Electric Circus» представлял собой один большой близорукий психоделический рог изобилия. Кружащиеся цветные диски, проецирующиеся повсюду, придают нужный дезориентирующий эффект, если кто–то ещё его не достиг. Я не помню наше выступление в тот вечер, сомневаюсь, что и аудитория его помнит. Но мы не пали жертвой наркокультуры. Ли и я в общем больше увлекались выпивкой. Правильнее сказать, Ли был счастлив с выпивкой и первой «свободной».

За день до поездки в Лос–Анжелес я сидел с Клео на балконе «Electric Circus» и смотрел на толпу. Маленькая леди в сопровождении телохранителя прокладывала себе путь как раз в нашем направлении. Её появление вызвало переполох. Рядом со мной присела Джуди Гарлэнд.

— Мне нравится твоя шляпа — сказала она.

— А мне ваша.

— Хочешь поменяться?

Джуди Гарлэнд и я обменялись шляпами!

Самолёт медленно опускался над мигающими огнями и голубыми бассейнами, похожими на бирюзовые и лазуритовые украшения, словно расплескавшиеся на мозаике дизайнера Дэвида Хокни. Во время посадки Барбра Стрейзанд в роли смешной девчонки со своим огромным носом, вмещающим небольшую мексиканскую семью, веселее всё же смотреть в кинотеатре для автомобилистов. Во всяком случае воздух был менее тягостный, но все же отравляющий. Если вам повезёт, то в хороший день можно увидеть голубое небо, свободное от монолитных мусорных контейнеров. Но, послушайте… здесь играли The Doors! Те самые The Doors, у которых есть псевдо–классическое вступление а ля барокко к зажигающимся огням. Procol Harum до этого зажгли один, да и мы тоже. Так что в этом есть доля нашего наследия. Мы находились в той же гримёрке клуба «Whisky a Go–Go», что и Doors. Удовольствия немного —

смотреть на высохшую краску и мух, ползающих по шторам. Баз установил Hammond L100 (делая вид, что на нём играют в холле отеля и очень хорошо заботятся), а мы в это время готовились к пяти дням на сцене клуба.

После первого дня Ли свалился с ларингитом. Нам предстояло растянуть концерт, но мне пришла в голову идея. Мы напичкали Ли антибиотиками, и если хорошенько его встряхнуть, то он звучал как маракасы Мика Джеггера. Лёжа в постели Ли написал кучу текстов.

Даже будучи больным — а он играл на басе, оперевшись о стену, — Ли не мог удержаться от смеха, слушая, как я пою. У него был ларингит, но по мнению остальных, у меня был тяжёлый случай «атлетического голоса», доказательством чему аудитория быстро опустела.

Никогда не видел, чтобы кто–то так быстро шёл на поправку.

Аудитория в «Whisky» сильно отличалась от нью–йоркской. Толпа в Scene сидела и слушала, «Вискари» хотели танцевать или хотя бы немного покружиться. Мы под такие цели не подходили, да и не горели желанием. Терпению пришел конец после того, как какой–то одинокий танцор, затребовав битловскую Money, помог невинному Хаммонду упасть со сцены на пол, разбившись в дребезги. Бедный, он стал частью древесного покрытия клуба.

Веря в слова нашей песни *«у нас есть все, что нам нужно, мы художники»,* не оглядываясь, мы сели в арендованную машину и направились на север, до зала Fillmore West в Сан–Франциско. С собой у нас было несколько таблеток мескалина.

Ли очень боялся галлюциногенов. Он был убежден, что жизнь и так слишком реальна без всяких искусственных добавок.

Я, тем не менее, «закинулся».

Вдруг стало темно. «Биг Сюр»[22] располагался где–то слева от нас, но к тому времени, когда подействовала кислота и машина въехала на «пит–стоп», он находился где–то справа. Все, кроме Ли, искали свой рассудок, поэтому мы начали искать Ли. Не получилось, потому что не могли найти даже себя. Что было важнее, так это еда. Вывалившись из транспортного средства как конфетти на свадьбе, мы ржали и хихикали по дороге к огням забегаловки. Мы остановились и принялись разглядывать лица людей.

— ЕШЬТЕ СВОЙ УЖИН! — орал Блинки, потревожив какую–то семью. Его нос расплющился по стеклу в окружении остальной части лица.

— Ну чё, красавчики! Таким макаром вы еду не получите. Ведите себя, как белые люди! — ответил Ли, всегда дипломатичный в потенциально недипломатичной ситуации.

Подумав секунду над поведением белых людей, мы так и не решили, что это такое — противоположность поведению черных людей? Если так, то я и понятия не имел об этом. Я просто играл самого себя. Мы доверились Ли и последовали за ним, столкнувшись с исполняющим обязанности… чего?

Наш вид им совершенно не понравился.

Мне наш вид тоже не понравился, но было слишком поздно даже для Видала Сассуна[23], чтобы произвести необходимые изменения. В конце концов нам пришлось купить еду из автомата возле соседнего мотеля. Жадно проглотив шоколадные батончики, я вырубился под звуки «Биг Сюра», всю ночь долбившего по мозгам… *всю ночь*! Такое ощущение, что мой мозг попал в гигантскую посудомоечную машину со стерео–эффектом.

В Сан–Франциско мы выступили на следующий день. У Ли пропал один из колокольчиков. Все равно это походило на ввоз большой партии угля в Ньюкасл, только на шее… и в стране цветов. Кроме того, если бы Стив Маккуин слонялся с таким количеством побрякушек в *«Побеге»,* он точно бы докатился до исполнения «Trolley song»[24].

Блинки до сих пор испытывал действие кислоты, и когда он увидел муляж паука на фургоне фирмы по борьбе с насекомыми, то подсел на измену и уверял, что они его преследуют с самого Нью–Йорка.

На концерте в Филлмор Уэсте мы выступали вместе с The Who и Кэннонболом Эддерли. Перед концертом я набрёл на какую–то лавку и прикупил белый кожаный жакет с бахромой, а также черную байкерскую куртку, как у Марлона Брандо в фильме *«Дикарь».*

Байк у меня появится позднее.

На сцене Филлмора меня беспокоил один выскочка с недовольным лицом, резко выделявшийся из общей восторженной массы. Он здорово действовал на нервы, брань изрыгалась до самого конца нашего выступления. Я был смущен. Это же земля любви, мира и власти цветов, и ещё никогда мне не приходилось встречаться с агрессией, направленной на меня из зала. Я начал анализировать своё выступления, думая: «Что ж, парень наверное прав». После того, как я немного пришел в себя после концерта, я тихонько вышел в зал посмотреть на The Who. Тот же выскочка вёл себя так же, выкрикивая ругательства в адрес Пита Таунсенда, ещё более изощренные.

Оперевшись о стену, я стал ждать, насколько хватит Пита терпеть выходки парня. По общим отзывам, Пит был менее сдержанным, чем я. Он доказал это, сняв гитару и ударив ею того выскочку по голове, как будто прибил муху. Мне было стыдно. Не

стоит так относиться к тем, кто тебя не принимает, особенно если его уносят на носилках.

8. Пожарные работы

Сан–Франциско сохранил дух свободы таким, каким он был в шестидесятые; бризы с Тихого океана всё так же дуют под Золотыми воротами. В столь многонациональном мегаполисе можно придумать любое новое слово для обозначения чего угодно. Дошло до того, что Сан–Франциско назвали «столицей либеральных шестидесятых», чем жители города были немало смущены. Они заменили слова «педик» и «гомик» более предпочтительными для своего климата. Неожиданно сексуальная ориентация стала называться «гей», и даже полиция под определенным воздействием приняла слово в официальное обращение.

Шокировать жителей Сан–Франциско очень непросто, хотя The Nice приложили максимум усилий. Мне не хватало нью–йоркских хот–догов от Натана и фруктовых коктейлей Orange Julius, но больше всего я скучал по Клео, познакомившей меня с ними. Аудитория была правильной — люди сидели на полу, скрестив ноги по–турецки, всегда обдолбанные. Они смотрели в направлении сцены — центра активности. Даже техники выражали свой «вау» и «круто» ещё до того, как мы там показались. Фурор нам был гарантирован. Мы впитали всё самое ценное, добились успеха и вернулись домой в Англию, вдруг показавшуюся очень маленькой по сравнению с бескрайними просторами и роскошью нашего нового жизненного опыта.

И вновь я нырнул в свою спальную в Дрэйтон Гарденс, казавшуюся теперь кукольным домиком из каталога Lego.

Журнал *Disc* написал 23 марта 1968 г.:

> The Nice приняли в Штатах настолько хорошо, что их там ждут в мае. Неплохо для группы без хита, но если вы увидите их живьем, то вряд ли удивитесь…

На самом деле наше возвращение в США произойдет несколько позднее. Там временем мы продолжали гастролировать по зелёной и славной английской земле[25]. Наша репутация крепла, аудитория росла постоянно. Наш стиль диктовался цветами, миром и любовью, мыслями о хорошем, часто под воздействием определённых субстанций. Цветы, колокольчики, ароматизированные палочки играли большую роль в нашем имидже. Мы походили на передвигающиеся рождественские ёлки. Ли рядился в одеяния вельможи при дворе хана Хубилая, нацепив на шею ещё один колокольчик. Мы представляли собой полный

разброс как в географическом, так и культурном плане. Когда The Nice шли по Уордор стрит в направлении «Марки», Дэйви с Брайаном пытались конкурировать с ним своими индийскими медными колокольчиками. Я замыкал шествие — даже без набора музыкальных подвесок[26] — зато в псевдо–марокканском халате и замшевых туфлях с кисточками. Все вместе мы были похожи на потерянное стадо горных козлов в поисках Джули Эндрюс[27]. *«Холмы наполнены звуками… динь! дон! звяк…бряк».* Лондонские таксисты качали головой, не веря своим глазам.

Наш альбом *«The Thoughts of Emerlist Davjack»* продолжал получать значительную долю внимания и возмущения и даже появился в нижней части английского хит–парада. Мы узнали, что одна из мамаш поколения детей цветов назвала своего ребёнка Эмерлист Дэвджэк. Я переписывался с Клео; каждую неделю мы посылали друг другу письма. Она откладывала деньги, чтобы приехать ко мне в Англию.

В мае мы впервые поехали играть для итальянцев, которые придумали самую сложную в мире еду — спагетти. Им вообще не нужно особо стараться, чтобы легчайшую задачу превратить в полный кошмар. Они всегда такие.

Тур включал Traffic, Pink Floyd, Captain Beefheart, Ten Years After и The Move. Нам предстояло играть в Милане и Риме. Как мы и предполагали — это был полный хаос, особенно после сета The Move, объявлявших начало своего выступления обильной дозой пиротехники, из–за чего вся итальянская армия встала на уши, как будто началась Третья мировая война, даже без Муссолини.

Мы отправили молнию Джеку Барри, владельцу клубов «Marquee» и «La Chasse»:

> «Идёт дождь ТЧК Прошлой ночью произошел беспорядок ТЧК Орган разбит ТЧК Барабаны вдребезги ТЧК Деньги украли ТЧК Парень нам не заплатил ТЧК Не можем улететь ТЧК Дэйви снова потерял паспорт ТЧК Въезд в Италию нам запрещен навсегда ТЧК Ещё хочешь стать нашим менеджером? ТЧК».

Нам нужен был менеджер, пусть и не Джек Барри. Наши первые финансовые ведомости в Immediate показали, что определённые счета из отелей и дорожные расходы из американского турне удержаны из наших авторских гонораров. По нашему мнению — не справедливо, хотя в те дни это было обычной практикой. Мы считали, что расходы нужно нести совместно. Барри порекомендовал мне обратиться к джентльмену по имени Тони Стрэттон–Смит, но предупредил, чего от него

можно ожидать: в лучшем случае — отсутствия желания, в худшем — полный отказ, если речь зайдет о менеджменте. Он очень сильно переживал по поводу распада своего последнего бэнда — The Koobas.

Как–то вечером в Speakeasy мне сказали, что он находится в толпе этих прекрасных людей, и я отправился на его поиски. Неудивительно, но он нашелся возле барной стойки, где я и представился.

«Я знаю, кто ты!» — пророкотал он самым живым образом, хлопнув по плечу, словно старого школьного товарища. Он был похож на Орсона Уэллса, его манера говорить напоминала нечто среднее между Джеком Хокинсом и Патриком Макни из сериала «*Мстители*».

«Я видел вас в «Марки» и должен признать, вы меня очень впечатлили, но ваш маркетинг вообще никудышный. У бэнда нет центральной фигуры, тебе следует быть больше в центре. Если бы я был вашим менеджером…».

Мне удалось его прервать его тираду: «Об этом я и пришел тебя просить».

«*Если бы… я* был вашим менеджером, — продолжал он, не замечая мои слова. — но я не хочу возвращаться ко всему этому снова. Группы — ничего кроме тяжелого труда и… несчастья».

Теперь я *действительно* хотел, чтобы он стал нашим менеджером, и продолжил его уговаривать: «Мы можем все вместе встретиться и переговорить?»

«Я должен подумать. Вот мой номер телефона. Позвони мне через пару недель».

Под влиянием Брайана Дэйвисона мы обратились к всякой «смури». Он склонялся к музыке The Doors, Фрэнка Заппы, Чарльза Ллойда, Колтрейна и звуков травы. Ли же предпочитал оказывать влияние на девушек–групи из «Марки». Я не стал спрашивать, куда подевался мой хлыст (вероятно, он стал частью антуража спальни Ли), так же, как не спросил Брайана, зачем ему понадобился набор гонгов (он благоразумно окружил себя ими, чтобы защититься от летающих кинжалов).

Взяв пример с Дюка Эллингтона, который всегда писал, учитывая особенности участников своего коллектива, я начал работу над первой оркестровой пьесой “Ars Longa Vita Brevis” (Жизнь коротка, искусство вечно… Ли немного знал латынь).

Проживание вместе с Дэйви О'Листом в бытовом плане представляло собой кромешный ад, намного хуже показанного в телесериале *«Странная пара».* Меня всё больше беспокоила его замкнутость и отчаянный поиск своего стиля, отличного от Клэптоновского и Хендриксовского, превалировавших в те

времени. Он хотел выработать собственный стиль с маниакальной одержимостью.

Я занимал большую из двух спальных комнат в виде буквы L на втором этаже. На первом этаже кухня примыкала к ванной с туалетом, рядом с небольшим холлом. Поскольку моя комната была больше, иногда она служила, к моему ужасу, в качестве гостиной. Нередко возвращаясь домой, один или в сопровождении, я находил у себя Дэйви с его друзьями в очередном «трипе», а на моих пластинках сворачивали косяки. Остатки еды представляли собой рай для бактерий. Александру Флемингу стоило восстать из мёртвых и открыть новый вид антибиотиков. У нас в Дрэйтон Гарденс ему были бы очень рады; шестидесятые однозначно нуждались в его открытиях.

Волей–неволей мне пришлось играть роль разгневанной домохозяйки и ругать, жаловаться и убирать за Дэйви. Я решил украсить нашу кухню в стиле Дали и разлил по стенам краски разных цветов. Для полной картины я взял банку тушенки — свой ужин — и кинул её в кипящую кастрюлю, и когда банка взорвалась, её содержимое осело на ещё не высохших стенах. Я уверен, что моя картина превзошла висящие яйца Дали, хотя бы тем, что была трёхмерной.

Пристрастие Дэйви к наркотикам постепенно стало предметом жестоких шуток. Однажды он по ошибке растолок шоколадку вместе с табаком. У каждой группы той эры насчитывалось немало похожих историй, которыми иногда гордились. Мы не были исключением. В конце концов, трудно было противостоять искушениям, о последствиях мы и не думали — в общем, были очень беспечными. Наша незрелость лишь предполагала защищать свой лагерь, игнорируя настоящие проблемы. Лагерь — это всё, что у нас есть! Мы защищали лагерь! Проблемы могли быть только у других. Лечение и общество анонимных алкоголиков — полное безумие. Я не очень–то помог, видя, как Дэйви съезжал с катушек.

Он сидел в туалете достаточно долго, чтобы я из окна своей L–образной комнаты вытащил охотничий рожок и незаметно расположил раструб над сидящим обдолбанным Дэйви. Приложив губы к мундштуку, набрав полные лёгкие воздуха, я выдохнул с такой силой, что мог разбудить гончих в Ист Гринстеде[28]. Этого было достаточно, чтобы он взлетел с насеста, как ракета с мыса Канаверал. Экскременты разлетелись по собственной орбите. Пришлось его соскребать с потолка — в шоке, оглушенного, запачканного. Удивительно, что он сохранил частичку юмора.

«УБЛЮДОК!» — проорал он. Между нами не было никаких проблем, мы оба смеялись над смешными сторонами всего, что

угодно… в те времена.

Шутка прошла, туалет был вымыт. Клео написала, что у неё накопилось достаточно денег, чтобы приехать ко мне. После нашего отъезда в её стране случилось много плохих вещей. В письмах она писала про те же грозные образы, что мы наблюдали тогда сами: один раз мы видели, как коп вытащил пушку просто за то, что кто–то не оплатил парковку. Любой с длинными волосами назывался «пидором». Когда Мартин Лютер Кинг, который не носил длинных волос, встал и рассказал людям о своей мечте и был застрелен за это 4 апреля 1968 года, я решил держать свои мечты при себе!

22 ноября 1963 г. — день убийства Джона Кеннеди навсегда останется в памяти человечества.

Я проехал пять миль из дома до церкви в своём родном городе Уэртинге с огромной пачкой нот, привязанной к раме, прицепил велосипед к перилам и вошел внутрь. В зале было 22 человека, игравших в молодежном джазовом оркестре Уэртинга. Я как обычно перекинулся кое с кем приветствиями; остальные были заняты настройкой инструментов, а дирижёр Вик Йейтс вынул палочку, взмахнул ею, предупреждая, что скоро начинаем. Наш первый тромбонист прибыл последним. Он занял своё место с выражением шока на лице, прошептав пару слов так, что только близко стоявшие могли услышать. Чтобы он ни произнёс, все вокруг забеспокоились. Вику пришлось выяснить причину.

«Не уверен, правильно ли я понял, но по радио сообщили, что президента Кеннеди застрелили» — ответил тромбонист.

В зале воцарилось молчание, все пытались вникнуть в смысл слов. Кеннеди, самый молодой президент Америки, с юной и красивой женой, заслужил любовь европейцев после своей речи «Ich bin ein Berliner» (Я — житель Берлина). Мы знали, что это не так, но всем понравилось. Вряд ли его могли застрелить за это?

Молчание переросло в шум, пока Вик не вознёс палочку. «Номер 48, — сказал он. — Глен Миллер, “Amercan Patrol”». Мы усердно принялись играть свои партии.

Я помню выражение лиц родителей в свете лампы, когда я приехал домой после репетиции — всё стало понятно. Кеннеди был мёртв. Перед тем, как лечь спать, только отец смог сказать что–то существенное: «Америка — это Голливуд. Ничего удивительного, что они пытаются решать свои проблемы с стиле Джона Уэйна».

5 июня 1968 года. The Nice возвращались с концерта на острове Уайт на пароме через пролив Солент. Ещё одну дыру прожгли в достоинстве Америки, и новости распространились

быстрее, чем птичка успела метнуть свою бомбу: БОББИ КЕННЕДИ ЗАСТРЕЛЕН В БУФЕТЕ ОТЕЛЯ.

Он что, положил слишком много соуса к мясу? На следующий день он скончался. Пару недель до этого мы начали репетировать композицию Леонарда Бернстайна «Америка», в основном потому, что Ли чувствовал, что она получит такой же продолжительный резонанс, как и «Рондо». Пока я смотрел на море, меня осенило. Мы должны высказать свою позицию обо всём происходящем! Если Боб Дилан и его английский аналог Донован пишут песни протеста, почему мы не можем? Мы сделаем первую инструментальную пьесу протеста! Более чистые образы симфонии «Из Нового света» Дворжака дополнят дело.

Я предложил идею группе, и через неделю мы отправились в студию «Олимпик». Эндрю Олдэм стоит со стартовым пистолетом, готовый дать нам сигнал о начале записи. Вступление церковного органа, записанное на переносной магнитофон в церкви неподалёку, было встречено Олдэмом маниакальным криком, пока он заряжал свой пистолет. От полученной записи мурашки по коже бегали, дело довершил маленький сын ПиПи Арнолд, произнёсший слова Ли Джексона, слишком взрослые для трёхлетнего ребёнка: «Америка обременена обещаниями и ожиданиями, но её погубила рука неизбежного».

Я прописал сверху партию фортепиано, но у нас было мало времени на микширование. Забронированное время в студии истекло, завтра нужно ехать на концерт. Мы оставили Эндрю в студии, предварительно договорившись вернуться туда и смикшировать «Америку» в течение двух недель. Мы решили, что нашу версию стоит назвать так: «Америка: Вторая поправка», имея в виду право носить оружие.

Баз, наш роуди, возил нас по Англии вдоль и поперёк. Иногда нам удавалось поймать радиостанцию. BBC строго соблюдала директивы музыкального профсоюза, который настаивал на том, что оркестр английского радио сыграет намного лучше последние хиты. Поэтому обычной практикой считалось услышать свежие записи Beatles в исполнении эстрадного оркестра. И что за сюрприз — услышать запись «Америки» в оригинале, учитывая, что мы её не закончили.

Как это могло случиться? Конечно, нам было приятно услышать себя по радио, мы едва сдерживались, но микс был просто ужасный. Мы позвонили в Immediateза разъяснениями. Нам сказали, что Олдэм проторчал в студии всю ночь и самостоятельно смикшировал запись. Ему не терпелось выпустить её как можно быстрее. Я был взбешён, но уже ничего нельзя

сделать: десять тысяч копий сингла отпечатаны и находятся на пути в магазины.

Мы старались скрывать свою злость на звукозаписывающую компанию. Мы не показывали своего разочарования от того, что случилось с Великой страной, которую посетили несколько месяцев назад. Однако, неожиданно нам выпал шанс выразить оба чувства. 26 июня 1968 года в королевском Альберт–холле состоялся концерт в честь Года прав человека и Дня свободы Южной Африки, а также в помощь Международного фонда защиты и помощи для Южной Африки.

В концерте приняли участие Сэмми Дэвис Мл., оркестр Джона Дэнкворта с солисткой Клео Лэйн, Джули Феликс, семья Альфа Гарнетта (из комедийного телесериала *«Пока смерть не разлучит нас»* с Уорреном Митчеллом в главной роли. В США снимут свою версию под названием «*Все в семье*»), а также Джонатан Миллер. Нас включили вероятно потому, что продюсера (Тед Котчефф, который много лет спустя выпустит первый *Рэмбо* с Сильвестром Сталлоне) убедили, что The Nice представляют собой наиболее респектабельную часть английской поп–сцены, и мы наиболее подходящие кандидатуры среди многочисленных известных групп. Даже наше название звучит благопристойней, чем «Животные» (The Animals) или «Камни» (The Stones).

Черт возьми! Как они ошибались! Я два дня перед концертом усиленно практиковался, пробуя себя в «дриппинге»[29]. Я притащил к себе в спальню большой холст и два спрея с краской (красную и синюю). Семь красных полос нарисовать оказалось легко. Пятьдесят звёзд — немного сложнее, пока я не нашел выход. В конце концов, чтобы добиться нужной реакции и максимального эффекта, нужно работать быстро.

Самый разгар шоу, я рассматриваю сцену Альберт–холла, украшенную органом, барабанами, басом и гитарой из первых рядов. Выглядело всё вполне невинно. Ко мне подошёл Эндрю Олдэм и присел рядом. Я уже был с ним в плохих отношениях и то, что он сказал, не помогло.

— Продюсеру и администрации известно о твоей затее. Я бы стал этого делать.

Я был шокирован. Вот сидит экс–менеджер одной из самых известных групп, Rolling Stones — группы, известной тем, что они прилюдно мочились на стену бензозаправки и засовывали шоколадные плитки в интимные отверстия одной певицы. И он мне трусливо говорит, что рисование звёздно–полосатого есть что–то оскорбительное. Он продолжал говорить, что риски слишком велики, так как в зале находятся несколько известных американских генералов, и если я не отступлюсь от задуманного,

то за последствия он не отвечает.

В гримёрке, по мере того, как приближалась наша очередь, на меня продолжали наседать и остальные участники группы: все начали реально беспокоиться.

— Послушайте, ничего страшного. Это всего лишь картина, вашу мать. Всё понарошку, — отвечал я.

На сцене пел и танцевал Сэмми Дэвис. Настала наша очередь.

«ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ… THE NICE!»

Выход на сцену остался в моей памяти особым моментом. Не только из–за того, что в зале присутствовали сотрудники американского посольства и генералы, но самое главное — мои родители и бабушка.

Несколько вежливых хлопков, и мы принялись играть вещи из первого альбома плюс немного импровизации.

— Браво! Браво! — кричала аудитория.

Мы полностью завоевали сердца слушателей, и, наконец, настал час последнего номера — «Америки».

Белый пустой холст находился на месте, и я поднялся по ступенькам к большому органу Альберт–холла. Мы выложились на все сто процентов, вступление из Дворжака гремело под готическими стенами сооружения; Ли, Дэйви и Брайна приняли эстафету, выдав упругий и чёткий ритм.

Мы продолжаем играть, даже лучше чем раньше. Было слышно как–то воскликнул: «Эй, а эти рок–н–ролльные ребятки действительно умеют играть!»

Дэйви начал солировать, а я принялся орудовать банками с краской. Аудитория вдруг стала понимать, что перед ними создаётся. По залу прошёлся недовольный ропот по мере того, как картина принимала законченный вид. Бэнд гремел всё интенсивнее, Брайан буквально обрушился на барабаны, дав соло Дэйви импульс к новым высотам, а Ли ещё быстрее закружился в танце дервиша.

Я бросил два кинжала в орган и оставил его в воющей предсмертной агонии, а сам подошёл к звёздно–полосатому с коробком спичек. Они никак не хотели зажигаться, и тут Уоррен Митчелл предложил мне свою зажигалку.

— Давай пацан! Дай им жару! — проревел он.

Вещь загорелась за секунду из–за легко воспламеняемых красок, и для полноты картины я метнул в художественную композицию пару ножей.

— Америка обременена обещаниями и ожиданиями, но её погубила рука неизбежного, — прокричал Ли.

Небольшой барабанный взрыв от Блинки, финальный аккорд от Дэйви.

Тишина.

Пустота.

В то время как мы покидали сцену, можно было кожей прочувствовать нарастающий от партера до галёрки гнев. Кое–кто восклицал «дурновкусие!», в основном же публика потрясала кулаками в знак протеста.

Мы забаррикадировались в своей гримёрке.

— Ты всё–таки это сделал, красавчик! — сказал мне Ли, атмосфера снаружи раскалилась до предела. Баз кое–как пробился к нам: «Вам лучше как можно быстрее выбраться отсюда, они хотят вашей крови!»

С трудом нам удалось добраться до фургона, чтобы разъехаться по домам.

Настроение упало ниже нуля, мы включили «Радио Люксембург»: «До нас дошли сообщения, что группа под названием The Nice сожгла на концерте в Альберт–холле американский флаг в знак протеста против волны прокатившихся убийств в США. Как следствие, группе навсегда запретили выступать в Альберт–холле».

— Ну и ладно, — ответил Ли. — Я не очень–то и хочу играть там снова. Херовая акустика.

Мы усмехнулись, но быстро погрузились в собственные мысли.

Когда я приехал домой, то сразу позвонил бабуле. Ей понравилось шоу, но она так и не поняла, почему в конце никто не хлопал.

На группу, сжигающую флаги, наложен запрет

Поп–группа и телевизионный продюсер вовлечены в скандал, произошедший вчера по причине сожжения флага Соединённых Штатов.

Бумажная версия флага загорелась на сцене королевского Альберт–холла в четверг вечером во время выступления английской группы The Nice.

Они принимали участие в благотворительном шоу против апартеида, организованного Тедом Котчеффом.

Возмущенные американцы звонили в американское посольство.

Вчера мистер Манди, администратор Альберт–холла, заявил, что мистер Котчефф и The Nice пожизненно отстранены от выступлений в зале.

Комментарий мистера Котчеффа: «Я думаю, что вспышка мистера Манди несколько преувеличена».

Так написал главный английский таблоид. За ним последовали остальные.

Далее последовали серые будни, и мы отправились на концерт в Норвич. Тему подхватила BBC; смешно, сколько они выпустили яда и злобы на группу, о которой до этого едва слышали.

Мы въехали в пригороды Норвича и стали петлять в поисках места, пока не натолкнулись на длиннющую очередь. То была не обычная очередь в магазин, все эти люди несли на себе печать рок–н–ролла.

— Кто ещё играет сегодня в этой дыре… The Beatles? — спросил Брайан.

— Насколько я знаю. Никто — ответил Баз, открывая окно.

— Привет! Вы не знаете, где сегодня играют The Nice? — он задал вопрос толпе.

— Следуй за очередью до конца.

— Ни фига себе! — сказал Ли. — Они пришли на нас.

Нас встретил ликующий промоутер, я такого никогда не видел, да и вряд ли уже когда–нибудь встречу.

«Не знаю, куда мы впихнем всех этих людей, но что–нибудь придумаем. К черту пожаробезопасность. Вы сегодня сожжёте флаг? Здорово будет, если сделаете».

Я подавил стон. Если толпа пришла посмотреть цирковое представление, то их ждёт разочарование. Так думала вся группа. Мы хотим сделать заявление в музыке, а не в политике.

В зале яблоку негде упасть. Люди сидели на головах друг у друга, слушая выступление, неизбежно приближавшееся в финалу в виде «Америки». Не было ни сожжения фланга, ни цирка, только честное музицирование. Даже без трюков, мессадж поняли все, и мы просто снесли место в хлам.

Immediate Records, пользуясь негативными откликами в прессе, решили внести свою лепту, предложив нам сняться с тремя детьми в масках Джона Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, чтобы ещё больше накалить атмосферу. Журнал *Disc* написал в июле 1968–го:

Fire Works[30]

Теперь The Nice заинтересовали американскую прессу

Что происходит в Immediate, звукозаписывающей компании, управляемой такими противоречивыми фигурами, как Эндрю «Экстраверт» Олдэм и Тони «Серый кардинал» Колдер?

За последние месяцы они не только привели в ярость верующих людей рекламой альбома Small Faces, пародирующей «Отче наш», но и последовавшей за нею нехорошей выходкой от The Nice, заключавшейся в постере с портретами Джона и Бобби Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, сидящими на коленях группы, а также сожжениями звёздно–полосатого в Альберт–холле во время концерта за мир и повесток на воинскую службу в клубе «Марки».

«Америка» — последний сингл The Nice. США оскорблены и на то, что произошло, ответили статьей в *New York Herald Tribune*, где сказано: «В США сожжение флага расценивается как преступление, заслуживающее смертной казни, но в Англии к этому относятся всего лишь как не очень славному поступку».

The Nice ответили через Кена Мьюиса, генерального директора Immediate Records: «Люди по всему миру чувствуют необходимость выразить свои мысли и чувства по поводу американской трагедии, и каждый человек должен использовать средство выражения по мере своих возможностей. Постеры с изображением продуктов насилия будут выпускаться нами и в дальнейшем.

The Nice искренни в сострадании американцам и продолжат выражать свои эмоции любыми доступными способами».

Встреча The Nice с Тони Стрэттон–Смитом в его офисе над клубом «Марки» по Уордор стрит зацементировала связь, изначально столь зыбкую, что могла развалиться в любой момент. Всё, что хотел Тони — всего лишь обычное письмо о взаимном согласии. Это был подлинный акт альтруизма, и у нас появился менеджер!

«Я хочу вас познакомить с очень важным журналистом, который завтра возьмёт у вас интервью, — заявил Тони в тот день в клубе «La Chasse». — Он сидит в баре. Вас стоит предупредить: он любит мальчиков».

То, что меня отнесли к категории «мальчиков», особо не напрягло. При знакомстве гораздо сильнее напрягла его интоксикация, отчётливо проступавшая в неразборчивой речи. И сразу стало очевидно, что никакого конструктивного диалога не будет. Где–то в самом начале беседы он без предупреждения

дотронулся до моей «сосиски» (или «свадебного инструмента», если хотите). Последний раз, кто это делал, был школьный доктор, который попросил раздеться и кашлять пока, он осматривал меня. Но в этот раз я был не на медицинском осмотре. Я инстинктивно отпрыгнул, не понимая, как это расценивать. Заметив моё смущение, он быстро перевёл всё в шутку и продолжил как ни в чём не бывало проявлять показной интерес к деяниям группы. Это произошло снова, но я был готов. Я схватил его за грудки, вытащил из–за бара и толкнул к стене так, что его голова ударилась о неё. Не помню, что я сказал тогда, я был чертовски зол, но он однозначно уяснил, что я не тот, кто ему нужен. Люди в баре притихли, я же, заметив выражение ужаса на лице Тони, я решил, что лучше всего уйти. Не нужно говорить, что никакого интервью не вышло, а The Nice никогда не получили хорошего отзыва от него.

Несмотря на все неудачи, “America” попала в английский хит–парад на 29 позицию 3 июля 1968 г. Композиция длиной в семь минут больше соответствовала категории долгоиграющих пластинок, чем синглов. Тем месяцем мы побили очередной рекорд посещаемости в «Марки», прежде принадлежавший The Rolling Stones, The Who, Cream и Джими Хендриксу, но без инцидента не обошлось. Клуб получил угрозы от разгневанных американцев сделать из меня исторического персонажа, вместе с братьями Кеннеди и Мартином Лютером Кингом. Полиция приведена в боевое состояние, и при входе в клуб обыскивала каждого на предмет ношения оружия.

В те дни я встречался с юной английской актрисой, обучавшейся в театральной школе Италии Конти. Она снималась в небольших ролях в различных телевизионных программах, её последней ролью, которой она очень гордилась, была роль одной из школьниц в фильме *«Учителю… с любовью»* с Сиднеем Пуатье. Она была клёвой, с веснушками на носу, обрамленными тёмно–рыжими волосами до плеч. Меня очень интересовали её рассказы о методах актерской игры. Школа, в которой она училась, поощряла импровизацию в виде проявления всех видов эмоций в общественных местах. Очень терапевтический метод! Они носили большое полотно стекла по оживленной подземке, что подвело меня к одной идее.

— Как насчёт того, чтобы приставать ко мне на сцене?

— В смысле?

— Ты и твои подружки сойдут с ума при виде The Nice в «Марки», и вы запрыгнете на сцену с целью разорвать меня на части.

Мы весело потренировались, она разрывала рубашку у меня

на спине. Часто наши тренировки перетекали в постель. Настало время шоу в «Марки», она нервничает и даже выпила несколько крепких коктейлей, чтобы набраться храбрости. Я готовлюсь сыграть соло. Внезапно я чувствую огромное беспокойство в зале и в акробатическом кульбите оказываюсь во втором ряду, где меня раздирает на части компания вопящих фурий, в то время как мою подругу силой выпроваживают из аудитории. Что за восхитительный метод актёрского воспитания! Она так сильно вопила, что Баз с удовольствием выставил её из зала. Я не предупредил База о постановке. Больше я никогда её не видел.

Нас обложили со всех сторон, а мы оказали услугу американцам, укрывающимся от воинской службы во Вьетнаме, сжигавших свои повестки, в то время как Леонард Бернстайн жаловался на то, в каком контексте The Nice использовали его тему из Вестсайдской истории. В конце концов, он всего лишь композитор. Кстати, мы щедро поделились авторскими отчислениями с издателями Бернстайна. В том же году в интервью BBC он изобразил заученно–удивлённое выражение лица — The Nice? — как будто он никогда и не слышал о нас.

В 1976 году я познакомился с Леонардом Бернстайном в Париже, где ELP записывали оркестр Парижской оперы для “Pirates” из альбома *«Works, Volume One»*. Наш менеджер Стюарт Янг и французский промоутер пригласили меня на его концерт, по окончании которого маэстро принял меня лично. Вероятно, настало время для воздаяния. Вместо этого, после представления друг другу, он отпустил всего пару комментариев, оглядев мой прикид: «Мне нравятся твои кожаные штаны» и «Что я делаю в Париже?», видимо сегодня вечером.

Тему «Америки» мы не затронули, что меня обрадовало. Я рассказал ему, что написал концерт для фортепиано, и Бернстайн изъявил желание дать мне некоторые наставления в одном «маленьком–отдалённом–бистро», и он будет рад увидеть меня там. Отбросив мысли о том, что он мог воспользоваться моментом, чтобы трахнуть меня, я записал адрес.

Стюарт и я нашли место где–то на левом берегу. Длинные деревянные столы, на полу опилки, место освещается свечами — такова картина *сладкой жизни* ночного Парижа.

Внутри было пусто, мы заказали бутылку красного вина. Медленно бистро заполнялось завсегдатаями, но Бернстайн ещё не появился. Я уже собирался уходить, как под фанфары и с большим апломбом вплыл Il Maestro, с накинутым на плечи кашемировым пальто. Картину дополняли два хорошеньких высокомерных парня в сопровождении. Женоподобное круговое движение руки, напоминающее о королевской семье, можно

воспринять как жест, но сейчас избранный просто дал нам понять, что его божественное величество просит не прерывать нашу трапезу.

Мы наслаждались изысканными винами и блюдами, но с его стороны никаких слов признательности не последовало, хотя я очень рассчитывал на них. Тем не менее, я получил персональное приглашение; впрочем, его внимание было где–то в другом месте, наверно, под столом.

С едой покончено… в помещении повисла неловкая пауза… Бернстайн неожиданно обратился к залу сценическим шёпотом, украшенным обертонами тяжелого сарказма.

— Мистер Эмерсон, он сейчас находится здесь, написал концерт для фортепиано.

— Оооо! — воскликнули верноподданные.

— Скажите нам, мистер Эмерсон, сколько частей в вашем концерте?

— Три.

— Ооо, целых три части.

Девчачий смешок издали мальчики, сидевшие по обе стороны маэстро. Как пара прерафаэлитских книжных полок, они конкурировали в своём подобострастии в надежде заслужить кусок пожирнее от дирижерской палочки маэстро этой ночью. Мы со Стюартом изо всех сил старались сохранять спокойствие.

— Прошу вас, скажите нам из каких форм состоит концерт? — настаивал он с сарказмом.

— Первая часть в форме сонаты, переходящая в каденцию. Вторая — в стиле барокко, а третья больше атональная и прогрессивная… почему бы вам не приехать и самому послушать? Вот адрес студии.

Мы встали, готовясь уйти, у тут я поймал его заинтересованный взгляд.

— Завтра вечером я могу увидеть вас, — он снова вызвал смех.

— Хорошо, до свидания!

На следующий день я предупредил Грега и Карла о возможном визите великого маэстро, в надежде на их лучшее поведение.

— Ну и чё, блин? — последовала реакция Грега.

В семь часов я увидел лимузин и то же кашемировое пальто. Оно, как потертая мантия, подметало двор в направлении к студии.

— Он идёт, парни!

У мальчишки, разносившего пиццу, наверняка от такого желудочный сок в животе взболтался. К сожалению, в студии все

были заняты склеиванием плёнки. Вдруг дверь распахнулось и его великолепие вплыло в аппаратную. Грег сидел, водрузив ноги на консоль, и курил косяк. Увидев Бернстайна, он заорал: «Здорово, Ленни–бейби! Ну чё, как оно?»

Ленни–бейби, к удивлению, никак не прореагировал на приветствие Грега, как он не отреагировал на «Америку», несмотря ни на своё авторство, ни на мою аранжировку. Но в целом, он был очень доброжелателен: прослушал мой концерт и программную “Pirates”. Бернстайн умудрился дать мне несколько советов, смотря при этом на часы.

Во время второй части концерта он упомянул некую Грэндма Моузес (все озадаченно почесали затылок). Что или кто такая Грэндма Моузес, мы и понятия не имели. Маэстро затем выразил обеспокоенность тем, что иногда он боится зазвучать как Бетховен, на что Грег, к моему ужасу, ответил: «Я бы не волновался на этот счёт, Ленни. Ты никогда не будешь звучать как Бетховен».

Бернстайн покинул нас как гордый укутанный в мантию крестоносец. Вероятно, он убедился, что ELP не испортили остальную часть «Вестайдской истории» в выражении протеста против чего–либо еще.

Несмотря на то, что BBC неохотно проигрывала сингл The Nice из страха быть обвиненной в потворстве, тем не менее, “America” следовала за “Fire” Артура Брауна в двадцатке английского хит–парада, в котором соседствовали самые разные стили и исполнители. «What a wonderful world…», — пел Луи Армстронг. Я полагаю, что вы разделите его взгляды, если будете курить то же, что и он. «Someone's left the cake out in the rain» (Кто–то оставил пирог под дождём), — жаловался Ричард Харрис. У Дайан Уорвик не было рецепта пирога, поэтому она спрашивала всех, не знают ли они дорогу на Сан–Хосе. Энгельберт Хампердинк был «Мужчиной без любви» (A Man Without Love). У меня её тоже не было целых пять месяцев. Но настало время перемен.

Я встретил Клео летним солнечным днём в аэропорту Гэтвик. И с того самого момента, как её нога ступила на английскую землю, мне снова заулыбалась фортуна. Вне всякого сомнения, если сравнить скупые капли удачи на чью–то ферму, она была ценным призом, с формами, за которые можно умереть.

Это не прошло незамеченным, когда мы вошли в клуб «Speakeasy». Когда, она заказала кока–колу, то попросила целый ящик, чтобы не заснуть! Я, в свою очередь, носился с бесстыжей грацией как с писаной торбой. The Nice сыграли на бесплатном концерте в Гайд–парке вместе с Traffic и The Pretty Things.

Когда я проснулся, зевая, с первым лучом рассвета[31], мой инструмент чувствовал себя неважно. На приеме у доктора подтвердились мои худшие опасения — неспецифический уретрит (non-specific urethritis, NSU).

Я был раздавлен! Я не собирался никому говорить об этом и не сомневался и в верности Клео. Слово «раздавлен» вряд ли может описать мои чувства, я был просто убит. У неё не было никаких симптомов. Конечно же, я выздоровел физически после курса антибиотиков, но против тоски от любви нет никаких таблеток. Она вернулась в Америку в конце того славного лета, и мы поклялись быть вместе на Рождество. Мой инструмент ушёл в заслуженный отпуск.

Работы было много, спрос был ещё больше. Хотя наша недельная заплата в 20 фунтов не казалась соразмерной нашему скромному успеху, то были счастливые времена.

> Артур Браун в субботу вечером покинул сцену Национального джазового фестиваля в Санбери под поток отборнейшей брани. Но это было понятное проявление неприятия.
>
> Несколько дней назад Артур планировал кульминацию всех кульминаций. The Nice планировали прибыть на вертолёте, но после захода солнца посадка вертолётов запрещена. Артур тоже намеревался воспользоваться вертолётом, но ему пришлось отказаться от идеи после того, как он услышал о The Nice.
>
> *Record Mirror, 17 августа*

Большая часть аудитории взобралась повыше, чтобы лучше разглядеть сцену фестиваля. Люди залезали на сооружения, построенные для шоу. Сооружения типа световых установок не выдержали дополнительного веса и повалились. Несколько человек отправилось в больницу.

Эрик Клэптон из недавно распавшихся Cream надел маску, чтобы поджемовать с Джинджером Бейкером. Когда он вдруг обнаружил, что его принимают не так хорошо, как прежде, маска слетела с лица, и толпа как один встала и приветствовала его. «Бог» наконец явил себя людям.

Газета *Record Mirror* описала кульминацию нашего шоу, к которому я приложил максимум усилий: «Их последний номер «Америка» приняли необыкновенно тепло. Несмотря на то, что сингл редко звучит по радио, он стал хитом. Атмосфера во время концерта была необыкновенной. Динамичная игра Блинки

Дейвисона создавала нужное настроение, а потрясающие световые эффекты в конце, когда Кит бросил ножи в орган и поджег его, довершили дело. Воск на листе пластика, прикрепленный к спинке органа, загоревшись, высветил слово «Nice». Когда огонь погас, из недр органа появился американский флаг. Несмотря на поощрение со стороны аудитории, его унесли со сцены в целости и сохранности».

9. Парни ведут себя плохо

В сентябре 1968 г. «Америка», сингл The Nice, просочился и на Континент. В Швейцарии местный чарт выглядел так: 1. “Hey Jude”, Beatles; 2. “Heavenly Club”, Les Sauterelles; 3. “Hello, I Love You”, The Doors; 4. “I've Got a Message”, Bee Gees; 5. “Fire”, Arthur Brown; 6. “America”, The Nice. И вновь мы отправились осваивать новые территории.

Верный фургон «Transit» вывез нас из Лондона. Оборудование сложено в задней части машины– и вот мы загрузились на паром в Харидже, чтобы пересечь суровое Северное море и оказаться в Ютландии. Брайан с Дэйви прихватили пару таблеток кислоты, чтобы скрасить путешествие. Но как только мы отчалили, стало очевидно, что поездочка будет сущим адом. Никаких искусственных стимуляторов не нужно. Корабль мотало, как пробку в джакузи. Условия в каютах под палубой иначе, как преисподней, назвать нельзя. Поэтому я пробрался в бар, где встретил База и Ли, пристегнутых с выпуклым самолётным креслам и посасывавших двойной виски. Вскоре обнаружилось, что сидеть в баре тоже небезопасно. Бутылки летали при каждом ударе волны, при каждом ощутимом толчке какой–нибудь неприкреплённый предмет мебели мог взмыть по непредсказуемой траектории и просвистеть рядом с вами. Так что, я оставил мужественных Ли с Базом дальше выяснять, что цвет адреналина — коричневый, а сам нетвёрдой походкой спустился вниз, лёг на койку и пристегнулся. По дороге я натолкнулся на очень зелёного барабанщика.

— Черт побери, эта поездка стоила мне двадцать фунтов, большую часть которых я только что выблевал, — заявил Блинки.

Дания всё ещё привыкала к The Beatles, не говоря уже о длинных волосах. Где бы мы ни появлялись, создавался переполох. Ресторан найти было почти невозможно. «Прекрасный, прекрасный Копенгаген», — пели мы с долей иронии, въезжая в город. Несмотря на все опасения, мы выступили очень хорошо в заведении Rock House, который местные с любовью называли Shit House.

Я всегда поражался: в какой стране мы ни были, на каком бы языке там ни говорили, Ли всегда умудрялся устанавливать взаимоотношения с противоположным полом. «Устанавливать взаимоотношения» — ключевые слова. Поселиться в соседнем номере, означало жить на разломе Сан–Андреас[32]. Всё, что висело у вас на стене, гарантированно утром окажется на полу. В

этот раз землетрясением оказалась леди по имени Элин, полненькая тёмноволосая комета, которая могла выпить не меньше, чем Ли.

Чтобы не слышать очередные порции «рампи–пампи» силой в 6,5 баллов по шкале Рихтера, тихой и одинокой ночью я направился в бар под названием «Революция». В помещении было полно народу, люди толкались у бара, чтобы занять лучшую позицию и смотреть на девушек, танцующих в клетках, свешивающихся с потолка. Я не смог подойти к бару и вынужден был смотреть на действо поверх голов.

Я уставился на одну из клеток. Стройная блондинка, едва прикрытая чем–то на подобии мини гавайской травяной юбки, привлекала наибольшее внимание. У неё была очень гибкая фигурка, с небольшими формами. Клетка спустилась на пол — вид стал намного лучше, и центр мироздания сместился от бара туда, а мне наконец удалось взять пиво. К сожалению, девушку мгновенно окружила орда мужиков, с одной единственной мыслью, впрочем, такой же, как и у меня. Только у них луче получалось предложить ей выпивку. Я глотнул Карлсберг, и на меня нахлынули мысли о Клео. Где она сейчас? Что она делает? Какая новая рок–звезда вытворяет с ней «рампи–пампи»?

На меня навалилась депрессия. Но пока депрессия пускала корни, во мне прошелся вихрь, когда я издали посмотрел на девушку из клетки. Предметом беспокойства были пухлые губки, как и Брижит Бардо и тело Твигги. Что за причёска у нее? Не важно, мне стоит убраться оттуда как можно скорей!

Следующие дни были просто кошмаром. Мы мотались на десятиградусном морозе по Швеции и Норвегии. Последний концерт проходил на причале. Я помню, как молодая девушка взобралась на сцену во время исполнения «Rondo» и начала снимать с себя одежду. Ли немедленно подошёл к ней после шоу. Я и сам вёл себя нехорошо: не помню её совершенно, кроме того, что некоторое время спустя почувствовал шевеление у себя в общественном месте, и это был не член. Я помню истории, как Small Faces гоняли «крабиков» по стеклянному кофейному столу ПиПи Арнолд, а затем раздавливали их между монетками. Если бы я находился в англоязычной стране, то без проблем бы обратился к фармацевту за нужной эмульсией и оросил всё пространство. Но это была Скандинавия, и я не хотел идти в аптеку и жестами и мимикой рассказывать о своём затруднительном положении.

Роуди предложил лосьон после бритья. Я купил флакон Old Spice и обильно оросил свои яйца. Проснувшись на следующее утро, я увидел, что мои орешки приняли форму двух каштанов —

каштаны, которым нужно дать высохнуть на солнце, чтобы я мог снять с них кожуру, как с яблок. Что ж, по крайней мере, «крабики» исчезли.

По пути из Орхуса в Ютландию мы остановились в придорожном мотеле, чтобы пополнить запасы. В прокуренной таверне было тихо, пока мы не вошли.

— У вас есть *smorgasbord*? — спросил я фермера за барной стойкой.

— Nye!

— Логично. Светлого пива, пожалуйста.

Пиво подали грубо, бармен бросил на меня острый проницательный взгляд. Наше появление заставило завсегдатаев покинуть свои места и подойти к нам, чтобы убедиться, действительно ли эти хиппи помылись. Ли успел осушить половину бокала, а я вдруг заметил, что волосы Дэйви внимательно рассматривает неряшливый фермер. Дэйви был так обдолбан, что не замечал, как его рассматривают в паре сантиметров от себя. Честно говоря, он вряд ли понимал, в какой стране и на какой планете находится.

— Я думаю, что нам надо быстро отсюда сваливать, пока не начались проблемы, — произнёс Баз, оценив уровень безопасности небольшой частички планеты, в которой находился. Но, пока мы собрались с мыслями, проблема появилась быстрее, чем соло Блинки, подняла нас за ворот и вышвырнула на улицу. Что это было, мы поняли только по дороге на порт Ютландии.

— О нет! — завопил Дэйви. — Я кажется оставил там свой паспорт.

— Хрен с ним, чувак! Я не собираюсь возвращаться туда за ним, — ответил Баз.

Ещё один удар, на этот раз от двигателя фургона. И мы разом проснулись. «Господи, не дай нам застрять в этой сраной дыре», — такова была общая мысль. В конце концов мы затолкали фургон на паром, где встретили Fleetwood Mac с легендарным гитаристом Питером Грином! Они только что закончили вояж по Европе примерно в том же неприятном стиле, что и мы. Баз с Ли задружились с ними в баре, а я согнал пианиста с инструмента и наигрывал рег–таймы с буги–вуги со скоростью тысяча миль в час. В Харидже мы стали всеобщим посмешищем, и только благодаря щедрости и доброте Fleetwood Mac, которые помогли вытолкать фургон и бесцеремонно взяли нас на прицеп, смогли доехать до Лондона. Мы перед ними в большом долгу!

По возвращении в Соединённое Королевство оказалось, что тираж «Америки» превысил пятьдесят тысяч копий. По этому поводу *Disc* написал: «Странно для такой старой широко

известной песни, но версия, представленная The Nice с необычайной драмой и возбуждением, олицетворяет дух чикагских беспорядков, страха и насилия, которые по всей вероятности витают в Америке 1968–го.».

Несмотря на явную причину праздновать успех, поведение Дэйви выходило за рамки предсказуемости, что вызывало у группы беспокойство. Нам приходилось мириться с его опозданиями, но постоянная настройка гитары на сцене, даже посреди номера, — это было что–то. Иногда Ли обзывал его Дэйви О'Лост (Потерянный). Ещё хуже проходили поездки в машине, на обычную беседу он реагировал бормотанием. Он не разговаривал, но когда это происходило, обычно он обращался к самому себе, зачастую с тихим смехом.

— Круто.

Остальные лишь озадаченно переглянулись: беспокойство нарастало.

— Что круто, Дэйви? — спрашивал Ли, не совсем понимая что к чему. Мы с Брайаном делали вид, что увлечены мелькающим мимо пейзажем.

— Круто, — отвечал самому себе Дэйви снова.

«Восход Эпохи Водолея» не затрагивал нашего Стрельца–гитариста. Вода лишь портила стрелы, а из–за опозданий их и пускать некуда. Для передачи *Colour Me Pop* нас сняли на плёнку во время выступления в Фэйрфилд Холле, Южный Лондон, а позже в «Марки», где мы впервые вышли на сцену втроём из–за отсутствия Дэйви. Он забыл о концерте и Баз позвонил ему домой в Дрэйтон Гарденс.

— В «Марки» сегодня будет представление, Дэйви?

— Почему? А кто там будет?

— ТЫ, ДОЛБАНЫЙ ИДИОТ!

Ли очень постарался спеть высокие партии Дэйви, и к моему облегчению мы всё равно отыграли здорово. Но у меня не было смелости, ни у кого из не было, чтобы расставить точки над «i». Мы любили его, но он должен был бросить свою пагубную привычку, хотя бы ради себя. Я струсил и поручил выполнить грязную работу нашему менеджеру, Тони Стрэттон–Смиту.

Это мне до сих пор доставляет боль. Дэйви, по словам его сестры, был в слезах ещё очень долго. Утешит это его или нет, но гитариста мы так и не взяли.

Я прослушал яркого молодого гитариста, Стива Хау, которого Ли, Брайан и я считали единственным, кто заполнит образовавшуюся пустоту. И хотя «вибрации» были отличные, два дня спустя Стив позвонил мне и сообщил, что собирает собственный коллектив.

Группа станет известной под названием Yes[33].

Теперь нас осталось трое. Ответственность за вокал полностью легла на Ли. По крайней мере, мы могли слышать друг друга. В результате группа превратилась в очень плотный и цельный бэнд. Мы перебрасывались идеями с Ли, иногда подключался Блинки, выкрики которого доставляли истинную радость, когда он ритмически реагировал на мои гармонические отклонения, заставляя Ли пускаться в новый танец дервиша.

“Ars Longa Vita Brevis” была готова к записи, но без гитариста звучала плоско даже после двух сессий звукозаписи, с расчётом на ещё одну. Поняв, что захожу в тупик, я сконцентрировался на оркестровке с помощью аранжировщика, который скрывал свою гомосексуальность. Его нашел Тони Стрэттон–Смит.

«Вчера у меня был самый лучший секс, хотя он был намного старше меня, а на утро попросил оплату. Ты можешь в это поверить?» — говорил он, обильно потея. Мы работали за фортепиано в тот момент. Такое смелое заявление очевидно рассматривалось как тест. Не найдя интереса с моей стороны, он быстро переключился на работу и больше не ставил нас обоих в неловкое положение. Его «Ars Longa» однозначно растрачена напрасно.

Джон Пил, в будущем диск–жокей, напишет в журнале *Disc*:

> Crazy World or Arthur Brown, Procol Harum, The Nice, Pink Floyd, The Doors, Tyrannosaurus Rex, Cream. Семь совершенно разных групп имеют одну общую черту: все они начали свою жизнь в андерграунде, но вознеслись над землёй в заоблачные вершины чартов.
>
> Плюс сонм других исполнителей, которые никогда не фигурировали в хит–параде, но хорошо продают свои записи, включая Big Brother and the Holding Company, Ten Years After, Jefferson Airplane, Iron Butterfly, Steppenwolf, Incredible String Band, и большинство набирающих популярность блюзовых групп. Андерграунд дал всем им толчок, из лондонского UFO или голливудского Whiskey A–Go–Go до Голливудской чаши или Альберт Холла. То, что модно в андерграунде сегодня, будет популярно в стране на следующей неделе… или в следующем году.

Основательное обозрение, невинное в контексте, но всем известно, что автор ревновал к успеху других, кроме своего, конечно. Музыка и музыканты должны знать своё место. По мнению Джона Пила. Неудивительно, что пару лет спустя тот же Джон пил напишет об ELP как об «пустой трате таланта и электричества». Вознесясь в заоблачные высоты в рядах

божественной иерархии британского радиовещательного сообщества, он продолжал предостерегать группы о вреде успеха.

ELP были не одни, кто подвергся «Пилингу». Следующий анекдот стал подлинным шедевром индустрии популярной музыки. Хотя, возможно, он напрямую не относится к Джону Пилу, но имеет все шансы таковым быть.

Обычно в те деньки, если ты хотел получить хорошую рецензию, то должен отдать на растерзание некоторым музыкальным критикам гибкую пластинку. Сегодня для этого есть кассеты, компакт–диски и, если вам повезёт, DAT–кассеты.

Одна такая гибкая пластинка, к счастью или несчастью, попала в руки обозревателя, который отреагировал на разреженность звука, что было типично для того артиста, переживавшего минималистский период. Слышимые щелчки усилились в частоте и темпе к концу записи, что привело обозревателя к оригинальному изобретению под названием «ритмичное *акселерандо*». Выяснилось, что по ошибке прослушана бракованная вторая сторона, которая была перечеркнута двумя полосами — вертикальной и горизонтальной.

Запись «*Ars Longa Vita Brevis*» шла полным ходом, и я впервые столкнулся с бюрократией под знамёнами Британского камерного оркестра. Мы включили фрагмент Третьего Брандербургского концерта Баха, что среди музыкантов оркестра стало яблоком раздора. Во время перерыва, предписываемого профсоюзом, я случайно услышал разговор в туалете двух оркестрантов.

— Ты можешь поверить, сколько шума производят эти длинноволосые рок–н–ролльные поганцы? Хорошо, что я захватил вату для ушей.

— Не верю, что они взяли такой темп для «Брандербурга», слишком быстро, — ответил другой.

Перерыв закончился, я врубил громкость органа ещё больше. Мы получили то, что хотели в третьем дубле, вероятно потому, что оркестру не терпелось быстрее свалить из студии.

В сентябре шестьдесят девятого к нам пришло официальное письмо с печатью Букингемского дворца: «Принцесса Анна просит The Nice выступить на выпускном балу школы Бененден в ресторане Quaglino's в районе Сент–Джеймс». Это такая честь — получить приглашение от королевской семьи сыграть на гулянке бывших одноклассниц, что мы незамедлительно приняли его из страха быть заточенными в Тауэр мамой Её Высочества. Эдмундо Росс со своим оркестром (что–то типа псевдо–латиноамериканского коллектива) играл во время ужина. Мы же предполагались как наиболее рискованный акт, который, полагаю, был необходим в таких мероприятиях высшего

общества. *Daily Sketch* отрапортовала перед концертом: «Говорит миссис Элизабет Далримпл: “Я не знаю, кто такие эти ребята и что они играют. Надеюсь, они не сделают ничего сомнительного”».

К моменту нашего выход на сцену было уже очень поздно. Принцессы Анны и след простыл, а дебютантки высшего света со своим сопровождением уже хорошо накачались «горючим». К несчастью, у нашего техника База возникли проблемы с Хаммондом, вероятно из–за плохо прикреплённой лампы. Баз знал устройство Хаммонда очень хорошо — каждый вечер ему приходилось настраивать инструмент перед концертом. Публике нужно как–то объяснить задержку, пока пьяные совсем не отрубились.

— СБАЦАЙТЕ РОК–Н–РОЛЛ, ЧУВАКИ! — орали и топали ногами они в пьяном угаре. Необходимо что–то сказать народу.

— Мы приносим извинения за задержку, — произнёс, выйдя на сцену, Ли. Ему удалось спрятать свой северный акцент и выдать спич на чистом окфордском. — Как только орган починят, мы выйдем на сцену.

— О! У него проблемы с органом, — выкрикнуло какое–то чудо со срезанным подбородком.

Ли, не думая о последствиях, выпустил джордийскую пулю прямо от бедра, попавшую точно в цель и срикошетившую на остальных.

— ДА, ПРИЯТЕЛЬ. СУДЯ ПО ТВОЕМУ ПТИЧЬЕМУ ЛИЦУ, У ТЕБЯ ТОЖЕ ПРОБЛЕМЫ С ОРГАНОМ!

Мы привыкли к неприятию, но такая прекрасная прямая ремарка могла испортить выступление, что собственно и произошло. Когда, наконец, Nice вышли на сцены, зрелище вокруг было жалким. Группа терзала инструменты, а новая аранжировка «Карелии» Сибелиуса не очень подходила для танцев, что честно говоря, ожидали от рок–н–ролльной группы. Мучения прекратились только когда администрация попросила прекратить играть. Они ненавидели нас, мы обиделись. Мы играли слишком громко. Пилюля стала горше от того, что принцесса Анна так и не приехала на балл. Группе ничего не заплатили.

Никакого объяснения об отсутствии принцессы не было, извинений из Букингемского дворца тоже. Позже, при разговоре с Джо Кокером он поведал мне такую историю.

— И вот он я, сижу в баре клуба «Revolution». Moby Grape зажигают на сцене. Знакомлюсь с цыпочкой, которую, кажется, где–то видел. Я решаю, что она дает мне полный вперёд. Я заигрываю с ней, пока она не отлучилась в дамскую комнату. Вдруг откуда ни возьмись появляются два типа в костюмах и

кепках, типа должностных лиц, и просят, чтобы я переключил своё внимание с принцессы Анны на кого–то другого!

— Ты клеил принцессу Анну!, — только и вымолвил я.

— Ну, — ответил Джо, слегка смутившись. — я был в жопу пьян.

Как я выработал свой звук?

Несмотря на то, что мне отказали в сервисном обслуживании в главной компании по ремонту органов в Лондоне, по их словам, из–за того, что «я не относился к инструменту с уважением», Майкл Гомез из музыкального салона St Giles сообразил, что в моём лице приобретёт постоянного клиента и решил эту проблему.

«Чтобы получить настоящий звук, я подключил к Хаммонду усилитель Leslie 122R. Для всяческих безумных эффектов я подсоединил аттенюатор к 100–ваттному усилителю Marshall Super, работавшему в связке с усилителем Impact с четырьмя двенадцатидюймовыми динамиками, а также с датчиком давления с 18–дюймовыми динамиками Goodmans и 8–дюймовыми рупорами Vitavox».

В рецензии на *«Ars Longa Vita Brevis» Record Mirror* написала в выпуске от 16 ноября 1968 г.:

> …результатом явилась особенная пластинка, которая поставит The Nice на карту поп–музыки с ярлыком “музыкальная исключительность, очень оригинально и задает нужное направление в будущем”.

Мы наняли фотографа Джереда Манковитца для фотографии на обложку, полностью доверившись его идеям. Поход в медицинский центр на Слоун стрит, где нас должны напичкать веществами, подсвечивающими внутренние органы при рентгене, рассматривался как прикольная затея. Я же не особо был в восторге. В последний раз мне доводилось иметь дело с иглами, когда я получал уколы в задницу, область, ошибиться в которой не приведет к фатальным последствиям. Но попасть иглой в мою вену равнозначно выбить 180 очков по двигающемуся дартсу. Стоп! Мы делаем это ради рок–н–ролла.

С облегчением я воспринял новость от встретившего нас у входа в клинику Джереда, что доктора отказались так неосмотрительно рисковать во имя «того самого». Нас всего лишь просветят рентгеновскими лучами. Я вошел первым, следом за мной Брайан с Ли. Мы уселись вокруг стола в приемной, а в это время фотограф делал снимки.

— Можно вас на пару секунд, — попросил доктор, кивнув в

моём направлении.

— Чёрт… что там могло стрястись?

— Отлично, — ответил Брайан, хихикая. — Тони понравится управлять делами мёртвого артиста.

— Да ладно вам, ребята.

— Присаживайтесь, — сказал врач, прикладывая снимки к освещенному экрану.

— Вы в курсе о своей проблеме? — спросил он, указывая на область груди.

— А что за проблема? — в свою очередь спросил я, уставившись в расплывчатую картинку, а сердце учащенно забилось.

— Эта! Сломано два ребра… вы что, не знали?

— Ну, теперь вы довели до моего сведения. А то я не понимал, почему когда чихаю, меня перекашивает всего.

— И как это вы умудрились?

— Должно быть на концерте в Scene Club, в Нью–Йорке… производственная травма, полагаю.

— Вы сломали рёбра, играя на клавишах? Не думал, что это такая опасная профессия.

— Смотря как играть на них.

Доктор почесал затылок. «Ладно. Кажется они сами по себе неплохо заживают». Получившаяся фотография выиграла награду журнала *New Musical Express* за лучшую поп–обложку 1968 года. *Record Mirror* присвоила нам второе место как инструментальной группе (Первое заняли The Shadows, на третьем оказались Booker T and the MG's). «Америка» попала на пятое место синглов. Тони Стрэттон–Смит был воодушевлен; если производственные травмы не представляли большой угрозы, то послать нас в район военных действий вообще проблема.

Ежегодный марш оранджистов (членов Ирландской ультрапротестантской партии) в Белфасте прошел с большими сложностями. «Подмастерья» (ремесленники–протестанты, принимавшие участие в защите ирландского города Дерри от католиков) не могли отказать себе лишний раз пройтись перед католиками. Для большинства ирландцев — это ещё один повод напиться. Недавние студенческие демонстрации в Королевском университете Белфаста привели к образованию движения People's Democracy 9 октября 1968 года, возглавляемой Бернадетт Девлин, кандидата от радикальных социалистических республиканских юнионистов. Она была в числе организаторов фестиваля в Белфасте, куда пригласили The Nice. Мы оказались среди сонма различных революционных партий и огромного количества флагов, которые студенты требовали сжечь. Страна великих

смятений, и я не мог этого понять.

Когда мне было десять лет, я не раз проводил каникулы с родителями у двоюродного брата Алана. Там я учился плавать в большой заводи, оставшейся от прилива в песках Бангора. Дорога Гигантов (местность, где находятся около 40 000 соединенных между собой базальтовых (реже андезитовых) колонн, образовавшихся в результате древнего извержения вулкана) растянулась аж до пещеры Фингала в Шотландии. Построенное человеческими руками скоростное шоссе М1 распространялось повсюду ещё быстрее. Мы невинно топали ногами под звуки больших волынок оранджистов, когда они гордо маршировали с веселыми размалёванными флагами. На меня это произвело такое же глубокое впечатление, что и Телониус Монк, когда я услышал его впервые. И вот я снова оказался здесь, годы спустя. В воздухе витала неопределенность: если бы кто–то из нас топал ногами слишком истово, то вполне вероятно дотопался бы до небес господних.

10. Роман с Клео

The Nice возвращались в Англию с мыслями, что в 1968 г. ничего особенного больше не будет. Нам предстояло сыграть несколько незначительных концертов, но в общем, мы все с нетерпением ждали заслуженного отдыха на Рождество, в особенности — я. Клео написала, что собирается приехать ко мне. Я купил кольцо в антикварной лавке, не шибко дорогое, но и не то, что можно принять за предложение руки и сердца. Я признаю, что подсознательно такое желание присутствовало, но в целом представляло собой проблему. Брак рассматривался мной как чрезмерная обуза, связывающая по рукам и ногам. Как–то The Nice зашли в офис поговорить с Тони и узнать, как идут дела у *«Ars Longa Vita Brevis»*.

— Я хочу, чтобы вы сыграли в Праге в рождественские каникулы… это будет хорошим паблисити для вас.

— Да ладно тебе! — простонал я. — Русские окружили всё вокруг… если мы туда попадем, то обратно уже не вернёмся.

— Риск, что у нас появятся проблемы, очень невелик — по крайней мере во время Рождества. Но дивиденды, которые мы можем получить от СМИ, стоят того, чтобы поехать — ответил Тони решительно.

— Не возражаю, — сказал Ли. — Всё равно я собирался ехать в Ньюкасл.

Брайан тоже высказался «за», хотя и не собирался проводить Рождество в окрестностях Ньюкасла.

— Да, но ко мне приезжает Клео из Америки, — продолжал возражать я.

— Сотрудники офиса позаботятся о ней, пока вы не вернётесь, — ответил Тони.

— БЛЯДЬ!

В 1967 году Александр Дубчек сменил Антонина Новотного на посту главы партии и правительства Чехословакии. Его Новый экономический механизм расстроил русских соседей, у которых наблюдалась нехватка таких предметов роскоши, как стиральные машины и автоматические двери. У чехов были трудные времена даже при таких условиях. Они нуждались и жаждали западной культуры, особенно новой рок–музыки. Пластинки, наподобие наших, можно было купить на черном рынке по очень высокой цене, как только они туда поступали. Ревность русских достигла пика, и 21 августа 1968 года Варшавский договор отправил 400 000 солдат Красной Армии, убив 72 чехословацких гражданина.

Ли, вспоминая пражские гастроли, говорит:

> Организаторы в Праге оплатили нашему агентству две трети гонорара в фунтах стерлингов, оставшуюся треть (триста фунтов в чешских кронах) мы должны были получить по прибытии.
>
> Путь проходил через Амстердам, последний отрезок пути мы летели на венгерских авиалиниях. Стюардессы, похожие на метательниц молота, подавали замечательный гуляш из супниц. Танки Красной Армии были хорошо видны, они окружили периметр на почтительном расстоянии. Когда мы проходили через терминал, служащие аэропорта все ещё выметали стекло, оставшееся от автоматических дверей, через которые браво промаршировали военные, не понимая сложностей западных технологий. Нас быстро доставили в отель, богатое здание, построенное где–то в начале века. Обращались с нами, как с королями.

Стрэтт, как мы теперь с любовью называли Тони, был доволен тем, что я уступил. Он очень уважал радиостанцию «Свободная Европа», как и все мы. Это была единственная возможность у стран восточного блока слушать нашу музыку.

В отеле было пусто. Персонал изо всех сил старался нам угодить и, когда мы заселились в номера, настаивал, чтобы мы питались за их счёт. Баз был слегка раздражен, так как ему пришлось пропустить дегустацию кулинарных изысков из–за необходимости проследить за доставкой аппаратуры из аэропорта и настройкой её перед концертом.

Нас усадили в роскошную столовую времён короля Эдуарда, всучили в руки меню. Мы заказали икру и оленину, а запивать стали «пойлом» их оккупантов — водкой.

Ничего подобного я до этого не ел и не пил, но перед тем, как произнести «Ivan the K'navan», метрдотель хлопнул в ладоши, вызывая струнный квартет, послушно появившийся из–за бархатных кулис и развлекавший нас романтическими венскими вальсами.

— Просто абсолютно очаровательно, — расчувствовался Стрэтт, а Брайан начал над ним подшучивать.

— Не желаете потанцевать? Блин, чуваки! Давайте возьмем этих парней и поджемуем с ними «Брандербург», они реально мощные!

— Эй ты, осёл! Веди себя, как белый человек! Для нас типа устроили культурный досуг, — высказался Ли, швырнув в себя ещё одну рюмку водки.

Шутки меня слегка смутили, но я порадовался тому, что мы не подтвердили подозрений квартета, что все западные рок–музыканты — компания недоучек, хотя мы уже заметили, что на чешских улицах их достаточное количество. Но кто их за это осудит?

— Парни, достаточно водки… помните, сегодня вечером у вас концерт, — напомнил сурово Стрэтт.

Расправившись с едой, мы получили остаток гонорара в кронах (около ста фунтов на человека) и прошлись через фойе до машины, чтобы отправиться в концертный зал. Группа чешских фэнов разузнала, где мы остановились.

— Эй, у вас есть Лиуайз?

— Ли что? Ли Джексон?

— Лиуайз! Я куплю твои штаны, мы меняемся, да?

— Вали отсюда!

— Что за Лиуайз? — спросил я своих попутчиков в машине.

— Levi's, американские джинсы. Здесь они стоят целое состояние, — объяснил менеджер.

— В таком случае мы лучше забили бы чертов орган джинсами, вместо флагов и наших альбомов, — хихикал Брайан.

Стратт терпеливо объяснил нам, если мы ещё не знали, что мы ходим по тонкому льду на данной территории, и если хотим счастливо вернуться домой справлять Рождество, то в первую очередь должны подарить его здешним людям.

Брайан уже был готов играть и после наблюдения с балкона чешской группы на разогреве, на усилителях которой было накарябано «Иван, иди домой», он вообще не мог спокойно сидеть. Он очень, очень хотел играть.

Мы вышли на сцену незадолго перед полночью. Открывала концерт «Rondo». Как только стихли последние ноты, в зале воцарилась короткая, значительная тишина, и зал взорвался рёвом, подобного которому я никогда не слышал. Я думал, что кто–то где–что что–то включил. Я не мог поверить пару секунд, что она исходит от толпы. «*Ars Longa Vita Brevis*» принимали лучше, чем что ни было. Потрясающее соло Брайана Дейвисона встретили трёхминутной овацией.

Это был очень трогательный концерт, к длине и глубине которого никто из нас не был готов. Потребовалось немного времени, чтобы зал поверил в реальность происходящего, но когда они это осознали, то отпускать нас уже не хотели. Нам с трудом удалось доехать до отеля, по дороге поступало тысячи предложений вернуться и сыграть, хотя бы не рок–концерт, а джаз. Несмотря на воодушевление, меня не отпускала тревога, что завтра нам надо рано вставать и ехать в аэропорт. К тому же у

нас нет времени потратить местные деньги. Дома ими только стены обклеить можно, так как обменные пункты не принимали кроны, какими красивыми они ни были. Мы собирались устроить в дьюти–фри настоящий набег, прежде чем сесть в самолёт.

В восемь утра пражский аэропорт вызывал в памяти приемный покой больницы со всем его дурдомом. Уверенность и спокойствие постепенно возвращались, как будто «Иван» паковал чемоданы и собирался домой. Несколько человек торчало около кофейного киоска с унылым видом, и больше никого, даже в дьюти–фри — он был закрыт. У нас было всего пятнадцать минут, чтобы потратить сто фунтов, и гонка началась — кто может потратить быстрее. Ли скупил весь шоколад и сигареты, а Брайан осилил несметное число кофе и делал самолётики из банкнот. Настал мой черёд, но в киоске ничего не осталось, и я предложил купить чашки и блюдца, хоть что–нибудь!

— Сколько стоят чайные ложки?

Продавец посмотрел на меня, как на чокнутого.

— Я хочу купить всю посуду, и эту милую майку, которую вы носите.

Он отвернулся, а служащие явно забеспокоились. Наконец, объявили наш рейс. У меня осталась куча чешских банкнот, может быть в самолёте есть дьюти–фри, но вдруг я увидел пожилую женщину в поношенной одежде. Он стояла сгорбившись, с шарфом поверх головы, в полной мере неся на себе печать лишений. Она отпрянула, когда я подбежал и сунул ей охапку купюр. Пожелав счастливого Рождества, я запустил в сторону терминала.

— Так не считается, ты должен был что–нибудь купить.

— Я так и сделал. Я купил улыбку, просто не успел её увидеть — ответил я, когда мы усаживались в кресла.

Проходя по проходу, мы почему–то вызвали беспокойство у пассажиров, хотя нам приходилось пробиваться через крестьян, сжимавших в руках клетки с цыплятами. Что бы они ни кричали, это звучало оскорбительно на любом языке, и мне не улыбалось выслушивать насмешки далее. Схватив оставшиеся купюры, я повернулся и кинул шарик из денег в «ораторов». Последовала немедленная вспышка гнева на мои действия, что привело бортпроводников в затруднительное положение. Ситуация нормализовалась, когда обнаружилось, что я кидался их валютой. Нас посчитали или классными парнями, или идиотами. Итак, мы пристегнулись, готовые к взлёту. Как бы то ни было, уже не важно, возникнет ли новая драка в самолёте, будет ли ещё один концерт, я с нетерпением ждал заслуженного отдыха в Рождество, чтобы провести его с Клео, неважно, какую репутацию мы

заработали.

Мы успешно вернулись на родину, но наше оборудование — нет, так что концерт в Брайтоне прошел «unplugged», с пианино, которое давно следовало выбросить в море. Я был жутко разочарован. Это было место моей юности, кто–то из школьных друзей мог находиться в зале, возможно, бывшие коллеги из банка — я должен был предстать во всём великолепии. Местный паренёк, добившийся успеха и вернувшийся в родные края как герой. Наверняка они читали обо мне в газетах и с неверием обсуждали меня в перерывах, грозясь бросить опостылевшую работу, но так и не сделав это.

Я хотел показать все, что имел, но без оборудования чувствовал себя как король из сказки Ганса Христиана Андерсена: того, который носил новую модную одежду. Абсолютно голый. Может, кому–то станет легче, узнав, что адекватность или неадекватность музыканта имеет наименьшее значение, когда приходится играть на отстойном инструменте. Создай уверенный шум с правильным настроем, и БАХ! — ты выбит из колеи.

Ли переставил струны на позаимствованном басе, и мы сыграли импровизированный сет, который по идее должен компенсировать наше «разобранное» состояние. Это напомнило мне старые деньки джазового трио: фортепиано, контрабас и барабаны. Аудитория постепенно рассасывалась, частично из–за тихого звука, но в основном из–за шума в зале, потому что ни хера не было слышно, пока кто–нибудь не произнесёт «Тише!». Преданные фэны напрягали уши, чтобы услышать фортепиано и выкрикивали одобрение, телеграфируя камчатке, что происходит на сцене, и продолжали осваивать метод Брайля. Те, кто сидел позади, потихоньку передвигались в бар.

Всюду витал дух Рождества. Обнаружив остатки чешской валюты, я украсил ею стены туалета к приезду Клео. В течение следующих месяцев они постепенно исчезли, с помощью многочисленных гостей, посетивших место (многие оставили нечто, что невозможно взорвать даже Семтексом[34]). Очевидно, они были уверены, что сидение на эмерсоновском троне даёт им право на часть валютного фонда.

Одетая в обтягивающее зелёное вельветовое мини–платье, любезно демонстрирующее все её прелести больше, чем следует — особенно по сравнению с тем, что спрятано между ушами. Мои дядьки весело подталкивали меня локтями и подмигивали, увидев Клео. Было бы нечестно ожидать от дизайнера платья академического воздуха.

Вся семья собралась на Рождество в доме любимой бабушки на Перси роуд в районе Митчем, как это было заведено с тех пор,

как я помню себя. Процесс обмена подарками прошел отлично, и Клео надела кольцо на палец.

— Ух ты, мой первый брильянт — проворковала она.

Хотя я несколько опасался, что меня рассматривают как мотылька, вылупившегося из кокона, я всё равно был счастлив от того, что вся семья смотрит на меня с обожанием.

Мы с Клео провели остаток каникул, заново привыкая друг к другу. Это было непросто. Проблемы с ней возникали то и дело, а теперь ещё она не любила выходить из квартиры, если шёл дождь, потому что часовой ритуал укладывания прически в нечто похожее на множество извивающихся игрушек Слинки, шёл коту под хвост. То был главный барьер, который нужно преодолевать, учитывая, что в Лондоне постоянно идёт дождь. Требование принять ванну, застрявши в пробке, равносильно полнейшему безумию.

— Ты хочешь принять душ сейчас?

Я потешался над её причудами достаточно долго, чтобы пересмотреть нашу ситуацию и, когда я поцеловал её на прощанье, никаких слёз уже не было.

1969–ый начался плоско и невыразительно, и мы снова оказались в дороге. Ли разбудил меня, пихая локтем в голову. Я хмуро уставился в окно. Знак указывал: «До Копенгагена 150 км».

— Классно, очередная доза маслянистой сельди и людей, говорящих так, будто они больны ящуром.

Дания, столица европейской свободной любви. Они очень гордятся низким процентом изнасилований, по их мнению, благодаря легализованной индустрии порнографии и секс–шоу. Любой, кто попробовал свежую датскую выпечку на температуре ниже нуля, знает, что этого достаточно, чтобы мистер Одноглазый не пошел на приём к оптометристу.

Ли не терпелось вернуться в дело. На его взгляд, это была «красивая жизнь». Он постепенно начал раздражать и поведением на сцене, и образом жизни не по средствам — зарабатывали мы скромно. Ли всегда был немного актёром, когда восседал на стуле у кромки бара, покуривая Camel. Длина его достоинства приводила скандинавских женщин в восхищение, особенно когда он умудрялся провести их за спиной бдительного викинга–консьержа. Хоть мы и находились на территории свободной любви, но старый трюк «мистер и миссис» не проходил. Либо показываешь свидетельство о браке, либо платишь за дополнительную комнату. Я отправил ещё одно письмо Клео: «Я устал, замёрз и чувствую себя одиноко. Ещё две таких недели, и я закручу роман с Русалочкой».

Я забыл, где мы играли, да и играли ли вообще. Все, что я помню, это как оказался в тихом частном клубе под названием «Key Club», пристройке к основному клубу «Revolution». Не помню, что я пил, но помню, что делал. Не помню, сколько людей там находилось, но помню, что кто–то присутствовал. Я четко помню, что моё мрачное настроение нашло тёмный угол, где я и уселся, чтобы напиться. Но я не помню, почему я туда зашёл. Удары судьбы сложно понять: куда они ведут — к счастью или несчастью — твоя система восприимчива к природному обезболивающему, позволяющему отключить мозг на короткое время. Я находился в эпицентре трёх главных землетрясений, и никто не мог мне сказать, сколько они продлятся. Но так же никто не может объяснить, почему перед бурей становится тихо, почему Микки Маус носит перчатки, почему в гражданских самолётах нет парашютов. Что думает человек перед тем, как его голова врезается в лобовое стекло? Как говорится, мы крепки задним умом.

Я глубже зарылся в гнездо одиночество, с которым попытался бороться, глядя при этом на бармена, протирающего стаканы.

Я — камера, думал я про себя. Идея моментально не пришлась по вкусу, так как я смутно почуял, что меня где–то использовали. Была такая пьеса Джона ван Друтена. Очень жалостная! Я, к тому же, и не оригинален… ааа, всё равно. Апертура настолько сузилась, что я видел всего три новых изображения как в трёхмерной графике. Чёрный парень с двумя девушками по обе руки — блондинкой и брюнеткой.

Ого, работает! Теперь предстояло научиться фокусироваться. Чувак оказался Джеком Хаммером, соул–певцом — клоном из банка спермы Уилсона Пикетта, но вот девушки…

— Кит, что ты здесь делаешь? А где Ли?

— Ко мне обратилась тёмноволосая, которую я где–то видел.

— Присоединяйся к нам, — предложила она.

Знаменитые слова! Импульс вытолкнул меня из оков одиночества, и я оказался рядом с… *девушкой из клетки*!

— Знакомься — Элинор, а это — Джек, — сказала Элин.

Наскоро пожав руку Джека и не дав ему сообразить, я произнёс первые слова Элинор: «Мою двоюродную сестру так же зовут».

Гениально! Я именно так и сказал — единственное, что пришло в голову в тот момент. Я поставил себе 8 из 10 за оупенер. Я мог быть ещё щедрее, но было до невозможности очевидно, что она с трудом меня понимает. Вернее, не конкретно меня, а скорее мой говор. Но я утешился тем, что разбил лёд в холодный период неудовлетворённости. По взаимному согласию

мы ограничили общение базовым ливерпульским диалектом. Я вообще обнаружил, что люди в Европе по всей видимости выучили базовый английский по битловским пластинкам.

— Ти иметь зажигалку, мальчик? — спросила она, потягивая Перно.

— Прости?

— Строберри Фьордс форева!

— Отлично, но мне кажется они пели «Филдс», — поправил я.

— Давайте закайфуем! — пропела Элин, тёмненькая, порываясь уйти.

И мы последовали за ней, как за гамельнским дудочником[35], и вышли в ночь.

Клуб, в который мы зашли, двигался сам по себе, будто имел свои ноги. Он вибрировал так, что не нужно вставать со стула, чтобы потанцевать. Элин потащила Джека на танцплощадку, оставив нас с Элинор наедине. Беседа тянулась очень тяжело, да и шум от дискотеки не сильно помогал, как и выпитый аперитив.

— Ты из Англии? Ты в группе? Ты поешь? — мне удалось разобрать кое–что в шуме.

— А, ну да. Я из Англии и пою немного.

Я был впечатлён. Я орал в её ухо на максимальной громкости, а она все ещё сидела рядом.

— Ты пробовал ЛСД? Мне так понравилось. Я хотела заниматься любовью всю ночь, когда услышала “Nights in White Satin” Moody Blues, — сказала она.

Дайте–ка мне проверить её заявление. Я принимал кислоту, как вы знаете, и последнее, что мне хотелось тогда, так это обсуждать своё бессилие, не говоря уже о том, чтобы вынуть свой член под пресные звуки Moody Blues. Девочку явно нужно воспитывать, а может и не нужно. Возможно, её просто стоит оставить в покое. Ранним утром мы залезли в такси, и поцеловались на прощание у моего отеля. Провести её внутрь не представлялось никакой возможности — Ганс–викинг не дремлет на карауле. Я предпочитаю думать, что она бы и не пошла. Я был готов к тому, что потребуется время. На повестке ночи стояла спокойствие, несмотря на температуру, при которой вымирает всё живое. Я пригласил её на завтрак. Она согласилась, и я смотрел вслед такси, исчезнувшему за поворотом, вместе с моим настроением.

Я не мог заснуть. Спустившись в ресторан около десяти утра, я застал там Ли с Брайаном. О Боже! Неужели мне предстоит вытерпеть порцию насмешек?

— Дарова, красавчик! Чё ты тут делаешь в такую рань? — спросил наш Джорди.

— Впечатляет, — заметил Брайан. — однозначно, он здесь ради чего–то, или даже кого–то.

— *Ради* — скорее всего ключевое слово, — подколол Ли.

— Я жду кое–кого, — ответил я, закуривая.

Господи, я ненавидел эти штуки, но дымил, когда сильно нервничал.

— Поздравляю! Он, видимо, ночью трахался! — проорали они оба.

— Бросьте, пацаны!

Я увидел, как она подходила ко входу и после успешного объяснения Гансу–викингу, что её визит совершенно безобиден, представил Элинор группе. За омлетом мы старались узнать больше друг о друге, а у Ли с Брайаном появились срочные дела, особенно после моего пинка под столом.

У неё не было родителей. Вернее, она не была готова говорить об этом, и я не стал развивать тему. Кажется, она отрицала их существование просто потому, что мечтала стать танцовщицей.

— Я Элинор Ригби, — шутила она.

В шестидесятые отрицание родителей являлось обычным делом. Каким–то образом это дополняло образ дитя цветов.

Ресторан опустел, и я подошёл в пианино и сыграл несколько тактов «Бранденбурга».

— Прекрасно… так вы та группа, что играет эту музыку?

— Почему бы тебе не поехать с нами и самой всё узнать?

Она так и сделала.

На следующий день The Nice репетировала идеи для третьего альбома. У меня были несколько джазовых заготовок, которые с помощью стихов Ли превратились в «For Example». Брайану понравилось, ему предоставился шанс проявить себя в своём свободном стиле: глаза сверкают, будто бы он всегда готов взорваться. Элинор подала чай с пирожными на подносе.

— А ты здесь неплохо устроился, — заметил Брайан.

Сцена с чаем для группы произвела сильное впечатление на меня. Настал мой черёд… если бы я мог проскользнуть под носом недремлющего Ганса–викинга.

— У нас есть идея получше, — ответили Элинор с Элин. — Поехали в наш отель.

Ли не пришлось долго упрашивать, и мы оказались в маленьком двухместном номере. Я развлекался чтением датских газет, что оказалось делом непростым. Пока Ли кидал палки с Элин, Элинор пошла принимать ванну. Я обнаружил, что дверь не заперта.

Это намёк?

— Я зайду, если ты не выйдешь через пять минут.

— Нет, не зайдешь, — озорно прощебетала она.

Это подсказка. Нет времени на пустую болтовню. В ванной моя башка нашла кусок противной водопроводной трубы, но и моя противная труба нашла своё место.

Следующий рейс отправил The Nice в Бельгию на съёмки телепрограммы. Элинор приехала в аэропорт проводить меня. Объятия продлились слишком долго, и когда она пошла к выходу, я заметил, как она украдкой смахивает слёзы — мне это причинило боль.

> Is it well to wish thee happy? — having known me — to decline
> On a range of lower feelings and a narrower heart than mine!
>
> *Alfred Lord Tennyson*
>
> Как могла ты примириться — ты, кем был я так любим! —
> С подлым сердцем, с пошлым чувством — верно, не чета моим!
>
> *(перевод Д. Катар)*

Я не был уверен, но решил попробовать, доверившись ситуации. По возвращении в Англию, я отправил Элинор букет цветов. Разговаривать по телефону было непросто из–за огромных проблем с языком. Иногда трубку поднимала Элин.

— Она очень скучает по тебе.

— Я тоже скучаю. Скажи ей, что я хочу, чтобы она прилетела в Англию… я заплачу за билет.

— Нет! Она очень гордая и предпочитает сама зарабатывать.

Я не спрашивал как она это делает; понятно, что танцами.

Она позвонила через неделю: «Приеду на следующей неделе».

Она едет в Англию. Я страшно обрадовался.

— Какой рейс? Я встречу тебя в аэропорту.

В ночь её прилёта мы играли на острове Ил–Пай, что на Темзе. Он располагался прямо по дороге в Хитроу. Во время шоу я представлял, что она летит на каждом самолёте, который грохотал над нами.

Я был вне себя от нетерпения. Расхаживая по зоне прилётов, я закурил сигарету. И вдруг — вот она, с двумя большими

чемоданами. Мы не говорили, как долго она пробудет, тогда это было не важно. Не знал я, что мы пробудем вместе двадцать два года, и она уйдёт чуть больше, чем с двумя чемоданами. Я привез её к себе домой в Дрэйтон Гарденс, чтобы начать жизнь в семейной идиллии.

Однажды я заявился в офис Стрэтта, чтобы узнать, как обстоят дела с намечающимся американским туром. Я взялся перелистывать журнал, лежавший у него на столе, в то время как наш менеджер проводил серьезные переговоры. Неуверенность в голосе заставила меня взглянуть на него. Он был обеспокоен и смущен тем, что я взял журнал. Вернувшись к чтению и невольно слушая, что он говорит, я проигнорировал его беспокойство и зацепился за любопытную статью под названием «Групи».

«Гипсолитейщицы» (Plaster Casters) подробно рассказывали о своих выходках в целях получить гипсовые слепки пенисов разных артистов. Я сам встретил одну из них во время первого тура в Нью–Йорке и помню, как она рассказывала мне, что у Ноэла Реддинга намного больше, чем у Джими Хендрикса. Мне стало жаль Хендрикса; это все равно, что разрушить древний миф. И если вы сгораете от любопытства, дорогой читатель, я не принимал участия в их начинаниях.

Звонок Стрэтта являлся важным импульсом в продвижении группы за океаном. Насколько я понял из разговора, американское посольство не хотело выдавать The Nice визу. Чёртова бюрократия. Я продолжал читать, узрев имя Стива Пола, владельца Scene Club.

«Супер–групи ведут образ жизни, о котором мечтают остальные так называемые групи. Они проводят неделю с одной топ–группой, следующую — с другой, иногда путешествуют в Лондон или на Ямайку», — цитировало его издание. Я продолжал читать. И тут мой взгляд выхватил причину беспокойства Стрэтта. Я ещё раз перечитал кусок статьи. Во второй раз боль пронзила сильнее, чем при аварии на дороге. Там было её имя и фотография, немного нечеткая, но всё же достаточно ясная, чтобы узнать.

«Это сплошной эгоизм», — откровенничает супер–групи Клео, рыжеватая блондинка восемнадцати лет из Нью–Йорка, похожая на Джейн Фонду. Расследование показало, что в числе её сексуальных побед значатся Клэптоны, Беки, Стоунз и т. д. Наконец, немного отклоняясь от темы, «…недавно она обручилась с Китом Эмерсоном из The Nice». Ну да, немного. Жернова моментально запустились. Я взглянул вверх.

— Прости. Я не хотел, чтобы ты это увидел, — произнёс Стрэтт.

Жернова в сторонку, все встало на свои места. Теперь понятно, откуда взялась и моя и её болезнь. Мне не в чем себя винить. До свидания, прошлое! Настало время для новых отношений.

— Прости, — повторил Стрэтт.

— Да всё в порядке. Всё действительно нормально. Не возражаешь, если я возьму журнал с собой?

Вообще–то у нас появились гораздо более серьезные проблемы, чем мои любовные дела.

Я залез на заднее сиденье такси и поехал домой, чтобы ещё раз перечитать статью. Больно, когда тебя выставляют конченым простофилей, не говоря уже о появлении в таблоидах в качестве жениха долбаной супер–групи. Это часть моего образования в профессии лжи и самомнения. Я каким–то образом не пристрастился к синдрому «оторванности, дезориентированности и потухшей сигареты». Заплатив таксисту, я поднялся в квартиру, где увидел Элинор в слезах над фотографией Клео. Судя по всему, она слишком усердно делала уборку, и вот — природная любознательность проявила себя во всей красе. В руках она держала фотографию, которую я поместил в чемодан «Прошлого». Денег на папку «Будущее» не хватало, но я всё равно надеялся, что даже если бы такая папка и была, ей не нужно будет горевать о том, какая прекрасная жизнь будет у нас, если бы только папка «Будущее» существовала. Я мог всего лишь попытаться и сочувствовать, нажав кнопку «Пауза».

Стрэтт вызвал нас в офис: «Я ожидаю проблем с американским посольством. У меня на руках письмо с просьбой прийти на собеседование. Я думаю, что причина лежит в инциденте в Альберт–холле. Пока я подготовил несколько заявлений для прессы, и я надеюсь, нам удастся убедить их, что мы не настроены против Америки. Я возьму бумаги с собой».

Америка являлась слишком важным рынком, открытом не для каждой британской группы. Мы уже сняли немного пенки в шестьдесят восьмом, а теперь рассчитывали распробовать пирог по–настоящему. Всё, что требовалось — показать нашу лояльность и хорошее поведение. Если мы захотим сжечь что–либо, путь это будут наши мозги, чем звёздно–полосатый.

Комитет при посольстве завалили вырезками из СМИ. Я ухватил взглядом одну из них, выглядевшую примирительно — в ней я утверждал, что не намеревался обидеть кого–либо, то была глупая шутка, которую пресса раздула. Я вообще больше всех сожалею, если кого–то обидел. Я не мог дождаться, чтобы уйти оттуда, читая чьи–то слова, сказанные от моего имени. Я был

очень зол.

— Как ты посмел подставлять меня?

— Послушай, Кит, ты не только подрываешь свою репутацию, ты подрываешь группу из–за своего упрямства. У The Nice есть великолепная возможность прогреметь, благодаря своему мастерству. Тебе лишь не нужно связываться с политикой. Просто выходи и играй!

Слова прошили меня насквозь. Но когда они прошли мимо сердца, то захватили часть кишок. Я был разозлен.

Материалы Стрэтта тщательно проверяли в посольстве, также они ожидали одобрения от ФБР. Когда они его получили, мы поняли, что за нами, без сомнения, будут наблюдать. Мы должны стать пай–мальчиками, чтобы вернуться в Америку.

11. Слушая с Матерью

«Хочешь взлететь на нашем прекрасном воздушном шаре?» … Хит The Fifth Dimension проникал в салон авиалайнера вместе с позывными диспетчерской службы. Самолёт Trans World Airlines должен доставить нас в Нью–Йорк. Мы крепко пристегнулись ремнями, во всех смыслах. Президент Никсон осудил всех демонстраторов за «избыточное» злоупотребление правами студентов и обвинил их за «нетерпимость к законно избранной власти». Чтобы это ни значило, мы надеялись, что большинство приняло нашу сторону. Брайан, Ли и я, украшенные наушниками, слушали разные радиостанции, орали и громко пели, не обращая внимание на остальных пассажиров. Так мы долетели до Гренландии.

— Включи 13–ый канал… там Майлз Дэвис! — кричал Брайан.

— PAPERBACK WRITER… — пел Ли, игнорируя жалобы пассажиров о том, что он взобрался на сиденье с ногами.

Я настроился на классический канал и слушал музыку, от которой мурашки по коже пробежали. Звуковой шквал атаковал всей мощью аккорда. Глядя на широкие просторы ледников, я рассматривал жизнь в её истинном великолепии. Невежество некоторых, населяющих планету под нами, просто поражало. Огромный самолёт увозил меня от вероятных отношений с Элинор к окончательному разрыву с Клео. А между ними находилась великая музыка, возвращавшаяся словно великолепный багаж на конвейерной ленте. В какой–то момент мне удалось привлечь внимание Ли и Брайана в надежде, что они тоже проникнутся чувствами, которые я испытал от услышанной музыки.

— Боже, она так хороша. Мы должны сделать аранжировку, — предложил я.

— Смело, но если ты заставишь её свинговать, я не возражаю, — ответил Брайан.

— Ну и как называется эта хрень? — спросил Ли, под ремнём которого бултыхалось изрядное количество миниатюрных «Джеков Дэниелов».

— «Патетическая» симфония Чайковского.

— Название «Патетическая» не очень подходит, — возразил Ли.

— Подойдёт, когда Эмерсон приложит к ней руку, — ответил Брайан, посмеиваясь.

Нас ожидала американская таможня. Нас обшмонали полностью, а Брайана забрали для личного досмотра с раздеванием донага.

Они знали о нас… и выполнили домашнюю работу!

Как бывалых путешественников, Нью–Йорк в этот раз не впечатлил. Слишком много слоёв: легко представить, сколько враждебных субкультур живет под ногами… а так именно и было. Заканчивался март, но температура в городе достигла оптимального уровня, чтобы бактерии всех сортов расцвели буйным цветом. Воздух настолько густой, что если у вас есть аппетит, то он легко превратится в аппетит к разрушению. Мы поселились в отеле под названием «Горэм».

Нас встретили всё те же бронированные, с крохотными яичками, друзья, скрывающиеся в ближайших щелях. Брайану с Ли не терпелось навестить клуб. Я был в курсе, что Клео организует вечеринку в нашу честь — она поведала мне об этом в письмах, на которые я не отвечал, но мои биологические часы не хотели ничего, только отключиться. Я остался в отеле. Периодически звонил телефон, который раздражал и мешал блужданию по альфа– и бета–уровням. Наконец бета–уровень взял верх — и я уже разговариваю с Куки, подругой Клео.

— Мы все в «Scene», Клео устроила вечеринку. Приходи.

Напялив одежду и убедившись, что журнал *Time* в заднем кармане джинсов, я плюхнулся в раздолбанное такси и поехал в центр.

Однако, спускаясь по лестнице, никаких звуков празднования я не услышал. Горстка людей слонялась по тёмным углам, одна из них — Куки.

— Ты где был? Все ждали–ждали, а теперь ушли. Клео умирает от желания увидеть тебя.

— Где она? — скрыть резкость не удавалось.

— Ты найдешь её в баре за углом.

Я взял адрес, направился в бар и быстро его нашел. Обычный длинный бар в стиле «налей–ка ещё одну, Джо»: одинокий бармен за стойкой да пара людей. А вот и она. Клео и какой–то парень, длина волос которого ясно давала понять, какая у него профессия. Они были увлечены разговором. Когда она случайно оторвала взгляд от выпивки, я поймал выражение её лица: сначала поддельный восторг, а затем ужас и неверие.

— Кит, я так рада тебя видеть!

Парень уставился на меня так, будто хотел сказать: «Ну ништяк, будет с кем потрахаться сегодня».

Ни говоря ни слова, я вытащил журнал, хлопнул им об стойку, развернулся и спокойно пошел прочь под её крик: «Это не

я, это не я!»

Дойдя до двери, я оглянулся… и вышел на улицу. Говорить было не о чем, и я написал нечто вроде стихов:

> Желтое такси несется над душным метро.
> А в это время голубь находит пространство для полёта, избегая
> Препятствий в угольном небе,
> И даже если ещё одна поэма потерялась на седьмой авеню,
> Я не запла́чу, жизнь продолжается.

На следующий день я подружился с белкой в Сентрал Парке. Затем мы оправились в Бостон на первый концерт. Пока мы мотались по аэропортау, доверчиво следуя за Стрэттом, отвечавшим за паспорта и билеты, Крис Блэкуэлл (президент Island Records) сравнил нас со стайкой цыплят, спешащих за мамашей–курицей.

— Отлично, — заорал радостно Ли Стрэтту. — Теперь мы тебя будем называть Матерью!

Я сел рядом с Матерью. Весь короткий перелёт мы читали журналы. Мне дали прочитать статью о смешении разных видов искусств. Группа под названием Elephant's Memory недавно сыграла концерт под управлением совместителя должности дирижера Нью–йоркского филармонического оркестра Джозефа Эгера.

— Может, стоит организовать встречу с ним по возвращении в Нью–Йорк.

— Почему бы и нет? — ответил я, правда без особого энтузиазма.

Наш репертуар значительно расширился со времени прошлого визита. Мы показали всем, что и мастерство выросло, несмотря на то, что нас осталось трое; зато дух был на высоте. Мы играли «She Belongs to Me» Боба Дилана каждый вечер, начиная с первого концерта, и каждый раз играли по–разному.

Ли подружился с Тимом Хардином, и в результате я услышал «Hang on to a Dream». Сначала мне она показалась слишком меланхоличной и не слишком глубокой в аккордовой последовательности, базируясь всего на четырёх аккордах. Но решительность Ли спеть прекрасные стихи возымела действие. Песня Тима Хардина стала трамплином, с которого мы могли прыгнуть в любом направлении. Брайан «Блинки» Дейвисон начал много экспериментировать, с тех пор, как нашел средство защиты от летающих ножей. Баррикада в виде набора гонгов разных

размеров подтвердила свою состоятельность; теперь он открыл для себя «эффект Доплера». Он привязывал треугольник к струне и вращал над головой. Он как бы нашел метательный снаряд, на который можно положиться. Блинки предпочитал, чтобы получившийся эффект не называли снарядом, но так повелось с 21 декабря 1968 г. на концерте в Шеффилд Холле в Англии. Этот зал больше подходил струнному квартету, чем рок–группе с усилителями.

Ли подошёл к микрофону: песня очень тонкая и личная, аудитория подтянулась ближе. Я почувствовал хорошие вибрации и готовился к соло. Ли должен спеть ещё раз припев песни; она такая тихая, что мышь не заметно не прошмыгнёт. Блинки осторожно распутывает струну. Все, что от него требуется — дзынькнуть по чертовой штуке и нежно повертеть над головой… не самая важная задача.

«How can we hang on to a dream?» — пел Ли полушепотом, всей душой, нежно склонясь к микрофону. «How can it really be the way it…» Ли заметил, что слушатели как один подняли к потолку головы, и разом их опустили, как будто наблюдали вертикальный теннисный матч — ДИНЬ, БАХ, БУМ, ХРЯСЬ! — «… *it is?».*

Блинки смотрел по сторонам как ребёнок, потерявший мяч, держа в руках маленький несчастный кусок струны. Треугольник и гонги познакомились друг с другом так изысканно, словно вся металлургическая промышленность Шеффилда утонула в большом железном баке.

Ли перевёл дыхание и заржал. Аудитория, изначально проигнорировавшая мелкий облом, последовала его примеру. Но теперь мы устоялись как трио, Блинки играет щетками и выглядит застенчивым. Все идет хорошо, но Блинки беспокоит, куда в этот раз улетел треугольник. Короткая фортепианная каденция позволила отыскать его у стойки с гонгом. Пока Ли запевает репризу, *«What can I say, she's walking away…»,* Блинки быстро привязывает треугольник обратно к струне. Ли нервно бросает взгляд назад, перед тем как в последний раз спеть фразу. К его удивлению, реактивный снаряд найден и готов к использованию. Он, как и все мы, знает, что по задумке, требуется ещё один «Динь». Блинки поднял проблемный предмет, Ли запевает: *«How we can hang on to… О, мать твою!»*

Три минуты ни музыканты, ни публика не могли остановиться от смеха. До конца шоу, как только Брайан бросал взгляд на треугольник, зал грохал от смеха.

Мы устроили своё «бостонское чаепитие» и с энтузиазмом обсуждали идеи. После трёх выступлений все промахи и удачные

ходы тщательно анализировались перед Филлмор Истом Билла Грэма, в котором нам предстояло выступать через месяц.

— Слушай, когда ты залезаешь в рояль сыграть на струнах, можешь дать мне сигнал, а то я вижу только твою задницу, — попросил Брайан.

Мы внесли в наш репертуар ещё одну композицию Боба Дилана “Country Pie”. Мне удалось вставить фрагменты Шестого Бранденбургского концерта Баха, так что «Пирог» получился неплох, хоть и по другому рецепту.

Блинки держал ритм, чтобы ни происходило, но я часто не удосуживался предупредить остальных о своих намерениях перед началом концерта. Я не знал, что буду делать, когда выходил на сцену. Я доверял способностям Ли и Блинки и надеялся, что со своей стороны воздам им должное сполна.

Вверх в Канаду, концерт в Торонто в зале Rockpile. The Nice играет вместе проектом Брайана Оджера Steam Packet с певицей Джули Дрисколл и неким парнем по имени Род «Мод» Стюарт. В коммерческом плане они преуспели больше, выпустив кавер на песню Боба Дилана “This Wheel's on Fire”. Оджер не упустил возможности блеснуть прекрасным соло на Хаммонде. Я всегда уважал Джули Дрисколл, ещё со времён T–Bones, несмотря на явное превосходство Гэри Фарра в сексуальном плане. Она была втянута в шоу–бизнес поневоле. А вот Род «Мод» (воплощение эксцентричности) размахивал шотландскими шарфами и флагами как Том Джонс женскими трусиками.

Конец пятидесятых — период массовой эмиграции на земли больших возможностей. И Канада и Австралия представляли собой хорошие перспективы для британских безработных. В Торонто уехало много шотландских семей, к сожалению банды из печально известного района Горбалз[36] тоже переселились вместе с ними. Казалось, что все они наполнили Rockpile. Шотланды и так чересчур эмоциональны, а во время автограф–сессии Джули Дрисколл они как будто с ума сошли. Обычно она подписывалась прозвищем Джулс (Jools). К сожалению, фэны слишком усердно толкались под рукой, и её росчерк приняли за слово «Дураки» (Fools), видимо в ответ на их поведение. Возникший беспорядок заставил нас забаррикадироваться в гримёрке и дожидаться приезда полиции.

Я получил первое письмо от Элинор. По–английски она говорила ещё плохо: «Я цельный день чистил. Я ходил в прачечную и мыл рубаки. Вчира я ходил с твоей мамой в магазин и купил помойку. Дюбить тебя много. Элинор».

По возвращении в Нью–Йорк Тони Стрэттон–Смит, Мать наша, созвонился с Джозефом Эгером и назначил встречу в его

квартире в центре города.

Худой жилистый человек открыл дверь и пригласил нас в своё затемнённое жилище. За бутылкой вина Джозеф рассказал нам, что разводится. Мать и я сочувственно кивали. В целом встреча прошла плодотворно, мы с энтузиазмом наметили разрушить стену бюрократии, окружившую святыню «классического оркестра». В конце концов Джозеф притащил тубу и сыграл Концерт Моцарта для трубы в ми миноре. Я аккомпанировал ему на фортепиано, отчаянно пытаясь доказать, в который раз, что тоже могу профессионально читать с листа.

The Nice рассчитывали закончить третий альбом в Штатах. Кроме записи живых выступлений, мы очень хотели поработать с великими джазменами из Нью–Йорка, особенно над пьесой For Example, над которой я корпел в Копенгагене, а в последствии мы записали основу в лондонской Trident Studios. Восьмидорожечную плёнку я захватил с собой в надежде, что нью–йоркские звукоинженеры найдут время для записи моей первой аранжировки для трубы, тромбона, тенор– и баритон–саксофонов.

Сжимая манускрипт, я с дрожью в коленях вошел в студию, чтобы познакомиться с музыкантами. Пеппер Адамс на барион–саксофоне! Тот самый Пеппер Адамс, который играл на моём самом любимом альбоме *«Telonius Monk at the Town Hall».* Я не мог поверить своим глазам! Я моментально превратился в одного из тех истовых фэнов, которые недавно начали вторгаться в мою жизнь. Я раздал ноты, написанные от руки. Трубач (забыл его имя) был мертвецки пьян, от чего остальные сильно смущались. Я не стал обращать внимание, хотя Пеппер настоятельно просил меня не платить ему. Но я был в таком благоговейном трепете от того, что такие легенды работают со мной. Вспоминая ушедших героев типа «Птицы», я чувствовал сострадание к состоянию трубача.

В Филлмор Ист мы выступали вместе с Ten Years After в качестве хэдлайнеров, но вскоре они решили выходить на сцену перед нами по причине того, что овации, устроенные нам, зачастую продолжались в время их сета. Нам удалось записать три композиции во время этих великолепных концертов: Rondo 69, She Belongs to Me, и Country Pie.

Рецензии СМИ о нашем туре были одинаково положительными. *Billboard* написала о нашем концерте 10 апреля: «The Nice, чье непонятное название искажает демоническую взрывную атаку органа в руках преданного и гениального Кита Эмерсона — выступили во всём великолепии. Инструментальный гипнотизм настолько же могуч, как и у представителей хэви–рока, высоко уважаемых в рок–среде, терроризирующей наши чувства.

Прыгая вокруг органа как неистовый машинист, выжимающий последние соки из своего паровоза, Эмерсон наказывает клавиши (кинжалами, в придачу!), и всё нутро органа воет и сотрясается. Его симфонические скоростные трипы, а именно он несёт ответственность за черную комедию бернстайновской «Америки», рождают гимны психоделической церкви, смеясь и спотыкаясь в стиле классической анархии *«Призрака оперы»*. Брайан Дейвисон на барабанах и Ли Джексон на басе отлично ассистируют в разрушении мозга».

Не я не чувствовал себя счастливым. Наша популярность росла с каждым концертом, выступлений становилось больше, что означало длительную разлуку с Элинор. Должно быть, для ребят я стал настоящей занозой в заднице, что даже Тони Стрэттон–Смит предложил оплатить половину стоимости билета на самолёт, лишь бы она была рядом со мной. Но для этого требовалось две недели: ей нужна виза, поэтому мой настроение не менялось. Я решил немного поднять себе настроение. Поймав такси, я нашел магазин флагов.

— Я хочу купить американский флаг.

Продавец, бывший военный, смотрел на меня подозрительно.

— Могу я спросить Вас, зачем? — ответил он.

— Ну, я гастролирую по всему миру, и одно из моих хобби — коллекционирование флагов стран, где я бывал.

Кажется, он купился и выставил ящик с верхней полки.

— Теперь, это очень важно, если я продам его Вам, вы должны знать, как с ним обращаться. Вы знаете, как его складывают?

— Эээ… ну…

— Я покажу.

Когда он убедился, что я хорошо управляюсь с флагом и собираюсь заплатить, он дал мне ещё один совет. Флаг никогда не должен касаться земли.

— О нет, сэр, я буду очень аккуратен.

В последний вечер в Филлморе, перед тем, как откроют двери, я засунул флаг внутрь Хаммонда, чтобы никто не заметил. Шоу шло своим чередом, Элвин Ли играл со обычной скоростью сотни миль в час, и тут ко мне подошёл Баз и обрушил все своё негодование.

— Ты совсем нахрен сдурел? Что делает флаг в органе? Я его вытащу на фиг оттуда! Ты нас прикончишь!

— Флаг останется там, где он лежит. Если возьмешь его или скажешь кому–нибудь слово, полетишь домой первым рейсом.

— Не верю своим ушам. Не могу поверить, мать твою! — он ретировался.

Последний номер нашего сета «Рондо» поднял всех на уши, соло лишь нарастало и нарастало. Пинок в модуль фузза добавил неистового безумия ревущему инструменту. Я запрыгнул на орган, следующий пинок достался задней крышке. Добравшись до внутренностей, звёздно–полосатый был вызволен и развёрнут, орган отправлен на пол и обёрнут флагом. Я успел поймать ужас на лицах коллег. Ли побелел, а его челюсть упала на пол. И тут аудитория ломанулась на сцену. Реакция разделилась 50 на 50: кто–то подбадривал нас, бросая окурки на сцену, настроенные патриотично были разгневаны настолько, что готовы были разорвать на в клочья. Как бы то ни было, мы получили необыкновенный приём, а затем нас стащили со сцены. Стрэтт находился в зале и едва не заработал инфаркт.

— Это была дурацкая шутка. Ты нас всех под монастырь подведешь, дружок.

Ли с Блинки не разговаривали со мной следующие пару дней.

К черту всё, я был настроен чертовски воинственно и, чтобы доказать это, пошел вечером в клуб. Я не помню названия, но там легко можно нарваться на неприятности. Стройная брюнетка танцевала около бара и поглядывала на меня, в то время как я пил ром с колой. Она выглядела очень гибкой в широком смысле этого слова и, чем больше я глядел на неё, тем сильнее заводился.

— Нет, это не хорошо, — сказал я себе. — скоро приедет Элинор. Держи себя в руках.

Она заметила мой интерес и сделал шаг в мою сторону.

— Привет!

— Привет!

«Чёрт, приехали», — подумал я… и, конечно же, дело пошло.

День спустя, испытывая вину, я запаниковал, узнав, что Элинор действительно находится в пути. В полдень она прибудет в аэропорт Кеннеди. А что если я подхватил что–нибудь? Она казалась приятной, чистой девушкой, но что если? Я добрался до телефона и позвонил ближайшему доктору.

— И в чём проблема? — спросил доктор профессиональным снисходительным тоном.

— Я думаю, что мог подхватить социальную болезнь.

— С вашей профессией это не удивительно… типа производственной травмы, не так ли?

Я посчитал, что отвечать на его саркастическое брюзжание не стоит.

— Что вас заставило думать, что Вы подхватили, эээ… социальную болезнь?

— Мой друг общался с той же девушкой, и у него появились

выделения после этого.

— Что, она просила уйти без рекомендации?

— Послушайте, моя подруга приезжает из Англии, и я боюсь наградить её чем–нибудь.

— Вы обнаружили какие–нибудь симптомы?

— Нет еще, но я хочу подстраховаться.

— Окей, снимите штаны и нагнитесь.

И он воткнул мне в задницу огромный шприц с пенициллином.

— Пожалуйста, с Вас 60 долларов.

Прихрамывая, я вышел на улицу и поехал на такси в аэропорт. Блин, болело не на 60 долларов, но хотя бы у чувствовал себя увереннее.

Как здорово быть снова вместе. Столько нужно наверстать, но в отеле я начал беспокоиться, что не могу нормально ходить. А что если доктор испортил ногу? Мне нужно аккуратно дозвониться до него.

— Ммм, я спущусь в холл за газетой, чтобы посмотреть, что сегодня в кинотеатрах.

— Вот здесь лежит журнал, там есть всё, что нужно, — заботливо ответила Элинор.

— Есть? Хорошо, но там нет ресторанов. Внизу продаётся журнал, в котором можно найти абсолютно всё.

— Действительно? Ну ЛАДНО.

Смахивая пот с лица, я молнией слетели вниз на лифте к телефонам в холле отеля.

— Послушайте, мне нужна помощь. Я парализован! — пожаловался я доктору.

— Успокойтесь. Может я задел нерв, но если вы примите горячую ванну и помассируете парализованную область, нога снова будет нормально функционировать. Если завтра лучше не станет, тогда приходите.

Я заскочил в лифт и вдруг вспомнил, зачем спускался вниз и помчался к газетному киоску.

Успокоив дыхание, я вошел в номер.

— Что за счёт от доктора у тебя в портфеле?

Вот так вот! Я не мог больше сдерживаться и рассказал обо всём. Парни, следующий час прошел чрезвычайно тяжело.

— Нам нужен доктор как можно скорее, — сказала она, отложив спорные моменты на потом. У нас будет много времени обсудить случившееся. Возможно, мне стоило последовать совету Ленни Брюса[37]: «Даже если вас застукали фотографы, отрицайте всё». Но исповедь больше подходила в грешном моём положении — три «Аве Марии» и, во имя искупления грехов, лови

тарелки до конца жизни. Фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной! Ко времени прихода семейного доктора, моя семья рушилась. Хотя чувствительность ноги постепенно возвращалась, и я чувствовал себя лучше, отношение Элинор явственно давало понять, что понадобится много времени, для восстановления доверия.

И я заплатил за это, ребята, заплатил сполна!

Джексон — музыкант старой тяжелой школы. У него это в крови; он мало говорит о том, что не сильно связано с роком. Одевается он хиппово, что очень ему идёт: вельветовый пиджак с кожаными вставками, атласные рубашки, туфли ручной работы и, поскольку он по опыту знает, что девушки стаями вьются вокруг номеров музыкантов, трепетно относится к прикиду. Он щурится на вас через затемнённые гоночные очки и дико ругается по поводу денег, которые придется заплатить за транспортировку органа обратно в Англию. Если вы встретите его с десятью друзьями в клубе «Speakeasy», он купит вам выпивку.

Кит выглядит так, будто находится в другом месте, когда говорит или кто–нибудь обращается к нему. Чаще всего он молчит, и вдруг начинает рассказывать что–то, как будто эту тему обсуждают долгие часы. Он любит кожу и замшу, кожаные пиджаки с бахромой и штаны, заправляемые в сапоги с высоким голенищем. К людям и вещам, которые ему дороги, он относится очень трепетно. Он любит посмеяться, но делает это нечасто. Во время репетиций или записи он полностью сосредоточен на процессе создания музыки. Концентрация не сходит с его лица, даже если он прорабатывает пассаж в восьмой раз. Он добивается совершенства, хотя остальным кажется, что получилось идеально. Видимо, об этом он думает во время длинных периодов молчания: планирование репетиций, воплощение идей в конкретных аранжировках и звуках. Во время игры он предстает в совершенно другом образе, скорее движущей силой. Стоит ли он за инструментом или сидит, его тело полностью резонирует с музыкой, согнувшись над органом, как танцующий богомол. Его пальцы летают над клавиатурой, не пропуская ни одной ноты несмотря на бешеный темп. Эмерсона назвали Хендриксом клавишных, и хотя мне кажется, что это дурацкое сравнение, но если взять во внимание все

факторы, приведшие к такому сходству, то со всей вероятностью можно сказать, что Эмерсон — действительно один из самых восхитительных музыкантов в стране.

Брайан Дейвисон также может считаться одним из самых интеллигентных (хотя и не самых эффектных) барабанщиков на земле. Его лицо часто искажено от напряжения и концентрации, когда он исполняет совершенно нелепые соло и вставки. Голова склонена, губы поджаты, втягивая воздух во время исполнения флэм–ролла в долю секунды между фразами, но не позволяя ритму сбиться, но и не придавая чрезмерного акцента всему незначительному.

Вне сцены Блинки — полоумный кокни. Он любит тусоваться по клубам, балдея от всего, что может заставить балдеть, и всегда в курсе всех музыкальных событий. Он любит обстоятельно говорить о группах и барабанщиках, которыми он восхищается, обильно жестикулируя. Глаза сверкают, когда нужно подчеркнуть важный момент.

Марк Ушльямс, Rolling Stone, 26 июля 1969 г.

То был длинный десятинедельный тур, и по возвращении в Англию мы навели последние штрихи на третий альбом. Я подружился с дирижером The Indo–Jazz Fusion, очень странного коллектива, смешавшего джаз и индийские раги. Дирижера звали Джон Майер, который к тому же был очень хорошим скрипачом. С ним мы сыграли довольно необычный концерт в лондонском центре искусств. Организаторы потребовали, чтобы The Nice сделали что угодно, только не обычное выступление. Блинки притащил группу своих джазовых друзей и сыграл импровизированный сет. Ли вышел на сцену и устроил сессию вопросов и ответов. Джон и я отрепетировали пятую часть Испанской симфонии Лало: Джон на скрипке, я на фортепиано. Мне так понравилась музыка, что я написал аранжировку, Ли — текст, и получилась “Diary of an Empty Day”. Я ненавидел транспонировать, так что оригинальная тональность подразумевала, что Ли придётся выжать максимум из своих яиц, чтобы спеть высокие ноты. Всегда находились особы, желавшие помочь: прошлые или настоящие любовницы, но к сожалению, в нужный момент их никогда не найдешь.

Идея обложки для третьего альбома, озаглавленного просто «*The Nice*», такова, что она должна выглядеть как семейный фотоальбом, с разнообразными фотографиями членов группы.

Однако, когда я увидел пробные оттиски конверта, то был очень разочарован: фотографии получились чрезвычайно размытыми, в рукописном текст закрались ошибки. Когда я позвонил в записывающую компанию, новости вообще свели меня с ума. Оказывается, обложки ушли в печать.

По возвращении домой я был настолько зол, что проломил кулаком деревянную перегородку. Они снова сделали это: сначала выпустили сырой микс «Америки», теперь — обложка. На следующий день, все ещё в гневе, я заявился в офис Матери, который, как обычно, звонил за океан.

— Вообще–то, Тони, парням сильно не нравится обложка альбома, — проурчал Мать.

— Кто там, Колдер? Дай мне телефон! — я выхватил трубку из рук напуганного Стрэттон–Смита и выдал тираду из оскорблений, а в конце заявил, что ему следует лучше исполнять свои обязанности и указал место, куда я засуну конверт пластинки, когда он вернётся в Англию.

Неделю спустя я получил письмо от адвокатов с предупреждением, если их клиент получит новые угрозы насилия, то они подадут в суд.

ОТЛИЧНО! МЫ НАЧИНАЕМ ВОЙНУ!

Схватив контракт с записывающей компанией, Ли, Блинки и я отправились в сердце юридического Лондона, в район под названием Темпл. Там мы передали бумаги пожилому юристу в полосатом костюме. Мы объяснили ему, что хотим освободиться от контракта с Immediate Records. Мы дали время джентльмену надеть очки и внимательно изучить бумаги. Тишина давила, чтение, казалось, будет длиться вечно — мы тупо рассматривали обитую дубом комнату. Полки с книгами по юриспруденции и прочие манускрипты годами собирали пыль. Казалось, мельчайшие частицы застыли в воздухе. Спокойствие нарушал единственный луч света, пробившийся через одинокий витраж.

— И, если я правильно понял, вы подписали это? — монотонно спросил адвокат, вопросительно смотря на нас.

— Да, — ответили мы хором.

— Вы, придурки недалёкие! — ответил он нам, бросая документы на стол.

Мать пришел посочувствовать, угостив нас ужином во «Фланагане», старом английском салоне на Бейкер стрит. Уныло мы оценивали сложившуюся ситуацию. Мы мало что могли сделать с обложкой для европейского релиза. И вдруг у Матери появилась идея.

— Если мы сработаем быстро, то можем хотя бы сделать лучший вариант для Америки — предложил он.

Мы мгновенно воспрянули духом, оторвав глаза от стейка, пирога с почками, рыбы с картошкой. Блинки заметил старый викторианский плакат, провозглашавший: *«Всё славно, когда Мать берётся за дело»* (*Everything Nice as Mother Makes It*).

— Вот так, — сказал Бликни. — Мать, как тебе такое?

— Идеально!

Так и получилось. Для американского релиза третий альбом The Nice назвали «*Everything Nice as Mother Makes It*». Та же музыка, другая обложка. Группа была довольна и отпраздновала пудингом с изюмом.

The Small Faces, Эрик Клэптон и даже Род «Мод» Стюарт были подписаны на один и тот же рекорд–лейбл и так же жаловались на него. Но к тому времени, когда Эндрю Олдэм покинул здание и оказался в Боготе, Immediate Records объявила о добровольной ликвидации.

Концерт в центре искусств представлял собой истинное смешение всевозможных направлений. Промоутеры принялись организовывать подобные мероприятия. В результате The Nice поручили сочинить специальную пьесу для Ньюкаслского фестиваля искусств. Но времени для серьезного написания оставалось мало.

Последующие месяцы прошли в калейдоскопе выступлений. Любое колхозное поле, способное принести доход, рассматривалось в качестве места рок–н–ролльного действия. Корк на юге Ирландии в июле шестьдесят девятого не был исключением.

По дороге из аэропорта мы увидели пару плакатов, с помпой провозглашавших о «Перовом рок–фестивале в Корке, с участием The Nice, Yes и The Bonzo Dog Band». Однако, въехав на ужасающего вида футбольное поле, едва взглянув на лицо База, мы почувствовали, что наши худшие опасения оправдались. С нами поехало несколько важных журналистов, чтобы воочию увидеть буйство голодных ирландских рок–фанатов, но вместо этого все застряли на каком–то поле в арендованной машине. В поле зрения не было ни одного жилища, а в потенциальные зрители могли записаться только четвероногие.

The Nice вылезли из машины и увидели душераздирающую сцену: одинокий кабель, по виду которого можно предположить, что он лежит здесь с довоенных лет, оборудование походной кухни, разбросанное тут и там на сырой земле — от времянки рабочих до сцены, видимо собранной из ящиков из–под кукурузы. Присутствие усилителей Marshall, установленных на призме из коробок, раскачивающихся на ветру, вызывало определенное

беспокойство, поскольку они могли разрушить всё строение, как домино.

— Не ходи туда! — крикнул Баз. — Опасно ставить на них чертов Хаммонд, не говоря уже о том, чтобы там играть.

Мать, организовавший мероприятие, нашел себе занятие на дальнем конце поля, и это не справление нужды.

— Усилители фонят… неудивительно, ведь они подсоединены к какой–то хреновине, а не кабелю, — жаловался Баз.

— Чем так воняет? — спросил кто–то.

Выяснилось, что место проведения находится рядом со скотобойней.

— Послушайте, мне нужна дюжина добровольцев, чтобы выкопать сортиры, — произнёс Вив Стэншол из Bonzo Band, несказанно нас порадовав.

Пора принять серьезное решение. Вив посовещался с «бонзами», так же поступил и Джон Андресон с Yes, выглядевшими так беззащитно на ветру в вельветовых штанах с бахромой и длинных розовых панталонах. Nice приняли решение и проскандировали: «Снимаем с него штаны!» Усилители хоть и шатались на ветру, но всё же устояли, а вот штаны Матери, с другой стороны, однозначно должны сползти.

— О, нет!

По выражению лица Матери явно читалась эта мысль даже издалека. Поймать его не составляло труда, чему способствовала его тучность, хотя бежать до него пришлось не меньше двухсот метров. Расплата настала, и мы с восторгом приняли предложение Вива: «Отличный промоушн, теперь нам требуется жидкий вечер». Мы отправились в ближайшую пивную, где подавался отличный свежий Гиннес, и обсудили альтернативные варианты фестиваля.

— Как насчет прямо здесь? — сказал Ли. — Смотри, там пианино стоит.

С этими словами он повернулся ко мне:

— Маэстро сыграет нам пару мелодий, не так ли?

Так что фестиваль рока в Корке закончился тем, что ваш покорный слуга лабал все регтаймы, которые знал, а в конце экспромтом сыграл «Give Peace a Chance» (Дайте миру шанс), превратившуюся в «Give Booze a Chance» (Дайте бухлу шанс). Yes и Bonzo Dog Band с удовольствием присоединились к хору, а у местных чуть глаза не вылезли из орбит. Они никогда не видели столько отморозков под одной крышей, не говоря уже об уровне возбуждения в Корке. Видимо, подобное происходило разве что во времена эльфов.

В аэропорту Корка, пока мы ждали посадки на самолёт, Вив Стэншол выкрикивал: «Мы — нудисты, нам нужна свобода». Нил Армстронг, гуляя по Луне, чувствовал себя, скорее всего, не лучшим образом. Я же, слава богу, держался подальше от окна. Турбо–двигатели взревели так, что каждая клетка мозга вибрировала вместе с ними. Шумовая квинта безжалостно долбила по черепу, и я схватил бумажный пакет — нет, не для того, чтобы вырвать — чтобы нарисовать нотный стан и скрипичный ключ. Пусть лучше музыкальные идеи вырываются из меня, а не то, что я только что съел. Хотя, и съел–то я не много. К моменту приземления у меня был готов набросок, который вскоре превратится в “Five Bridges Suite” (Сюиту пяти мостов), названную в честь пяти мостов над рекой Тайн.

На следующий день я купил «*Путеводитель по оркестровке*» Уолтера Пистона. Выглядело это как если бы Мики Маус записался в подмастерья волшебника и получил в руки *«Руководство по волшебству»*. Если выдавался свободный день (а у нас был очень плотный график), я сидел за видавшем вид пианино, и наспех писал оркестровые партии. Элинор работала нелегально в магазине одежды неподалёку (она до сих пор считалась инопланетянкой, без свидетельства о браке).

Я не изучал оркестровку, поэтому процесс двигался медленно. Я постоянно сверялся с альманахом, чтобы удостовериться, что инструмент, к которому я пишу партию, имеет нужный диапазон. Я старался изо всех сил, идеи текли рекой. Нужно было грамотно аранжировать би–боп фразы, почти как у Чарли Паркера, но чем больше я закапывался в работе, тем больше забывал первоначальную идею. Это как выйти на лыжню не выучив основы торможения, напрочь забыв о законе гравитации Ньютона. Я начал жалеть, что посвятил так много времени проекту.

Сочинять для трио было сущей радостью. Если идеи кончались, импровизационный джем подбрасывал дровишки для новых. Найти занятие каждому в большом оркестре оказалось сложнее, чем организовать утренник для детей: ни в том, ни в другом опыта у меня не было.

Концерты следовали один за другим, в качестве хэдлайнеров мы обычно собирали двухтысячный зал; для Англии очень даже неплохо. Баз — на самом дела его звали Баррингтон Марш–Уорд, — вспоминает:

> Когда The Nice аккомпанировали ПиПи Арнолд, они обычно путешествовали в фургоне со мной, но вскоре появились ещё два роуди, один из которых водил

машину. Я присматривал за оборудованием и состоянием фургона. Чем больше группа зарабатывала денег, тем больше появлялось оборудования. Когда–же The Nice играли в Америке, мне пришлось сидеть за рулём 18 часов без остановки. Затем я добрался до зала, установил оборудование и решил немного привести себя в порядок. Когда я вернулся, то обнаружил, что другая группа разлила пиво на усилители и сломала орган. Я тщательно вытер усилители, но если дело касалось техники, я предоставлял возможность разбираться с этим Биллу Хоку. К счастью Билл отправился в город под названием Ред–Дир, в канадском захолустье. Мне удалось все–таки до него дозвониться и записать на трёх больших листах полную инструкцию, как починить орган! Я работал до самого утра, удаляя клочки бумаги из валиков. А затем я просидел всю ночь возле инструмента, чтобы никто не смог его испортить!

Кит очень трепетно относился к своим пяти усилителям с двумя динамиками в каждом. Он мог заметить, что в каком–то усилителе не работает один динамик. И всегда оказывался прав!

В один прекрасный день я вернулся с репетиции домой и снова застал Элинор в слезах. Неужели она отыскала новый компромат?

— Родители написали письмо.

— У ТЕБЯ ЕСТЬ РОДИТЕЛИ? — воскликнул я. — Нет, этого не может быть…

Мой юмор пришелся не к месту.

— Конечно есть, — всхлипнула она. — Они хотят меня видеть.

— Тогда мы должны поехать к ним, — ответил я.

— Нет! Я не знаю, как они отреагируют на то, что я связалась с длинноволосой рок–звездой.

— Надеюсь, что они будут просто счастливы узнать, что ты жива!

Я купил билеты, хорошо что у нас выдалась пара свободных деньков. Но когда мы летели в датский Оденсе, я живо вспомнил о маленьком баре в Орхусе. Её отец тоже будет искать вшей у меня на голове? В конце концов, мы направляемся на территорию, населенную датской деревенщиной.

Я тактично встал в сторонке от потока людей, хлынувшего из зала прилётов. Элинор помчалась к своим: мне не хотелось нарушать семейное воссоединение. Глядя на их семью, я немного

расслабился. По настоянию Элинор я приехал в лучшей одежде, но глядя на её отца, одетого в фартук пекаря со следами муки, я все больше удивлялся своему беспокойству. Наконец Элинор позвала меня.

Мы вежливо и достойно поздоровались; на меня едва взглянули. Я чувствовал себя так же уютно, как козявка в датском пирожном, пока её отец вез нас в маленькое семейное бунгало в сельском пригороде Оденсе. Во время поездки я отчаянно пытался понять, о чем они говорят — их беседа совершенно не походила на человеческий язык. В который раз я смотрел на невыразительный сельский пейзаж — сколько раз мы проезжали здесь с The Nice, — язык, как и раньше, звучал как некая форма организованного заикания.

Полы с подогревом — ух ты! Можно ходить босиком, расправить пальцы на ногах и чувствовать, как тепло проникает в ткань организма. Слава Богу, мои ноги не слишком велики. Мама Элинор постелила кровать на двоих. Кровать? Боже, их не пугает факт, что волосатый рокер поделиться своей маленькой ДНК со их дочерью. Послушайте, может эти люди и ничего!

Пока женщины занимались своими делами, мальчики угощались шнапсом, запивая его пивом. Отец и потенциальный зять соревновались, кто окажется крепче. Оба были упрямыми, никто не хотел признать, что не понимает ни слова из того, что мы говорили друг другу.

— ТОММИ! ДАНИЯ ЛЮБИТ ТОММИ!

В какой–то момент я решил, что он говорит о The Who, пока не вспомнил, что Таунсенд ещё не написал свою оперу.

— Спитфоор.

Теперь до меня дошло. Англия пользовалась огромным уважением у датчан из–за участия в антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

— Томми ком, хеадн фоерстор дайн ферлик фартер.

— Да, конечно, — ответил я, делая вид, что являюсь экспертом в истории.

— Дин сторе смёргарсборд клюдерпик софт айс а польсер! — в его голосе прозвучали настойчивые нотки.

— Абсолютно! — кивнул я в ответ, будто бы слова угрожали моему существованию.

— ХЕГЛЕ ДЕ ПИГГЛЕ ДЕ УОМП УОМП БАНГ БАНГ!

— Боже мой! Элинор, ты не могла бы подойти и перевести?

— Мой отец говорит, что участвовал в датском сопротивлении во время войны. Он воровал винтовки у немцев. Когда пролетали Спитфайры, они размахивали руками и кричали «Томми».

— ДА! — воскликнул её отец, услышав знакомое слово.

ТОММИ, ТОММИ! Мы смеялись и игриво похлопывали друг друга. Меня *приняли*. Около двух ночи было объявлено, что пора идти спать. Я был в *ауте* от того, насколько спокойно они постелили постель, несмотря на то, что я не был женат на их дочери. Утром мама Элинор подала нам чай в постель, я почувствовал себя ужасно, но мне срочно понадобилось поработать над “Five Bridges Suite”.

Когда отец Элинор увидел меня за работой, то с облегчением вздохнул. Он был настолько любезен, что переставил мебель в гостиной, чтобы я мог поставить туда пианино.

The Nice до этого сыграли на фестивале в австрийском Оссиаке 30 июня 1969 года. Мать познакомил меня с одним из слушателей, Фридрихом Гульдой. Он был не только прекрасным классическим пианистом, но и классно играл джаз. «Прелюдия и фуга» Гульды в джазовом стиле повлияла на мою «High Level Fugue» (Фуга высокого уровня). Работалось превосходно, особенно поглощая датскую выпечку из семейной пекарни. Я старался не крошить на пол.

Национальный фестиваль джаза и блюза 1969 года находился под угрозой из–за вспышки таинственного лошадиного вируса. Пришлось срочно искать замену, которой оказалось место, чуть больше футбольного поля. Ипподром в Пламптоне обещал стать событием не только в трёхдневный период фестиваля, в котором участвовали Pink Floyd, Yes, The Who, Family и King Crimson. The Nice, чтобы не ударить в глаз лицом, выбрали фестиваль для обкатки обновленного репертуара с лондонским симфоническим оркестром под управлением дирижера Джозефа Эгера. Мы ко всему прочему решили исполнить один из бранденбургских концертов Баха и «Карелию» Сибелиуса, для которого пригласили шесть волынщиков. За неделю до фестиваля Джозеф наконец получил ноты, копируя и транспонируя некоторые аранжировки. Времени на репетиции практически не было. По дороге на концерты я пытался передать Ли с Брайаном всё, что должно произойти во время исполнения, напевая основную тему, а заодно указывая основные аккорды. «Если случится худшее, я подам отрезающий знак. Я постараюсь поджемовать с оркестром до момента, когда можно будет заново вступить». Ли с Блинки смотрели на это с чрезвычайной тревогой, как если бы им пришлось делить комнату с ненавистным кузеном.

На месте нам выделили паддок в качестве гримёрных. Когда начали прибывать музыканты оркестра, Джозеф собрал их в полной навоза конюшне и начал репетицию. Вид был ещё тот:

пюпитры установлены вокруг кормушек с сеном, традиционно одетые музыканты пытаются настроить инструменты, жалуясь на запах. Ноты читать всё труднее, поскольку солнце начало уходить за горизонт. Другие группы нас игнорировали. Вероятно, они были раздражены тем, что их затмит очередное восхитительное выступление The Nice.

Наконец, настал наш черёд! Баз расставил наши инструменты, сорок оркестрантов усядутся позади нас. Джозеф вывел своих «пингвинов». Нервозность скрыть невозможно; мы не могли разместить весь оркестр на маленькой сцене, чтобы первый скрипач на ткнул локтем в зубы альтисту. У духовой секции не было другого выбора, кроме как аккуратно стоять, избегая попасть под резкие движения перкуссиониста. Пока оркестр дожидался нашего выхода, молясь, чтобы вечерний бриз не сдул ноты, двое участников группы виолончелистов издали отчаянный вопль. Они оставили свои ноты в конюшне. Я галопом понёсся обратно в конюшню на поиски оставленных среди навоза нот. Пока я вслепую шарился по месту, раздалось объявление: «Леди и джентльмены, в сопровождении симфонического оркестра — The Nice». Чудом мне удалось найти недостающие части, немного запачканные, и я рванул на сцену. Не было времени перевести дух, не было времени стереть дерьмо с бумаги — Джозеф взмахнул палочкой, и музыка заиграла.

Существует скрытый сигнал, который передается попавшим в замешательство музыкантом другому, очень похожий на тот, которым обмениваются любовники, скрывающие от друзей глупую ссору.

Мало кто замечает, только посвященные. Ты узнаешь о проблеме, едва взглянув на партнёра. Мы работали буквально на краю, нам нужен не только один контакт глаз, чтобы дойти до конца в ту ночь.

Сигналом выступала палочка Джозефа или его порхающие руки. Но зачастую нас поддерживало само осознание факта, что мы на грани жизни и смерти и, молясь о том, как бы никому не обосраться. Невозмутимые волынщики вступили на «Карелии». И они пошли в обкуренную толпу. Аудитория смотрела на вторжение шотландских рядов в состоянии туманного ступора. Создалось впечатление, что шотландцы провели годы в исправительном учреждении, а теперь обрели долгожданную свободу. И сил у них хватило только на то, чтобы встать. Огромный прожектор высвечивал их нестройный путь среди распластавшихся тел. И вдруг все закончилось.

Сжимая заслуженную бутылку скотча, Ли забылся в прерывистом сне в машине по пути домой в Лондон. Ему снились

кошмарные картины забытых фрагментов и пингвинов, вторгающихся в шотландские крепости.

Как бы то ни было, мы затмили всех. *NME* выдал статью с таким заголовком:

Nice завоевали фестиваль в Пламптоне

> Недалек тот день, когда The Nice наймет армию для своих концертов. В воскресенье они умудрились собрать оркестр из 43 музыкантов и шотландскую группу волынщиков из Лондона. И это всего лишь трио.
>
> Джозеф Эгер, уважаемый дирижер нью–йоркского симфонического оркестра взял бразды правления оркестром. Концерт начался с бранденбургского концерта Баха. Звучало потрясающе, а когда вступили The Nice, раздались оглушительные аплодисменты…
>
> По окончании длительных оваций восторженной толпы, я спросил Ли Джексона, достигла ли группа пика своих возможностей.
>
> Нет, это всего лишь зачатки, — ответил он. — Вопрос, где мы можем это сделать, а не что мы можем делать. Если у нас получится выступить в Карнеги холле с большим оркестром, мы сделаем это.

В том месяце *Melody Maker* признала Тома Джонса певцом номер один, The Beatles — группой номер один, меня поставили на второе место в категории инструменталистов. Первым был Эрик Клэптон.

Я не попал на вершину, но к большему огорчению мы опоздали на рейс до Ньюкасла, где должна состояться версия «Пяти мостов» для трио. Нам пришлось сесть на поезд. Телеканал Ньюкасла Tyne Tees Television представил нас как «… группу, играющую смесь блюза с Бетховеном». Очередь в городской концертный зал полностью обогнула здание и пошла на второй круг. Из моего номера в гостинице открывался отличный вид, но я клянусь, что я видел больше пяти мостов. Когда я спросил Ли о новых строениях, он ответил, что мог обсчитаться или же они построили несколько новых мостов. Меня больше беспокоило содержание его текстов, чем дань уважения родному городу. *«Нет смысла кричать о грязном воздухе, когда нечем дышать. Нет смысла говорить о работе с 9 до 5, когда кишка тонка уйти с неё.»*

Такие слова, написанные одним из «своих» парней, однозначно заслуживали удара бутылкой из–под доброго

ньюкаслского эля. Другого выбора, как назвать пятичастную сюиту “The Five Bridges”, просто не было. Ньюкасл производил нечто более ценное, чем мы, но времени сочинить ещё несколько частей дабы соответствовать славному городу, уже не было. Концерт «приняли на отлично». До этого мы успели посидеть в баре и и пару часов поспать, и мы снова летим в самолёте на ещё один фестиваль блюза и поп–музыки в немецком Эссене.

Аэропорт Дюссельдорфа напоминал лагерь беженцев, с бесчисленными ордами европейцев во всех углах, с огромными тюками одежды и оравой плачущих детей. Человек от организаторов не позаботился о нужном количестве транспорта, и ему пришлось нанимать такси в дополнение к микро–автобусу (так он назвал это средство). Меня попросили встретиться с эссенской прессой, радио и телевидением.

— Я устал, — на самом деле я был выжат, как лимон.

— Ну пожалуйста, пожалуйста! Все в ожидании, мы и так уже опоздали.

— Всему виной долбаный туман. Да и сами свалите в туман.

Двести подростков провели ночь в лучшем поп–клубе Эссена, пахло ажиотажем. С отелем получилась накладка, и когда удалось найти свободные номера, позвонил роуди и предупредил нас: «Быстро езжайте сюда. Здесь намечается бунт, все хотят вас». Около двух тысяч человек вломилось в зал без билетов, а две тысячи с билетом затеяло драку, когда им отказали во входе. Пришлось прибегнуть к бутылкам, слезоточивому газу и брандспойтам, чтобы навести порядок. Алексис Корнер предотвратил катастрофу, выйдя на улицу и развлекая несчастных фэнов. После блестящего выступления Deep Purple, The Nice встретили туманом каннабиса, парочка из третьего ряда выказывала своё одобрение совокуплением.

— Их трип был прямо здесь. Я думал, мы теряли их пару раз… нужно было сильно постараться, чтобы не сбиться с ритма, — скала Блинки, которого привлек внимание смех Ли, наблюдавшего спектакль в третьем ряду.

Истерзанные и похмельные ещё одной ночью и туманом, мы снова сели в самолёт до Амстердама, чтобы ещё раз выступить с Deep Purple. После короткой прогулки по району красных фонарей, где мы смеялись как никогда в жизни, величественный зал с бюстами и портретами знаменитых композиторов позволил нам выступить более достойно. Если такое вообще возможно. Мы вышли под вежливые аплодисменты, аудитория тихо просидела все номера, хлопая с энтузиазмом лишь в конце. Вечерника продолжилась в отеле, когда Ли объявил: «Я пораньше поеду в аэропорт купить бутылку текилы… Здесь лучший дьюти–фри во

всей Европе. Напротив моей новой квартиры расположен мексиканский ресторан, и мы подсели на текилу».

17 октября, Фэйрфилд Холл. Сцена не в состоянии вместить ни один лишний стул. Усилитель Leslie пришлось поставить на пол перед первым рядом. Джозеф раздал ноты законченной оркестровки сюиты. Началась первая репетиция перед концертом. Билеты раскупили молниеносно. На этот раз, когда Джозеф поднял палочку, всё было по–другому. Каждая нота была мной старательно выписана. Откинувшись на кулисы и слушая вступление открывающей части — «Фантазии», — я ожидал услышать не совсем это. Да, сюита несла мои черты, но не мою суть. В общем, это не то, что я представлял в голове. Я видел своего первенца грандиознее, намного лучше — у себя в голове. То, что я услышал, напоминало музыку для супермаркетов, какие–то мультяшные строки пробрались в ноты. Но мне нужно их полюбить. В конце концов, это мой ребёнок.

Пока Джозеф продолжал репетировать с оркестром, я пытался скрыть своё смущение. Ли разыскал меня: у него в глазах стояли слёзы, что было ему несвойственно, особенно когда он носил очки. Схватив меня за плечи, он произнёс: «Это чертовски прекрасно, красавчик, чертовски прекрасно».

Я не был так уверен. Я почувствовал прилив сил и уверенности, но волнение не покидало меня. Я очень сильно волновался. Глядя через плечо Ли на хмурое выражение лица Блинки, я понял, что времени поменять что–то просто нет. Нам предстояло отрепетировать «Карелию», «Патетическую» и первую часть концерта Чайковского, во время которой Ли должен с чувством произнести слова Халила Джебрана. В этот раз Блинки не смог удержаться от слёз. Репетиция пролетела быстро, и «Пятый мост» из сюиты “Five Bridges Suite” оказался под угрозой полного коллапса до вступления секции труб и саксофонов. Когда настал их черед, оказалось, что Джо Хэрриот (альт–саксофон) едва смог встать, не говоря уже о том, чтобы разобраться, в какую часть инструмента нужно дуть. Я репетировал с ними за кулисами в дымке марихуаны. В это время зал начал заполняться людьми. Я был настолько занят, что не поприветствовал прибывшую выступать группу на разогреве, кто бы там ни был. Я не подозревал, что один из них скрупулезно присматривался ко мне. Им предстояло расположить своё имущество среди нагромождения стульев для оркестра.

Берлиоз–н–рок чувствует себя в порядке

Дирижер Джозеф Эгер, безукоризненно одетый в смокинг с красной гвоздикой в петлице, источал улыбку наслаждения с окрасом смущения и недоверия.

Он стоял, словно аршин проглотил, с палочкой в руке перед аудиторией, беснующейся, дергающейся, трясущей волосатыми головами. Не совсем нормальная реакция для Берлиоза, Сибелиуса, Чайковского и Прокофьева.

Тысяча семьсот пар рук требовали выхода на бис, энергично хлопая в ладоши. В зале стояли громогласные, безудержные овации.

Но классическая музыка, исполненная лондонским симфоническим оркестром в Фэйрфилд Холле в пятницу, имела специальный ингредиент — электрический шок от The Nice… Скрипач, сидящий рядом с Эмерсоном, попадал тому в ухо, другая, нервно отодвинула стул, когда Эмерсон поволок и бросил инструмент на пол, от чего тот взревел, как смертельно раненый монстр.

King Crimson, набирающая обороты группа, открыла концерт. В их составе играет такой амбициозный гитарист как Роберт Фрипп, разносторонний музыкант Иэн Макдональд (духовые язычковые и деревянные инструменты), бас–гитарист, поющий в насыщенной эмоциональной манере Стиви Уинвуда — Грег Лейк (так!), и восхитительный барабанщик Майкл Джайлс. За освещение отвечает Питер Синфилд.

Барри Шинфилд, Croydon Advertiser, 27 октября 1969 г.

Наш концерт записали на всякий случай, а теперь настало время отпраздновать в любимом мексиканском ресторане Ли, удобно расположенном напротив его новой квартиры на Лоуер Слоун стрит. Теперь я понимал, почему. Когда бы он ни нажрался в последнее говно, посасывая напиток с червяком в бутылке, все, что ему требовалось — пройти шесть метров через бетонированную улицу, и он уже дома. Я никогда не пробовал ни мексиканскую кухню, ни напиток, которым её запивают. Но Джозеф знал все прелести и тонкости мексиканской еды. К огромной толпе празднующих присоединился Ронни Вуд, тогда ещё не участник Rolling Stones. Мы собрались вокруг огромного длинного стола, чтобы принять участие в дегустации экзотической пищи и жидкости устрашающих пропорций. Джозеф, с палочкой в руке, по нашему настоянию, снова руководил процессом.

СОЛЬ! … ЛИМОН! … ТЕКИЛА!

— Урааа! — кричали все, опустошая рюмки.

Официант, устав от бесконечного ритуала подношения маленьких порций для удовлетворения нашей нарастающей задумчивости, с грохотом поставил на стол две бутылки невинно выглядящей жидкости. Наше празднование не прошло незамеченным.

В зал вошел критик с женой и бабушкой в придачу. Ли первым узнал его. К тому времени мы настолько нажрались, что нам стало на всё наплевать!

Полный стакан текилы подали для Ли и специально для вновь прибывшего. Ли залез на стол, туфли из змеиной кожи топают среди остатков еды.

— ОФИЦИАНТ, БУДЬТЕ ДОБРЫ! ПОДНЕСИТЕ МОЕМУ ДОРОГОМУ ДРУГУ ЗА ТЕМ СТОЛИКОМ ТАКОЙ ЖЕ ВЫСШИЙ НЕКТАР БОГОВ!

После чего Ли опустошил бокал и разбил его о пол под наш одобрительный гул и свист.

Бедный малый, кто бы он ни был, сделал большую ошибку: никто не мог перепить Ли. Ему ничего не оставалось, как выпить до дна, его жена и бабушка смотрели с отвращением. Мы продолжили пьяное празднество и минуту спустя заметили, что бедного мудака выносят из ресторана, к тому моменту он нём уже позабыли. Мы сами изрядно набрались, но продолжили ритуал.

СОЛЬ! … ЛИМОН! … ТЕКИЛА! … УРА!

Ронни Вуд возможно одним из первых направился в туалет, чему способствовала мексиканская кухня в её жидкой форме. Вопрос, каким концом пристроиться к фарфору, вызвал некоторое смятение. Непроизвольно, у него получилось стать очень качественным распылителем навоза: огромные массы испражнений разлетались во все стороны, прилипая не только к фарфоровым поверхностям. Возможно, в этом усматривался художественный замысел, но новая отделка туалета не произвела впечатление на руководство ресторана, и нас выставили из заведения. Наверное, нам следовало принять их помощь. Но в тот момент, когда наша толпа выползла наружу, а ночной свежий воздух ударил в лицо, стало очевидно, что никто твёрдо на ногах стоять не может. Я начал голосовать уличным фонарям, принимая их за такси.

Три раза я голосовал, как оказалось, одному фонарю. Наконец, таксист быстро довез нас домой, из страха, что я наблюю ему прямо в машине. Я с трудом дождался момента, когда рухнул на колени перед богами фарфора — Toto, American Standard и Armitage Shanks[38] — чтобы предложить им

содержимое желудка в поисках раскаяния и прощения, и клятвенных заверениях никогда–никогда больше не прикасаться к жидкости с червем в бутылке. Несмотря на то, что я не отказался от потакания своим слабостям, после того эпизода я больше ни разу не смог притронуться ни к мексиканской кухне, ни к текиле.

Блинки затребовал, чтобы подставку для гонгов отвезли в его квартиру. Странная просьба, подумал Баз, особенно перед третьим американским туром. Это была большая трубчатая штуковина, и без гонгов вряд ли стоила специальной доставки поздно ночью. Утром подставка была аккуратно собрана и вместе с остальным оборудованием отправлена в Америку.

По прибытия в Нью–Йорк, Блинки затребовал подставку к себе в номер. Это усилило подозрения База. Он просто взбесился, когда Блинки вытащил из неё два кирпичика гашиша.

На этот раз без оркестра The Nice очутились в той среде, откуда вышли. Мы снова предстали трио и выдали джем на тему «Country Pie» Боба Дилана, вплетая в аранжировку другую часть бранденбургского концерта Баха. Мы записали её и другие вещи на концерте в Филлмор Ист, а затем отправились в Детройт.

Печеньки? Шоколадные пирожные? Ну, нам с Ли они очень понравились.

— Йо, чуваки! Чё думаете насчет шоколадных пирожных мисс Мэри по *специальному рецепту*?

Подозрения подтвердились, когда голова отправилась в путешествие по другим местам. Последние вменяемые клетки мозга пытались предупредить меня, что вечером концерт. Ли принялся уминать новое.

На сцену мы ввалились в состоянии кататонического возбуждения, секретный ингредиент мисс Мэри лучше бы испарился сию секунду. А нам придется пару дней торчать, плюс ещё дня два восстанавливаться. А что это за странный предмет передо мной, с черно–белыми зубами? Что с ним нужно делать, окунать руки в него?

«О да, вот оно как оказывается работает». Мы сыграли один номер дважды, потому что к тому времени, когда закончили номер в первый раз, позабыли, что только что его сыграли. А может он нам так понравился, что мы решили исполнить его снова. В любом случае, нас это не волновало — мы играли, играли, продолжали играть для всех. Абсолютно обдолбанные!

Извините за наше состояние. Мы обожрались пирожными, — тупо извинился я такой же укушанной толпе. Я уже собирался по новой объявить тот же номер, но меня прервал Ли, запутавшись в плаще.

— Ура!

Они курили, мы ели. Один ингредиент, разные рецепты! Что ж, вместе паранойю переживать легче.

Трения начались внутри группы в связи с наркотиками, иногда из–за творческих разногласий. Очевидно, эпизоды с оркестром отдалили нас, а теперь Блинки встретил Марию, что в свою очередь отдалило его от нас с Ли. Парочка держалась вместе как две магнитные мины. Они перешептывались друг с другом, зачастую истерично смеялись над ничем конкретным. Исчезали они так же быстро, как обломки корабля, появляясь на следующее утро на совсем другом берегу. «Синдром Дэйви» повторялся снова. Группа играла на очень профессиональном уровне, реально качала. Я всегда поражался, как Блинки умудрялся держать ритм, будучи под кайфом. Портиться начала его личность.

Тогда я только позволял себе бокал Asti Spumanti во время шоу; выйти из–под контроля не было никакого желания.

В рамках малого состава и развивающихся тенденций, важность хорошего сочинителя песен становилась все более явственной, если мы собирались и дальше играть втроём. Мы не могли больше огульно бросаться в сумасшедшие трипы, орать тексты тоже не канало. Мы здорово проводили время, но приближались семидесятые, и я готовился к «декаде контроля». Я чувствовал ограничения в сочинительстве, потому что то, что я писал, требовало человека, который умел петь. Мне же казалось, что у нас такого не было. Я безнадёжно искал вокалиста, который мог стать продолжением моей игры на клавишных. В противном случае, единственным путем мне представлялось все больше и больше уходить в инструментальную музыку, что не очень подходило.

Как бы ни был хорош Ли, я должен посоветоваться с Матерью. Он заметил определенное охлаждение отношений в группе и с неохотой предложил альтернативные варианты:

— Ну, есть бас–гитарист из Yes, Крис Скуайр; и тот парень из King Crimson.

12. Конец Nice, начало нового

16 декабря 1969 г., Филлмор Уэст, Сан–Франциско.

Вот и подошли к концу три дня концертов в почтенном зале Била Грэма. В афише значились The Chambers Brothers, известные по хиту “Time”, и King Crimson в качестве разогревающего состава. Ходили слухи, что всё не просто при дворе Малинового короля. Большинство парней тосковали по дому, женам и подругам, и т. д. Они больше не хотели жить отвратительной жизнью в дороге. Я выбрал момент и разыскал их бас–гитариста, Грега Лейка.

Я нашел его в коридоре. По–видимому, именно он правил двором Малинового короля, величественно восседая на единственном грязном кресле в гримёрке группы. Он щелкнул пальцем ближайшему типу, чтобы тот поднёс ему зажигалку; остальные участники группы молча толпились вокруг. Последовала церемония знакомства, а затем, после большой затяжки и массивного облака в потолок, он заявил: «Знаешь, тебе нужно чище играть. Некоторые ноты кажутся смазанными. Не знаю, может это от оборудования, или же от манеры твоей игры».

Я только что познакомился с парнем, а теперь Он говорит МНЕ что делать. Ну и нахал! Я пожалел, что не смог прокомментировать его игру, потому что King Crimson выступали первыми, а я всегда пропускал начало концерта. Остальная часть разговора прошла на пониженных тонах, по настояние Грега из принципа безопасности. Мы тайком обменялись телефонами, как будто заключали тайную нарко–сделку, и я покинул здание с чувством растерянности и недоумения.

На следующий день и King Crimson и The Nice летели одним самолётом домой. На носу Рождество, справлять мы его собирались каждый сам по себе. Для одних война закончилась, для других только начиналась. Грег и я держались на почтительном расстоянии друг от друга, чтобы никто ничего не заподозрил. Тайные взгляды, подтверждающие, что мы слушаем одинаковую музыку через систему авиа–лайнера — вот и всё, что вышло на ранней стадии ухаживания.

Много вопросов повисло воздухе в ожидании решения, и пока они реяли, я жил жизнью, управляемой неземными звуками, раздававшимися внутри головы. Одновременно эти звуки пугали, что этим всё и закончится. В то же время, мне нужно разобраться с бытовыми проблемами, так как ситуация с семьей и

государством была положена на полку.

Элинор разрешалось находиться несколько месяцев в Англии, так как у неё датский паспорт, а она хотела работать. Шестидесятые подходили к концу, мы знали, что настало время сказать «прощай» «детям цветов», и поприветствовать новую, ответственную эру — родительскую. И государство, и институт семьи достаточно долго ворчали, что «жить во грехе» — неприемлемо.

В общем, моё религиозное воспитание долго меня изводило, и в конечном итоге, заставило сделать шаг. Родители полетели в Данию познакомиться с её родителями. Ещё по возвращении из Штатов я позвонил Грегу, чтобы продолжить наше знакомство, но ничего особого не вышло. Он все ещё чувствовал привязанность к King Crimson. Так что, перед поездкой в Данию я встретился с Крисом Скуйаром из Yes, и за коньяком спросил его, не сможет ли он присоединиться к нам.

— Хмм? Я никогда не был главным вокалистом, — ответил Крис.

— Ну так попробуй. Ты должен звучать лучше, чем Ли Джексон.

— Нет, ни за что! Я привык только петь вторым голосом. Возьми Терри Рида вокалистом, тогда я буду спокойно играть на басе и петь бэк–вокал. И вообще, что не так с голосом Ли? Он не мелодичный, зато имеет характер.

Подошёл рождественский ритуал, а затем испарился в привычной дымке. На этот раз мама с папой провели его необычно и весело, пытаясь вникнуть в датский язык и традиции.

«Что такое *сторе клюдерпик*?» — спросила мама; у предков Элинор в ужасе отвисла челюсть. Элинор пнула меня под столом. Отец, чьи викторианские убеждения подверглись испытанию, не мог поверить, что его сын не только выучил множество грубых датских слов, но и до брака разделял с женщиной супружеское ложе. Как можно тактичней, он предложил, что лучший выход в данном положении — жениться, как и подобает честному человеку. Предложение было встречено с большим энтузиазмом. Я не понимал возникшей паники. Насколько я знал, Элинор тоже очень честный человек, и оформление документов вряд ли сделает её ещё более честной.

Как я ни хотел, но все же пошел в местную церковь, где женились её родители. Все были счастливы, кроме меня. Какое облегчение вернуться домой, где тоже требовалось принять меры, более понятные.

Перемены вышли на первый план. Отношения в группе несомненно ухудшились, особенно в отношении Брайана и

Марии. Я чувствовал, что они выстроили забор, защитное ограждение, плотное и холодное, тверже чем удар сосульки по барабану. Даже блеск в глазах Брайана пропал куда–то. Даже если удары неизбежного и не слышались, то чётко ощущались.

Я приезжал к Грегу в коттедж, где он жил. Мы пропустили по паре порций четырехзвездочного коньяка из бокалов уотерфордского хрусталя, сидя на кожаном диване Честерфилд в окружении вещей высшего класса. Откуда пришли деньги? По большому счёту King Crimson была группой класса «Б»! И хотя их первый альбом успешно продвигался в чартах, я, с тремя альбомами в активе, не мог позволить себе такую роскошь. Я не требовал объяснений, он всего лишь басист с золотым голосом. Это не моё дело, откуда он взял подобные вещи.

Грег все ещё не мог определиться, уклоняясь от обсуждения будущего King Crimson, предпочитая говорить о том, что я делаю, и как это сделать лучше. Сам он до сих пор не сыграл и не спел ни единой ноты передо мной!

Я встретился с Джеком Брюсом, записывавшем второй альбом после распада Cream. «Что ж, я с удовольствием с тобой поиграю, если ты будешь играть все мои вещи». Я поспешно ретировался.

Я принял приглашение участвовать в представлении Джека Гуда «Pop Goes Symphony» («Поп-музыка» встречается с симфонией) в Лос–Анджелесе.

До Гуда дошло, что сейчас самое время для смешения разных видов искусств. Ему удалось привлечь блистательного Зубина Мету с Лос–анджелесским симфоническим оркестром. Среди приглашенных звёзд фигурировали Jethro Tull, Рэй Чарльз, скрипачи Пинкус Цукерман, Джерри Гудмен, Даниэль Баренбойм и Жаклин дю Пре.

Джек Гуд объяснил своё видение в интервью журналу Music Now в январе 1970–го: «Первоначально идея состояла в том, что будет Зубин Мета с оркестром, а затем всплыли некоторые поп–элементы… что бы там ни было. И здесь я влился в дело. Я пригласил Jethro Tull, Santana, The Nice… это будет не так, что The Nice просто сыграют с симфоническим оркестром. Да, каждая группа выступит, но это будет настоящий фейерверк!»

Но это не сильно укрепило связи внутри группы, в частности после исполнения «Америки», оркестрованной кем–то в типичном голливудском стиле, с Зубином и его бандой.

Репетиции превратились в фарс. Каждый практиковался одновременно с другими в помещении, которое можно назвать гигантским авиационным ангаром. Маэстро представили под неожиданно взорвавшиеся аплодисменты.

— Слушайте все! Я бы хотел представить вас дирижеру.

Присутствующие послушно отвлеклись от своих дел.

— Маэстро Зубин Мета!

Откуда–то слева уверенной походкой вышел маленький израильтянин, голова опущена, под мышкой он сжимал впечатляющего виды рукописи. Я не мог не изумиться тому, как просто он умудрился принять церемонию знакомства широким жестом другой руки, не уронив ни единой бумажки.

Воздвигли импровизированный подиум для Меты, на котором он произнёс речь о том, что музыка — форма международного языка, не знающего границ. Большинство слушали и скучали, и наконец все вернулись ко своим делам. А Даниэль Баренбойм благоразумно прикрыл Жаклин и свою целостность. Мероприятие явно им не подходило, и несмотря на настойчивые просьбы продюсера Джека Гуда, ничего не вышло. Первым рейсом они улетели.

Как я уже говорил, мне очень не понравилась аранжировка «Америки», но я остался посмотреть, как другие соперники справятся. На сцену вышел Рэй Чарльз. И он реально задавил всех. Как только он запел “Yesterday” за фортепиано, Зубин, похоже, был совершенно не в своей лиге… это стало очевидно, когда Рэй вдруг бросил играть.

— Эй, эй! Я не не понимаю, чё вы там делаете. Перестань размахивать руками, забудь об этом!

Зубин опустил палочку.

Рэй обратился к оркестру: «Блин, чуваки, вы можете лабать как надо, если будете смотреть не на него, а на меня. Следите за моими движениями, вот и всё дирижирование».

Должен признать, что хотя Зубин и оказался в не подходящей для него среде, мне стало его жаль, когда он покинул сцену. Весь оркестр поддержал протест Рэя, особенно один из контрабасистов, начавший играть плавающую басовую линию. Рэй сразу подхватил тему, простой двенадцати–тактовый блюз. Это один из самых спонтанных музыкальных моментов, который я когда–либо видел. Их разделяло такое огромное расстояние — безвестного контрабасиста и Рэя, столько ерунды и замешательства где–то посередине, но в тот момент они, можно сказать, слились в единое целое где–нибудь на сцене Village Vanguard. Кому нужны дирижеры? Рэю Чарльзу точно не нужны. Он пел “Yesterday” с лос–анджелесским филармоническим оркестром как один живой организм. Зубин в это время смотрел на это из–за кулис, словно у него отняли жену.

Я вернулся в гримёрную, где меня встревожил вселяющий ужас хэппенинг, исходивший от того же фортепиано, за которым только что сидел Рэй Чарльз. Звук проникал из маленьких

динамиков в коридоре: как будто в помещение ворвалась война. Я побежал наверх, чтобы воочию увидеть этот необузданный, разрушающий акт. Но кто–то просто играл, не совершая деструктивных действий над роялем. Напряжение выдавал только пот бразильского пианиста. Я пошел за ним в его грим-уборную. Там находится педагог, и я терпеливо дожидался, пока они совещались по поводу нот. Выбрав подходящий момент, я взглянул, буквально одним глазом на черную рукопись, производившую столько… столько… как бы это назвать? Весь гнев, накопившийся внутри? Возрождение жизни? Все, что невозможно спеть?

— Я все ещё разучиваю её, поэтому мой педагог находится рядом, — ответил пианист извиняющимся тоном.

— А кто композитор?

— Альберто Хинастера.

— Это значит, что ты можешь вот так просто подняться на сцену и сыграть, без нот перед глазами?

— Ну, думаю, что да.

Зубин должен чем–то удовлетворить своих монголов. Один из помощников Джека Гуда, посмотрев на скрипачей, маявшихся от скуки, решил, что программу можно разнообразить интервью с волосатой рок–звездой. Камера в это время показывает крупным планом Зубина Мету — все признаки голливудского стиля.

Нам сказали, что получится круто, если в качестве поддержки рядом поставят скрипача Джерри Гудмена и The Nice. Затем мы вышли на сцену и сыграли блюз в тональности фа.

— О! Это было здорово. И вы играли без нот? — спросил Зубин.

Как, однако, меняется поведение людей, когда на них нацеливают камеру.

Когда я вернулся в Англию, то отвёл Элинор на Харли стрит, где беременность подтвердилась. Такова реальность, и моё поведение должно измениться, ведь я должен стать отцом. Не знаю как, но я был готов взять ответственность. Иммиграционная служба устраивала настоящее испытание Элинор, когда той приходилось заново въезжать в страну, так как по закону иностранцам разрешалось находиться в Англии всего несколько месяцев. Многие отказывались легально нанимать её на работу без свидетельства о браке, а Элинор хотелось показать свою независимость. Всё указывала на одну бумажку. Я очень хотел ребёнка и помню, как мы были счастливы, шагая по Харли стрит.

— Ух ты, я стану отцом!

Я не мог представить себя в роли отца. Вообще–то, я не мог представить себя ни в какой другой роли, кроме той, чем я был —

обычным клавишником, зарабатывающим около пятидесяти фунтов в неделю. Достаточно ли этого, чтобы быть отцом? Достаточно ли этого, чтобы жениться?

Я делегировал все хлопоты по организации свадьбы Элинор; по нашей договорённости церемония пройдет в её стране, на её родном языке. Возможно, отчасти из–за того, что какое–то неписанное правило не поощряло жениться поп–звёздам.

По правде говоря, я сомневался в том, что буду верен.

Слоняясь по Сохо, я заскочил в любимый магазин грампластинок. Владелец, заметив меня, предложил пластинку «Switched on Bach» Уолтера Карлоса. Направляясь в мою сторону, он хотел мне продемонстрировать один трек и, конкретно, странный инструмент, записанный на нем. Он знал, что The Nice записали Третий Бранденбургский концерт Баха в соль мажор. Запись Карлоса была как–то странно аранжирована. На обложке был изображен человек в одеянии восемнадцатого века и парике. На заднем плане красовалось нечто, похожее на первую телефонную станцию, покрытую лапшой проводов поверх кнопок и тумблеров. Моя любознательность только подогрелась. Некоторые вещи звучали просто комично, будто стадо слонов пердит контрапунктом под аккомпанемент поду́шки–перду́шки. Мне стало интересно, каким образом достигается подобный эффект — явно не за счёт воздуха, проходящего через узкое отверстие. Я встретился с Тони Стрэттон–Смитом, чтобы обсудить возможность получить такой инструмент. В течение недели поиски Тони увенчались успехом.

В Лондоне проживал музыкант с синтезатором Moog. Его звали Майк Викерс. Он играл в группе Манфреда Мэнна (совсем не тот состав, с которым я гастролировал в начале шестидесятых). Переговорив по телефону, я поехал воочию увидеть монструозный аппарат. Майк не успел установить Муг среди остальных клавишных, поэтому он стоял в коридоре квартиры, как щенок, не обученный справлять надобности в специальном месте. Итак, включили — выглядит интригующе: синий, красный и желтый индикаторы весело помигивают. Игра подтвердила его непредсказуемое поведение, действительно — маленький щенок. Одновременно можно взять только одну ноту, что сильно смущало. Монофоничность инструмента опять–таки походила на щенка, способного усвоить только одну порцию информации за раз. Но какие необычные звуки Муг издавал, они с лихвой компенсировали всю своеобразность и несовершенство конструкции. Я убедил Майка одолжить инструмент для предстоящего концерта в королевском Фестиваль–холле. Просьба поставила Майка в неловкое положение.

— Я не могу гарантировать, как он поведёт себя на сцене… мне лучше присутствовать там, чтобы правильно настроить и запрограммировать.

Так и случилось.

Мне специально сшили серебряный «космический» костюм из люрекса, чтобы показать определенный театральный реализм, как будто само присутствие синтезатора было недостаточно. Его новейшая технология, интерфейс, напоминающий кабину пилота, требовали постоянного присутствия Майка Викерса. Он прятался позади, выпрыгивая время от времени как попрыгунчик, чтобы переключить коммутационные шнуры. Парня из *Record Mirror* это ничуть не смутило: «Концерт The Nice в Фестиваль–холле без тени сомнения доказал, что они самая музыкально изобретательная группа в Англии. В одно время критики говорили о «классическом» влиянии в музыки и игре лидера группы Кита Эмерсона. Что происходит сейчас, можно назвать полной ассимиляцией всех существующих музыкальных моделей в сочетании с современными ритмическими решениями современной поп–музыки… теперь он переключился на синтезатор Муг. Звуки, которые тот способен издавать, практически не имеют границ, Кит буквально заставил его говорить».

> Концерт The Nice в Фестиваль–холле собрал полный зал. Группа представила новую «игрушку» — синтезатор Муг, возможно один из первых синтезаторов, используемых на сцене в Англии.
>
> *Disc и Music Echo*

Репетиции с Лондонским филармоническим оркестром ничем не отличались от последней конфронтации 1968 года. Они так же вели себя сдержанно, были невосприимчивыми, настороженными, как и в первый раз. В частности, по их мнению, ноты, которые они должны играть, представляли собой детский бред рок–звезды–выскочки.

Джозеф Эгер руководил репетициями с беспощадной решительностью: оркестранты не должны забирать ничего с собой, ни единой бумажки. Он очень хотел, чтобы моя работа звучала как ей подобает. Когда Джозеф настоял, чтобы «Голубой Дунай» был сыгран не совсем обычно, оркестр отреагировал так, будто Горовиц попросил их сыграть “Chopsticks”[39]. Это вызвало большой конфликт между ним и одним членом оркестра.

Джозеф энергично взмахнул палочкой, призывая всех к порядку.

После отсчета музыканты снова заиграли вальс Штраусса не так, как хотел Джозеф. Это было не просто… Да–да–да–да дааа, да–да, да–да… с добавлением акселерандо и легато, должно звучать примерно как… Дааах–яааа–да–да–ДАХ!.. ДАХ, ЯХ… ДАХ, ЯХ!

Сегмент, включающий «Атомсферы» Лигети, идеально позволял показать Муг во всей красе, поскольку для неё не требовалось особых настроек. Белые шумы ходят вихрем то влево, то вправо, осцилляторы скачут от эффекта *портаменто*, аудитория в шоке и никак не может поверить, что безумные звуки производит хитроумный ящик, возвышающийся за органом. Будто весь образ мира сошел с ума, особенно после того, как я подал специальный сигнал оркестру и тот сорвался с цепи, музыканты бросали ноты в воздух, вставали на стулья, играли на чужих инструментах… пока Джозеф взмахом палочки не вернул их на места. Должен признаться, что я получил некоторое удовлетворение, заставив один из самых престижных британских оркестров вести себя как придурков, если учитывать, что их отношение ко мне не изменилось, равно как и их гонорары. Оркестр нам обошелся в *шесть тысяч* фунтов! По такой цене мы *действительно* заслуживали развлечения.

Несколько влиятельных музыкантов присутствовало в тот вечер на концерте, среди них Джон Дэнкворт с женой Клео Лэйн. Мой отец тоже был там, а мама отправилась в Данию с будущей женой готовиться к свадьбе.

Папа посчитал своим долгом быть рядом, когда мы сели на самолёт следующим утром. Времени на полноценное восстановление у меня не было. Да и вряд ли найдется время, чтобы полностью осознать всю значимость свадьбы, до самого момента, из–за… возможно из–за любви и преданности к музыке.

— Я не уверен, что поступаю правильно.

Скандинавские авиалинии проигнорировали мой резерв, хотя у меня было забронировано два места. Отец пытался подобрать слова, чтобы утешить.

— Я понимаю твои чувства, — ответил он. — это естественно. Я чувствовал себя так же, когда женился на твоей матери. Теперь, двадцать семь лет спустя, я ни о чем не жалею.

Я остановился в отеле, немного освежился и переоделся. Считалось, что видеть будущую жену до церемонии бракосочетания приведёт к несчастью. Честно говоря, я сам себя не хотел видеть, но, узрев мини–бар, посчитал, что удача и собственное состояние могут значительно улучшиться.

Глаза покраснели от недосыпа и алкоголя. Нетвёрдой походкой я направился к своему месту, Элинор начала шествие

вдоль рядов.

— Дин фаардли, каддоодли взятен сморгасборген дин женен домен навсегда. В тупизне и эльфах? — спросил священник.

Я гордился, что понимаю датский, хотя произношение пастора смущало, но на всякий случай кивнул. Во всяком случае, даже будучи пьяненьким, я осознал, что церемония подходит к концу. Небольшая встряска кофеином, чтобы слегка протрезветь (но не до конца), чёткое осознание, что такое дело не может оставаться второстепенным. Никаких сомнений в серьезности и волшебства происходящего. Я согласился по всем пунктам. Церемония закончилась, мы были уже на пол–пути по дороге от церкви, и отец хлопнул меня по плечу.

— Когда ты наденешь кольцо?

— Что?!

— Твоё кольцо у меня кармане. Я же твой свидетель, забыл что ли?!

Пока мы шептались с Элинор, оба клана выглядели озабоченными. В Дании считалось нормальным и необходимым приехать в церковь с кольцами на пальцах, чтобы священник благословил брак.

Разворот на сто восемьдесят градусов, свита вновь подошла к пастору, который уже покидал собор, вероятно, чтобы пропустить парочку «Карлсбергов».

— Ммм, кольца. Мы забыли про них.

Несколько взмахов руками над нашими головами, волшебные слова, произнесённые гораздо быстрее, чем в первый раз, закрепили наш брак.

> Впервые о распаде группы я услышал от Тони Стрэттон–Смита, — вспоминает Брайан Блинки Дейвисон. — Тони позвал меня в офис поздним воскресным вечером и сказал, что Кит принял решение прекратить действие группы после предстоящего тура.
>
> В последнее время было много разочарования из–за отсутствия заметного прогресса в игре Ли… отсутствия интереса в улучшении мастерства.
>
> В какой–то момент Кит хотел заменить Ли, мы с Китом вели продолжительные разговоры об этом. Рассматривали Грега в качестве замены, но я не смог работать с тем из–за его замашек суперзвезды. Далее, мы рекомендовали Ли более тщательно заниматься на басу. Думаю, на Ли это возымело действие, и некоторое время всё казалось в порядке.

Мне кажется, группа только закончила запись «*Five Bridges*», и мы несколько дней интенсивно репетировали с Лондонским филармоническим оркестром для концерта в Фестиваль–холле, где планировалось представить сюиту и другие популярные песни и инструментальные композиции из нашего репертуара. Группа обычно ходила в Speakeasy, чтобы отдохнуть после репетиций — вместе или по отдельности, иногда встречаясь там. После последней репетиции я отправился в клуб с друзьями из группы Family, чтобы немного выпить. Должен вам признаться, что перед тем, как идти домой, я выкурил траву. Мы выпили и чувствовали себя весело и расслабленно. Вдруг вошел Кит и уселся между Роджером Чепменом и мной.

Кит немедленно начал грузить списком последних срочных изменений. Ни время ни место не соответствовали обсуждению, и честно говоря, я спросил себя: «Что этот парень возомнил о себе?» Кит испортил вечер, о чем я ему и сообщил.

К сожалению, в результате мы послали друг друга куда подальше. Кит рванул из клуба, а я был зол как чёрт.

Утром я переосмыслил ситуацию. Я не был к нему внимателен, в конце концов, то был единственный момент, когда можно было обсудить изменения, ведь он собирался лететь в Копенгаген на собственную свадьбу, и мы не увидимся до самого концерта.

И вот нас позвали в офис Тони. Игра Ли улучшилась ненамного, Кит и я много ругались, что, я думаю, ранило нас обоих, поэтому он принял решение двигаться дальше самому. Тони сообщил нам, что Кит закончит тур и покинет группу.

Атмосфера в группе стала ледяной, кульминацией чего стала запись на BBC. Кит полностью закрылся от нас, от преданности к музыке, творчеству, дружбе и годам успеха. The Nice закончили на минорной ноте, как и все нерешенные конфликты.

В последние годы были сделаны поправки в существующее положение, и всё теперь в порядке.

Жизнь в семейном гнезде протекала практически идеально. Вдруг как–то ночью в холле зазвонил телефон, вызволив меня из цепких объятий сна. Я глянул на часы: три утра. Пришлось

перелезть через Элинор и ковылять к аппарату. «Аааа, алло?!»

— Здорово, мужик! Грег звонит. Извини, я тебя разбудил? Слушай, я тут подумал. Мы должны собрать группу. Я хочу играть с тобой, чувак.

Что–то внутри меня сделало стойку, но я тогда не разобрался, что именно. На столь позднее вторжение я отреагировал на автопилоте и просто пробормотал: «Отлично, поговорим об этом утром».

— Какого чёрта звонят в такую рань? — спросила раздраженно Элинор из–за того, что кто–то нас разбудил.

Когда я ей объяснил, она перевернулась на другой бок, простонав: «Удачи и спокойной ночи!»

Вечером я нанёс Грегу визит. Бутылку превосходного красного вина открыла вульгарного вида блондинка с накладными ресницами. Как она это сделала, я так и не понял. Я полагаю, что Грегу нравились женщины с необычными талантами.

— Ты знаешь, — сказал он. — мне как–то испортили день, когда я обедал с парнем, который ел с открытым ртом. Ужасные манеры!

Мы обсудили причины провала разных групп в нашем паршивом бизнесе.

— Нельзя никому доверять. Нужно правильно выстроить систему взаимоотношений между группой, менеджментом, юристами и бухгалтерами. Нужно работать с профессионалами. Это ключевое слово — профессионалы, и причина, по которой The Nice развалилась… плохой менеджмент.

— Опа! Погоди, — ответил я. — The Nice развалились из–за смены артистических предпочтений. Ничего общего с системой взаимоотношений. Я вообще думаю, что Тони Стрэттон–Смит — очень хороший, очень честный менеджер.

— Ага, может быть, он подходит The Nice, но мы должны идти вперёд. Я бы предпочел рассмотреть Дэвила Энтховена и Джона Гейдона.

— Кто такие?

— Они работали с King Crimson. Молодые парни, типа выпускников университета. То, что нужно бизнесу, свежая кровь.

После третьего бокала вина я начал потихоньку соглашаться. Тони формировал собственный рекорд–лейбл, Charisma, ещё он сильно увлекся скачками, вкладывая средства в селекцию чистопородных лошадей. Если я начну с новой группой, нам потребуется сто процентов внимания, а зная любовь Тони к The Nice, будет ли он так же относиться к моей новой группе? Я согласился встретиться с Дэвидом и Джоном после того, как

сообщу Ли, что всё кончено.

Он, конечно, это понимал, поэтому не удивился. Ли видел, что в последнее время я отдалился и сделался безынициативным. Ли предложил не говорить Брайану ничего до конца британских концертов из опасения, что из–за эмоций тот просто выкинет палочки и исчезнет. Я согласился. Мы пожали руки. Ли пожелал мне удачи, и мы поклялись остаться лучшими друзьями.

Тони организовал прощальный концерт в Фэйрфилд–холле в Кройдоне. Билеты разошлись моментально. Он произнёс очень эмоциональную речь перед началом концерта и плакал навзрыд после концерта, когда люди подходил к нам пожелать удачи. Мне с трудом удалось вынести состояние горя и скорби. Это напоминало поминки, которые проходили по моей вине. Я быстро уехал с Элинор домой в Дрэйтон Гарденс. Там она проверила на прочность мою решимость развалить такую хорошую группу, испортив жизнь стольким людям. Вряд ли то был подходящий момент высказывать мне претензии, если учитывать, что мы ждали первенца. Но прошлое вернуть нельзя, несмотря на боль и истерзанную душу. Я похудел до 50 килограмм.

Рецензии и некрологи появлялись один за другим. Оуэн Кётцер в *Daily New*s написал о «*Five Bridges*»:

> Стиль включает раннее барокко и фуги, различные симфонические формы, вокруг которых строятся разнообразные рок–ритмы и импровизации.
>
> Общий эффект первой стороны таков: подобная музыка станет стандартом в ближайшие годы. Свежо, жизненно, волнующе… содержательно.

Ричард Грин из *NME* сфокусировался на значении нашего распада:

> Кончина The Nice — один из страшнейших ударов, обрушившихся на голову прогрессивной поп–музыки, от которого она оправится не скоро. По последним новостям, каждый участник талантливого трио формирует собственную группу, что вряд ли адекватно компенсирует подобную потерю. Причина, по которой группа распалась, никогда полностью до этого не раскрывалась.
>
> Несколько недель назад Кит Эмерсон рассказал мне о причине ухода — чтобы развивать музыкальную карьеру. Он чувствует, что работа с новыми людьми даст ему свежий импульс. Ли Джексон и Брайан Дейвисон не совсем согласны.

«Новости о расколе приходили в разные времена от разных людей, — объясняет Ли за кружкой пива в лондонском клубе «A and R» — я узнал перед Рождеством. Состояние апатии Кита нельзя было не заметить, вибрации потухли. Он явно что–то замышлял. Тогда в глубине души я начал строить собственные планы.».

Брайан говорит: «Когда впервые упомянули распад, это было из–за того, что Кит хотел идти дальше — мы это уважаем. Но теперь он собирает такую же группу вокруг себя и репетирует подобным же образом. И куда это ставит Ли и меня, если он работает с похожим составом? Как мы после этого выглядеть будем? Мне кажется, на него оказали влияние».

Когда я попросил описать свои чувства по поводу распада, Брайан ответил: «Опрометчиво». Ли подтвердил: «Крайне опрометчиво… Без Кита мы не можем продолжать. Если всё кончено, то кончено. Мы устали от классического багажа. Вещь с оркестром оказалась фарсом».

Кит Эмерсон, казалось, искренне и наивно удивился, что оборудование группы взорвалось во время концерта предыдущим вечером, когда он извинился за позднее начало прощального шоу в Кройдоне.

Час спустя он швырнул орган на пол во время любимых «Америки» и «Рондо», менее наивная публика понимала, из–за чего.

Music Echo, 28 марта 1970 г.

Ещё пару слов о The Nice от Питера Бэнкса, гитариста Yes. Он написал в *Melody Maker* в апреле 1970–го:

Хипповое, наполненное мистикой, лето шестьдесят седьмого породило множество «задвинутых» и музыкально не по годам развитых групп. Среди них находились The Nice.

Для меня The Nice были уникальными в своем мастерстве сочетать грубую силу и волнение без потери музыкальной целостности. Их музыка являлась постоянным источником вдохновения, и что самое главное, наслаждения во всей поп–индустрии.

Пусть это звучит как некролог, но я бы хотел поблагодарить их за то, что они были необыкновенной

группой и славными людьми, которых я когда–либо знал.

Удачи, Кит, Ли и Брайан с новыми группами.

Следующий переходный период был полон тревог и страхов. Если не брать в расчет проблемы, в работе с группой была определенная защищенность. Свободного времени теперь стало больше, чем мне хотелось. Я взял как–то Элинор на концерт классической музыки, чтобы смягчить стресс от того, что подходящий барабанщик так и не был найден. Оркестр играл какую–то непонятную симфонию, Элинор, привычная к рок–группам, с энтузиазмом зааплодировала после первой части, пока не поняла, что кроме неё никто больше так не делает.

— Почему никто не хлопает? — спросила она разочарованно.

— Нужно дождаться самого конца, — ответил я, смутившись от всеобщего внимания.

После антракта оркестр заиграл бравую героическую музыку с россыпью мотивов, постоянно возвращающихся к первоначальной теме. Когда последний внушительный благородный аккорд эхом раздавался под сводами зала, я вскочил с места от восторга. Что за пьеса? Я посмотрел в программку — «Картинки с выставки».

На следующий день я пошел в музыкальный магазин посмотреть, есть ли у них ноты и с радостью узнал, что это фортепианная пьеса. Я разучил «Променад» и поехал к Грегу, где сыграл ему тему на пианино. Ему так понравилось, что он достал акустическую гитару и впервые начал аккомпанировать мне. Он согласился, что это хорошая идея — аранжировать пьесу, как только мы найдем барабанщика. Изначально я предложил Митча Митчелла из Jimi Hendrix Experience, но Грег не был впечатлён. После короткой встречи, где Митч упомянул, что ему требуются телохранители с оружием, он с делал предположение, которое, на первый взгляд, льстило мне.

— Может быть, Джими заинтересуется группой, — сказал Митч.

Я сомневался, что такое возможно, так как Джими уже заявил, что хочет работать только с черными музыкантами.

Позже, когда ELP сформировались, история просочилась в прессу. Но я думаю, что их развлекало в основном то, что мы могли называться HELP.

— Слушай, я тут подумал.

Эти слова Грега начали вгонять меня в ужас. Последующие годы покажут, что этих четырёх слов, обычно предваряющих

серьезное заявление, будет достаточно, чтобы вызвать тоску.

— Я не думаю, что это хорошая идея — гастролировать вместе с женами и подружками!

— Разве?

— Обычно они вызывают проблемы. Взять к примеру Пола и Линду, Джона и Йоко. Я не хочу работать под стрессом семейных отношений.

Это особенно понравилось моей беременное жене.

— Спокойной ночи и удачи, — снова сказала она.

В Англии не было подходящего кандидата на роль барабанщика. Мы уже начали обращать взор на Америку, когда я в который раз скромно пошел к Матери (Стрэтт) за помощью. Хотя я и получил отборную порцию упрёков, он всё–таки упомянул «неплохого» барабанщика, игравшего в The Crazy World of Arthur Brown, а сейчас вошедшего в состав группы Atomic Rooster.

Хаммонд–орган тихо жужжит в маленькой репетиционной студии в Сохо. Грег только что закончил натягивать новые струны на бас, когда Карл Палмер прервал спокойствие в студии. Наша последняя надежда втащила коробки различных размеров с бряцающим металлом. Мгновенно серая скукота озарилась светом, когда он начал собирать установку, разговаривая на смешном быстром бирмингемском диалекте. Если он играет так же быстро, как говорит, это будет очень короткое прослушивание. Я уверен, что у него на бочке нарисован персонаж Энид Блайтон[40]. Дурачок каким–то образом дополнял детский образ Карла. Мы узнали, что ему исполнилось только двадцать лет, сущий ребёнок. Грег облокотился на усилитель и внушительно затянулся, чтобы скрыть зрелое изумление.

— Ладно! Что теперь? — скороговоркой проговорил Карл, палочки в состоянии готовности.

Грег повернулся ко мне, и я начал играть шаффл. Простейший из ритмов, но это обманчивое впечатление: свинговать непросто, но в данном случае старая добрая «Hideaway» приобрела совершенно новое звучание. Я подал сигнал, и мы с Грегом дали возможность сыграть Карлу небольшое соло. Последовавший взрыв поверг нас в шок, да так, что мы не могли играть. Карл изучал игру на перкуссии в Бирмингемской школе музыки и искал возможность примененить полученные навыки на практике. Его любимым композитором был Бела Барток, и «слышали ли мы такую и такую симфонию, с малым барабаном и литаврами?» Последовал обмен номерами телефонов, и Джон Гейдон с Дэвидом Энтховеном из EG Management оповещены полной комплектации состав. Игроки

сменились, но игра осталась прежней. Осталось придумать название.

— У нас должно быть такое название — ходкое. Чтобы персонифицировало, иллюстрировало индивидуальную энергию каждого участника группы. Как насчёт «Triton»? — спросил Грег.

— Неа.

В следующий вечер был предложен “Sea Horse” (Морской конёк).

— Неа!

Я настаивал на использовании наших фамилий, но Грегу не нравился порядок. «Почему твоя фамилия идёт первой?» — недоумевал он.

Мы продолжали репетировать, готовясь к первой сессии звукозаписи, которая должна произойти в лондонской студии Advision, но материал сочинялся с трудом. Попал ли Грег в творческий кризис, из страха отвергая идеи, или же стеснялся предлагать свои, опять же из страха быть отвергнутым, я не могу сказать. Если это была подозрительность, наподобие «я не покажу тебе своё, пока ты не покажешь своё», то это было заразительно. Обмен идеями изобиловал скептицизмом. Выходило, что он воспринимал идеи только через записи. Мусоргский прошел экзамен, и я попытался проделать такой же трюк с Яначеком, предложив рифф из «Симфониетты» с хард–роковым вокалом. Но мои идеи насчёт вокала редко принимались. Почти всегда это воспринималось, будто я, простой клавишник, вторгаюсь на его территорию. Но простой клавишник упорствовал, хотя и больше концентрировался на инструментальных кусках. Тщательно отбирая идеи из запасов нот, я вытащил “Allegro Barbaro” Бартока — по крайней мере новый барабанщик почувствует себя как дома.

Грег никогда не приезжал ко мне, обычно я навещал его, предварительно звоня, чтобы не вызвать неудобство. Как–то вечером, будучи в мрачном настроении, взяв в руки гитару, он перебирал струны, часто прерываясь, чтобы объяснить мне эзотерическую идею. Что–то насчет гальки, которую бросают в пруд, а кольца воды разбегаются в разные стороны. Чем препятствовать дальнейшему полёту фантазии, я сел за пианино, левой рукой играя остинато, правой — ограниченную аккордовую прогрессию. То было начало. В то время как менеджмент, Энтховен и Гейдон, вели переговоры о контракте на запись, ELP составил список требований.

Тони Стрэттон–Смит написал письмо Бобу Мугу и получил такой ответ:

Уважаемый мистер Смит,

благодарим за письмо от 7 января касательно синтезатора Moog и возможного использования группой The Nice.

Мы никогда не предлагали инструменты группам в промо–целях: во–первых, из–за высокой стоимости, а во–вторых, из–за малого размера компании. Также мы поступим нечестно по отношению к группам (таким как The Beatles, Stones и т. д.), купившим инструмент.

Дополнительная проблема кроется во времени, требующемся в освоении синтезатора. Несмотря на то, что это клавишный инструмент, требуется подсоединять различные кабели, прежде чем Moog издаст какой–либо звук.

Прилагаю к письму кое–какую литературу. Если вы пожелаете добавить синтезатор Moog к арсеналу группы The Nice, мы готовы немедленно отправить инструмент с нашего склада.

Благодарим за интерес к синтезаторам Moog. Если вы или группа будете в Нью–Йорке в ближайшем будущем, пожалуйста приходите ко мне в студию, где находится коллекция различных электронных инструментов.

С уважением,

Уолтер И. Сиэр

Карл заказал гонг, огромную фиговину из огромного количества металла, видимо не пригодившегося со времён Второй мировой войны ни к чему, кроме как сбросить его с огромной высоты на врага. Здоровенная кастрюля со временем нашла достойное место за спиной барабанщика в компании со швейцарскими колокольчиками, которыми он, как морской лев, звенел, держа во рту струну. Это был рассвет эры излишества. Водолей во младенчестве повинен в этом ничуть не меньше, чем два Скорпиона и один Рыбы.

В первый же день записи в студии Грег уселся в кресло, предполагавшегося продюсеру. Эдди Оффорд, которого, я думал, наняли на эту роль, не возмущался по этому поводу, так что никто не стал комментировать произошедшее. Вопрос о том, кто будет продюсером, никогда не поднимался, хотя мы много разговаривали на разные темы.

Оригинальный материал всё ещё создавался с трудом, ELP

работали над номерами прошлых групп. “Rondo” и “America” The Nice, “Twenty First Century Schizoid Man” King Crimson, “Fire” Артура Брауна в наших руках были уважительно преданы к погребальному костру, тем более, что Карл не участвовал в оригинальной записи. Грегу не подобало кричать, что он «БОГ АДА!» Поскольку он не смог дать мне ноты унисоновой части «Шизоида», её тоже отбросили.

Так «Картинки с выставки» стали основой. Каждый номер как картина: у нас была уверенность, что, несмотря на то, что края ещё размытые, на виниле можно создать образец искусства. Масс–медиа быстро переключились на «синдром супергрупп», и дали четко понять, что скептически настроены по этому поводу. Нас связали с Crosby, Stills, Nash & Young. Они все ещё скорбели о потере двух групп — The Nice и King Crimson — и были уверены, что ни одна группа никогда не заменит их. Создалось четкое представление, что они счастливы с пеплом The Nice, хотя и ноты не слышали от нового коллектива.

В попытке завоевать их расположение, были организованы интервью с Грегом и мной с ведущими журналистами, которые так помогали мне в Nice. Одно из таких интервью произошло в клубе «A and R» на Черинг Кросс с Ричардом Грином из *NME*. Я знал секрет, почему Ричард выбрал это место: там можно пить, пока остальные пабы закрыты после обеда. Грег и я пришли вовремя, заказали пиво и уселись в ожидании Ричарда — Чудища, как его звали. Прошло сорок пять минут, клуб начал пустеть, а интервьюера не было и намёка. Грег начал раздражаться. Глянув в дальний угол, я высмотрел одинокую фигуру, лежавшую на столе, голова покоилась на руках.

— Боже мой! Это же Ричард, — воскликнул я.

— Да пошел он! Я не провожу интервью с чертовыми пьяницами, — сказал Грег и собрался уходить.

— Нет, нет. Я знаю Ричарда. Все будет в порядке, поверь мне. Нам нужно это интервью.

Волоча за собой Грега, я подошёл к коматозному телу и потряс за плечо.

— А? О, привет, ребята! Хотите выпить? — промычало Чудище.

Грег сердито посмотрел на него.

— Мы торчим здесь почти час, — ответил он, я почувствовал себя неловко.

— Простите меня. Тяжелое утро в офисе, — пробормотало Чудище снова, вытаскивая тусклую помятую записную книжку. — Так, значит вы двое собираете «супергруппу»?

— Нам не нравится ярлык «супергруппа», — сказал Грег,

прикуривая.

— А что вам нравится? — спросило чудище, постепенно приходя в себя.

— Ну, сперва нам нравится пунктуальность и аккуратность.

— Понимаю, — произнесло Чудище, я заерзал на стуле. — Вы уверены, что не хотите выпить?

— Я пью пиво, — Грег выпустил в сторону Ричарда облако дыма.

От этого Чудище направило внимание в мою сторону.

— Я знаю, что у Ли не самый лучший голос, но вместе вы парни создавали настоящую магию.

Грег глянул на часы:

— Послушай, мне надо идти. Приятно было познакомиться. — он встал и направился к выходу.

— О да! Прости Ричард. Мы должны вернуться к репетициям, — ответил я в жалкой попытке оправдать грубость Грега. Но вид Чудища говорил лучше всяких слов. Семена недоброжелательного отношения посеяны, и они прорастут в каждом углу индустрии популярной музыки. Кроме нескольких смельчаков, которые находились рядом с нами (они знают, кто это), ELP придется бороться с неприязнью масс–медиа на протяжении всей карьеры.

Один человек, однако, получил удовольствие от перемен — Роберт Стигвуд. В предприимчивости ему не откажешь, поэтому он не отпустил так просто барабанщика из своих цепких объятий. Группа Карла, Atomic Rooster, подписала контракт с компанией Стигвуда. Хорошо заработав на Cream, Bee Gees и кинофильмах, миллионер Стигги не желал *просто так* расстаться с Карлом. EG Management приняла решение без зазрения совести. Треть менеджерского дохода уйдёт в качестве компенсации за Карла. ELP подписали контракт с лейблом Криса Блэкуэлла Island в Англии и Atlantic Records Ахмета Эртегюна в Америке. EG Management практически повторили сделку King Crimson.

“Barbarian”, “Knife Edge” и “Take a Pebble” уже были записаны, но только после того, как практически каждая нота проанализирована и рассмотрена под микроскопом Грегом. Дубль следовал один за другим, пока мы все не были довольны и потом, только потом, Грег шёл в будку для вокалистов. Только потом мы получали полное представление, каков получился конечный результат.

Запись с The Nice — полное счастье по сравнению с тем страхом, что я чувствовал порой в студии при работе с Грегом. Типичная ситуация, когда, закончив сессию на высокой ноте и вернувшись в студию на следующий день, оптимистически

настроенными, вдруг получаешь облом — «Я тут подумал» — и далее следовало двух–часовое обсуждение недостатков, а не достоинств проделанной работы. Не самый позитивный старт дня!

Менеджмент тоже не был рад задержке записи и чрезмерному вниманию деталям, делая упор на том, что бюджет не резиновый для проявления эго.

По моему мнению, единственный выход уложиться в сроки — избавиться от трудностей с написанием текстов для моих сложных композиций. Короче говоря, инструменталы решили проблему. Так я начал сочинять “The Three Fates”. Я зарезервировал Фестиваль–холл в обеденное время, чтобы записать вступление на их духовом органе. Для Карла я предложил соло на ударных, которое к тому же заполнит вторую сторону пластинки. Я написал “Tank” в качестве трамплина для его барабанной акробатики, и, расчувствовавшись, добавил его в соавторы композиции.

Как–то вечерком я зашёл в студию. Грег записывал партии акустической гитары. Я был удивлен, потому что совершенно не ожидал от него этого. Но вот он сидел и наигрывал тему на три четверти в стиле кантри–энд–вестерн. Почти народная по духу тема, и я подумал, что она выпадает из того, что мы записали. Появился Карл.

— Ты в курсе, что происходит? — спросил я.

Карл пожал плечами, и мы продолжили слушать.

Когда вышел Грег, я спросил его, откуда взялась эта вещь. Он попытался уклониться от ответа, но в тот редкий момент проявления скромности сообщил, что «немного развлёкся». Так как Карл присутствовал в студии то возник вопрос, не возражает ли Грег, если будет наложена партия барабанов?

Это оказалось нелегко сделать, так как дорожки с метрономом не было, но Карл согласился попробовать без неё. Вот в чем разница между записью альбома, гастролированием и поездкой домой в Бирмингем. Пока шла запись, я сидел и слушал, как Грег дописывал бас и вокал. Чем больше я слушал, тем больше мне нравилась песня, почти как джазовый вальс. В конце было слишком много бренчания, и я предположил, что здесь найдется место для синтезатора. Я договорился с Эдди попробовать залатать пустоту в концовке. Инструмент стоял в студии так долго, все, включая Эдди и меня, боялись дотронуться до него. Мы запаслись кучей кабелей.

— Я думаю, если я всуну этот штекер в это гнездо, мы получил такой–то шум, — сказал Эдди.

Я с надеждой нажал на клавиши и был вознаграждён

достаточно слабым тоном.

— Попробуй этот штекер с другим осциллятором, — предложил я.

Эдди сделал, и я снова нажал на клавишу. В этот раз звучало обнадёживающе, мы ещё немного повозились с настройкой осциллятора. Остался ещё один осциллятор, мы поступили с ним тем же способом. Эдди вернулся в кабину звукорежиссера, чтобы довести до ума оставшийся трек, а также выдать мне наушники, чтобы я мог слышать «картинку целиком». Пока настраивали уровень громкости, я развлекался с кнопкой эффекта *портаменто*; можно плавно перетекать из одной ноты в другую. Я сделал пометку в уме, что нужно использовать этот эффект при записи. Грег нашел переключатель интеркома и у меня в ушах зазвенело.

— Мы поставим тебя в конец.

— ОЙ! Выключи чертовы наушники.

— Прости!

Я смотрел на Грега и Эдди и ждал сигнала, когда играть. Начав импровизировать, я просчитал все варианты, которые можно развить из заданной темы. Я видел бесконечное число фишек, которые можно сыграть в этом простом модальном окончании. Закончив, я увидел два счастливых лица в кабинке.

— Зайди и послушай, — снова заорал Грег через интерком.

— А, ладно тебе. Это же всего лишь прогон. Давайте ещё раз повторим, и я реально зажгу.

Но они настаивали, так что пришлось послушать. Но меня не впечатлило. Даже когда плёнки отправили в звукозаписывающую компанию, я считал, что это самое посредственное соло, которое я сыграл в жизни.

Наконец огромный контейнер приехал ко мне в квартиру прямо из Буффало, штак Нью–Йорк. Я нетерпеливо открыл ящик и — вот он — мой синтезатор Moog! Его изобретатель, доктор Роберт Муг, написал: «Все наши продукты предназначались в качестве приложения к студиям звукозаписи, для использования на гастролях они не пригодны. Я понимаю, что вы хотите брать инструмент с собой в турне, поэтому в качестве эксперимента мы установили набор настроек, которые позволят создавать вам до восьми разных звуков. Желаю удачи».

Я попытался настроить синтезатор, что оказалось непросто сделать, так как инструкции не прилагалось. С таким же успехом я мог построить собственную телефонную станцию. Через час я понял, как его включать, и всё. Пришлось позвонить Майку Викерсу, который мог понять мою растерянность.

— Ты можешь привезти его ко мне и оставить на неделю? —

спросил Майк.

Неделю спустя Майк позвонил и сообщил, что ему удалось настроить только четыре комбинации, и то с большим трудом. Я вовеки ему благодарен. До нашего первого концерта оставались считанные недели, а я сильно хотел, чтобы синтезатор играл значимую роль во время дебюта.

Но он все ещё глючил.

Если температура окружающей среды менялась больше, чем на десять градусов, настройки сбивались. Там был счётчик частоты с цифровым дисплеем, по которому я мог немедленно реагировать на состояние всех трёх осцилляторов во время игры, но это требовало определенной ловкости. Играя правой рукой, левой мне приходилось настраивать Moog — последующие шесть лет прошли именно в таком стиле.

Мы подготовились к первому выступлению где–то в Плимуте; фестиваль на острове Уайт тоже был на подходе. Теперь я имел хоть какое–то понятие, как зазвучит наш материал, несмотря на то, что мы ещё ни разу не исполняли его как группа. Если, *если* всё пройдет хорошо, что тогда мы сыграем на бис? Я предложил «Nutrocker», старый хит группы B Bumble and the Stingers.

— Я не думаю, что нам следует играть это. Это же старый рок–н–ролл, — сказал Грег, но все же разучил её.

Мы пригласили группу музыкальных журналистов в зал Lyceum, где сыграли показательный концерт в последней надежде завоевать их симпатии, прежде чем отправимся куда–либо. Вероятно, это было самое сложное шоу в моей жизни на тот момент. Я предпочитал играть перед полным залом, чем перед народом с ручкой и блокнотом, скептически рассматривающей тебя в микроскоп. Это напомнило мне игру с листа на конкурсе в Уэртинге. Живые выступления для меня всегда были средством от запора, этот раз не был исключением. Перед выходом на сцену меня постигли «мучения Паганини» в животе. К счастью, *Melody Maker* этого не заметила:

> ELP — так хороши, что пугают. Если вышедшие в отставку адмиралы не снесут сцену, а остров Уайт не смоет несвоевременными дождями, фестиваль увидит первое большое появление одной из самых экстраординарных групп, когда–либо появлявшихся в Англии… слушая их в течение часа, я не мог пошевелить даже пальцем.

За сценой зала Guildhall в Плимуте, я глотнул из бутылки Asti Spumanti. Зал вместимостью в две тысячи человек постепенно наполнялся людьми — билеты раскупили полностью. Я так

нервничал, хорошо хоть вокруг не было ничего грандиозного, например, лондонских журналистов. *Melody Maker* назвала меня лучшим пианистом/органистом, а Emerson, Lake and Palmer — лучшей надеждой в международном разделе. Неплохо для группы, не сыгравшей ни ноты в живую. Чувство страха сцены вытеснилось нетерпеливым желанием выйти и всем показать, кто мы такие. Сцена, как старый добрый наркотик, проходит по венам и дает эффект, который я так долго не испытывал. Настал шанс дать пинка всем Фомам неверующим.

— Вот как мы звучим! — прорычал я в микрофон.

Плимут полюбил нас с первого фуззового басового вступления «Barbarian» и до последнего раската гонга на «Картинках с выставки». Но когда Грег подошёл в конце концерта, чтобы обнять меня, я не был готов к такой близости.

Это был огромный глоток свежего воздуха, аудитория в Плимуте приняла нас с распростёртыми объятиями. Когда мы ехали обратно в Лондон, в состоянии экстаза, Грег раскурил с Карлом сигарету с марихуаной, смеясь над тем, как последний не мог вдохнуть. Небольшая остановка, чтобы справить нужду в кустах. Встряхнув инструмент, я первым сел в машину, затем Грег, который прищемил Карлу пальцы. Я ожидал увидеть Карла на сиденье у двери, но вместо этого там было четыре пальца, а сам Карл торчал снаружи.

Хорошее начало, подумал я. Фестиваль на острове Уайт на носу, а наш барабанщик потерял руку.

13. ELP дают прикурить

В организации фестиваля на острове Уайт ELP придерживались метода «1812», в отличии от Джони Митчелл, предпочитавшей просто бренчать на гитаре. Оба способа доказали свою эффективность, но я не мог отказать себе в разнообразии. «Картинки с выставки» требовали не только театрализованной постановки — от «Променада» до «Богатырских ворот» музыка кричала: «ПРАЗДНИК». Мы, как и любой другой коллектив, который хочет произвести незабываемое впечатление в непростых обстоятельствах, намеревались затмить остальные группы самым эксцентричным выступлением.

Рокки оказался одарённым техником клавишных инструментов. В его квартире было так холодно зимой, что он, бывало, шутил, что может подхватить гонорею только для того, чтобы испытать затруднение при мочеиспускании. Слава Богу, чтобы работать с ELP, медобследование ему на надо было проходить, всего лишь тест на пиротехнику. Прогуливаясь по Кингз роуд, мы обнаружили две древние пушки и убедили продавца одолжить их нам. Рокки раздобыл видавший виды грузовик, и мы загрузили тяжелую артиллерию в кузов, прикупив достаточно пороху. Гай Фокс[41] гордился бы нами. Затем мы направились на шумные, но пустынные земли в районе аэропорта Хитроу, надеясь, что шум от самолётов заглушит звуки взрывов. В наши дни вооруженный до зубов отряд по борьбе с терроризмом мигом окружил бы вас, если заметил, что вы поджигаете катапульту в сторону самолётов в окрестностях Хитроу.

Когда мы отволокли тяжелые железные пушки на подходящее место, Рокки начал подключать заряды к запалу — полная кустарщина: куски провода, батарея, взрывчатая смесь. Нам обоим нужно было знать, сколько пороха использовать на шоу. В первый раз все прошло легко, пороха положили мало, провод вывели на безопасное место за низенький мостик. Рокки связал два провода, но результат разочаровал: получился небольшой хлопок с облачком дыма.

— Думаю, можно удвоить заряд. Ты согласен? — спросил Рокки.

Мы попробовали снова. На этот раз бабахнуло ощутимее, но, когда мы загрузили пушки обратно в грузовик, я сказал Рокки, что на концерте можно утроить заряд — это будет безопасно.

Остров Уайт планировался как событие 1970–го года. Британский Вудсток. Толпы фэнов заполнили паром,

рекрутировали частные судна, вертолёты, аэропланы, — всё, что может подвергнуть маленький остров риску быть потопленным вместе с организаторами, музыкантами и публикой. Попытки крайне радикально настроенных личностей превратить фестиваль в бесплатное мероприятие, благодаря Edgar Broughton Band, в итоге лишь походило на периферийное *облигато*[42] к главной сцене.

Площадь за сценой кольцом окружена трейлерами, использовавшимися в качестве гримёрок. И хотя не так много артистов выходило наружу, я так и не понял, почему столько народу ходило к трейлеру Sly and the Family Stone. Выступление Джони Митчелл прерывали выкрики тех, кто считал нужным дать свободу голосу в менее вокальных средствах. EG Management намеревались поиграть мускулами перед менеджером The Who Биллом Кербишли. EG хотели, чтобы мы вышли как можно позднее. Темнота и освещение большими прожекторами придадут больший эффект нашему выступлению. Фестиваль вообще был обречен на всеобщую задержку. Я выбрал момент и объяснил Грегу, что на сцене будет установлен ножной переключатель, который ведет к пушке с его стороны, и не возражает ли он наступить на него в конце «Картинок»?

Ten Years After закончили свой сет на десять минут позднее из–за безумных оваций после удивительного десятиминутного соло Элвина Ли. Фактор десяти намертво прилепился к шоу, вероятно из–за того факта, что Англия собиралась переводить деньги в десятеричную систему. Не будет больше трёхпенсовых монет, шестипенсовиков, шиллингов, полкрон и пол–фунтовых банкнот! Если и осталось какая–то валюта, то только по вине Рики Фарра (старший брат Гэри, который всё и организовал). После всего этого я снова зауважал Рики.

Как мы ни затягивали выход, все равно пришлось начинать при дневном свете и без саунд–чека. С момента, как ELP начали играть перед огромным полем, заполненным морем тел, я почувствовал, что теряю связь. Звук, который мы производили, покидал сцену и гулял собственной жизнью. Ни обратной связи, ни определенной атмосферы в аудитории, которая производила впечатление огромного пикника. Перезвон из “Take a Pebble” казался таким же потерянным, как и ранние упражнения в “Dambusters”[43]. Играли мы на автомате, а фотографы со всей Европы облепили сцену в поисках удачного кадра. Сцена превратилась в их частный клуб, они разгуливали, где хотели, фотографировали, что хотели, а «пикник» казался размытым пятном позади.

Когда мы начали последний номер — «Картинки с

выставки» — итальянский фотограф, чтобы снять меня, устроился на дуле пушки. Я глянул на Грега, возле пушки которого тоже выстроился отряд фотографов. У нас обоих были под ногами переключатели и факелы для пушек. По мере того, как мы подбирались к концу, я почти физически чувствовал, что если Рокки сделал всё правильно, большая часть европейских папарацци разлетится как обуглившееся конфетти.

«There's no end, to my life, no beginning…», (Нет конца моей жизни, нет начала…) — пел Грег, а я представлял себе конец итальянских фотографов. Обе руки заняты на клавишах с обеих сторон, поэтому я мог просигнализировать об ОПАСНОСТИ либо криком, либо отчаянным кивком головы в надежде, что кто–нибудь уловит смысл. Но мои действия лишь приняли за муки оргазмического триумфального завершения настоящей рок–звезды.

«Life is death…», — волшебно пел Грег. Я заметил краткий просвет. После бессмертного *«Death is life…»* я наступил на переключатель.

БУМС!

Почти двести пятьдесят килограмм кованого железа дерзко появились перед публикой, шоковая волна отбросила пару фотографов в яму. Я заметил во взгляде Грега ужас. На какой–то момент я подумал, что он струсит поджечь запал, но он сделал это…

БАБАХ!

Публика медленно встала как один и начала аплодировать. Случилось ли это от того, что они были разбужены для очередной порции «дряни» перед выходом следующей группы, я не желал знать. Я вернулся в трейлер и безучастно смотрел перед собой. Люди подходили, чтобы поздравить, но мне было всё равно. Мне не понравились ни наше выступление, ни звук. Всё, что я хотел — убраться с острова, пока остальные не решили сделать то же. На очереди были The Doors (двери), но к моменту их выхода на сцену, я запирал свои у себя в квартире. The Who начали играть только в три утра.

Реакция на дебют ELP получилась смешанной. Джеффри Кэннон из *Guardian* писал:

> Самым впечатляющим актом были Emerson, Lake and Palmer, чье колоссальное выступление напоминало концерт Pink Floyd в Бате.
>
> Я не в восторге от рок–адаптаций классической музыки Кита Эмерсона и был уверен, что его новая группа мне не понравится, когда он объявил «Картинки с

выставки». Я ошибся.

Во–первых, маниакальное исполнение на синтезаторе Moog было удивительно талантливым. Ему удалось наэлектризовать музыку Мусоргского и без оркестра, создавая пространство удивительного порядка. К тому же, его аранжировка отошла далеко от оригинала.

Эмерсон сыграл «кремлевские колокола» на синтезаторе, и два помощника вышли на сцену с горящими факелами и подожгли две пушки, установленные рядом. Последовал ошеломительный взрыв. Эмерсон доказал, что он, наряду с Pink Floyd, The Who и Фрэнком Заппой, является одним из самых успешных и претенциозных шоуменов рока. Он не адаптировал Мусоргского, он заново изобрёл идеи, вдохновившие Мусоргского.

Карл Даллас из *Times* остался определённо равнодушным:

> … ELP обратили взор на «Картинки с выставки» Мусоргского. В поддержку шоу были добавлены синтезатор и две пушки, и визуальные эффекты зачастую привлекали больше внимания, чем само музыкальное содержание.

А рецензия Ричарда Грина, Чудища, была предсказуемой. Вероятно, наша встреча в клубе ещё не стерлась из памяти:

> Если люди ожидали многого от них, если память о The Nice ещё сильна, нужно ли порицать трёх музыкантов — не совсем ясно. Но Emerson, Lake and Palmer не оправдали наших ожиданий.
>
> И уровень музыкантов не низок — совсем наоборот. Кит Эмерсон как обычно ярок, Карл Палмер — гигант ударных, Грег Лейк мастерски поёт и играет на басу. И несмотря на это, как–то всё вместе не сработало.
>
> Эмо играл на двух Хаммондах одновременно во время открывающей пьесы — “The Barbarian”. Это большая вещь с множеством звуков, она полностью контрастирует с “Take a Pebble”, гораздо более тихой, в которой Грег играет на акустической гитаре.
>
> Сорокаминутный номер под названием «Картинки с выставки» восхитителен, шоумен Эмо полностью раскрылся в ней. Две пушки взорвали сцену! Он также играл на синтезаторе для пущего эффекта — это был,

пожалуй, лучший из пяти номеров.

Люди требовали “America” и “She Belongs to Me”, явно под впечатлением, что они слушают реформированную The Nice, но получили лишь версию “Rondo”, которая не идет ни в какое сравнение с The Nice.

Они сыграли “Nutrocker” группы B Bumble, довольно неплохо, но слишком поздно, чтобы завести толпу. Ужасные вещи лучше не становятся, правда.

Джими Хендрикс выступал с Band of Gypsies в воскресенье, и всего лишь пару недель спустя, перед началом нашего британского тура, пришла новость. Он скончался 18 сентября 1970–го.

Эта вещь посвящается Джими.

Все это знали.

“Barbarian”.

Вернемся в нашу квартиру. Возбуждение поутихло, необходимо оценить будущее. Скоро выйдет альбом, запланирован британский тур — выглядит многообещающе, чтобы переехать в более просторную квартиру, у нас ведь скоро родится ребёнок. У меня не было выбора, кроме как отдать инициативу в руки Элинор. Но перед тем, как отправится на север по шоссе M1, поступил звонок от Тони Стрэттон–Смита.

— Фрэнк Заппа в городе, он остановился в отеле Кенсингтон Хилтон. Он хочет встретиться с тобой.

И вот я уже стучусь в двери его номера.

К моему удивлению, после часового глубокого обсуждения тактовых размеров, оркестров и авангардных композиторов, он дал мне фортепианную аранжировку, написанную Иэном Андервудом[44].

— Тебе следует выучить это, — сказал он.

Испытав глубокое удовлетворение от встречи, которая достигла такого уровня доверительности, что мне вручили редкий манускрипт, я поспешил домой и немедленно уселся за пианино. Это была очень непростая музыка, но я терпеливо работал над ней пока не добрался до последней страницы в надежде увидеть там логическое завершение. Пьеса как бы обрывалась, и Фрэнк написал: *«Продолжение будет позже».*

Несмотря на некоторую подозрительность по поводу нас в прессе, немало было и тех, кто оценил наши усилия. В ноябре семидесятого Крис Уэлч написал в *Melody Maker*:

Ещё один триумф ELP. Им есть, что сказать. Весьма

печально, что их пытаются задушить и опустить. Подайте им руку помощи ('elping hand) и слушайте!

Третий концерт группы получился не очень, но по сравнению с рок–фестивалями, он был великолепен. Звук контролировался, и мы могли видеть и слышать аудиторию. Сыграли мы так здорово, что в гримёрку прибежал промоутер, обильно потея. Он умолял нас выйти на бис.

— Нам нечего больше играть, — сказал ему Грег, вылезая из концертного одеяния.

— Но вы должны. Они сходят с ума.

Я откинулся на спинку стула. Было слышно, как топает и свистит счастливая толпа. Понятно, что просто так нас не отпустят.

— Давайте сыграем “Nutrocker”, — предложил я.

— Я больше не играю эту лажу, — рявкнул Грег.

— Пожалуйста, пожалуйста, вы должны вернуться, — молил нас промоутер.

Грег упрямился: «Нет! Мы отыграли концерт. Придется оставить их».

Публика начала ритмично скандировать, встряхивая каждый кирпичик зала.

— Ну пожалуйста! — причитал промоутер.

— Не думаю, что у нас есть выбор, Грег. Давай выйдем и сыграем “Nutrocker”.

— МАТЬ ЕЁ! — заорал Грег, схватив бас.

Когда мы появились на сцене, аудитория безумствовала. Вступление “Nutrocker'a” доставило народу несказанное удовольствие. Но, глянув на Грега, я увидел, что он играл, опустив голову и надувшись. Во мне начал расти гнев, если бы я не играл, то мог изрыгать пламя.

По окончании, не сказав ни слова, Грег швырнул бас и вылетел со сцены. Я последовал за ним. Схватив бутылку красного вина в гримёрке, я разбил её о батарею и подошёл с «розочкой» к нему.

— Ты мерзкая сволочь! Ты долбаная непрофессиональная сука! Никогда больше не делай ничего подобного!

Грег побелел и не мог вымолвить ни слова. Роуди вовремя вмешался и попытался удержать меня. Я продолжал выкрикивать «Ты мерзкий ублюдок!» в тональности фа, но меня вывели из зала к машине и доставили в отель.

На следующее утро, когда мы ехали на следующий концерт, я демонстративно смотрел в окно.

— Я думаю, если у нас возникнут разногласия после

концерта, мы должны успокоиться, и только затем спокойно обсудить произошедшее в частном порядке, — произнёс разочарованный голос басиста.

Я промолчал. “Nutrocker” стал нашим любимым номером в конце программы. Сингл с ним даже взошел на вершину хит–парада в некоторых странах Европы в 1972–м.

Инцидент внёс ясность и до конца тура мы хорошо ладили. *Очень* ладили.

Emerson, Lake and Palmer не были «женской» группой в плане, скажем Led Zeppelin. У нас было мало групи, потому что наша музыка не несла слюнявый романтизм, растапливающий девичьи сердца. Те, кто бывал на наших концертах, обычно приходил в сопровождении приятелей или мужей, нередко с неохотой.

Так что ссор по поводу противоположного пола не было, мы придумали правило, гласящее, что все женщины, «вовлеченные» в тур, становятся «общими». Если ты нарушал правило, то подвергался позору и тебя называли «частным» — частный Лейк, частный Палмер[45] и т. д., пока ты не восстановишь репутацию путем достойной компенсации. И хотя я намеревался оставаться верным браку, с другой стороны, я не хотел отставать от двух холостяков. «Общее правило» по моим суждениям казалось идеальным: 1. Оно сохраняло меня от серьёзных отношений. 2. Оно не лишало привилегии рок–н–ролла (те самые выгоды, которые манили меня в этот бизнес).

Познакомьтесь с Розмари П. Хэмилтон (мы так и не выяснили, что означает П.). Розмари была очень любезной девушкой из хорошей семьи. Мы это заметили. Она утонченно одевалась, прилично говорила (когда рот не был занят) и даже работала на хорошей работе, когда не преследовала таких как мы.

В отеле мы бросали монету — в чьем номер будем развлекаться. Карл не был рад выбору, но резво убрал чемоданы и коврики для упражнений. Комната–мечта! Кто–нибудь спрашивал: «У кого есть носки?» (презервативы), и дело пошло.

Розмари ловко владела обеими руками. Она могла делать минет и полировать яйца одновременно, пока «мистер Одноглазый посещал оптометриста». Если вы кинете пару палок, она сможет ими жонглировать.

На следующий день, проезжая по очередному шоссе на очередной концерт в фургоне с самолётными сиденьями, мы снова спрашивали: «У кого есть носки?» Мы передавали посылку с Розмари друг другу, перед автобусом с пенсионерами, направляющимися на природу. Пред ними предстала великолепная картина счастливой Розмари, скачущей у меня на коленях.

На следующий год во время гастролей по Англии, ELP были рады узнать, что Розмари присутствовала на концерте, и пригласили её за сцену.

— У меня серьезные отношения, — похвасталась она.

Emerson, Lake and Palmer были убиты горем.

Беременность Элинор протекала хорошо, мы переехали в огромную квартиру в районе Хаммерсмит. Дом назывался Пэлэс Мэншнз, там было четыре гостиные, кухня, связанные двумя коридорами. Меня беспокоило, смогу ли я оплачивать проживание. 8 октября 1970–го Элинор поехала с нами на концерт в Брайтон. Прямо перед окончанием шоу отошли воды. Слава Богу, моя мама находилась рядом и помогала Элинор, пока мы играли на бис.

— Тебе стоит отвезти её в Лондон как можно быстрее, — сказала мама, когда я вышел со сцены. — Ребёнок вот–вот родится.

За час мы вернулись обратно в Лондон, ELP рисковали в любой момент превратиться в акушерок. Мы подъехали к дверям больницы святой Мэри Эббот (той самой больницы, где месяц назад скончался Джими Хендрикс). Когда Элинор доставили в родильное отделение, схватки вдруг прекратились. Акушерка–шотландка, объяснила, что такое иногда случается, и предложила мне посидеть где–нибудь… где угодно, пока схватки не начнутся снова. Я сдвинул два кресла и уснул около постели Элинор.

К утру шея затекла до невозможности, мне посоветовали идти домой. Они позвонят в случае чего, а если к вечеру ничего не произойдет, они искусственно начнут вызывать роды. В восемь вечера я приехал в больницу с магнитофоном с записью «Рондо». Под язык Элинор положили таблетку и… по местам!

Пока длились схватки, я массажировал ей спину и крутил кассету. «Ребёнок практически вышел», — сказал акушерка. Элинор кричала: «Господи, я этого не вынесу. Меня разорвет на части!»

— Пожалуйста, дайте болеутоляющее, — попросил я.

— Слишком поздно, всё вот–вот закончится. У неё получится. Давай, тужься, тужься!

— Держись! Осталось совсем чуть–чуть, — всхлипывал я над ухом жены.

— Аааааааааа… АААААААААА!

— Гляньте, — ответила доктор. — Вы можете увидеть головку ребёнка.

Я заглянул туда и увидел нечто, напоминающее массивную голубоватую выпуклость, как огромный геморрой между ног. Как

можно вынести столь невообразимую боль?

С последним воплем наружу выполз тощий кролик, незамедлительно выдавший в воздух маленький фонтан. Слёзы выступили на глазах, я глянул вниз, и на одну короткую, но восхитительную секунду, два чистых, как небо глаза, казалось, осмысленно посмотрели на меня.

На свет появился Аарон. У меня родился сын, Аарон Оле Эмерсон.

> «Недавняя волна критики в адрес ELP, вероятно, пойдет им на пользу. Группа настолько хороша, столько людей приходит в восторг от их музыки, что если бы их приняли сразу, то задержали бы их развитие.
>
> Теперь они могут узнавать себя лучше в жестком и болезненном свете враждебных мнений. И они буду развиваться и завоюют расположение некоторых несогласных. Джон Пил назвал их «напрасной тратой таланта и электричества». Его возражения сильно напоминают потакание собственным слабостям. Основной недостаток заключается в волнении. С достойнейшей репутацией, Кит, Грег и Карл, скорее всего, перегорели. Проблема, которая со временем исчезнет, вызвала бурную реакцию у критиков, но она скоро уляжется, и больше людей начнут наслаждаться захватывающей и занимательной музыкой трио…
>
> Вторая сторона открывается церковным органом в «Three Fates» (три богини судьбы), Кит исполнил собственный «призрак оперы», растворившись в прекрасном фортепиано — своей первой любви. Он углубляется в современную классику, если можно так выразиться, а иногда напоминает обезумевшего Стэна Кентона. «Tank» начинается в духе «Матерей» (Заппы), возносясь в небеса с помощью электропиано, если это тот самый инструмент[46]! Карл выдает соло на ударных, а затем на сцену выходит могучий Moog, звучащий как «Брабазон»[47] или как летающая блэкпулская башня. И это правда — машины захватывают власть. Да, Кит один из немногих, кто способен выжать максимум из данной музыкальной лаборатории. Во избежание чрезмерной нагроможденности, появляется Грег с тихим фолковым голосом и акустической гитарой — ещё один триумф ELP. Им есть, что сказать и предложить. Для нас это будет трагедией, если их задушат или начнут вставлять палки в колеса недоброжелатели. Подайте им руку

помощи и слушайте!»

Крис Уэлч, Melody Maker, 21 ноября 1970

Британское общество исторически разделено на классы: от нижнего до среднего и высшего, с различными вариациями. «Рокеры» необязательно происходили из низов, так же, как и «хиппи» из высшего класса, но как только своя ниша находится, ей остаются верной навеки. Конечно же, переходы иногда случались. Воспитанники Харроу[48] не были исключением. Несмотря на то, что они выделялись на фоне остальных в особый класс, «харроусцы» были выше всего этого.

Менеджмент ELP направил группу к одному из таких, щеголеватому джентльмену, для подписания страховки на растущее оборудование и имущество.

В моём владении находились: синтезатор Moog 1C, органы Hammond C3 и L100, два усилителя Leslie, усилитель PRO 900, два 100–ваттных усилителя Hi–Watt, клавинет Hohner L, фортепиано обычно доставались на местах.

У Грега: акустическая гитара Gibson J300, бас Fender Jazz Bass, модифицированный Telecaster, два 200–ваттных усилителя Hi–Watt, 4 акустические системы.

Хозяйство Карла состояло из: ударной установки Gretsch[49], семи тарелок Paiste, швейцарского каубелла (коровий колокольчик., трёх простых каубеллов, набора вуд–блоков[50] и двух гонгов фирмы Paiste.

В качестве концертных звуковых комплексов мы использовали четыре совмещенных колонки LF, восемь колонок Vitavox, два мощных усилителя Crown DC 300, одиннадцать усилителей Quad 303, двадцатиканальный микшер, шесть мониторов WEM. Микрофоны: шесть конденсаторных AKG C451, шесть динамических AKG D224, четыре динамических AKG D12 и пять динамических AKG D190.

В целом, общая стоимость оборудования тянула на сто тысяч фунтов. Необходимость страховки была очевидной: концерты запланированы на месяцы вперёд в разных уголках мира, оборудование путешествует вместе с нами.

Именно поэтому ELP обедали с Вилли Робертсоном.

Вилли можно поставить в вину изобретение термина «английский ланч». Он был не просто легендой ланчей, но достиг супер–легендарного статуса в то время, когда большинство людей уже выключали телевизор и выпускали кошку погулять. Во время завтрака у него не было подобной репутации, что вполне объяснимо. Вы сами не были легендой, если у вас нет возможностей работать с ним.

Вопросы страхования в сторону, он сделал нам предложение в особенном изысканном стиле: «Мои мальчики. Что может быть лучше, чем заключить сделку и закрепить вновь созданный союз в моём клубе».

Я невинно поинтересовался: «Что за клуб?»

Незнакомый нам клуб «Уигмор», за ним вела пристальное наблюдение *News of the World*[51]. Отец герцогини Йоркской, майор Фергюсон, являлся завсегдатаем клуба. В конце концов, меня выделили из числа… Эмерсона, Лейка и Палмера. Хороший друг позвонил мне из Англии в Даллас и сказал, что они использовали старое фото, не очень удачное. Внутри все похолодело.

— Что они написали?

— Дай–ка погляжу, — сказал Эндрю Лейн. — А, вот. Цитата одной из девушек: «Кит был очень мил. Он подарил мне пластинку».

Я позвонил матери и предупредил о возможных пересудах.

— Ну что ж, теперь ты встанешь в один ряд с королевской семьей, — съязвила она.

По поводу Вилли Робертсона и меня существует множество анекдотов, но я расскажу один.

В начале восьмидесятых я увидел фотографию лисы в газете из пригорода Лондона. Несчастную и одинокую, её обнаружили на клочке земли и сжавшейся от ужаса лондонского транспорта. Обычно данное животное ассоциируется с сельской местностью, поэтому тот, кто нашел лису, решил, что она домашняя. Человек взял несчастное животное к себе домой в Уимблдон и позвонил в газету, где быстро напечатали объявление о помощи.

«Кто–нибудь может взять это бедное прирученное животное к себе?»

Будучи любителем животных, в своё время владея семью акрами земли в Суссексе, я ответил на объявление.

— Нам поступило шесть звонков. Можете рассказать подробнее о себе, где вы живете?

— Да, меня зовут Кит Эмерсон. У меня поместье с семью акрами земли в Чиддингли, графство Суссекс. Я с удовольствием позабочусь о лисе.

— Спасибо. Мы с вами свяжемся.

Через пять минут позвонил редактор газеты.

— Вы тот самый Эмерсон из Emerson, Lake and Palmer?

— Самый что ни на есть.

— Здорово! Мы бы хотели сделать из этого репортаж. Вот адрес… можете забрать лису завтра?

— Да! Без проблем.

Положив трубку, я вдруг вспомнил, что в это время у меня назначен обед с Вилли в очень эксклюзивном ресторане Мортон в Баркли–Сквер.

На утро я сел в свою спортивную машину Morgan Plus 8 и отправился по указанному адресу, поднялся по разукрашенной граффити лестнице многоэтажного дома. Меня ввели в маленькую гостиную, где к дивану была привязана лиса.

— Почему лиса привязана? Я думал, она домашняя.

— Он немного нервничает.

Пока человек пытался заманить лису в коробку, я заметил пару больших резцов. Я по достоинству оценил впечатляющий набор зубов и понадеялся, что их демонстрация — тоже признак нервозности.

— Я назвал его Роджером, — сказал добрый самаритянин. — Лис–Роджер, но теперь он ваш, можете звать его как угодно.

Я глянул снова на клыки, пытавшиеся прогрызть картон.

— Нет, Роджер — вполне милое имя, — сбивчиво ответил я.

Затем я потащил лису в двухместную машину и продолжил путешествие в Лондон. Припарковав Morgan, я осторожно вытащил коробку и понес её в офис Вилли.

— Добрая старая сигара! Что там у нас?

— Лиса, — я с гордостью показал содержимое коробки.

У Вилли сменилось выражение лица, оно стало похоже на просроченную рыбу. Содержимое коробки тоже не было радо видеть Вилли и оголило клыки цвета слоновой кости, чтобы показать своё отношение к происходящему.

— Его зовут Роджер… не беспокойся, он провел утомительное путешествие в моей тачке. Если мы его оставим в покое, он будет в порядке.

Я перевернул коробку и вытряхнул Роджера на роскошный ковер, лежавший на полу офиса Вилли. Вилли отошел на почтительное расстояние, вернее сказать, закрыл за собой дверь и вышел на улицу, пока я привязывал Роджера к столу. Я уверил секретаршу, что если ему дать миску с водой и, по возможности, живую курочку, больших проблем не будет. Сами же отправились основательно выпить и закусить в Morton's.

Обед закончился нескоро, мы обсудили всё, что может произойти в ужасном травматичном мире рок–н–ролла, и как это можно предотвратить, параллельно осушив значительное количество Пино Гриджио.

Весело вернувшись в офис пару часов спустя, мы едва не сбили с ног секретаршу Вилли, бормотавшую что, «с неё хватит». Воняло животными фекалиями, сшибавшими прямо со входа. Это не был едкий запах домашнего животного — больше похоже на

сладкие кольца дикого животного, загнанного в угол и борющегося до конца за свою жизнь.

Роджер выглядел счастливее, освободившись от всего, что съел за последние несколько дней. Подобно картине Маука Эшера[52], стол Вилли нарушал законы гравитации, стоя на трёх ногах. Четвертая находилась в пасти Роджера, мне показалось, что лучше не пытаться вытащить её.

— Боже! — воскликнул Вилли, рассматривая море разрушений, обычно остающееся после таких, как Led Zeppelin.

— Прости пожалуйста, — сказал я, пытаясь запихнуть Роджера в то, что осталось от коробки.

— Боже! — воскликнул Вилли снова, обнаружив перегрызенные телефонные провода. — Мне нужно хорошенько глотнуть.

— Мне не нальешь?

— Боже мой! По одной на посошок, мой мальчик?

Путешествие в Суссекс было осложнено тем, что Роджер норовил высунуть голову и посмотреть, где он находится. Я предпочел предоставить ему такую возможность, чем дать своей руке быть покусанной. Не каждый день увидишь волосатую рок–звезду в двухместной спортивной машине с лисой на пассажирском сиденье. Я первым срывался с места от светофоров, остальные водители просто не могли сдвинуться с места от удивления.

Наконец я добрался до дома и постарался устроить Роджера в амбаре. На утро амбар стал похож на офис Вилли, я начал сильно сомневаться в приручённости существа. Он все–таки убежал, укусив меня за палец и сломав ноготь.

Наверно, это к лучшему, но я беспокоился всякий раз, когда в лесу устраивали охоту на лис и надеялся, что Роджер даст прикурить охотникам.

Во время британского тура мы продолжали придерживаться «общего» правила. Бывали небольшие нарушения, но в целом никто не жаловался. Грег с Карлом обычно соревновались друг с другом, кто выкурит больший косяк, чем предавались плотским утехам. Даже в таких условиях, если выдавалась возможность, приятно провести время со страждущими фанатками.

После концерта в Глазго мы пригласили двух девушек в номер. Карл обкурился больше, чем обычно, и девушки вытащили косметички из сумочек и нанесли макияж, пока он летал по параллельным мирам. Они так хорошо постарались, что после бутылки красного вина Карл напомнил мне первую любовь. Утром, в жесточайшем похмелье и даже не глянув на себя в

зеркало, Карл нетвёрдой походкой спустился в ресторан позавтракать. Он всё удивлялся, почему люди так странно на него смотрели. И только позавтракав и отправившись в номер паковать чемоданы, Карл увидел себя в зеркале.

Череда небольших огоньков растянулась вдоль штрассе, определявшую черту города. Мы только то отыграли концерт где–то в Германии и возвращались в отель.

— Они жарят каштаны? — спросил Карл.

— Не думаю, просто одеты так, — ответил Марк Чезвик, наш тур–менеджер.

— Давайте остановимся и возьмем немного, — ответил не глядя Грег.

— Шлюхи, — сказал водитель.

— Давайте остановимся и возьмем немного, — повторил Грег, на этот раз заинтересованно.

— Кажется, у меня хватит денег только на одну. Я не успел обменять фунты на пфеннинги, — сказал Марк.

Мы остановились у следующего огонька, и женщина, одетая в свитер, брюки и сапоги, осторожно подошла к нам.

— Гутен абенд, — поздоровался Марк. — Школько стоен?

И хотя он не посещал академию Марселя Марсо, не сложно догадаться, что доступны и другие виды услуг. Указывая на рот, она показала на пальцах, сколько стоит минет. Сжатие в руках пару воображаемых кубиков означало «полировку», секс показан парой танцевальных па и возвратно–поступательными движениями бедер.

— Сколько за всех нас? — спросил Марк, указывая на три лица в окне, застывших в ожидании.

Девушка засунула голову в машину.

— Привет, — весело воскликнул Грег.

Она с подозрением посмотрела на нас, а затем несколько раз раскрыла и закрыла руки. Марк посчитал движения немного меньше, и как бы подумав, выбросил несколько пальцев в порыве несказанной щедрости.

— Слушай, мне достаточно будет полировки, — сказал я.

Наконец договоренность была достигнута, и девушка села на колени Марка возле водителя. Пока мы возвращались в отель, девушка запаниковала.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — она показывала на въезд в гараж.

Мы доехали до своего этажа на служебном лифте и бросили монетку.

— О нет, только не моя комната!

— Извини, Карл. Уговор дороже денег.

Когда я взял пиво из мини–бара, Грег уже был «там». Он так энергично двигал бедрами, что перещеголял свою обычную стойку на сцене.

— Кто следующий? — спросил Марк.

— Только не я, — сказал Карл, подстегивая свой член. — У меня, блин, не все поднялись.

— Тогда я пойду, — ответил я, не желая создавать затишье среди бури.

Вряд ли её можно назвать хоть немного возбуждающей, но после засухи жаловаться не приходилось. Нужно просто зарыть глаза и думать об Англии. «Полировка» всё–таки намного лучше, чем самостоятельное удовлетворение.

— Ок, теперь ты, — обратился Марк к Карлу.

Марк тщательно организовал вечер, поэтому он наш тур–менеджер.

— Нууу… — протянул Карл, грустно уставившись на вялого друга. — Ты можешь заставить её снова одеться?

— Что?

— Она сняла одежду слишком быстро. Может, если она оденется, а затем медленно разденется, у меня получится.

Марк постарался объяснить проблему «леди», но она лишь смутилась. Её что — попросили уйти или продемонстрировать последние модели огненного одеяния? Глядя на многочисленную одежду на ней (чтобы не мёрзнуть на улице), нам показалось, что придется ждать всю ночь.

— Я иду спать. Спокойной ночи, — ответил я, направляясь в свой чистый номер.

14. Ветчина или сыр?

Декабрь 1970 г., Швейцария.

Вернувшись в отель, Грег заказал виски с колой. Мы начали разговор в баре, Грег не слишком горел желанием ехать в Америку. «Мы можем неплохо зарабатывать в Англии и Европе и жить счастливо, чем пытаться заработать состояние в Америке, — объяснял Грег. — В настоящий момент у нас тридцать тысяч фунтов долгов. В среднем только десять процентов групп зарабатывают в Штатах».

Сидя на борту DC9[53], продиравшегося сквозь горы и облака, мы обсуждали, каким будет наш следующий альбом. «Меня всё больше вдохновляет современная музыка, чем классика, — рассказывал я. Карл схватил бумажный пакет, когда нас трясло над Альпами. — Есть пьеса, написанная в 1964–м году Хинастерой — концерт для фортепиано… ну очень круто…»

Американский тур не предполагал сильного возбуждения. Для меня это означало не застать, как растёт Аарон. Но у меня выдался шанс побыть настоящим родителем перед отъездом. Элинор собиралась куда–то выйти и оставила меня с барабанщиком Иэном Уоллесом в качестве сиделок. До поры до времени дела шли нормально. Аарон мирно посапывал, Иэн курил марихуану, а я открыл бутылку вина. Мы слушали пластинку Фрэнка Заппы, когда вечеринку прервал крик «Уаааа!»

Аарон проснулся в жиже собственного произведения. Неожиданно для него вдруг стало холодно, и он потребовал смены белья для новых произведений. Я аккуратно поднял его из кроватки, положил на полотенце на полу и убрал липкую субстанцию.

«Ооо, — булькал Аарон, радуясь, что его маленький инструмент освободился от лишнего. — Гуг гуу биддл. Гидл буу даа».

— Ты это делал раньше? — спросил Иэн, затягиваясь из папиросы, чтобы забить запах.

— Нет, но я часто наблюдал за Элинор.

Я несколько раз подставлял Аарноа под кран, ставил его на сушилку, посыпал тальком и делал очередной глоток, пока Аарон счастливо ползал по полу голышом.

— Думаю, нужно его одеть, пока Элинор не пришла, —

предположил Иэн, мрачно наблюдая за маленькой удаляющейся попкой.

— Ага! Хорошая идея.

В те дни ещё не было готовых штук типа памперсов. Пока мы нашли чистые пелёнки и попытались засунуть в них розовую попку Аарона, он с удовольствием принял игру.

— Послушай, ты можешь подержать его, пока я буду пеленать?

Иэн с неохотой вынул сигарету изо рта и исполнил просьбу. Аарон, обнаружив внимание к себе, зашевелился с энергией извивающегося угря.

— Держишь?

— Кажется, да, — Иэн был обкурен так, что решил, что он водопроводчик.

— Отлично. Мне нужно всего лишь застегнуть кнопки с двух сторон.

Маневр оказался опасным и рисковым. Наконец, я поднял Аарона.

— Вот! — воскликнул я с гордостью. И в тот же момент конструкция сползла до лодыжек Аарона, от чего он захихикал пуще прежнего.

Настал момент моей гордости. «Иэн, у тебя нет изоленты?»

— Не знаю, дай посмотрю в барабанах. На, возьми.

Я обмотал ребёнка так, что он стал немного походить на египетскую мумию.

Пока мы радовались собственной изобретательности и поздравляли себя с искусным решением, Аарон перестал смеяться. Насупленное выражение его лица, несмотря на младенческие годы, как бы говорило: «Погодите, вот вернется мама и у вас возникнут плаблемы».

Мы с Карлом часто проверяли способности друг друга читать с листа, сочиняя сложные ритмы в нестандартных размерах. Как–то он зашёл ко мне в гримёрку и показал рисунок.

— Какой это размер?

— Или 10/8 или 5/4. Для Фрэнка Заппы не имело бы значения.

По счастливому совпадению, ритм Карла совпал с остинатовой фигурой левой руки, над которой я работал в то время. Я отметил для себя, что стоит поработать в этом направлении по окончании тура.

Месяц спустя идея приняла форму, хотя и несколько странную. Я позвонил Грегу.

— Ты можешь приехать? Я хочу кое–что тебе показать на

фортепиано. Мне очень нравится. Там нет определённого ритма и размера.

Через час в дверь позвонили, и я ввёл Грега в музыкальную комнату. «Я работал над темой с тех пор, как Карл мне показал замысловатый ритмический рисунок. У меня создалась картинка, что мы создали огромное полотно звуков, бросающее вызов традиционным структурам. Там не будет одного размера и ритма, но в целом эффект от нас троих должен быть продуктивным».

Неожиданно я осознал, что мои слова не возымели никакого эффекта. С подобным успехом я мог объяснить концепцию «штепсельной вилки–оригами» рыбе. Я неловко развернулся и начал молотить по клавишам. Закончив, я повернулся к Грегу, который так же безучастно смотрел на меня.

— Ну?

— Я думаю, если ты хочешь играть такую музыку, делай это на сольном альбоме.

Я был… т. е. я не был готов ещё делать сольный альбом, но раз он заговорил об этом…

— Но я хочу, чтобы МЫ сыграли это. Я знаю, что звучит непросто, но эффект выйдет грандиозным, когда мы втроём сыграем пьесу, — взмолился я.

— Я совсем не заинтересован в таком, — сказал Грег, развернулся и вышел прочь.

Я набрал номер Джона Гейдона.

— Всё! — сказал я. — Группе конец! Я пересказал ему события последнего часа.

— Но вы не можете развалиться сейчас, из–за мелочей, на самом деле!

— А я могу. Извини, я не хочу работать с таким негативным отношением. Мне и первого альбома хватило!

— Ладно, давайте соберёмся завтра и трезво обсудим создавшуюся ситуацию, — и Джон повесил трубку.

Затем я позвонил Карлу.

— Ты помнишь тот рисунок в 10/8, 5/4?

— Какой? Ааа, да–да.

— Я написал музыку под него.

— Круто!

— Не так уж и круто. Я сыграл её только что Грегу, который абсолютно не захотел с ним иметь ничего общего.

— Как он может так, даже не попытавшись? То есть… я её даже не слышал… А моё мнение никого не волнует?

— Именно. Прости Карл. Я не думаю, что могу продолжать играть с вами. Джон хочет, чтобы мы собрались завтра, но я слабо верю в счастливый исход.

Следующим вечером я приехал в офис Джона и вошел в атмосферу, будто они съели тухлую рыбу. Дэвид Энтховен, Карл и Грег давно разговаривали, но по выражению лиц, далеко не продвинулись.

— Что у тебя за пьеса, которая так важна? — спросил Джон участливо.

— Всё, что я хотел сыграть с этой командой. С нашими возможностями мы можем затмить любую группу, сыграв эту вещь. Возможно, Грег и прав, настало время начинать сольный альбом.

— Она совсем не коммерческая, — возразил Грег.

Я услышал в его голосе жалобные нотки. Я выдвинул свой аргумент: «Унисоновая часть в «21st Century Schizoid Man» тоже коммерческая? Нет! Но она стала большим хитом King Crimson».

— Но это песня!

— А кто сказал, что моя тема не может стать песней?

— Когда ты доиграешь до конца весь этот эзотерический мусор, в зале, блять, никого не останется, — умолял Грег.

Вмешался Дэвид: «Грег, а в чём проблема хотя бы попробовать?»

— Да, — воскликнул Карл. — Я вещь даже не слышал. Может она и полная чушь, но я думаю, что сомнение в данном случае трактуется в пользу маэстро.

— Поверь мне, это не правильное направление для нового альбома, — ответил Грег.

— А какое оно? Ты что–нибудь уже написал? — поинтересовался Джон.

— Нет, но…

— Ну и что нам терять? Попробуйте завтра в студии.

— Я скажу тебе, что терять — студийное время, записывая хлам. Вот, что, нафиг, терять!

— Вам придется играть в любом случае, потому что слишком поздно отменять бронь, — ответил Дэвид.

Так всё и произошло! На следующий день Эдди Оффорд сразу ретировался в аппаратную. Он почуял грозу в атмосфере, которая может сама управлять 16–дорожечным пультом. Грег выбрал нужный карандаш из обширной коллекции и открыл новенькую нотную тетрадь.

— Какие там ноты? — спросил он, надувшись.

Вряд ли бы кто–то желал начинать с таким отношением вояж в неизвестность, вцепившись в борта корабля, который всё равно потонет. Но дыры нужно заделывать.

— Фа… Си бемоль… Ми бемоль… Си бемоль… Ля бемоль… Ми бемоль…

— Погоди! Дай мне сперва первый кусок выучить, — Грег упражнялся до необходимой скорости, а затем записывал новые ноты.

Я проигнорировал тот факт, что он писал свою часть заглавными буквами на нотном стане. С таким же успехом можно писать и на чистом листе бумаги. Что ж, так хоть можно проследить, что записаны правильные ноты. Последующие куски разучивались в сходной манере. Два дня спустя музыка было полностью переложена, и мы приготовились к записи. Ушли тучи сомнения, Грег полностью отдался работе, у которой даже не было названия.

— Добавь туда синтезатора, Карл — сюда гонга!

Я вздохнул с облегчением. Меня не волновало, кто сидит в кресле продюсера, моя безумная композиция пошла дальше, чем я рассчитывал. Первая песня, в которой по моему расчёту споёт Грег, пришла быстро. Но я опасался, что изменения испортят дальнейшее развитие. Основное трезвучие состояло из нот си бемоль, ми бемоль и соль в тональности до, неожиданно переходящее в до–диез — именно это меня беспокоило. Как оказалось, зря. Моих вокальных воплей под те же аккорды оказалось достаточно, чтобы настроить людей на нужный лад. Покатило хорошо, и в результате альбом «*Tarkus*» был записан всего за две недели! В качестве награды мы экспромтом сыграли рок–н–ролльный номер “Are You Ready, Eddy?” в честь нашего инженера Эдди Оффорда и его 16–дорожечного агрегата.

Во время записи в студии Advision, леди, приносившая чай, имела обыкновение появляться в самый неподходящий момент, громко спрашивая на своём гнусавом кокни–акценте, напоминавшем рядового Добермана из сериала *Bilko*. Её предки были родом из Греции, и она питала слабость к узо[54], а вовсе не к листьям и кипяченой воде, которые она готовила в студийной кухне. Неудивительно, что она вломилась на нашу вечеринку, предварительно глотнув из бутылки, спрятанной под раковиной. Сунув голову в студию, она проскрежетала: «У них есть только ветчина или сыр ('am or cheese)», имея в виду магазинчик на углу Госфилд стрит.

Карл очень точно её изобразил и позвал леди в студию, чтобы она произнесла эту фразу в микрофон.

— They've only got 'am or cheese, — сказала она сквозь нос.

Группа чуть не лопнула со смеху, а она гордо покинула студию. «Эй! Я попаду на пластинку?»

Мы кивнули.

— Погодите, пока я не скажу внукам, — и она направилась в кухню отпраздновать очередным глотком из–под раковины.

Во время обеда я заехал в студию и увидел, что все собрались вокруг картин молодого студента. Глядя поверх спин, я мельком увидел нечто похожее на броненосца с оружием, произрастающим прямо из него. Грег познакомил меня с художником — Уильямом Нилом. Наши взгляды с Грегом сошлись, что музыка совпадает с образами Уильяма Нила. Грубые, научно–фантастические, анти–дарвинистские. Чем больше я смотрел, тем больше музыка срасталась с картинами и наоборот.

На следующий день по дороге из Суссекса я придумал имя центральному персонажу картин Нила. Оно может базироваться на образе выдры по имени Тарка[55]. По дороге я подобрал более правильное название. Таркус звучало очень выигрышно. Я предложил имя Грегу. Ему понравилось. Картина вдохновляла нас при живой записи *«Картинок с выставки»*, пользовавшихся большим спросом.

Мы выбрали ньюкаслский Сити Холл, будучи уверенными, что там нам окажут горячий приём. Я ещё понадеялся, что мне удастся использовать их церковный орган. Мне дали разрешение после того, как я пообещал профсоюзу, что не буду втыкать в него ножи. С записью живого выступления возникли сложности. Если я собирался играть вступление «Променада» на консоли духового органа, мне потребуется несколько секунд, чтобы добежать до сцены. Карл предложил в этот момент продемонстрировать навыки в выбивании пресс–ролла одной рукой, чтобы я как бешеный успел добежать до клавишных к началу «Гнома».

Грег кое–как согласился прослушать записи. Он боялся, что из–за классического содержания ELP начнут сравнивать с их завязью — The Nice. Он не хотел, чтобы «*Картинки*» отвлекли внимание от второго альбома. Неотредактированная запись соперничала в качестве второго альбома с «*Таркусом*», который находился на стадии подготовки. Найденный компромисс с точки зрения бизнеса не имел никакого смысла. «*Pictures at an Exhibition*», записанный за один вечер за небольшие деньги в Сити Холле, будет продаваться за пол–цены студийного альбома.

После выхода «*Tarkus*» Atlantic захотела узнать больше о «Картинках», которые попали в топ чартов Англии и импортировались в Штаты в больших количествах. Atlantic не хотела оставаться в стороне и пожелала поиметь свой кусок пирога. Они не согласились с низкой ценой и боролись за полноценную стоимость пластинки. Но в какую категорию отнести? Это ни рок, ни классика. Они в какой–то момент решили издать альбом на своей дочке — Nonsuch Records — но спрос был настолько велик, что даже нью–йоркская радиостанция WNEW играла её целиком, и «*Картинки*» поставили в рок–секцию.

Мы все были там и сделали это. Единственная разница в этот раз состояла в том, что нам всего лишь нужно было быть там, сыграть и продать майки. Мерчендайзинг находился тогда в зачаточном состоянии, собственно, как и вся звукозаписывающая индустрия. Ахмет Эртегюн (президент Atlantic Records) скажет в интервью радио BBC в 1989 году: «Они были очень авангардной группой. Первая вещь, которую я услышал, звучала очень экстравагантно. Но оказалось, что у такой музыки есть своя аудитория, которая росла. Кит Эмерсон — особенный талант, который далеко обошел своих соотечественников, играя на электронных инструментах».

Хит–сингл не имел для меня значения. Если и нужно выбирать, я бы предложил “Knife Edge”. Но когда мы подъезжали к Манхэттэну, то услышали завершающее соло из “Lucky Man” по радио, а голос Скотта Муни произнёс: «Это был первый сингл новой группы, Emerson, Lake and Palmer».

— Эээ? — я повернулся к Грегу за объяснениями.

Он лишь пожал плечами. Можно ли меня простить за подозрения в закулисных играх? Неужели нечто происходит за моей спиной?

Я не стал делать из этого проблему, просто отметил для себя, что записывающая компания ведет себя неподобающе, о чем намеревался при первой же встрече сообщить.

Я думал об их выборе. “Lucky Man” был плох тем, что не показывал всего, что мы делали — того могучего звука, что мы производили втроем и чем могли по праву гордиться. Нас и так поставили в один ряд с Crosby, Stills, Nash and Young — такой же набор имён. Широкая публика могла легко спутать нас с CSN&Y из–за многочисленных вокальных гармоний. Кроме того, как мы будем их петь на сцене? Мы с Карлом пели так плохо, что даже глухие не захотят читать по нашим губам.

Ахмет Эртегюн воплощал собой стиль, манеры, красноречие и грацию, которые могли запугать кого угодно. Он никогда не пользовался этим специально, но являлся ходячей энциклопедией всего, что рок–индустрия переняла от джаза, блюза, фолка и соула. Он открыл и записал огромное количество легенд, в частности моих джазовых кумиров — Чарли Паркера, Дюка Эллингтона, Мида Люкс Льюиса. Я прислушался к его словам, когда он объяснил мне разницу рынков Америки и Англии.

— В Англии ситуация очень разнообразная. На одной неделе в хит–парад могут попасть поющий почтальон, футбольная команда и хор монашек. На следующей — Пинки, Перки и Led Zeppelin. Здесь же всё категоризовано, что делает отгрузку пластинок более эффективной. Мы хотели простейшую,

прямолинейную запись, чтобы радиостанции легко могли вставить её в плейлист. Если «Lucky Man» продолжит звучать так же часто, как и сейчас, люди толпами повалят на ваши концерты. Когда они сядут в кресла, вы можете им играть, всё, что вам в голову взбредёт.

— Но мы не сможем воспроизвести так же, как на записи. У нас только один вокалист.

— Не волнуйся. Если «Lucky Man» станет хитом, вы её хоть на казу[56] сыграйте, народ примет на ура.

После пяти разогревочных концертов в трудноописуемых местах, нам удалось попасть в Филлмор Ист вместе с Edgar Winter's White Trash. Вскоре зал закроется. Билл Грэм говорил, что устал от рок–бизнеса, но к нам отнёсся очень тепло.

— Господи, они великолепны, — орал фэн в ухо Криса Уэлча после нашего первого номера. За первую неделю мая мы продали сорок тысяч копий в Америке и находились на пути к первому золотому альбому.

15. ELP возвращаются в США

26 мая 1971 г.

Как попасть в Карнеги Холл?
Заниматься надо, заниматься!

Карнеги Холл манил и в то же время отталкивал. Снаружи — внушительный готический фасад, тогда как внутри — скромный, стерильный клинический тип архитектуры, как бы невинно отрицающий великих, что выступали в его стенах. От классики до джаза, от Бенни Гудмена и Майлза Дэвиса с Гилом Эвансом до Ленни Бейби. Чтобы попасть на его священную сцену, я много упражнялся Ребятки, как я упражнялся перед концертом. Акустика такая чистая, что казалась девственней и чище, чем сами стены. Боюсь, мы осквернили их своим электричеством. Единственный раз, когда я почувствовал себя уютно в зале, произошел во время фортепианного соло, когда публика наконец подняла головы. Взорвать мозг аудитории — правильно, но она не хочет, чтобы то же самое проделали с ушами.

И хотя я испытывал благоговейный страх перед залом, наступил момент, и я почувствовал себя как дома. Из–под крышки фортепиано вылетал самый удивительный звук и разносился под сводами самого величественного зала. Этим концертом мы представили Америке живое исполнение «*Картинок с выставки*». Мы перестали обращать внимание на аудиторию и играли лишь для себя, Грег и Карл были рядом со мной. Мы трое были заряжены энергией, как профессиональные боксёры, играя как для публики, так и для себя. Мы соревновались друг с другом, словно бились на рыцарском турнире, вызывали на дуэль, провоцировали на то, чего ещё никогда не делали. После концерта я был горд как никогда.

— Привет, пап! Я играл в Карнеги Холле.

Теперь всё в порядке. Мне больше не нужно добиваться его одобрения. Как всегда, в чисто козерожьем стиле он пожелал мне удачи, быть осторожным, и бережно относится к заработанным деньгам.

Специальные коврики для упражнений для барабанщиков и тренировочные клавиши постоянно использовались во время американского тура. Иногда я удивлялся, что несмотря на щепетильное отношение к мельчайшим деталям организации тура, Грег бывало не удосуживался распеться или

попрактиковаться на басу.

«Я думаю, если у вас есть способности к музыке, — сказал он однажды. — величайший дар — быть певцом». Появились первые признаки ларингита, стоившие группе концерта, и я ему очень сочувствовал, вспоминая проблемы Ли.

Но здесь был голос!

Он требовал большего внимания и заботы, чем самый деликатный механизм. В какой–то момент Грег начал перестраховываться в делах, связанных с менеджментом, бухгалтерией и прочими юридическими вопросами. Это стало поглощать всё больше и больше времени, практически с одержимостью, заменяя основную роль. Трудно было скрыть неудовлетворённость, и я часто напоминал, правда безуспешно, что мы и так платим значительные суммы и комиссионные людям за их работу, так пусть они её и делают.

Ни одна деталь не могла проскользнуть мимо Грега, будь это тур–менеджеры, осветители или звукоинженеры — все они проходили под его внимательным наблюдением. Если что–то не то происходило со звуком или освещением, несчастные вызывались на ковёр разгневанного Его Величества Малинового Короля. Зачастую выговор объявлялся через микрофон, заставляя пострадавшего испытывать унижение перед лицом своих товарищей.

Карл был полной противоположностью. Он трезво относился ко всем вопросам. На встречах он впитывал информацию, задавал здравые, нередко остроумные вопросы, делал интересные предложения и преуспевал в совершенствовании исполнительского мастерства. Грег появлялся на встречах с пачкой бумаги, карандашами и ручками всех сортом и цветов, обычно открывая совещания теми самыми четырьмя ужасными словами: «Слушайте, я тут подумал…».

Поймите меня правильно. Грег, должен признать, был перфекционистом, и он мог быть обходительным, если этого требовала ситуация. Я мог производить впечатление пофигиста. Правда в том, что встречи напоминали мне о работе в банке, где на полном серьёзе обсуждалось, куда поставить шкафы для папок. Всё это такая ерунда. Если роуди делал ошибку, я тихо ему об этом говорил в частном порядке.

> Грег Лейк в изможднии лежит на диване в своём мьюзхаусе[57] в стороне от Кингз роуд. Его пёс жует десятифунтовую банкноту. Он «поразительно устал», но отказывается взять отпуск, в отличие от других членов ELP, после пяти изнуряющих месяцев в турне по Америке

и Европе.

«Мы должны быть самой трудолюбивой группой. Ещё никогда на меня не оказывалось столько давления. Это хорошо, потому что мы успешны. Но и плохо, потому что страдают наши нервы. Вы открываете газету и видите, что ваш альбом на первом месте, а через минуту ваши руки трясутся. Такого рода давление».

По результатам года Emerson, Lake and Palmer можно назвать самой трудолюбивой группой. Они дали около ста концертов (каждый как минимум два часа) в течение ста пятидесяти дней… «Я бы хотел жить в сельской местности, особенно в Уимборне (графство Дорсет), но я там сойду с ума. Я должен быть в деревне и где–нибудь в городе, чтобы шофер на роллс–ройсе доставил меня из одного места в другое. Но это нереально».

На самом деле он не может позволить, чтобы Оливер, ирландский сеттер, ел банкноты.

Журнал Disc, 10 июля 1971 г.

В отпуск я поехал в Тунис вместе с женой. Тараканы обнаружили бесплатный салат, оставшийся в номере, перед тем, как мы в него заселились. Вскоре выяснилось, что в арендованной для поездки по Сахаре машине нет кондиционера. Если открыть окна, в салон врывался губительный раскаленный воздух, опаляющий брови, а ресницы намертво приставали к макушке. Закрытые окна позволяли сохранить брови в целости, но зато кожа становится похожей на слоновью. Отличное начало отпуска. Своё окно я держал закрытым, чтобы не помереть от обезвоживания, зато открыл окно возле жены. Быть может, тогда её нижняя губа прилипнет к верхней (шутка).

К счастью, в оазисе можно было не только отдохнуть в тени. Бербер беспечно дул в духовой инструмент, который я никогда не видел. Через переводчика я узнал, что кочевник играл на инструменте под названием зукра. Этот бербер должно быть видел меня, едущего по пустыне: у них большой опыт в высматривании верблюдов под палящим солнцем. Как только он увидел мой интерес, то тут же предложил продать инструмент по цене небольшого дома с садом, и ещё стеклянной беседки, где он мог бы выращивать экзотические растения и разводить сурикатов. Мы стали торговаться, как это принято в Тунисе, и я наконец сторговался до цены, достаточной, чтобы оплатить год учебы его детей в колледже, а также пары новых башмаков, если ему вздумается снова кочевать.

В отеле я внимательно осмотрел инструмент и понял, что он

представляет собой дудку с двумя язычками. *Зукра* требовала столько воздуха, сколько нужно, чтобы накачать шины грузовика. Получался неловкий пердящий звук, похожий на воздух, выходящий из испорченного клапана акваланга. При чрезмерном усердии начинается кружиться голова.

Пока я разрывал кровеносные сосуды, Грег с Карлом смотрели на меня с ужасом из аппаратной, как я пытался включить зукру во вступление “The Endless Enigma”. Когда я в изнеможении рухнул на пол, скорее из жалости они дали добро.

Я часто посещал зал Lyceum — старый театр на окраине Ковент–гардена. Теперь в нём проводились рок–концерты. Я ходил на Боба Марли и на премьеру The Faces с Родом «Модом» Стюартом.

Я купил *Melody Maker*, на обложке которого красовался клавишник, которого я не знал. В статье было написано, что «Это тот парень, на которого пришел посмотреть сам Кит Эмерсон в Lyceum на прошлой неделе…».

— Как? — спросил я Элинор. — Мы что–то пропустили на прошлой неделе?

— Что, например?

— Например, клавишника.

— Я что–то не помню. Род Стюарт пел с Faeces.

— Faces!

Господи. Она когда–нибудь усвоит английский?

На следующей неделе Рик Уэйкман подошёл ко мне в ложу.

— Извини за статью в *Melody Maker*, мой издатель решил, что это хорошая идея.

Я был застигнут врасплох его смелостью, но он держался дружелюбно.

— Ты меня тоже извини, потому что я, кажется, не видел твоего выступления. Ты действительно хорош?

Он рассмеялся и добавил: «Послушай, у меня там затарен ящик пива, если что — присоединяйся».

Пиво? Не люблю, я предпочитал красное вино.

Рик, как выяснилось позже, играл на разогреве с группой The Strawbs. Может быть журналисты что–то напутали, но я предпочел держаться настороженно. Всё–таки он мой конкурент. Например, Джон Лорд, органист Deep Purple, ни с кем не конкурировал. В интервью он всегда хорошо отзывался о современниках, оставался преданным стилю и инструменту, Хаммонд–органу, и никогда не подвергался влиянию модных тенденций.

Когда ELP выступали с Yes на разогреве в Philadelphia Spectrum, голова Рика неожиданно показалась из–за кулис во

время моего соло на фортепиано.

«Правильно! Ты должен это видеть!» — подумал я, играя вступление к «Фуге» Гульды. Мои руки тотчас понеслись галопом.

Саунд–чек в Голливудской чаше оставил хорошее впечатление, в отличии от острова Уайт, где звук жил сам по себе. Здесь же природная акустика как бы удерживала звук внутри.

Я заметил парней из Humble Pie и White Trash, пока упражнялся перед концертом. Они были клёвыми, полной противоположностью ELP. Мне это нравилось. Я чувствовал себя уверенно, зная, что нас не будут сравнивать с теми, кто выступал в начале. Мы были единственными в своём роде!

Теплый голливудский вечер окутал нас, словно мягкое одеяло. Когда мы начали свой сет, я схватил ленточный контроллер синтезатора и подошёл ближе к публике. Прожекторы осветили моё лицо, и я не заметил ямы. Левая нога ступила в темноту, остальная часть тела не смогла компенсировать потерю равновесия, и я грохнулся. Мне удалось выставить левую руку, и я локтем зацепился за край сцены. Какой–то выступ впился мне в рёбра. Раздался треск. Прожектора продолжали освещать меня и пришлось вылезать, чтобы продолжить шоу. Я кое–как подтянулся и сделал нечто похожее на сальто назад. Мои ребра ныли, и я почувствовал ещё один треск, такой же как в нью–йоркском Scene, когда я сломал ребро. Доковыляв до места, я с трудом доиграл концерт.

Ди Энтони[58] пришел нас поздравить.

Проснувшись на следующий день, я чихнул и почувствовал, будто из рёбер выбили страйк. Грудь разваливалась, выздоровлению мешали сцены с разрушением органа на сцене. Дышать было трудно.

Тур закончился в Нью–Йорке, на стадион Gaelic Park, жуткой разрухе рядом с метро. Я уже встречался в Лондоне с доктором Робертом Мугом после выхода первого альбома ELP. Его весьма впечатлило соло на синтезаторе в конце “Lucky Man”, но он никогда не видел нас на сцене. Я пригласил его в Гэлик парк, и он наблюдал за шоу прямо за моими усилителями.

> В 1971–м мне позвонил Кит и сказал, что отправляется на гастроли. Кажется, это был их первый американский тур. Я тогда жил на севере штата Нью–Йорк, и ближайший концерт должен был состояться в самом Нью–Йорке. Они должны играть в месте под названием Гэлик парк. Я долго не мог найти это место.

Никто в департаменте по уходу за парками Нью–Йорка о нём не слышал. Наконец, кто–то выяснил, что Гэлик парк — это маленькое футбольное поле где–то на окраине Бронкса или Манхэттэна. Оно находилось в конце ветки метро, потому что там находилась наземная кольцевая ветка, где поезда разворачивались. Кит пригласил меня за сцену. Мы уселись в обязательный лимузин и поехали на футбольное поле через грязь, камни и разбитое стекло — все, что можно найти на рельсах подземки. Они вылезли из машин и пошли по полю к деревянной сцене. В конце поля стояло десять или двенадцать переносных туалетов. На концерт пришло около десяти тысяч белых молодых людей. Не помню, чтобы там были места, люди стояли прямо на поле. Там я увидел трюки Кита с органом и ножами, клавиши летали словно щепки.

Подумать только, кого я там встретил! Закадычного друга, Гершона Кингсли. Гершон жил в Германии и Израиле и являлся успешным студийным музыкантом среднего возраста. Он и парень по имени Жан Жак Перри выпустили пару записей с синтезатором с использованием технологии склеивания ленты. Одна из них называлась «The In Sound from Way Out», вполне коммерческая вещь, очень новаторская. Во всяком случае я встретил Гершона возле туалетов, он был полностью дезориентирован и ошеломлён. Позади воняло фекалиями, дверцы туалетов то и дело хлопали. А на сцене парень швырял орган на пол, клавиши летали суда и сюда, инструмент вопил как недорезанный. Вдруг Гершон издал жуткий вопль: «Это конец мира!»

Боб Муг

По окончании шоу Боб подбежал ко мне, смеясь и качая головой в недоумении.

«Это самое невероятное приключение в моей жизни, — воскликнул он. — Уверенность, с который ты играл на инструменте, и звуки, которые ты извлекал… Я даже не думал, что такое возможно. Так здорово видеть, что ты настолько потрясающе используешь моё изобретение, так вдохновляет. Ты должен посетить нашу фабрику в Трумансбурге, когда будет время. Мне очень важны твои мысли по поводу наших новых разработок. Ты можешь взять консоль синтезатора с собой, и мы подключим её к новым осцилляторам. Возможно, мы сделаем специальный инструмент для тебя».

Боб был так возбужден, да и я тоже. Мысль, что такой большой изобретатель хочет меня привлечь к будущим разработкам, просто невероятна.

Крёстная Аарона, Лиззи, тоже присутствовала там, и мы немного пообщались. Когда Элинор узнала о нашем маленьком невинном рандеву, меня обвинили в «дружбе» с ней. Меня не в первый раз жёстко обвиняли в распущенности, и, вероятно, с этим надо было что–то делать, пока я совсем не отобьюсь от рук, если только я не буду держать всё под контролем. Я совершал ошибки, но было слишком поздно что–то изменить. Семь бед — один ответ. По сравнению с тем, что происходило вокруг, я представлял собой саму невинность, хотя, по сути, я был только новичком.

Рецензия на концерт в Гэлик парке, написанная Джоди Бреслау, появилась в *Sounds* 9 октября 1971 года:

> ELP закончили тур музыкальным фейерверком в Гэлик парке Говарда Стейна. Трио сыграло полуторачасовой концерт, Кит Эмерсон явился во всей красе и потряс аудиторию.
>
> Неторопливо начав с подборки вещей из первых двух альбомов, ELP показали результат двух месяцев в дороге — сложную, восхитительную, местами просто великолепную музыку.
>
> Грег Лейк продемонстрировал искусство игры на электро– и акустической гитарах, а Карл Палмер заставил зал замереть во время длинного соло на ударных. Карл просто сшибал с ног, местами его игра звучала как раскаты грома, звуки его гонгов доносились до улиц вокруг стадиона. Палмер — необыкновенно изобретательный барабанщик, которого действительно нужно видеть живьем.
>
> Апофеоз концерта — Кит Эмерсон, молотящий по органам и манипулирующий магическим синтезатором, который издавал сверхъестественные звуки. Эмерсон стал лучше со времён Nice, но продолжает скакать на маленьком Хаммонде. Он объезжает орган, расстреливает публику пулемётными очередями из Муга с садистским выражением на детском лице.
>
> Кит до сих пор театрально прижимает Хаммонд–орган к телу, кого–то может поразить, как он втыкает ножи в клавиатуру органа, и бросает инструмент на пол. Аудитория ревёт от восторга.
>
> ELP предстали перед нами замечательным трио,

играющим отличный рок с влиянием джаза. Сценический аспект концертов группы выделяет музыкантов из класса обычных рок–музыкантов.

Смешение стилей, можно сказать, имеет успех без всякого сомнения. Новые горизонты открываются перед теми, для кого ярлык «рок» больше не представляет важность. Кит Эмерсон и Фрэнк Заппа пишут и исполняют современную музыку — ни рок, ни джаз, ни классику, но утонченную, сложную разновидность музыки, которая только развивается. Работая на огромной неисследованной территории, обоим иногда отказывает чувство меры и вкуса, недостаток выразительности и потеря контроля над слишком грандиозным разнообразием материала. Тем не менее, уникальное творческое наступление их музыки представляет собой драматический прообраз вещей, которые нам предстоит услышать в будущем.

«Картинки с выставки», записанные на концерте в Ньюкасле, продавались по цене 1,49 фунтов и разошлись тиражом шестьдесят тысяч в первый день выхода. Пластинка мгновенно взобралась на верхушку хит–парада. Крис Уэлч из *Melody Maker* сказал по этому поводу:

Звук просто необыкновенный. Музыка сама по себе… это лучшая живая запись на моей памяти. Разнообразие звуков и инструментов, используемых группой — мечта самых взыскательных меломанов… На сегодняшний день — это лучшая запись ELP, запечатлевшая спонтанность концертных выступлений и усиленная великолепной акустикой зала. Послушайте, например, булькающий орган Кита в главной теме и колокольчики Карла в напряженной русской драме «Великих врат».

Но концерте все трое играли исключительно хорошо, и несмотря на неистовство темпа и сложных смен ритма, они умудрились выступить четко и сыгранно и не позволить адреналину взять контроль над ситуацией, что иногда случается при исполнении нечетных размеров. На концерте такие промахи и другие ошибки кажутся в порядке вещей, но в последствии режут слух.

Кит, человек–оркестр, скачет от органа к электропиано и синтезатору с такой скоростью, что в один прекрасный момент встретится с самим собой, двигающимся в обратном направлении. Путешествуя в мире звуков, он исследует возможности

синтезатора и управляет его мощностью, чтобы творить, интриговать и развлекать. Чрезвычайно увлекательное и содержательное выступление и один из лучших альбомов английских групп».

Не было меня дома, когда Аарону исполнился год, в планах значился третий американский тур, включая концерт Мэдисон Сквер Гардене 26 ноября. Два первых альбома, *«Emerson, Lake and Palmer»* и *«Tarkus»,* стали золотыми и в Англии и в Америке. Билеты на концерт в Мэдисоне разошлись за четыре часа. Я теперь мог позволить взять с собой семью, Аарона, Элинор и маму с папой. Родители максимум, куда ездили — в отпуск в Австрию. Это был мой подарок на Рождество. Они очень боялись длинного путешествия и мне изрядно пришлось попотеть, чтобы их уговорить.

В конце концов, я понял, что им уютней дома, чем в благоговейном страхе перед «Большим Яблоком» и его размахом. Отец постоянно беспокоился по поводу расходов на лимузины и роскошных отелей. И хотя я изо всех сил уверял его, что я не только могу себе это позволить, но и то, что настал мой черёд позаботиться о них, действия это никакого не возымело.

Мы остановились в отеле Regency, совершили вертолетную прогулку над Манхэттэном. Аарон сделал первые шаги, нетвёрдо топая по коридору с распростертыми руками в мою сторону. Какой волшебный момент. Концерт в Мэдисон Сквер Гарден был великолепен, аудитория проходила мимо гигантской индейки, приготовленной по случаю Дня Благодарения. В конце концов, я мог гордиться и насладиться результатом тяжелого труда и отпраздновать в кругу близких. Но времени на семью никогда не хватало.

Ди Энтони присутствовал и там, я увидел специальный лимузин, который доставил его и Грега в итальянский ресторан в центре города. Меня и Карла отвезли на такси в отель. Мы не стали тогда ничего говорить по этому поводу. Мы оба так устали, что покой и тишина номера — всё, что нам требовалось. Кроме того, мы хотели быть в форме и на следующих концертах. Если Грег хочет угощать весь мир и того дядю, пусть будет так. Главное, чтобы на сцене он показывал весь свой профессионализм.

> Emerson, Lake and Palmer дадут концерты в лондонском павильоне 13, 14 и 15 декабря, знаменуя начало британского тура. Они дадут по два концерта каждый день. Павильон, находящийся в самом сердце

площади Пиккадилли — знаменитый концертный зал эпохи королевы Виктории и короля Эдуарда. Со временем он превратился в кинотеатр, концерты в нём не проводились с 1908 года! Говорят, он самый совершенный зал в плане акустики в Лондоне. Билеты поступят в продажу в 11 утра в субботу, 13 ноября в кассах театра Рэйнбоу в парке Финсбери.

New Musical Express, ноябрь 1971 г.

Я вернулся домой только к концу того успешного года. Всё, что я хотел, это поспать как Рип ван Винкль как минимум неделю. Но и на сон времени не хватало. Времени не было вообще, чтобы спокойно провести время. А вообще, хороший год был. Меня выбрали лучшим музыкантом и лучшим клавишником. Карл занял второе место после Джинджера Бейкера, а ELP — третье место после Rolling Stones и Led Zeppelin. Мы начали запись «*Trilogy*», на новый год были запланированы гастроли по Японии. Департамент, ведающий внутренними налогами, под протекцией правительства лейбористов бросил гнетущую тень на всё, что можно. Грег так прокомментировал ситуацию в интервью Крису Уэлчу: «Теперь мы попадаем под подоходный налог. Они хотят 81 процент, понимаешь? В течение десяти лет ты ничего не зарабатываешь и не будешь зарабатывать ещё лет десять. Они хотят забрать всё. Очень несправедливая налоговая система».

— Аарон! Папочка дома! — я слышал, как Элинор кричит в коридоре. — Подойди и скажи папе «Привет!

Папа слышал разговор, лёжа под одеялом, спрятавшись от солнечных лучей. Вдруг послышались шажки маленьких ножек. Папа приподнялся.

Для младенца это, должно быть, выглядело, словно лохнесское чудовище появилось из пучин морских после бурной ночи поглощения кораблей.

— Здравствуй, Аарон, — прокаркал я сиплым голосом, пытаясь размокнуть веки.

Аарон взглянул на меня и побежал обратно к подолу мамы.

Маленькая женщина с копной черных волос, похожий на гусарский кивер, вошла следом:

— Правильно! Я для вас приготовила завтрак. Вы что, целый день собираетесь спать?

Я выглянул из–под одеяла. Элинор просто молодец, пока эта леди будет у нас в доме, на утренний стояк мне не рассчитывать. (Предыдущая няня, хоть и миленькая, была уволена после пьяного, полного слёз, инцидента с моей женой, в котором она

глупо призналась в любви ко мне).

— Я не хочу завтракать, — я сказал командирше, и она вышла, хлопнув дверью.

— Элинор! — без ответа. — ЭЛИНОР! — Я окончательно проснулся. — Кто сейчас заходил сюда, черт возьми?!

— Наша новая няня. Она хорошо управляется с Аароном. Когда ты встанешь и позавтракаешь? Тогда она сможет сменить простыни.

— Ёлки–палки! Я никогда не завтракаю. Ты же знаешь это! Кроме того, я так часто менял часовые пояса, что мой организм не знает, когда ему срать.

В дальнейшем ситуация не улучшилась. Командирша жаловалась, если я приходил поздно или слишком рано или играл слишком громко или слишком рано.

Маленький Аарон решил проблему. Он стащил с неё парик во время кормления. «Оок, га! Ча ва вля?» — изрёк он, вцепившись в мохнатый предмет, как и все дети. Шиньон превратился в медвежонка.

— Оооо, — довольно бубнил Аарон.

— Оооо? — снова забубнил, а потом — Аааа! — увидев, как преобразился парик в руках няни.

Она сделала замечание в духе Юла Бриннера, только не из «Великолепной семёрки». Наверняка у неё таких штук семь… вряд ли великолепных.

Эмерсон победил в опросе музыкантов по версии *NME*, сообщила *New Musical Express* в 1971 г., *Melody Maker* заявила, что ELP победили почти везде, где возможно: «*Tarkus*» назван лучшим английским альбомом, ELP — лучшей группой, я и Карл признаны лучшими в своей категории.

Наше сценическое шоу было отработано до мелочей. Я предпочитаю такое определение термину «театральный», что подразумевает грим и пантомиму — вещи, над которыми группа шутила, но никогда не использовала. Мы хотели подчеркнуть музыку эффектами, потому что её трудно понять с первого прослушивания. Иногда случай или череда случаев достигали нужного эффекта. Надстройка к модулярной системе синтезатора — ленточный контроллер, издавал пулемётные звуки, когда изнашивался. Вместо того, чтобы его починить, я изображал пулемётчика на сцене.

Позднее Рокки улучшил визуальную составляющую с помощью языков пламени, вырывавшихся из стволов, прикреплённых ко дну контроллера. Железную отлитую форму, издававшую колокольный звон, Карл подвесил над собой и

звонил в неё, словно морской котик. Чтобы не отстать, Грег купил персидский ковер за десять тысяч фунтов. Он хотел восхвалять на сцене уют и преимущество гостиной, по крайней мере, он так вначале объяснял. Позже, он сменил на менее пафосное объяснение. Он получал удары током, играя на басе и прикасаясь к микрофону. Он велел своему роуди раздобыть резиновый коврик. Технику не удалось найти простой резиновый коврик, и он вернулся с более подходящей вещью для хозяина. Когда СМИ прознали об этом, то разнесли всем вокруг, что ELP представляют собой полную неумеренность.

16. Big in Japan [59]

Павильон на Пиккадилли представлял собой маленький кинотеатр, смотрящий сверху на статую Эроса. Он расположен прямо в центре площади и раньше в нём никогда не выступали рок–группы. EG Management здорово потрудились, потому что мы могли использовать величественный фасад здания, где зажгутся наши имена наряду с рекламой и театральными премьерами. Coca Cola, «*Мышеловка*» Агаты Кристи, Panasonic и мы — Emerson, Lake and Palmer. В Лондоне есть и другие места, типа Эрлс Корта, Олимпии или Уэмбли, но они считаются «сараями» из–за ужасной акустики и неудобных сидений. Павильон едва вмещает 800 мест, но счастливчики попадут в очень уютную обстановку.

Для нас, музыкантов, это словно попасть в маленькую пепельницу, обозреваемую со всех сторон. Любой желающий может нагнуться и вытащить нас со сцены пинцетом.

Играть два шоу в день три дня подряд непросто. Во время одного из них некто по имени Патрик Мораз умудрился миновать охрану и разыскать в лабиринте лестниц мою гримёрку. Он тогда никому не был известен. Патрик рассказал, что приехал в Лондон, чтобы найти работу и стать известным. Что ж, если он сумел пробраться ко мне, то однозначно пойдёт далеко.

Я смутно вспомнил, что встречал Патрика на концерте в Цюрихе. В баре отеля я играл на пианино, и Патрик присоединился ко мне. Меня тогда впечатлило его знание джазовых аккордов, и он очень хорошо импровизировал. А теперь он устроился в так называемой гримёрке и спрашивал, что делают сейчас Ли с Брайаном. Я расценил это как нежелательное вторжение в личное пространство. Но скрыл раздражение и старался вежливо отвечать на его вопросы. Насколько я знал, Ли собрал состав Jackson Heights, а Брайан — Every Which Way.

Я благополучно забыл данный эпизод, пока около года спустя мне не позвонил Ли. Он, Патрик и Брайан играли вместе. Они заключили контракт с компанией Тони Стрэттон–Смита, а теперь он спрашивал, могут ли они использовать имя The Nice? Я оценил тот факт, что Ли позвонил спросить моего разрешения. Он знал, что я лично зарегистрировал название, но всё же предпочел позвонить.

— Патрик — очень хороший музыкант. У него есть свой собственный стиль. Думаю, что это здорово, что вы играете вместе, но уверен, что Патрик не обрадуется, если его начнут вызывать играть «Рондо». Он наверняка захочет нечто другое.

На мою сентенцию ответа не последовало, а я, чуток помолчав, продолжил: «The Nice были, и всегда будут, тобой, Брайаном и мной». Подумав, я добавил и Дэйви.

— Ладно, — ответил Ли, не обратив внимание на упоминание Дэйви. — Я всего лишь хотел спросить. Наверное, мы возьмём другое название.

Мы положили трубки. Я ещё больше зауважал своего друга.

С неудовольствием я узнал позднее, что клавишник (Патрик) новой группы Ли Refugee покинул моих приятелей и присоединился к Yes. Ли с Брайаном буквально пришли на репетицию, чтобы увидеть, как всё оборудование Патрика исчезло. Никто их не осудит за то, что у них появится комплекс по поводу клавишников.

Ли и Брайан не заслуживали второго облома.

Тонкая бледная линия подчеркивала регулирующие ручки студийного пульта. Она не столько обозначала позиции регуляторов микшера, сколько микшировала позиции регуляторов. Такая же полоска пролегала у Грега под носом. Ему было весело, а музыка расплачивалась за это.

Композиции “Trilogy” требовалось соло в 6/8, сразу после слов Грега *«… and wake up with the sunshine pouring right down where you lay»* (просыпайся с лучами солнца, освещающими твоё ложе). Я подготовил одно такое соло, но когда дело дошло до записи, ничего не вышло. Около полуночи мини–муг был подключен, баланс сведен, место на дорожках выделено. Осцилляторы мини–муга оставались такими же чувствительными, склонными не соглашаться с выбранной вами тональностью или же изобретать новую гамму, от которой большинство восточных музыкантов сморщили бы нос.

Со второй попытки соло получилось и по настоянию Грега мы перешли к наложению фортепианной партии. До двух ночи всё было нормально, пока я не попросил прослушать записанное. В то время, как плёнка отматывалась, Грег и Эдди затянулись косячком, нюхнули разок, выпили по коньячку и наконец нажали на «Play». Я расслабился и начал с нетерпением слушать. Я хотел услышать вещь целиком во всём великолепии стерео–звука и ближе к соло был натянут, как струна. Вот оно! Я был так горд. Но вместо соло наступила тишина, ничего. Невероятно сложно описать, каково слышать *пустоту* в два часа ночи: ощущения несколько глубже, если бы вы слушали *пустоту* в два дня, когда на улице светло.

— А где соло?

— Ммм, должно быть где–то здесь. Подожди, — пробормотал

Эдди.

— Вы его, блять, грохнули, не так ли?

— Да ладно, сыграешь ещё одно, — сказал нерешительно Грег, как будто мы говорили о дюжине яиц из круглосуточного супермаркета.

— То соло — всем соло *соло*, ты понимаешь? — завопил я. — Если бы вы не обдолбались до усрачки, мы бы сейчас закончили альбом!

Лицо Эдди выражало нечто среднее между виной и отчаянием. Трансформация выражения лица усиливалась количеством принятого.

Ничего не оставалось, как делать новый дубль. Но в два утра ничто не заменит утерянное. Ничто, только принятие факта пустоты и подготовки к новому дублю. С ними спорить бесполезно, лучше согласиться. До сих пор я не могу спокойно слушать то соло. Полное *destifinado* — out of tune[60].

К началу 1972 года я прикупил положенный поп–звезде дом в сельской местности, игнорируя факт, что мне придется два часа добираться до основного места бизнеса — Лондона. Я приобрел коттедж раннего тюдорского периода в Уилдене, что в восточном Суссексе, с дубовыми балками и десятинным амбаром в придачу. Дом окружал сад в шесть с половиной акров, имелось четыре конюшни. Фасад довершал фарсовый сценарий. Сигары и прочее воспламеняющиеся, лучший коньяк из бокалов уотрефордского хрусталя, — натуральный помещик. Я пытался вести себя, как безупречный отец, муж, но безумно цеплялся за стог сена в этой глуши, приводившей меня в уныние. Ещё никогда на меня не наваливалось столько ответственности. Все случилось так быстро, что бутылка коньяка незаметно вползла в мою жизнь.

Приготовления Грега и Ди Энтони по заключению сделки практически завершились. Ди должен был стать нашим новым менеджером. Несмотря на наш с Карлом скептицизм, в целом картинка складывалась хорошо. Нам потребовалось время, чтобы увидеть в Ди некую привлекательную силу, несмотря на вздорный характер. Он мог найти лучшие контакты в трудные времена.

Тем временем, мой отец по–своему принял меры безопасности в окрестностях поместья, стреляя из духового ружья в белок, облюбовавших чердак. В четыре утра, он мог поклясться, они топотали как взвод пехоты по чердаку, обгладывая деревянные балки.

— Мне кажется я одну достал, — сказал отец возбужденно.

— Спасибо, папа! Но ты лучше не высовывайся, а то опять отправят на фронт.

Я купил мотоцикл. Такой, что надо. Нортон 750. Я слишком

часто падал с маленькой пятидесятикубовой Хонды Monkey Bike — всё, что могли видеть таксисты, когда я проезжал мимо них на двухколёсном чуде, так только макушку. Требовалась большая громкая машина, чтобы меня было видно издалека. По дороге от Ли Джексона, рисуясь на своём семьсотпятидесятом блестящем красавце, меня развернуло на 360 градусов по гололёду. Я ударился башкой об асфальт, не успев пожалеть о ненадетом шлеме. К сожалению, поздно было и подумать о том, что голова не обладает упругостью теннисного мячика на финале Уимблдона. Добрый парень вытащил байк из окна магазина, пригласил меня к себе в дом почиститься, глотнуть виски и доставил в больницу. Я воспользовался его гостеприимством, отказался от госпитализации и алкоголя, пока не глянул в зеркало и не увидел торчащую кость. Кость выглядело чудовищно белой, но пришлось заставить себя глядеть. Он торчала над правым глазом, как часть раковины, над которой я склонился. Лоб тоже был настолько бледным, будто его на неделю окунули в белила. Я глядел на… *я* глядел на *черепе*!

И тут меня озарила идея. Я практически глядел на машину! Пришлось принять добрую порцию виски, хоть и убив тем самым несколько клеток мозга, и добрый спаситель отвёз меня в больницу.

Единственный оставшийся хирург собирался на вечеринку. Он был одет в безукоризненную белую рубашку. С неохотой ему пришлось остаться и зашить меня. В какой–то момент показалось, что кто–то пошутил, забрызгав голову красными чернилами, пока до меня не дошло, что это моя кровь. Из проткнутой артерии на рубашку хлынула хорошая такая струя. Доктор ушёл, а я лежал и смотрел на кровавое шоу, пока не пришёл другой врач и не закончил работу.

Виски сработало великолепно, я выбрал наименее подходящий момент процедуры и спросил, какой будет шрам.

— Пока похоже на букву К, — ответил новый хирург безапелляционно.

— Прекрасно! Если подумать, можно сделать Е над другой бровью. Вам не сложно?

В утешение я решил записать сольный альбом, отдав дань уважения моим кумирам. Я всегда хотел записать классическую пьесу в стиле буги “Honky Tonk Train Blues” и через великолепного барабанщика Джона Хайзмена познакомился с не менее ярким аранжировщиком Нилом Ардли. Он согласился написать партии для джаз–оркестра из двадцати человек, используя в качестве примера старые пластинки на 78 оборотов в

минуту Боба Кросби и Боба Кэтса. И пока мы работали, то подумали, почему бы не записать что–нибудь еще? Правильно, почему бы и нет?

— Я люблю Паркера. Как насчет “Au Privave”? — предложил я.

Нил впечатлился. Он любил Птицу и за неделю смог вплести почти все темы Паркера в аранжировку “Au Privave”.

Нужно было записать ещё один трэк, чтобы деньги на студию не были потрачены впустую. Хайзмен предложил «Walter L», композицию Гэри Бёртона, я не возражал. Это был, в конце концов, блюз и огромное полотно для синтезатора.

Когда запись послушали в *Melody Maker* в марте 1972–го, то написали:

> “Honky Tonk Train Blues”, классика Мид Люкс Льюиса, кажется неправильным выбором для рок–звезды и джаз–оркестра.
>
> Но комбинация пьесы, музыканта и бэнда в результате дала нам прыгающий опус безудержного веселья; всего лишь одно из удовольствий в багаже первого сольного альбома Кита Эмерсона.
>
> Умелая игра Кита на клавишных и динамичная мощь New Jazz Orchestra, а также искрометные барабаны Джона Хайзмена вызвали бурное веселье в студии Olympic на прошлой неделе…

Я отложил на время соло–проект. «*Trilogy*» тоже заразилась рэгтаймом, благодаря композиции “The Sheriff”, “Abbadon's Bolero” представляло собой полную противоположность.

Мы репетировали, когда я настроил три осциллятора синтезатора в терцию и выдал идею. Я попросил Карла сыграть ритм болеро в четыре четверти, а не как у Равеля в шесть восьмых. Грег, довольный тем, что четвертый альбом практически в кармане, вступил чуть позднее и смеялся с Карлом, подражая Бродерику Кроуфорду в телесериале «*Шоссейный патруль*»: «Оставьте свою кровь в Красном кресте, а не на шоссе».

Да! Смешно, подумал я, но тут что–то есть. Я решил сделать аранжировку, основываясь на оркестровке «Болеро» Равеля.

«*Trilogy*» вышла в июле, а Грег как обычно не горел желанием исполнять её на сцене. Какое–то время мы играли “The Endless Enigma” целиком, нам вежливо аплодировали, пока он не поставил на ней крест, апеллируя, что она не идет так же хорошо, как наш обычный материал. Я протестовал и пытался убедить его, что наш «обычный материал» стал таковым посредством последовательного живого исполнения. “Trilogy” не самая лёгкая

пьеса для концертов, но я надеялся, что нежелание вызвано не страхом неспособности сыграть её живьем. Я и Карл любили принимать вызов, а Грег не всегда был доволен.

На каждом концерте освещение было неправильным, мониторы слишком громкими или слишком тихими. Может, сменить тональность, чтобы пелось легче? Несмотря на все протесты, “Trilogy” из шоу убрали.

Намёки на моё недовольство заметила пресса, хоть мы и тактично пытались рассеивать слухи о распаде. Они сделали своё дело, подразумевая, что один из музыкантов планирует сольный альбом и говорит остальным «Прощайте». Слухи о расколе Эмерсона, Лейка и Палмера, а также принятии нового участника доставило группе «большое удовольствие и развлечение». Марк позвонил в *NME*: «Эй, вы чего? Распад? Группа счастлива, как никогда!»

Тогда было престижно работать с американским менеджером (особенно сварливым, который, как я надеялся, смог бы приструнить бас–гитариста). Настоящий престиж пришёл из Atlantic Records, которая предложила нам глобальный контракт.

Это произошло в начале семьдесят второго, когда очень скромный и тихий джентльмен появился в жизни ELP. Главным образом мы его выбрали за то, что он являлся дипломированным бухгалтером — наследство, переданное от его отца, Харри Янга, человека, которого ELP трепетно любили и уважали.

Сын Харри, Стюарт Янг, дабы самому стать менеджером, написал 2 мая 1972 года Ахмету Эртегюну, президенту Atlantic Records:

> Уважаемый Ахмет,
>
> я бы хотел поблагодарить Вас и вашу компанию за щедрость и гостеприимство во время моего пребывания в Нью–Йорке.
>
> Касательно обсуждений по поводу глобального контракта с ELP, то после долгих раздумий решил остался при мнении, что ваше предложение не соответствует их статусу и будущему. По этой причине и с глубочайшим сожалением я должен продолжить переговоры с другими звукозаписывающими компаниями, результаты которых меня вполне удовлетворяют.
>
> Тем не менее, из–за отношения ребят к вам, я не стану заключать контракт с другой компанией до того, как вы официально откажетесь. Если у вас будут какие–

либо замечания или предложения, пожалуйста свяжитесь с Алланом Арроу или Джоном Гроссом, отвечающих по данному вопросу; они полностью в курсе происходящего.

С наилучшими пожеланиями,

искренне ваш,

Стюарт Янг

Если Стюарт и производил впечатление застенчивого малого, даже стеснительного, в бизнесе он был поразительно агрессивным.

Такой поворот событий произвел на нас впечатление, и мы даже заговорили о формировании собственного лейбла, который не только выпускал наши пластинки, но и других перспективных групп, играющих похожую музыку. Например, коллективов типа PFM и Banco из Италии. Atlantic подождет со своим контрактом, пока Стюарт не освоится в мире рок–н–ролла, разъезжая по гастролями с такими, как ELP.

И хотя мы находились в английском топе, выигрывая почти каждую музыкальную награду, я не чувствовал себя уютно. «*Картинки с выставки*» номинировалась на Грэмми в категории «Лучшее инструментальное исполнение с вокалом в области поп–музыки, рока и фолка», но я с любовью вспоминал поездки с The Nice в видавшем виде фургоне на север Англии, чтобы играть в мрачных и замызганных клубах. Я скучал по тем временам, хотя и летал по миру первым классом, играл на забитых до отказа стадионах, жил в пятизвёздочных отелях. Это однозначно не было блюзом. После очередной рюмки коньяка я становился полным пофигистом.

Джерри Гудмен, скрипач из Mahavishnu Orchestra назовёт меня «мистер Курвуазье»[61], когда мы вместе выступали на фестивале Mar Y Sol в Пуэрто Рико. Жизнь в дороге предсказуемо превратилась в сплошные мужские забавы.

Глотать из бутылки круто, даже на сцене. Только рок–звезда может позволить себе это, наряду с игнорированием брака, родителей, прошлого; упоминать будущее не считалось крутым. В моменты неясности и даже полной ясности бутылка коньяка прочно заняло место в моей жизни, как на сцене, так и за её пределами. Бутылка на сцене стала частью моего арсенала. Я никогда не отрицал её существование, она была там, и всё. Она вызывала аплодисменты, когда в середине соло на фортепиано, играя левой рукой остинато, я протягивал руку и делал глоток прямо из горла. В моменты творческого подъёма «мистер Курвуазье» иногда появлялся, иногда нет, но я никогда–никогда

не отменял концерт из–за подпития или похмелья! Такая привилегия, если можно так назвать, оставлялась только на частные случаи. Если я когда–либо и чувствовал себя виноватым, то только из–за дряни, что я ел, но никак не из–за пития.

В середине американского тура, в начале 72–го, я решил стать вегетарианцем. Первые дни я чувствовал себя в приподнятом настроении, лучше думал, особенно в импровизациях. Но когда дёсны разбухли, меня никто не мог убедить, что подобная реакция типична для тех, кто прекратил есть мясо. «Это токсины выходят из тебя», — кто–то сказал. Я мог глотать только суп.

— Вот, наложи на дёсны, — расщедрился Грег, протягивая пол–грамма кокаина. — он является природным анестетиком.

Был ли кокаин с примесями или нет, я не могу сказать. Всё, что я знал, так это, что у меня теперь не только разбухшие дёсны, но и язвы в горле, я не мог глотать, даже суп. Я слабел от недостатка питания, и в конце концов в Дэйтоне, штат Огайо, позвонил на ресепшн отеля с просьбой прислать доктора.

— Зачем вы хотите стать вегетарианцем? — спросил доктор. — Примите болеутоляющее и закажите приличный завтрак.

Я взял таблетки и заказал яйца, бекон и сосиски, чувствуя себя неудачником в деле *приверженности* к здоровой пище. Удивительно, как хорошо еда пошла и как вкусно после двух недель кроличьей пищи; но я почувствовал себя несколько странно. Внизу нас ожидал лимузин, чтобы доставить в аэропорт. Я уселся рядом с водителем. Пока мы ехали, я смутно чувствовал, что позади сидит Грег, но тело отказывалось двигаться. Когда мы въехали в зону отправления аэропорта Дэйтона, чтобы лететь в Чикаго, я был парализован. После того, как все вышли, мне удалось сказать о проблеме Грегу. Подкатили кресло–каталку, меня пересадили на неё и бесцеремонно повезли к самолёту на глазах у других пассажиров, как ещё одну жертву рок–н–ролла.

По прилёту в Чикаго лучше не стало. Лежа на кровати в номере отеля, я со слезами на глазах сообщил тур–менеджеру, что не смогу играть сегодня. Тут же примчался Ди Энтони.

— Давай, ты сможешь! Они тебя ждут. Зал забит до отказа.

— Нет, нет. Я не могу двигаться.

— Послушай, — сказал Ди и выдал ободряющую речь, будто Тамба Бэй может выйти и побить Даллас.

— Но я не могу двигаться.

Ди не слушал.

Сценарий напоминал воспроизведение оригинального фильма «*Звезда родилась*»[62].

— Тебе и *не надо* двигаться, — в конце концов решил Ди, делая ударение на «не надо». — Мы вынесем тебя на сцену и посадим за пианино. Нет проблем! Они любят тебя!

В бессилии я ждал выхода за кулисами. Действие обезболивающих притупило чувство стыда, что внесут меня или унесут со сцены. Выход объявили и, обхватив помощников обеими руками, я выполз на сцену, словно зомби. Оживляющий эффект благодарной аудитории помог сыграть ноты как требуется. Они могут, и делают, чудеса, как в этот раз. Мы сыграли необычный концерт.

В том году аншлагов было немерянно. Среди них — Поконос (горы в США — при. пер.), штат Пенсильвания, где мы продолжили укреплять репутацию, сметая на пути других, например Рода Стюарта и Faces. Организаторы установили две сцены, чтобы не задерживать выступления. ELP пожелали выйти перед Родом, которого посетила та же идея, но мы выскочили раньше, чем толстый туман окутал горы. Как только мы начали играть, Род и Faces заиграли на другой сцене. Промоутеры и менеджеры впали в замешательство, выясняя, кто должен идти на сцену первым. Бригада ELP просто сделала громче звук и продолжила своё дело перед великолепной аудиторией, а за сценой развернулась баталия между менеджерами. Между тем, туман становился гуще и гуще. Люди на камчатке с трудом видели сцену, несмотря на мощные прожектора, и мы предложили им подойти поближе и сесть рядом со сценой. Мы здорово отыграли и покинули сцену под град аплодисментов и впечатляющий фейерверк.

Когда я был за кулисами, барабанщик Faces Кенни Джонс врезался мне в плечо и сказал: «Мы вас отымеем». Я глянул на густую завесу в воздухе, окутавшую сцену целиком, улыбнулся и ответил: «Удачи! Надеюсь, они увидят, как вы это делаете».

Подъехали лимузины, чтобы отвезти нас в Нью–Йорк, но я не мог не справиться, как там поживают Род и Faces. Конечно, ничего не было видно, потому что их окутал туман плюс дым от наших фейерверков, но хотя бы было слышно. С довольной улыбкой на лице, я пытался смотреть из–за кулис, в то время как в дымке Род должен был показать всё своё умение. Для Рода самым важным являлась видимость. Он должен иметь контакт с залом, флиртуя с передними рядами. В этот раз не сработало, так как никто его не видел, что для меня было только плюсом. В сравнении с ним, ELP никогда осознанно не вели себя подобным образом. Разве что, только случайно. Чтобы оценить блеск группы, не обязательно её видеть. Можно закрыть глаза, кайфануть и позволить музыке завладеть тобой.

Водитель моего лимузина попытался завладеть моим вниманием: «Мистер Эмерсон, мы должны ехать. Курвуазье ждёт вас внутри».

Я последовал за ним и по дороге в Нью–Йорк смеялся, смеялся и смеялся… Лучшая месть — жить в достатке, а я был в порядке!

Восток манил и притягивал. Страна восходящего Солнца. Единственная западная группа, прежде выступавшая там, насколько мы знали — Pink Floyd[63]. Мы не могли скрыть волнения перед возможностью слетать на другую часть мира и сыграть перед представителями культуры, которую мы видели только в журнале *National Geographic*. Был арендовали частный чартерный рейс для группы с персоналом, восьми тонн оборудования и команде журналистов. Поскольку мы имели, по крайней мере мы так думали, несколько свободных дней перед всего двумя концертами — один в Токио, второй в Осаке, — я решил взять собой на неделю Элинор, оставив Аарона на попечение родителей.

— Добро пожаловать на Ниппон Эйрвэйз! — сказал Карл. — Сначала ничего нипон–ятно, зато через 15 часов, если повезёт, всё нипон–чём.

Загружаемся в самолёт, с первой минуты закатывается гигантская вечеринка, стюардессы раздают литрами национальный алкогольный напиток — саке. Элинор, хлопнув тёплой и невинно выглядящей на первый взгляд жидкости, пока играла с Грегом в шахматы, так набралась, что её пришлось оставить в самолёте, когда мы сели на дозаправку в Анкоридже, штат Аляска. А сами отправились смотреть на эскимосские танцы в зале ожидания местного аэропорта, украшенного чучелами белых медведей. Под одним мы прочли следующую надпись: «Его голова — сплошной рубец, показывающий агрессию по отношению к подобным и таким, как грозные моржи. Только человеческое ружье смогло лишить его жизни, и он не отступил перед вооруженным до зубов взводом. Китовый жир вытекал у него из пасти целых двадцать минут с момента последнего вздоха».

— Неплохо, старик, — в голосе журналиста/издателя Кита Олтэма слышались нотки раздражения и сарказма.

— Прикольное место, однако, — подтвердил Грег. — Нужно подумать о концертах здесь, не ради заработка, но за трёх живых медведей в качестве оплаты, которых можно отдать в заповедник или просто отпустить на природу.

Договорившись снова вернуться к теме, мы вернулись в

самолёт.

Полёт над льдами казался бесконечным, мы развлекались, как могли: читали, слушали магнитофон… пили. Наконец, на горизонте появилась Фудзияма, выглянувшая из пушистых облаков, подсвеченная с одного бока лучами послеобеденного солнца. При снижении я пошел в кабину пилотов, это было незабываемое впечатление. Страна Восходящего Солнца медленно возникала перед нами.

В поездку мы взяли много хрупких вещей. В одной руке я нёс новенький портативный магнитофон, в другой — сумку с кассетами, на которые дома переписал несколько любимых альбомов. В зале прилётов ощущалось явное возбуждение.

— Я думаю, они ожидают Фрэнка Синатру, — пошутил Олтэм.

Паспортный контроль пройден, тёмные двери раскрылись, и мы словно вошли на арену гладиаторов. Я видел фрагменты концерта The Beatles на стадионе Ши, но то, что ожидало нас, не шло ни в какое сравнение. *Melody Maker* сообщала:

> В долю секунды ELP попали в лавину. Бледный, охваченный паникой Эмерсон пытался сохранить магнитофон. «Возьми его себе, ради всего святого», — орал он кому–то, протягивая агрегат, а сам в поисках укрытия нырнул куда–то.

В аэропорту насчитали около тысячи вопящих японок, желавших нас. После пятнадцати часов в пути без сна, когда нервы на пределе, в панику впасть легко, и мы бросились врассыпную в разные стороны. Совершенно непонятно, проявляет встречающая делегация гостеприимство или они просто в восторге видеть нас. Никто из нас ничего не мог разобрать. Мы находились в незнакомой стране, с таинственными культурой и языком.

Мне удалось выбраться на улицу, потеряв из виду Элинор, но вскоре я успокоился, узрев, что о ней позаботился кто–то из персонала. Ныряя, как пингвин, я увидел автобус с дорожными рабочими в касках, готовящихся к вечерней смене. Я запрыгнул к ним, скрываясь от преследователей. Блин, вы бы видели их лица! Во–первых, средний рост японцев составляет примерно 170 см, они все черноволосые. Я не самый высокий английский парень, но даже если мои 1,80 м не удивили их, то длинные светлые волосы и черная кожаная куртка точно должны.

За исключением приветственной процессии японцы как–то странно показывают удивление и другие эмоции. Обычно они сдержанны, но раскрываются в самый неожиданный момент. Я это

быстро понял. Когда я запрыгнул в рабочий автобус, они видимо решили не думать о моём появлении, принимая меня за избранного, достигшего недоступные им высоты.

— Привет! Очень рад оказаться в вашей прекрасной стране. Может кто–нибудь одолжить каску?

Они смотрели назад. Я выглянул из окна, обеспокоенный, куда все делись. Автобус двигался по направлению к участку работ.

Чуваки, я подумал, что… это… классическая ситуация. Наконец–то я «Чужак в стране чужой»[64].

Мои новые коллеги, из вежливости предоставили мне свободного места больше, чем требуется, пока я с нетерпением высматривал через окно своих. Мимо пронёсся лимузин с Грегом, курящим на заднем сидении.

«Козёл!» — прошептал я, ощущая несвежее дыхание после 15–часового перелёта. Но когда перед выездом из аэропорта автобус притормозил, я увидел следующий лимузин и спрыгнул с автобуса, покинув новых сослуживцев, наскоро помахав им на прощанье. Я упал почти перед носом лимузина, чтобы он остановился, и залез внутрь.

Чудесным образом, там оказался Крис Уэлч. Он сохранил мои кассеты и магнитофон, но, отдышавшись, я обнаружил, что с кисти исчез бирюзовый браслет. И хотя я не любитель носить украшения, я питал особую слабость к этой штуке, потому что мог играть с браслетом на руке.

В холле токийского Хилтона я встретил Элинор. Я был неприятно удивлен, как по западному выглядело вокруг. Но вселившись в номер и просмотрев меню, я ещё больше впал в депрессию. Мы пересекли пол–мира, чтобы увидеть американский пейзаж? Я ожидал увидеть соблазнительные названия японских блюд. Что–то типа хлопья–оригами или хотя бы восхитительные карликовые фрукты рядом с бананами. Вместо этого меню предлагало гамбургеры и сандвичи с беконом. Япония должна быть более экзотичной!

Ди Энтони не смог поехать с нами, потому что у него не было японской визы. Зато его семидесятилетний отец имел doo wah diddy, и хотя у сына была doo wah diddy, diddy dum dum, но без визы никак.

Вскоре мы узнали, что неделя перед концертами расписана встречами и интервью буквально с заселения в отель.

— Щито вы думаете о пуриеме в аэропоруте? — спросил первый радио–интервьюер.

— Несколько сверх меры, — мой ответ. — Я расстроен потерей любимого браслета в давке.

— Ха, так?

Утром следующего дня на стойке администратора оставили посылку с запиской: «Дорогой Эмерсон–сан, так жаль. Весь были рады увидеть Вас впервое. Пожалуйста извините. Я схватила Вашу руку, а браслет слетел. Не подумайте плохо о японцах. С любовью Йоко.». Внутри лежал браслет. Я был тронут. Я предложил награду и, конечно, позвонило с тысячу девушек по имени Йоко.

Я переехал с Элинор, как нам пообещали, в настоящий японский отель. С меню, полным кулинарных изысков, и меблировкой для лилипутов. Мне это напомнило о второй комнате в Эрлс–корте, с матрасом на полу, только более фешенебельной и дорогой. Мы заполнили форму заказа завтрака (два японских завтрака на 9:00) и повесили её на дверь перед тем, как улечься на отдельные раскладушки. Пять часов спустя завтрак подали; я в это время принимал душ. Надев кимоно, я приступил к удовлетворению кулинарного любопытства: что за восточная тайна находится под крышками.

Рыба?!

Это должно быть, какая–то ошибка. Я заказал завтрак, а не ужин.

Я позвонил обслуживающему персоналу только для того, чтобы узнать, что то, что я заказал — на самом деле завтрак. Рыба.

На повестке дня значилось гораздо больше встреч и визитов, чем мне казалось достаточным. Бейсбольные матчи, посещение завода Sony, театр Кабуки. Я использовал отвлекающую тактику и смылся от Элинор под предлогом встречи на заводе Sony. На самом деле мы с несколькими журналистами отправились в японскую баню. Подрывная информация просочилась наружу. Пройти мимо историй о мыльных матрасах с податливыми японками, копошащимися между ног невероятно трудно.

На самом деле баня оказалась оздоравливающей процедурой. Я сидел в ванне и чистил зубы свежей щеткой. В это время накачивали матрас и покрывали его пеной, а мы сидели в закрытой комнате для ВИП–гостей смотрели на водопад. Это был не лучший оргазм в моей жизни, но надо было ответить вежливость на усилия, которые приложила девушка.

Один из журналистов был уязвлён. «После того, как она сделала дело, то вылила ведро воды на меня, чтобы всё смыть. Я чувствовал себя полной неряхой!»

В Англии я купил фляжку для коньяка, но в Японии был разочарован его стоимостью. Вместо этого, я залил туда саке, которое сопровождало меня во время бесчисленных визитов и интервью. Длинный день подходил к концу, и я сделал несколько

глотков, думая, что интервью закончились.

— Осталось ещё одно интервью на радио и всё, — сообщил тур–менеджер.

— О Господи! Чё ты не сказал раньше? — заныл я.

Мы приехали на радио–станцию, поднялись на лифте и вошли в комнату, полную школьников.

— А чё эта они тут делают? — пробормотал я и глотнул жидкости.

Переводчик тихо сказал, что здесь собрались дети из близлежащей школы, они жаждут задать Эмерсон–сану много вопросов.

Я старался, как мог. Вскоре я заметил, что дети кивают в сторону рояля в углу комнаты и выжидательно улыбаются мне. Когда они уразумели, что я намёка не понял, переводчик прошептал: «Эмерсон–сан, вы доставите детям большую радость, если сыграете».

— Пожалуй, нет. Пусть зададут ещё вопросы.

Когда стало очевидно, что выбора нет, я кое–как встал на ноги и, пошатываясь, пошел к роялю под громкие аплодисменты.

— Вы бы не могли сыграть “*London Bridge Is Falling Down*”[65]? Дети обрадуются, если вы сыграете эту пьесу, — кто–то осторожно прошептал мне на ухо.

«Какого дьявола они хотят именно её?» — подумал я. Вряд ли они не слышали больше ничего из западной музыки?

— Нет, я не хочу играть этот мусор, — ответил я и без колебаний начал играть «Фугу» Гульды.

«London Bridge is falling down, falling down, falling down…» (Лондонский мост падает, падает, падает) — дети радостно пели позади неадекватного контрапунктиста.

Какого черта они озабоченны «Лондонским мостом»?

Тем временем, я тоже падал — медленно, но верно.

«Фугу» Гульды сложно играть даже трезвым. Пьяным — невозможно. Особенно с толпой японских школьников, отвлекающих настойчивым пением глупой английской детской считалки.

К тому времени, левая рука абсолютно не понимала, что делает правая, и в какой–то момент решила аккомпанировать детям. После этого никакой надежды воссоединить обе руки и закончить пьесу не осталось.

Я поднялся и поклонился смущенным детям, прежде чем поковылял по направлению к лифту.

— Ты говнюк! — заявил тур–менеджер. — Они неделю разучивали “London Bridge”.

— А никто меня, нафиг, не предупредил.

Я чувствовал себя плохо, но смог выпалить: «Теперь они знают другую версию “London Bridge”. Она их запутает. Пусть знают, черти, как копировать английские мотоциклы».

Следующим пунктом программы было посещение театра Кабуки. Оказалось чем–то похоже на традиционный английский шекспировский театр. Мне почудилось, что японцы сами с трудом понимают, что происходит на сцене. Поход выдался от этого более–менее интересным.

— Что делают парни в черном одеянии ниндзя, бегая кругами позади главного героя? — спросил Грег, который проявил наибольший интерес и был в курсе лучше, чем остальные.

— Они — Куроко, Тени. Вам не нужно замечать их. Типа роуди.

— Даже так? — удивился я, надеясь, что Грегу не придёт в голову одеть наших техников во что–то подобное.

Я огляделся. Большая часть народа плакала! Непонятно, плакали они по поводу ребят, которых не нужно видеть, или которого нужно… того, что был добротно связан и издавал стоны. Может быть, Куроко неловко натянули ему нижнее бельё?

Затем мы в полном составе прошли за сцену, чтобы встретиться с Национальным достоянием Японии — Томасбурой.

По японской традиции нужно обменяться подарками. К счастью у нас было несколько пластинок.

Алое потрясающее кимоно, тщательно причесанный черный парик украшен тиарой, на лице классический белый грим — Томасбура прижал губы и глаза к белому кусочку шелка, написал на нём своё имя, для большего эффекта поставил личную печать, а затем передал его Грегу.

К сожалению, через несколько лет у Томасбуры возникнут проблемы после употребления *фугу*, что–то вроде русской рулеткой с суши.

Каждый раз возвращаясь в отель нас встречала орда молоденьких девушек с подарками. У меня накопилось множество артефактов, японских вееров и вещей, назначение которых я с трудом понимал. Одна из девочек сумела отличиться, подарив бутылку коньяка. Ей для этого, наверно пришлось продать машину отца. Во время бесконечных приходов и уходов в холле отеля я заметил хрупкую куколку, слишком стеснительную, чтобы выйти из общей толпы. У неё было более выраженное лицо, когда можно было его разглядеть — она всегда стояла за спинами команды. Когда нам удалось наконец повстречаться глазами, произошла вспышка, её головка заговорщически склонилась. На память пришла песня Гэри Пакета и его Union Gaps: «*Young girl, get out of my mind, Your love for me…*» (Девочка, прочь из моей головы,

твоя любовь ко мне…).

Нас пригласил к себе в студию видный японский дизайнер одежды. Я не горел желанием, но предложение сильно заинтересовало Элинор. Мне вполне комфортно игралось в экспериментальном космическом костюме и высоким сапогах, пока я не встретил Кансаи Ямамото! Он гордился своей родословной — его дед, адмирал Ямамото сыграл значительную роль на Тихом океане во время Второй мировой войны. Но в большей степени, и заслуженно, он гордился дизайнерскими разработками, а теперь раздумывал, как сделать их пригодными для арены рок–н–ролла. Большая часть его творений основана на японской истории, когда сёгуны и самураи бродили по стране. Там были плащи–накидки, удивительные раскрашенные вручную пиджаки и куртки, в частности, многослойный жакет из какого–то серого винила, обладатель которого становился похожим на броненосца. Элинор влюбилась в черный топ, украшенный японскими иероглифами, я его купил. Он ей подошёл идеально. Вскоре выяснилось — когда я покупал самурайский меч — если она надевала топ, такси на улицах Токио останавливались как вкопанные. Переводчик сообщил, что на топе написано «Японская мафия».

Я вернулся с тонной потенциального сценического одеяния, включая «броненосную» куртку, и обзавёлся новым другом — Кансаи Ямамомто!

Элинор улетела в Англию.

Наступил день концерта, мы въехали на бейсбольный стадион Коракуен на саунд–чек. Первой должна играть группа Free. Нас предупреждали, что вблизи берега проходит тайфун, который может вызвать проблемы. Сырость сразу же отразилась на осцилляторах синтезатора: держать последнюю ноту долго невозможно. Я попросил организаторов найти технического специалиста, а пока пришлось установить монолит в проветриваемом помещении. Появилось восемь техников. Они никогда не видели подобного оборудования.

— Что он должен делать? — спросил переводчик.

— Ну, когда я делаю так, — я нажал на клавишу, — он должен звучать УИИоу, ХИИоУ, но не бесконечное ХИИИИИИИИООООУ.

Восемь японских лиц уставились на меня с врожденной вежливостью, как ребёнок смотрит на взрослого. Этот человек с другого мира намеренно коверкает их язык?

Один из восьми горе–техников смело шагнул вперёд, почти как шимпанзе из «*Одиссеи 2001*» Кубрика, подойдя к монолиту с опасением, что он может сжечь его. Он осторожно дотронулся до

него, издав низкие рычащие звуки, похожие на те, что я слышал в театре Кабуки.

— Ооооо, чикусё! Хааа, кораи уа нан десука.

Я посмотрел на переводчика, надеясь, что что–нибудь случится. Он лишь покачал головой. Никто из этих восьми техников ничего подобного не видели. Сегодня картина полностью противоположная: Korg монополизировал рынок синтезаторов.

В одном из бункеров стадиона я нашел телефон и позвонил Бобу Мугу в Буффало, штат Нью–Йорк. По голосу было ясно, что он спал.

— Привет, Боб! Извини, что разбудил. Это Кит звонит из Японии. Какой там у вас час?

Раздался шаркающий звук: «Ааа, незнаю… темно. Погоди, я включу свет. Ого! Четыре утра».

— Извини, Боб, но проблема серьёзная, — я объяснил суть дела.

— Ленточный контроллер включён?

— Да.

— Вытащи его. Он, вероятно, замыкает схему.

— Спасибо, дружище. Извини ещё раз.

— Все нормально. Удачи, где бы ты ни был.

Живой Муг отправился спать, а его изобретение вытащили из укрытия и поставили на другое место, накрыв полиэтиленом. Всё успели сделать до того, как ворвется толпа. Небо выглядело угрожающим.

Пока Free играли свою программу, я периодически проверял состояние осцилляторов. Дела обстояли не хорошо, несмотря на выполенные инструкций Боба. Проблему можно решить единственным способом: сыграть линию на синтезаторе и выключить звук. Когда нужно сыграть снова, нужно как–то его включить, но руки–то заняты.

Назвать наше выступление ужасом в ночи было бы оскорблением к самой ночи, хорошо хоть небо не обрушилось. Дождь прекратился, но казалось, что кто–то играется с затычкой в небе, когда мы начали вступление «Hoedown». Самый важный звук синтезатора, объявляющий классическую тему Копланда, просто не вышел. Три минуты «Таркуса» — и новый ливень. По мановению палочки раскрылись тысячи зонтиков. Промокшие до нитки, мы продолжали играть, а обслуживающая бригада изо всех сил старалась оградить нас от дождя. Необычно видеть, как твои пальцы создают брызги в лужицах, появляющихся на клавишах. Я глянул на Карла. От его установки летело столько брызг, что создавалось впечатление, будто огромный грузовик несётся по

залитому дождем шоссе. Грег наяривал себе, его белый кожаный пиджак впитывал воду. По какой–то экстраординарной причине расстояние между нами и публикой было слишком большим, но мы слышали, как нарастает возбуждение и сами вдохновлялись. Наконец, в «Рондо» я стал размахивать самурайским мечом и вбивать его между клавиш. Лёжа на спине в луже, я опрокинул вольты на себя и заиграл ими задом наперёд.

Толпа взорвалась, будто их кумир совершил хоум–ран.

По дороге в отель я успел разболеться, водителю даже пришлось съехать на обочину. Я ничего не ел полтора дня, так что блевать было не чем, к облегчению водителя. Обычно я весил около шестидесяти килограмм, но сейчас сильно похудел. Карл без сил упал у себя в номере.

Кое–как придя в себя, мы сели на сверхскоростной поезд и поехали в Осаку на последний концерт. С самого начала, место — ещё один бейсбольный стадион — выглядело проблематичным. Сцена располагалась в центре и между нами и аудиторией расстояние было таким большим, что мы должны выглядеть как муравьи в травке. Не было никакого способа избежать затаптывания травы публикой на поле. Шнур ленточного контроллера несколько удлинили для меня, чтобы я мог бегать по огромному пространству перед сценой, спрыгнув со сцены и играя на синтезаторе. Но когда пришло время, я побежал чуть дальше, чем позволял шнур, и он отсоединился. Жалкое зрелище, должно быть, смотреть, как я беззвучно бегу обратно к сцене.

Но то была самая мелкая проблема. В середине соло в «Рондо» я увидел, как кто–то перепрыгнул ограду и за ним последовали остальные. В результате массового набега, похожего на стадо бизонов пришлось запрыгнуть на орган, расставить руки в бесполезной попытке угомонить людей. Первые, кто смог добраться до сцены, были растоптаны следующими за ними или специально использовались как ступеньки. Полиция Осаки жестоко разбиралась с детишками повсюду: в центре, слева и справа. Один из наших парней начал помогать полиции, орудуя тяжелыми ботинками. Завтра он полетит домой! Я всё ещё пытался успокоить людей, но полиция совершила самую грубую ошибку, вырубив электричество. Угомонить аудиторию через звуковую систему не представлялось возможным.

Единственный человек, кто мог издавать звуки, был Карл. Он послушно затянул самое длинное соло всей жизни, а нам с Грегом ничего не оставалось, как скрыться в грим–уборных и умолять персонал прекратить беспредел, учиненный полицией. Следующее, что я помню, как меня подняли два здоровых охранника и запихнули с Грегом кучей в лимузин. Только спустя

три километра мы приоткрыли окно. До сих пор было слышно соло Карла.

Ты знаешь, он чертовски хороший барабанщик, — отметил Грег. — Послушай–ка! Никаких усилителей, мы за три километра, а засранца до сих пор слышно.

И вот мы с Грегом валяемся в джакузи.

— Интересно, что там с Карлом.

— Не знаю. Наверно, снимает майку перед тем, как ударить в гонг.

Час спустя изнурённый барабанщик вломился в двери джакузи.

— Уроды! Я намекал вам, когда вернуться, а вы взяли и смылись! И что я вижу? Вы трещите в джакузи!

— Ладно тебе! Хочешь к нам?

Японская пресса требовала объяснений неумышленного побега. Пресс–конференцию устроили в Токио. Грег руководил процессом как истинный дипломат. В общем, он обвинил полицию Осаки в учинении беспредела и отключении электричества. Если бы электроэнергию оставили, мы бы смогли предотвратить свалку, продолжая играть. Пресса послушно записала слова в блокноты, издавая шумы в стиле Кабуки.

Грег с Карлом уехали из Японии, чтобы подготовиться к американским концертам, а я позвонил Кансаи.

— Почту за честь принять тебя у себя дома. Я пришлю лимузин в 6 30.

Наконец он появился. По воле случая в холле дежурила толпа фанатов, и она снова была там. На том же месте, за спинами остальных. Кансаи заметил мой интерес.

— Нравится?

— Ммм… да.

— Один момент.

И он вылез из лимузина и нырнул в толпу.

Вскоре он вернулся.

— Все нормально. Она будет меня дома.

Когда девочка приехала, я заколебался. Я не мог привыкнуть к почти рабскому поведению жены Кансаи на кухне, а эта маленькая девочка безмолвно сидела на краешке скамейки. Подали к столу, и пока мы с Кансаи ели, девочка сидела на кухне. По окончании вечера Кансаи, заговорщически подмигнув мне, дал указания водителю доставить нас к дверям отеля. Он сделал это так, словно у бедной девочки не оставалось иного выбора. Когда мы добрались до отеля, дежурящая «банда» ушла, и я тихонько провёл её до лифта. В комнате она уселась на кромку кровати, я уже лежал под одеялом. Она не понимала по–

английски, я — по–японски. Она глядела в пол. Я похлопал по свободному месту рядом с собой, чтобы она поняла намёк. Этого не случилось, пока я не выключил свет, и только тогда она забралась под одеяло.

— Юнгфрау, — прошептала она.

— Что?

— Юнгфрау… я — девственница.

Я сначала решил отказаться от затеи, но отступать было поздно. Надеюсь, ей не было больно.

Настало утро, девочка запаниковала. Если её друзья увидят, как она выходит из моего номера, то убьют её. Она постаралась объяснить, чтобы я не смотрел прямо на неё, когда они приедут в аэропорт попрощаться. И выйдя в коридор, направилась в сторону запасной лестницы. Она ушла. Я стал собирать чемоданы, стараясь не смотреть на окровавленную простыню.

И вот я сажусь в самолёт, она снова там, за спинами остальных.

У этой истории есть продолжение.

В 1990–м я выступал в Токио с The Best. Как обычно, меня задарили подарками. По какой–то причине — сам не пойму, почему — я позвонил, чтобы поблагодарить отправителя одного конкретного изумительного цветочного ансамбля. Она сказал, что завтра придет в отель, можно ли ей подойти и поздороваться? У меня было запланировано несколько интервью, но я подумал, что ничего не случиться, если мы минут пять поболтаем.

В тот день я восседал в фойе отеля с бокалом белого вина в окружении репортёров. И внутрь вошла очень консервативно одетая леди. Она уселась чуть вдали от места, где я отвечал на вопросы. Когда пресса ушла, она заметила: «Я вижу, ты больше не пьешь коньяк».

Пока я всматривался в её лицо, она улыбнулась.

Нет, не может быть!

— Я была так молода.

— Боже мой! Это ты! Ты? — я только и смог проговорить.

— Ты помнишь?

— Конечно.

Должно быть, она заметила моё замешательство, но, скорее всего, ей польстило, что я действительно запомнил то, что стало для неё важнейшим событием в жизни… восемнадцать лет назад.

Когда я пришёл в себя, то спросил, чем она занимается.

— Я — пианистка.

Я мог разразиться шквалом арпеджио.

Мы поговорили минут пять, но я не собирался продолжать общение, равно как и она. Ей стало лучше от того, что встретила

меня… и, что я помнил. Я тоже почувствовал себя лучше.

Когда в последствии я рассказал эту историю Уиллу Александру, моему технику, он ухмыльнулся: «Ты мог бы остаться и дольше в Японии в семьдесят втором. Можно было сделать целый оркестр!»

17. Manticore готова к взлёту

Пока мы гастролировали по Америке, до нас дошла информация, что мы снова победили в едва ли не всех британских опросах. Даже был организован концерт победителей опросов на лондонском крикетном поле Oval. Была создана объёмная фигура Таркуса исходя из концепции группы, по эскизам Уильяма Нила. Таркус представлял из себя броненосец, но теперь ещё и с пушками! По такому случаю мы заказали целых два шестифутовых Таркуса, с пушками по обоим бокам, стрелявшими полистироловыми шарами. Их устанавливали по краям сцены, но на каждый концерт возить их было невозможно из–за размера, отъедавшего значительное пространство у наших инструментов. Но в брайтонском Dome нашлось местечко для одного — прямо в центре сцены над фортепиано.

“Tarkus” шёл вторым номером в нашем репертуаре, и две пушки сделали своё дело. Я выяснил это во время третьего номера — фортепианного соло. Каждая клавиша, на которую я нажимал, прилипала из–за полистирола, оставшегося от снарядов. Ничего не оставалось, как прекратить игру, объяснить ситуацию и устроить перерыв. В это время роуди (Рокки один из них) вычищали рояль пылесосом, предварительно вынув все внутренности и перевернув его вверх тормашками, чтобы вытрясти оставшиеся «катышки Таркуса». Толпа в Брайтоне смеялась над каждой стадией чистки — отличное развлечение.

После концерта в Кэйрд холле в шотландском Данди в декабре 1972–го группа и её команда собрались в баре отеля, но Рокки среди нас не было. Последний раз его видели растворяющимся на противоположной стороне улицы, при густом тумане и хрупкой фигуре это легко сделать. Я потягивал коньяк, когда один член бригады высказался, что видел Рокки, толкающего пожилую женщину вверх по лестнице. Я не заметил сцены исчезновения женщины, которое по словам парней, было не менее зрелищным, так как она сама с удовольствием подымалась вверх. Как оказалась, она хотела умотать из отеля.

— На вид ей лет шестьдесят, — сказал осветитель, потягивая пиво.

— Что вообще произошло? — спросил я почти беззубого валлийца на следующий день.

— Ну… я гулял и… и на остановке она сама предложила мне. Всего за пять фунтов!

Карл рассказал не менее жуткую историю, сам я там не

присутствовал. После одного из концертов Рокки заметили толкающим кресло–каталку с девушкой–инвалидом. «Нет! Ты этого не сделал?.. Сделал?» — барабанщик был в шоке.

Самое сложное оказалось вытащить её из кресла, а потом усадить обратно.

Рокки собирался улучшить огневую мощь ленточного контроллера, следуя совету Боба Маккарти из компании Wizard Productions. Боб впоследствии сконструирует мне летающее фортепиано. Специальная бумага заталкивается в медную трубку и поджигается запалом, вполне безопасно. Вы можете поджечь бумагу у себя в руках без риска получить ожог. Один раз случился конфуз, когда искра попала в кого–то в первом ряду. К счастью, на нас смотрели словно на помазанников божьих. А могли бы выдать нечто типа «Окей, а сейчас я надеру тебе задницу».

В качестве эксперимента мы насыпали порох в бумагу и скатали из неё шарик, получился незабываемый эффект кометы. На саундчеке в Сан–Франциско, Рокки позвал меня на сцену. Возникли какие–то проблемы с запалом в трубке, и он рекомендовал мне быстро убрать пальцы с кнопки поджига, как только я на неё нажму. Я сделал пробный выстрел. Сначала ничего не произошло, зато потом так бабахнуло! Единственное, чего стоило опасаться — внимания пожарных.

— Думаю, все будет нормально, — сказал я Рокки. — Заряди для концерта.

Зал Cow Palace был заполнен до отказа. “Tarkus” шёл по списку третьим. Я взял контроллер и понарошку начал расстреливать публику словно из пулемёта, с удовольствием ожидавшую фейерверка. Средним пальцем левой руки я нажал на кнопку, а сам сместился в центр сцены. Задержку я ожидал, но большущий взрыв и жгучую боль — нет. Левой руки будто не было. Грега от взрыва отбросило в сторону. На меня смотрело тысячи глаз, а я боялся взглянуть на себя. Когда я опустил глаза, то увидел море крови, но рука была на месте. Ноготь со среднего пальца был вырван и висел под углом 90 градусов, я как смог, вставил его на место, а затем повернулся в сторону кулис. Рокки мчался с бинтами.

Вернувшись на своё место, где Рокки тщательно перебинтовал палец, я постарался доиграть “Tarkus” здоровой рукой. Крови было столько, что бинты не могли её сдержать.

— Принеси ведро с холодной водой, — мелодично заорал я.

Оставшуюся часть номера я окунал левую руку в ведро, а правой играл и стирал кровь с клавиш. Воспоминания о книгах о войне, прочитанных мною в детстве, нахлынули на меня, особенно о пытках нацистов, выдиравших у пленников ногти,

чтобы добыть нужную информацию о военных действиях. Теперь я понимал, почему это было так эффективно. Огромное количество нервных окончаний находится под ногтями. Теперь я понял, что такое настоящая боль, когда случайно нажимаешь черную клавишу вместо белой. Лицо просто позеленело к окончанию фортепианной импровизации, клавиатура стала красно–бело–черной. В концовке концерта мне сказали, что ближайшая больница предупреждена, а меня ожидает машина скорой помощи.

Выезд из концертного зала в ту ночь впечатлял, благодаря скорой и её синей мигалке. Эскорт полицейских на мотоциклах очищал путь по дороге в больницу, где меня ожидала целая команда докторов и медсестёр. Осмотр оказался исключительно болезненным. Доктор с раздражающей педантичностью удалял остатки пороха из под ногтя, перед тем, как поставить то, что осталось от него на место. Я сделал глоток обезболивающего — коньяка — когда руку забинтовывали, и ещё один, когда делали укол в задницу от столбняка. Все вокруг утверждали, что если бы был фотограф, получилась отличная обложка для пластинки.

Эти истории могут нарисовать поверхностную картину моего расслабленного состояния. Но в глубине души дела обстояли совершенно иначе. Страх сцены достиг такого невероятного уровня паранойи, что от встречи с четырнадцатитысячной толпой меня тянуло либо спать, либо вырвать.

Я беспокоился о нотах, что должен сыграть, я нервничал о том, как выгляжу… в основном я ужасно нервничал!

Я обратился к известному психотерапевту с Харли стрит, который вкатил в меня столько вещества, из–за чего я поплыл, признался, что очень любил своего волнистого попугайчика, рассказал правду о внебрачных связях. Это было больше похоже на борьбу с состоянием наркотического опьянения. Смущенный и вялый, я взял с собой жену на ланч. Разговор проходил в таком ключе:

— И как проходит лечение?

— Ээээ, да нормально.

— Нормально?

— Да, нормально… очень хорошо. Давай закажем еду.

— Я не голодна. О чем ты говорил?

Я не был готов для столь внезапной конфронтации. Последовав совету врача, я честно принимал все претензии Элинор, пока читал меню. Я был голоден, все что я хотел — поесть, в то время как жена только хотела знать, сколько женщин было у меня во время гастролей. Просматривая меню я случайно ответил, что потерял счёт.

— Ты потерял счёт?

— Да. Как насчет сандвича со стейком, звучит неплохо.

Ответа не последовало. Я поднял глаза и увидел, что Элинор плачет.

— Вообще–то я имел в виду, что никто не вёл счёт специально.

Я постарался минимизировать удар до такой степени, что начал отказываться от собственных слов, пока не осознал, что ни мне, ни лечению это не приносит пользы. Я почувствовал в её слезах вздох облегчения, по крайней мере её подозрения более–менее подтвердились. Я попытался найти оправдание содеянному, сказав, что я один заплатил высокую цену, солгав и изменяя нашему браку. Всё это спуталось с музыкой, мной и, в конечном счёте, с домой и семьёй. Для нашего же блага нужно принять реальность бизнеса, быть сильными и, может быть, мы сможем пройти через это.

Вне всякого сомнения брак дал трещину, но мне повезло, что на этом этапе не привлекли адвокатов по бракоразводным делам. Я уволил психотерапевта и 24 февраля 1973 года начал брать уроки пилотирования.

Первый инструктор почти не верил в мои способности, постоянно переключая управления на себя в самый ответственный момент приземления. Летали мы на Пайпер PA–28 «Чероки».

— Слишком высоко! Уменьши мощность! Следи за скоростью! Не заглохни, не используй элероны! Слишком низко! Боже! Подбавь газу! Выровняй штурвал!

А потом он хватал рычаги управления и приземлялся самостоятельно. Наконец, после четвертого приземления, крича и ругаясь, я взорвался.

— Как я научусь управлять этой кастрюлиной с крыльями, если ты орешь, ругаешься и приземляешься сам?

— Окей, окей. Мы сделаем ещё один круг, и я не скажу ни единого слова, черт побери!

— Обещаешь?

— Ну?

— Спасибо.

Я чувствовал, что инструктор был весь в ожидании во время последнего полёта. И хотя он не проронил ни слова, его молчание кричало на меня сквозь каждый капилляр, выступавший на его лбу. Приземление прошло достаточно приемлемо, чтобы кричащий пассажир покинул самолёт, а я выруливал к месту старта первого самостоятельного полёта. Отец присутствовал там и записал событие на новенькую кино–камеру Super 8.

Моё приземление лучше всего можно сравнить с

возвращением самолёта Чероки 140 на Землю–Мать. Ничто в действительности не может летать на этой планете. Мы бросаем вызов гравитации. Я пренебрёг выравниванием на высоте крыши омнибуса, на котором стоял ещё один автобус в качестве превентивной меры, пока не произвёл подходящего приземления с парашютированием. Но я сделал первый шаг в сторону лицензии пилота.

Настоящий учитель, Мартин Нанн, прозябал в обучении опасным занятиям слабых на желудок учеников. Он продемонстрировал удивительную стойкость и мастерство в воздухе и научил меня настоящему искусству пилотирования, верх тормашками закинув Чероки в облака на высоте тысячи километров, а мне предоставив право разруливать ситуацию и выравнивать аэроплан, пока мы не шмякнемся на землю. Я часто приезжал на уроки, чтобы мы с Мартином приняли воздушный бой от одного отчаянного авиатора, вообразившего себя Дугласом Бейдером[66]. Это нужно было проделывать тихо, чтобы авиадиспетчерская служба ничего не заметила. Цель — поразить «врага» с помощью выдвинутого крыла, которое нужно вставить в хвост или крыло оппонента. От такого развлечения волосы дыбом вставали, в воздухе, оказывается, тяжело отыскать чужой аэроплан. Ваша голова должна вращаться на 360 градусов. Мартин, казалось, инстинктивно чувствовал, где находится чужак и брал отстрел на себя.

Успешно сдав три письменных экзамена — навигацию, воздушное право и метеорологию — мне требовалось совершить самостоятельный полёт вне аэродрома, приземлившись на двух других аэродромах, Блэкбуше и Трэкстоне, а затем вернуться в Шорэм. Я составил план полёта, утвердил его у главного инструктора по полётам и передал в авиадиспетчерскую службу. Взлетать пришлось в удушливый воскресный полдень. Мартин подошёл ко мне перед стартом с последним советом. «Не должно быть много движения вокруг, — сказал он. — Ты можешь попробовать вызвать военную базу в Фарнборо, но я сомневаюсь, что кто–нибудь ответит, сегодня же воскресенье. Просто следи за расчётным временем прибытия и убедись, что не промахнулся мима Блэкбуша, поскольку окажешься в зоне управления Лондона, с 747–ми вокруг (Боингами)».

Вот так я оказался на высоте 600 метров аккуратно следуя правилам визуального полёта прямо по курсу с картой на коленях для сверки. Я заметил Фарнборо и сделал вызов для практики, хотя это и не требовалось: «Приём, Фарнборо, это Гольф Альфа Зулу Виски Браво, Пайпер Чероки из Шорэма на пути к Блэкбушу, запрашиваю данные по потенциально опасному движению». Без

ответа. Я повторил сообщение… Тишина. Ну хорошо, Мартин говорил, что не стоит ожидать ответа от диспетчеров Фарнборо. Лечу дальше.

Следующей точкой сверки был Блэкбуш, маленький аэродром с парой взлётных полос. Я начал испытывать лёгкую тревогу, когда прошло десять минут, но аэродром так и не появился в зоне видимости. Расчётное время прибытия вышло, я боялся, что план оказался неточным и начал искать огромные Боинги в зоне своего полёта, как вдруг над левым плечом зашумело! Я снова вышел на связь. «Приём, Блэкбуш, это Гольф Альфа Зулу Виски Браво, Пайпер Чероки из Шорэма в 600 метрах к северо–западу от вашего аэродрома. Запрашиваю инструкцию для приземления».

В этот раз ожидать ответа не пришлось. Он последовал немедленно.

— Понял, Виски Браво. Приземляйтесь в мёртвую зону два–шесть и курс строго по ветру.

— Понял… Виски Браво.

Я совершил идеальное снижение, развернулся по ветру и начал совершать посадку на полосу два–шесть на высоте 300 м, оповестив диспетчера:

— Виски Браво… Захожу на посадку.

Ответ: — Понял, Виски Браво… совершайте последний разворот и следуйте на посадку, — весьма приободрил.

Я снизился и увидел полосу, отличную от той, что была в Шорэме. Скоро я на половину завершу последний этап на пути к лицензии пилота. По рации было слышно переговоры с другим бортом:

— Понял, Отель Индия, заходите на вторую.

Выровняв самолёт на последнем этапе, я уже снизил скорость до нужной перед тем как выпустить закрылки на 10 градусов для идеального приземления на полосу два–…? Два–восемь! Так написано белыми цифрами на асфальте.

Времени задавать вопросы не было, я отлично посадил самолёт и довел до полной остановки.

Я вызвал по рации:

— Виски Браво приземлился, запрашиваю информацию, куда выруливать.

— Понял, Отель Индия, можете приземляться.

На сей раз я позвал более настойчиво:

— Блэкбуш, Виски Браво приземлился. Куда мне выруливать?»

Рация молчала, и я решил съехать на траву от полосы, пока Отель Индия не проткнет мне зад.

В дымке было видно диспетчерскую башню. Почему они не

отвечают?

— Кто–нибудь видел Виски Браво, самолёт Пайпер Чероки? — вдруг проснулась рация.

— Да! Блэкбуш? ЭТО ВИСКИ БРАВО. ВЫ СЛЫШИТЕ МЕНЯ? Я СИЖУ НА ТРАВЕ НА ГРАНИЦЕ ПОЛОСЫ, ЖДУ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ.

Без ответа и никакого Отеля Индии. Я вырулил к границе аэродрома, где оказалась дорога, окружавшая аэродром по периметру. Я решил доехать до башни и показать Виски Браво вживую, но по пути проехал мимо Форда Кортины с семьей внутри, направлявшейся на воскресный отдых. Я им помахал. Они немного удивились при виде Пайпер Чероки, появившегося из противоположной стороны. Я тоже удивился, но меньше, пока не въехал в ангар, на котором было написано Эскадрилья 633[67]. У меня к тому времени возникли некоторые подозрения. Добравшись до башни, я припарковался на пустой автостоянке. Эта территория была на возвышении, так что рация ловила здесь лучше.

— Кто–нибудь видел Пайпер Чероки? — вещал Блэкбуш, тоном на этот раз более мультяшным.

Я поднял голову и увидел признаки жизни. Наверное, я приземлился в (звучит зловещая фантастическая музыка) *Сумеречной Зоне*.

— ПРИЁМ, ЭТО ВИСКИ БРАВО! СЛЫШИТЕ МЕНЯ? ПРИЁМ!

Последовал ответ, который моё возбужденное состояние могло легко принять за: «Ah! Sweet Mister E of Life, at last I've found You»[68]. Но вместо этого последовало:

— Ха! Виски Браво…эээ… вы где?

Виски Браво держал себя в руках и ответил, что видимо сидит на автостоянке Блэкбуша рядом с диспетчерской башней. На это Блэкбуш ответил, что никакой стоянки рядом нет.

— В ТАКОМ СЛУЧАЕ, ГДЕ Я, МАТЬ ВАШУ? — спросил озабоченный Виски Браво.

— Успокойтесь, Виски Браво, и опишите место. Вы приземлились на траву или на асфальт?

— Асфальт, и я не подпрыгивал при посадке.

— Там были полосы по центру?

— Да, кажется, были, — ответил я, проверяя шорты.

(Не в микрофон: «Он приземлился на военной авиабазе») а затем я услышал:

— Окей, Виски Браво, вы кажется приземлились на базе военно–воздушных сил в Одихэме, это в нескольких километрах от нас. Выключите всю электронику и ждите маленький самолёт Кондор, который отправится к вам на помощь».

— Понял, Виски Браво, — сказал пилот *вполголоса*.

Мне требовался воздух, а за окном дул свежий ветерок, поэтому я решил выбраться из кабины и оглядеться и хотя бы удостовериться, что я действительно попал на военную авиабазу. Смотреть особо было не на что. Старая велосипедная колея, но нигде ни единой надписи. Я глянул на ангар, мимо которого проехал, а затем на взлётно–посадочную полосу, на которую приземлился. Маленький желтый самолётик появился на горизонте, и я смотрел на него до тех пор, пока он не подъехал ко мне. Я подошёл к пилоту.

— Не знаю, где я ошибся, — сказал ему я.

— Нет проблем. Вы не сильно сбились с курса. Блэкбуш в нескольких километрах отсюда, — он указал пальцем куда–то через плечо. — Давайте–ка взглянем на ваш план.

— Мы вернулись к моему самолёту и увидели, что ветер захлопнул дверь, а ключи остались внутри. Как мы ни пытались, в кабину попасть не удалось: ни достать план, ни убраться с авиабазы.

— Я должен вернуться в Блэкбуш и прихватить инженера, чтобы смог убрать вас отсюда, — сказал пилот.

Я застонал. День выдавался очень плохой, но это ещё не конец.

— Я точно свалю отсюда, как только заберусь внутрь.

— Если это вам удастся, летите точно так же и попадете прямо в Шорэм, — с этими словами пилот залез внутрь Кондора и улетел в обратно.

Вокруг стояла такая тишина да гладь! Я решил поискать что–нибудь, отвёртку например, чтобы отвинтить небольшую перегородку в окне кабины. Тогда я бы смог засунуть руку и достать ключи. Я подошёл к диспетчерской башне и подергал за дверь. На этот раз внутри раздался голос.

«Кто там?» — произнесла тусклая человеческая фигура, выдернутая из глубокого сна, таща за собой тусклый велосипед. Он увидел мой самолёт на стоянке. «Эге! А тута нельзя типа находиться. У вас будут баальшие проблемы».

«Да, я знаю. У вас не будет случайно отвертки?»

Он пошарил в бардачке: «На, подойдёт?»

Я вскочил на крыло и приступил к делу. Маленькая перегородка отскочила, что позволило мне достать ключи. После того, как я поблагодарил «тусклую фигуру», я сел в кабину и начал подготовку к полёту.

Сперва я услышал лай собак. Они разрушили мирную атмосферу, к которой я успел привыкнуть. Я поднял глаза от карты и увидел около двадцати полицейских и четыре немецких

овчарки на натянутых цепях. Я вернулся в своим делам, думая, что они уйдут. Чероки тряхнуло, когда один из полицейских залез на крыло и постучал по крыше кабины. Я открыл дверь.

— Да, — ответил я как можно невиннее.

— Это военный аэродром, а у вас гражданский самолёт. Не объясните нам, что вы тут делаете?

— Понимаете, я учусь на пилота в Шорэме, провожу первый полёт, и я думал, что это Блэкбуш.

Суровое лицо представителя власти выражало недоверие.

— Покажите свою лицензию и вылезайте из кабины. У вас в хвосте небольшой багажный отсек, откройте его, пожалуйста.

Я вылез и исполнил просьбу, стараясь не попасться псам, которые соревновались друг с другом, кто отхватит больший кусок моего зада. Двое других полицейских начали осматривать багажный отсек, а третий следил, что бы я не мешал им это делать. Ещё один залез в кабину и начал тщательно всё осматривать, заглядывая под доску приборов с помощью фонаря, осматривая сиденья, снимая подушки, которые изучались на улице. Самолёт подвергся тщательному осмотру, а я только стоял и беспомощно наблюдал за происходящим. В конце концов, все немного успокоились, и я рискнул спросить одного, который вроде был за главного.

— Мне очень жаль, что из–за меня у вас проблемы, но неужели это так необходимо?

Он огляделся, посмотрел сквозь меня и неохотно заговорил:

— Мы контролируем этот аэродром в течение месяца, поскольку не раз сообщалось о приземлении лёгких самолётов с нелегальными иммигрантами на борту. Мы засекли на радаре два аэроплана, приземлившихся здесь. Поэтому мы и приехали.

— Это должны быть пигмеи, чтобы уместиться там, — сказал я, указывая на багажный отсек.

— Вы сильно удивитесь, что нам иногда попадается, — ответил полицейский терпеливо, а затем более сухо — Окей, валите отсюда. Следуйте за машиной с мигалкой, она проводит вас до полосы. Вам придется заплатить штраф за приземление здесь. Мы оповестим Шорэм. Удачи.

Я залез в кабину. Времени закончить план полёта не было; сирена на машине замигала, я должен немедленно следовать за нею. Когда мы достигли старта, полицейские уехали. У меня не было времени на проверку контроля питания. Вращающееся движение руки полицейского напоминало Джона Уэйна, приближающегося к кучке скотоводов. Я выжал полный газ и поднялся в воздух.

Когда я приземлился в Шорэме, все были в курсе. Военная

полиция проверяла мои данные, а пилоты, собравшиеся в баре аэроклуба, были недалеки от истерики. Я был раздавлен. Матрин отвёл меня в сторону:

— Ты брал с собой Авиагид Пули?

— Нет. А это что?

— Книга, в которой собраны конфигурации каждого аэродрома Англии. Я тебе дам.

Через неделю я снова появился на аэродроме и встретил Мартина, вылезающего из Тайгер Мота[69].

Я пролетел по твоему маршруту и понял, где ты сбился с курса. Блэкбуш и Одихэм очень похожи. Ошибку совершить легко, возьми книгу в следующий раз.

Я так и сделал и получил частную лицензию пилота.

Уже на ранней стадии нашего успеха ELP почувствовали, что их обязанность помочь другим группам, т. е. тем, кто подвизался на той же ниве. Мы создали собственный рекорд–лейбл и купили здание, в котором можно работать, репетировать и записываться. А теперь искали название, в котором заключалось бы вся наша суть.

Стюарт Янг, почти менеджер группы, приехал ко мне в лондонскую квартиру.

— Нам нужно имя для нового предприятия. Есть идеи?

Мне казалось, что группа не примет мои предложения, но начал просматривать словарь в поиске подходящего словечка. Не найдя, я вытащил ранние альбомы ELP, изучая названия песен в поисках вдохновения.

Manticore?

Оно было на альбоме «*Tarkus*»… что оно значило… мистическое чудовище с телом льва и хвостом скорпиона?

— Manticore? Как насчет… головы льва и хвоста скорпиона, у нас два Скорпиона — Грег и я. У Карла есть Лев в гороскопе? — спросил я опешившего Стюарта.

— Не знаю, но я покажу название остальным, когда встречу.

Был найден брошенный кинотеатр. Он идеально подходил для наших будущих начинаний и располагался на юго–восточном углу Фулхэма. Здание идеально подходило не только для нас, но и для тех, кого мы поддерживали. Место, где можно не только самим репетировать и записываться, но и других пускать. Место, которое можно назвать штаб–квартирой. Штаб–квартира получила название Manticore.

Пока Стюарт Янг занимался подписанием зарубежных групп — PFM, Banco и Stray Dog — одним летним утром я с рёвом въехал в офис на мотоцикле, с кучей нот в багажнике, которые, как я надеялся, лягут в основу пятого альбома ELP. Несмотря на

то, что группа находилась в состоянии неопределённости, я много работал на этими идеями у себя дома в Суссексе.

Это были тщательно продуманные идеи, включавшие все обычные средства, которые я любил использовать — контрапункты, симфонию, программирование. Но теперь они были связаны общей нитью. Каждая идея, вступавшая в игру, усиливала заряд в самой себе для дальнейшего развития. В прошлом идея как бы появлялась и исчезала, а теперь каждая мысль развивалась и доводилась до более логического завершения. Я связывал большие надежды с новой музыкой.

Припарковав мотоцикл, я зашёл в холл и моментально подружился с кем–то, похожим на Тони Кертиса. Нет, может быть Перри Мейсона с чертами Тома Селлека… и Джорджа Клуни. Не важно, Эндрю Лейн представился так, словно никакого знакомства и не было. Словно мы всегда были приятелями, и две минуты спустя я и не верил, что такого не могло быть. У нас были общие интересы. Неужели? Я даже ни на миг не задумался, а в это время Эндрю рассказывал мне мотоциклах, пилотировании, коньяке… Все, что я любил и о чём думал, Эндрю самым непостижимым образом либо уже сделал это, либо вот–вот собирался погрузиться туда. Как от липучки, вы не могли просто так отделаться от него. Он заинтриговал так, как не могли остальные мои друзья. Хотя это ни о чём не говорит, поскольку круг моих друзей был сильно ограниченным. Эндрю заменил бы всех друзей, которые должны у вас быть. Настоящий мужик, он служил в танковой дивизии израильской армии и участвовал в Семидневной войне… или она называлась Десятидневной? Тремя днями больше или меньше, все хотели победить в этой части мира. Эндрю же теперь продавал радио для автомобилей в нашей части мира, используя тактику той войны. Нас нельзя было разлучить.

Войдя в клуб «Speakeasy», Эндрю без труда мог уболтать администрацию на лучший столик для нас. Внешний вид Эндрю, его особый стиль — это нечто, на что стоит посмотреть. Я лишь только оглядывался по сторонам и надеялся, что одна из ярких моделей, вьющихся вокруг него, вдруг устанет и поинтересуется, кто этот тихий парень в углу. Как–то в клубе «Трамп» я отвёл Эндрю в сторону: «Я заметил, что днём ты одеваешься консервативно, а вечером настоящий тусовщик. Почему бы тебе не перейти к нам в качестве помощника менеджера, и ты сможешь тусоваться 24 часа в сутки?»

На следующий день Эндрю написал заявление.

Led Zeppelin на главной сцене театра Manticore оттачивали программу в компании стриптизёрш, а ELP в это время работали

на последнем этаже, периодически отвлекаясь на происходящее внизу. Весёлый получился домик, мы совсем не торопились побыстрее сделать из него записывающую компанию. Коньяк позаботится обо всём, а если у него не получалось, Фернет–Бранка довершит дело. Набравшись янтаря богов, идеи летят словно рыба на нерест, журчанье воды эхом отдавалось в мельчайшей частице души ELP.

Заправив полный бак мотоцикла горючим, водитель залит алкоголем, и лишь вопрос времени, когда они столкнуться с машиной по дороге домой. Правая ступня попала в заднее колесо, я полетел вниз и немедленно получил перелом. Полиция любезно не стала проверять меня на алкоголь.

Иногда нам удавалось завладеть основной сценой, чтобы наша музыка задышала и избавилась от клаустрофобной атмосферы маленькой комнатки наверху. Именно на этой сцене идеи вознеслись до такого уровня, что мобильную студию, расположенную на улице, пришлось срочно мобилизовать для записи. ELP джемовали! Мы зафиксировали на плёнку пару джемов, один из которых назвали “Bo Diddley”, базировавшийся на пьесе Биг Джона Паттона “The Yodel”. Некоторые из джемов так высоко забрались, что я бросил играть и завопил: «Кто–нибудь дайте мне лестницу!»

— Чего? — не поняли L и P.

— Дайте мне лестницу. Я так воспарил от джема, что мне потребуется слезть вниз. Правильно?

— Ааа.

Это не осталось без внимания, как оказалось. Грег спел новую балладу “Still, You Turn Me On”: «Каждый день немного грустнее, немного безумнее. Дайте мне кто–нибудь лестницу» *(Every day a little sadder, a little madder. Someone get me a ladder)*.

Была ещё и практическая сторона использования образа стремянки, так как консоль синтезатора достигла 2,5 метров благодаря новому секвенсору. Мы отправились в дорогу по Европе под знамёнами «ELP, Get Me a Ladder». Кинобригада должна приехать к нам позже, чтобы задокументировать часть турне для возможного показа на британском ТВ.

Когда мы приземлились в Германии, я оказался рядом с Карлом, сидевшим у окна.

— О нет, — простонал он.

— Что такое? — я проследил за его взглядом в надежде увидеть много сексапильных фройляйн, срывающих с себя одежду при виде нас. К сожалению, такого не случилось. Вместо них вдоль дороги были выставлены три лестницы в окружении операторов. Когда мы сошли с самолёта, камеры были

направлены на нас.

— Мы снимем вас под лестницами, йа?

— Это твоя вина, Эмерсон, — проворчал Палмер, собрал сумки и исчез в неизвестном направлении.

Мы быстро избавились от изображения лестницы и придумали новое название — «Whip Some Skull on Ya» (дословно — Натяни на себя чей–то череп).

Марио Медиус, чёрный парень с чёрным поясом, рекомендованный Atlantic Records после защиты Led Zeppelin от провокаций, а теперь сотрудник менее провоцирующей Manticore, считал картинки вполне подходящими. Возможно, что название придумал он. Оно вряд ли было лучше предыдущего, но когда Марио простым языком объяснил смысл выражения Whip Some Skull on Ya, что означало делать минет, группа решила воспользоваться им, хотя и не была до конца уверенна, что оно подходит для названия альбома.

Во время того тура мы опробовали новую музыку на европейской аудитории, а в Италии к нам приехала кино–группа.

Процесс съёмки с самого начала превратился в испытание, потому что Грег свалился с ларингитом.

— Болит, сплошная язва, — жаловался грустный, виноватый и прикованный к постели Грег, лёжа под одеялом.

Концерт в Милане пришлось отменить и перенести на другую дату. И что бы вы сделали? Карл лежал у бассейна римского Хилтона, а я взял на прокат мотоцикл Lavada и наворачивал круги вокруг Колизея, попутно снимая на камеру.

Мы находились в точке совершенствования своего искусства, совершенно не подозревая, что наше прошлое станет предметом большого интереса будущего. И его никак невозможно было ещё более усовершенствовать, потому что мы и тогда рассматривали музыку как искусство. Тяжесть от осознания необходимости самосовершенствования выражалась у каждого по–своему.

Карл, всегда готовый играть, интересовался моим растущим синтезаторным арсеналом. Он экспериментировал с синтезатором для барабанов, устройством с чувствительными к ударам ковриками. Когда по ним ударяешь, звучит последовательность нот. Грег приобрёл гитару, с басовым и гитарным грифами. Инструмент продержался недолго: Грег жаловался, что он очень тяжёл.

Я много раз посещал фабрику Боба Муга в Трумансбурге, с интересом наблюдая за процессом, а иногда предлагая идеи для разработки новых инструментов. Но в поле зрения появились компании, заинтересованные в коммерциализации изобретений Боба. Norlin Music носилась с идеей сделать синтезаторы более

доступными через портативность. Мини–Муг пользовался огромным успехом, а Микро–Муг провалился.

Настоящий прорыв ожидался с появлением полифонических клавишных. Я, естественно, хотел быть первым, но был чрезвычайно взбешён, когда услышал, что Патрик Мораз обошёл меня. Как такое могло случиться? Я этого никогда не узнал. Вместо этого, как только я получил свой инструмент, то прямиком поехал в студию Advision, чтобы сделать записи к пятому альбому ELP. Первым треком стал Benny the Bouncer (Бенни–вышибала), следующим — адаптация четвёртой части «Первого концерта» Джинастеры, ту самую тему, что я услышал с The Nice во время участия в телепередаче Джека Гуда *Switched on Symphony*. Карл записал ритмический рисунок, играя на литаврах, а я поверх написал фанковую линию. И вот в этот самый ответственный момент в аппаратную студии вошёл Патрик Мораз. Его никто не приглашал. Он просто зашёл, помахал мне рукой в знак приветствия и начал наблюдать за происходящим.

Я не стал его трогать — пусть сидит себе — пока я пишу лучшее дерьмо на свете! (Тот же подход я использовал в Филадельфии, когда голова Рика Уэйкмана появилась во время моего соло на фортепиано.) Патрик просидел около часа, затем поднялся и помахал на прощание.

Поскольку Эндрю Лейн находился с нами в дороге, вечеринки после шоу организовывались более изощрённо. Швейцарский промоутер пригласил группу и её окружение на ужин в очень респектабельный ресторан. Я принёс собой обязательную бутылку коньяка, в которой Эндрю и я проделали к тому времени солидную утечку. Содержимое, в свою очередь, проделало серьёзную брешь в нас, что привело к киданию хлебом друг в друга, когда подали основное блюдо. Метрдотель высказал своё неудовольствие, так что, когда подали десерт, мы с Эндрю ели его под столом, продолжая кидаться едой и приканчивая коньяк. Затем мы поехали в ночной клуб, где я плюхнулся на софу, а ноги положил на стол. Охранник подошёл и попросил убрать ноги со стола. Я буквально исполнил его просьбу, вытащив ноги из туфлей, убрав их со стола, но оставив там свои башмаки. Охранник нанёс ответный удар, схватив башмаки и удалившись. Пришлось тусоваться в одних носках. Глядя в прошлое, это кажется несколько жалким зрелищем, но такова жизнь на гастролях, и я всегда жаждал новых развлечений. Которые не заставили себя ждать.

Когда ELP приехали на Халлештадион в Цюрихе, швейцарское отделение Ангелов Ада выступило в роли охраны, в своём милом стиле. Несмотря на плохие отзывы, которые получили парни со

времён концерта Rolling Stones в Альтамонте в 1969–м, на самом деле они отлично справлялись с работой. У них к тому же был впечатляющий отряд мотоциклов.

Времени, чтобы вылезти из насквозь промокшего сценического одеяния, было едва–едва. И тут появился Эндрю и сообщил, что один из Ангелов почтёт за честь, если я поведу его мотоцикл. Я обсушился, надел кожаную куртку и покинул стадион в окружении эскорта из тридцати Ангелов Ада. Парень, чей байк я вёл, сидел за спиной кого–то ещё и пытался объяснить мне как лучше переключать передачу: выжать сцепление и пяткой с силой выжать передачу. Все вместе, мы производили внушительный рёв на улицах Цюриха. Никогда не забуду лицо постового, когда он увидел, как тридцать байков ломятся на него. Мы сразу получили зелёный свет.

— Куда мы едем? — просил один из Ангелов, который казался главным.

— Отель Атлантик! Я угощаю выпивкой.

Мотоциклы как попало припаркованы у отеля. Самые нетерпеливые заехали прямо в холл. Персонал и постояльцы обмерли, а мы с Ангелами направились в бар, где погрузились в разговоры о мотоциклах. Нас моментально прервала охрана с овчарками с целью вышвырнуть нас вон. Их попытка была встречена смехом одетых в кожу друзей. Вторая попытка была более дипломатичной, обращенная непосредственно ко мне: «Мистер Эмерсон, не могли бы ваши друзья убрать мотоциклы из холла».

— Погодите… Я должен с ними поговорить.

Проявив весь свой дипломатизм, насколько позволил коньяк, я подошёл к главарю.

— Мои парни сделают это для тебя. Ты попросил нас, я это сделаю. А не для этих засранцев, — указал он на секьюрити.

Петер Цумштег тоже работал у нас. Наши взаимоотношения были более здравыми. Мы ещё находились в Швейцарии, когда Петер как–то вечером предложил съездить на выставку необычного художника где–то на окраине Цюриха.

— Этот парень необыкновенен. Он также твой большой поклонник. Не знаю, может быть он нарисует обложку к вашему новому альбому, — говорил с энтузиазмом Петер.

К дому Х. Р. Гигера[70] мы подъехали затемно, хозяин открыл дверь: с виду нормальный и адекватный человек. Вероятно, у него высокая переносимость к тому, что он принимал, или к тому, что приняли мы… в общем, он нас пригласил внутрь. Был он пухлым коротышкой, а вот его жена/подруга — сногсшибательная/

великолепная. Я не мог не заметить удивительных губ, когда она подала к столу вино. Освещения было как раз достаточно, чтобы увидеть их. Комната, в которой мы находились, производила впечатление величественного готического собора, построенного сумасшедшим сталелитейным заводом. Детские ангельские лица в презервативах смотрели на нас с тем же бесцветным взглядом, что и их создатель. Все вещи были оттенка чёрного. Стулья столовой словно созданы из человечьих костей, наверно так оно и было. Они не приглашают вас присесть, но если вы усядетесь в одно из них, то останетесь в нём навечно.

Перед тем, как зайти в студию Гигера, я попросил воспользоваться туалетом, который выглядел тоже недружелюбно. Сидушка унитаза в виде рук, обнимает ваши булки, пока вы гадите в него. Рядом торчала кровавая рука с капельницей. Если вас мучает запор, от него точно не останется и следа, когда вы оттуда выйдете.

В студии Гигер показал мне книги, вдохновляющие его, в основном на медицинскую тематику с фотографиями кожных и венерических заболеваний. «Посмотри на это! — Гигер указал на ужасного вида септическую вагину. — Какой удивительный ландшафт». Чтобы оценить это, мне бы потребовалось принять то же, что и он.

Осматривая его произведения, я по достоинству оценил, насколько плодотворным был он художником. Он вытачивал скульптуры из вещей, которые находил в мусорных баках. Он говорил с вами, будто бы знал ваши тайные страхи, вытаскивал их на свет, чтобы сделать из них предмет искусства и сравнить с тем, что вы есть. Примерно то, что я делал в музыке. Я нашёл единомышленника.

Большая часть картин была написана краскопультом. От этого картины становились непроницаемыми, почти фотографической реалистичности. Он выставил немало последних работ. На одной части большой картины был изображён человеческий череп с брусьями, проходящими сквозь него, что напоминало металлические тиски. Я указал на картину Петеру: «Посмотри! «Натяни чей–то череп на себя» (Whip Some Skull on Ya). Это должно быть на обложке альбома».

Петер согласился. Мы договорились встретиться с Гигером снова следующим вечером, когда я приеду с группой. Я не думал, что они согласятся, но это произошло. Грег и Карл начали уставать от Швейцарии, им явно не хватало развлечений. С обычным циничным эгоизмом они осматривали септические камеры Гигера. Но Грегу очень понравилась изображение женского лица. Дреды волос–проволок обрамляли закрытые

глаза, к знакомым губам тянулся пенис. «О, тебе нравится, — Гигер заметил интерес Грега. — Это моя жена!»

Петер Цумштег остался обговаривать детали сделки на право использования и черепа и лица на нашем новом альбоме, который теперь однозначно назывался «*Brain Salad Surgery*».

В студию Advsion, пока Грег трудился над микшированием, мне позвонили из офиса Manticore. Они составляли список участников и авторов альбома, и у них возникли проблемы с издательской компанией Джинастеры, Boosey and Hawkes по поводу использования «Токкаты», четвёртой части «Концерта для фортепиано». Грег начал жаловаться, что он хотел, чтобы я выяснил всё перед тем, как потратить тонну денег на запись. Приняв на себя вину, я позвонил в Boosey and Hawkes, чтобы урегулировать сложившуюся ситуацию. Если мы не сможем использовать «Токкату», мы должны записать что–то еще, оттягивая и так запаздывающий выход альбома. Издательство подтвердило, что Альберто Джинастера не хочет, чтобы его музыка была «испорчена», но дали его номер телефона в Женеве. Я позвонил, трубку взяла его жена Аурора.

— Меня зовут Кит Эмерсон, я играю в группе Emerson, Lake and Palmer. Могу ли я поговорить с вашим мужем?

— Он не говорит по–английски, — последовал краткий ответ.

— Надеюсь, я вас не побеспокоил, но издатели вашего мужа в Лондоне, Boosey and Hawkes, дали мне ваш номер. Понимаете, я записал одну из его композиций, и я…

— Приезжайте в Женеву. Самолёты из Лондона летают почти каждый час. Возьмите свою запись, музыку или что там у вас.

— Ну да, но она немного…

— Вы же можете сесть в самолёт, не так ли?

— В общем, да.

— Ну и хорошо! Ждем вас завтра на обед. Я дам адрес.

Продиктовав адрес, Аурора повесила трубку.

Следующим днем мы со Стюартом сели на рейс в Женеву. Мы нашли многоэтажный дом. Вообще–то, не совсем правильно назвать его многоэтажкой, хотя большая часть послевоенных швейцарских зданий выглядит как монолит. Мы находились в богатой части Женевы, находящейся на берегу озера, где бьёт струей основная туристическая достопримечательность, гигантский фонтан. Внутри здания холодная изысканность, как собственно и сама клиническая Швейцария.

Нажав на кнопку лифта, мы поднялись на этаж, где жил Джинастера и позвонили в дверь. Служанка впустила нас внутрь и ввела в прихожую, где нас встретил маэстро Альберто Джинастера. Он выглядел совсем не так, как я ожидал. Я имею в

виду, что он не имел внешне ничего общего с собственной музыкой. Он был одет в весьма консервативный костюм в тонкую полоску, напомнивший мне менеджера из банка, в котором я работал. Его жена Аурора вышла к нам, и мы прошли в столовую. Были моменты неловкого молчания, но когда служанка, одетая на традиционный манер, подала чудесную еду, Аурора переводила их историю.

Они решили поселиться в Швейцарии, потому что на родине в Аргентине ситуация ухудшилась из–за фашистов. Здесь в Швейцарии они были свободны, но тосковали. Альберто Джинастере не терпелось узнать, какого рода музыкальное трио у меня. Я попытался объяснить понятиями, которые он должен оценить. «Хотя мы ориентированы на клавишные — фортепиано, орган, синтезатор, мы не не полагаемся только на их звучание. Наоборот, иногда мы склонны к минималистским формам, с акустической гитарой, и многоголосьем. Кроме того, ударные — центр нашей сути».

Аурора перевела сказанное мужу. Он понимал, о чем речь, особенно когда упомянули синтезатор. Я понял, что он думал об установке собственной синтезаторной студии в квартире. Обед закончился, Джинастера сообщил нам через жену, что он желает услышать мою адаптацию его произведения. Я поспешно вручил ему ноты дуэта для фортепиано, от которого отталкивался. Перед тем, как включить плёнку, я указал на ноты: «Когда дойдём до этого куска, он звучит не так тихо, как вы написали, потому что… потому что так нельзя сыграть на синтезаторе. Они могут играть только одну ноту одновременно. Поэтому в этой части Карл исполнил соло».

Он отмахнулся от бумаг, и Стюарт дал ему плёнку. У него не получалось, поэтому я подошёл, чтобы помочь с бобинами. Мне никогда не было легко играть новые сочинения кому бы то ни было в первый раз. А сейчас я впервые проигрываю запись в присутствии самого композитора, и это было мучительно больно. Я уставился в окно, якобы погрузившись в созерцание. Меньше, чем через минуту, к моему ужасу, Джинастера остановил плёнку, крича «TERRIBLE!» Он перемотал ленту назад, и проиграл снова. Ну вот, всё кончено. ELP придётся записывать что–то другое, альбом снова задерживается.

Я продолжал смотреть в окно, думая, как это всё дико — звукозаписывающая компания, художники и дизайнеры, Грег и Карл — все они будут со мной. Наконец плёнка закончилась, и с хмурым выражением лица Джинастера повернулся к жене для обсуждения. Аурора повернулась ко мне.

«Альберто говорит, что вы очень талантливая группа, и ему

очень понравилась ваша версия. Он говорит, что именно так должна звучать его музыка. Он свяжется с издателями и даст разрешение на выпуск». Я обрадовался и вздохнул с облегчением. Я решил рискнуть и спросил, не сможет ли маэстро написать несколько слов о моей аранжировке для обложки альбома. «Кит Эмерсон удивительным образом поймал настроение моего произведения». Все счастливо улыбались, когда мы раскланивались.

Обратно в Лондон, чтобы порадовать всех хорошей новостью, но наши проблемы ещё не закончились. Дистрибьюторам не понравился эрегированный пенис на картине Гигера. Они посчитали обложку слишком порнографической. Например, женщины, работающие в штамповочном цехе были расстроены более других, потому что ничего подобного доселе не видели. Обложку придется изменить. Грег предложил немного ретушировать пенис, и мы обратились к Гигеру, но он был категорически против. Пенис должен остаться. Мы взмолились: «Ты мог бы немного приглушить тона? Чтобы головка не была чересчур явственной?» Наконец, Гигер уступил, после того, как мы пригрозили отказаться от использования картины.

Переработанная картина прибыла через неделю. Гигер отлично справился, трансформировав пенис во вспышку яркого света. В то же время команда менеджера Ди Энтони постепенно уходила в тень.

Роуди Рокки представлял собой худшее проявление английского «роудиизма». В дороге он иногда оказывался в дальнем углу гастрольного автобуса, где размышлял о том, что мог бы превратиться в нечто более значительное, чем обыкновенное удобрение. В аэропорту, ожидая багаж, мы уже не удивлялись, увидев пьяного Рокки на конвейере для багажа. Никто не спрашивал, как он туда попал. На самом деле, пользы от него было больше, чем зубов во рту. Чувство долга Рокки иногда выходило за грани разумного. Квалификация же заслуживает отдельного упоминания.

ELP отправили техперсонал за две недели до начала американского тура, чтобы они всё там подготовили. Турне назовут Brain Salad Surgery Tour. Начинать мы должны на восточном побережье, поэтому забронировали отель во Флориде, который должен выполнить роль нашего пристанища. Для нас стало шоком узнать, что команду выселили, а бронь отменили. Нужно найти новый отель. Затем до нас начали доходить рассказы. Отдельные члены бригады попортили имущество отеля и после проведённого расследования круг виновных сузился до Рокки и его друга Ноэла. Грег мгновенно распорядился уволить

обоих.

— Эй! Погоди, мы можем на минуту успокоиться и потребовать объяснений у подозреваемых? Через неделю начнётся турне, и я не знаю, как мне найти другого клавишного–пиротехника. Дай я поговорю с Рокки.

По–отечески обняв Рокки, я отвёл кроткого роуди в укромное место для разговора.

— Ну, мы немного заскучали, — так началось объяснение. Затем, чтобы хоть как–то развлечься, он раздобыл тюбик суперклея и приклеил мебель в номере к потолку. Комната стала похожа на известный аттракцион в Диснейленде. Дальше больше: он взял в кухне большую банку растворимого кофе и высыпал содержимое в бассейн.

Я убедил Грега, что его роуди, Ноэл, нёс равную ответственность, потому что это была его идея, и вообще он плохо влиял на столь чувствительную натуру. Грег на секунду задумался и принял решение. Никогда больше группа не будет селиться в один отель вместе с техперсоналом. Пусть они ломают дешевую гостиницу, а мы будем наслаждаться прелестями первого класса и соответствующего транспорта. Это стало началом отдельных лимузинов для членов группы.

Как я уже сказал, чувство долга Рокки иногда выходило за грани разумного. Вопреки своей персональной мантре «Я терпеть не могу три вещи: лейку, склейку и Грега Лейка», он поддался уговорам группы провезти в багаже запасы презервативов и средств от триппера в Канаду. Антибиотики были выписаны перед туром одним отзывчивым доктором. Мы ведь могли подхватить что–нибудь нехорошее и привести это домой к своим миссис. Иногда заглатывалась целая упаковка: обеспокоенный и мучимый чувством вины индивид по дороге домой к своей «возлюбленной» не мог и вымолвить «Привет».

Рокки, на этот раз решивший исправить ошибки прошлого, вёл исключительно здоровый образ жизни. Он взял с собой кучу витаминов и положил их рядом с резиновыми друзьями группы.

И вот бригада выстроилась в очередь к иммиграционному контролю. Дошла очередь до Рокки. Его спросили, зачем он приехал в Канаду. На работу или отдых? Поскольку у него не было разрешения на работу, он задорно ответил: «Отдыхать!»

— Вы не могли бы открыть чемодан?

Под взглядами остальных членов команды, Рокки всё больше мрачнел по мере того, как офицер добрался до презервативов. Упаковки, упаковки, сотни упаковок!

Офицер посмотрел на Рокки с выражением недоверия и восхищения. «Вы здесь зачем? Отдыхать?!»

Красный Рокки кивнул и уткнулся в грязную майку.

— Что ж, вам несомненно понадобится это! — ответил офицер, протягивая пачку витаминов.

Рокки пользовался успехом, потому что присматривал за досугом группы. У него как у роуди было больше свободы, чем у его работодателей, он мог спокойно выискивать «таланты» и удостовериться, что это прошло безнаказанно.

После концерта в Литтл Роке, штат Арканзас, маленький Рокки был доставлен в больницу, пострадав от того, что порох попал на открытую выемку. Его доставили в отделение интенсивной терапии, бесцеремонно навтыкали трубок в вены обеих рук.

В Литтл Роке жила самая прославленная групи — Конни. Очень предприимчивая девушка, во многих смыслах. У неё были визитке и стикеры, где было просто написано «Конни из Литтл Рока». Она гордилась тем, что делала минет всем от Бадди Рича до группы Kiss.

Мне требовался Рокки здоровый и целый, чтобы оставшиеся концерты прошли так же хорошо. Появилась идея. Тактичное замечание медсестры, ширма вокруг кровати — входит Конни и делает то, что у неё отлично получается.

— Он поразительно быстро выздоровел, — сказал недоверчиво доктор. — Даже чересчур быстро.

В конце 1973 года начался американский тур. Карл и я проголосовали против выпуска сингла со “Still You Turn Me On”. Синглом с «*Trilogy*» стала “From the Beginning”. Мы оба хотели отойти от акустических гитарных баллад и издать что–нибудь более тождественное нашему стилю. Мы предложили “Jerusalem”, но звукозаписывающая компания боялась религиозного подтекста, неприятного для других конфессий. Как покажет время, альбому *«Brain Salad Surgery»* не нужно никакого сингла, чтобы стать нашим самым популярным альбомом. И фраза «Welcome back my friends…» из первой части моей концептуальной пьесы “Karn Evil 9” станет нашим фирменным знаком.

В то же время я повстречался с экспертом по сценическим эффектам Бобом Маккарти. У Боба был настолько богатый опыт, простиравший от работы с рок–группами до театров и цирков. Меня привезли к его дому где–то на Лонг–Айленде. В саду позади дома стоял рояль перед шелковым экраном. К клавиатуре был прикреплен к верх ногами т–образный профиль. Вид и так был необычный, пока его жена села за рояль, пристегнула ноги и взмыла ввысь, вращаясь и рассеивая мелодии Рахманинова. Я

захотел попробовать самому и договорился использовать летающий рояль на концерте в Мэдисон Сквер Гардене на Рождество, под аккомпанемент госпел–хора, поющего “Silent Night”, а в это время с потолка посыпятся снежинки.

В следующем году в Калифорнии собирались провести очень большой концерт. По общим отзывам, он должен быть больше, чем Вудсток или фестиваль на острове Уайт в семидесятом.

Рождество семьдесят третьего я встретил с семьёй у себя в поместье Стоун Хилл. Мама, папа, родственники и друзья приехали к нам. Аарон бегал, хватал вещи и швырял их в огонь. Среди них оказалась трубка дяди.

Год прошёл удачно, 1974–ый предполагался ещё более успешный. Я наконец купил родителям дом, чтобы они съехали из быстро–разваливающегося муниципального дома, а также приобрёл большой концертный рояль «Стейнвей». Фильм «*ELP on Tour*» был показан в канун Нового года и получил благоприятные отзывы. Кто–то заявил, что это лучший документ жизни группы на гастролях.

18. Взмывая ввысь на концертном рояле

Частный Learjet приземлился в Бербанке, штат Калифорния, и вырулил к трем ожидающим белым лимузинам. Уставшие и скучающие Эмерсон, Лейк и Палмер, погруженные в собственные мысли, получив ключи, разошлись по своим номерам. Чрезмерно обрадованный промоутер встретил нас по прибытии в отель, пока наш багаж доставляли в комнаты.

— Добро пожаловать, друзья…

— Ага… спасибо! — мы оборвали его на полуслове, пока он не доберется до семи девственниц и мула.

— Будьте как дома, — крикнул промоутер нам вслед, когда мы разбредались по номерам.

Мы находились на одном этаже. Мой номер был первым. Я вставил ключ в замок, вошел внутрь и увидел красивую, изящную тёмнокожую девушку под одеялом с бутылкой коньяка в руке и открыткой с подписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛОС–АНДЖЕЛЕС».

— Гляньте, кто спит в моей кроватке! — заорал я Карлу и Грегу, которые тут же прибежали в мой номер. Второй из медведей поторопился в свой номер, чтобы посмотреть, кто же спит у него в кроватке. Мы не видели и не слышали Грега до следующего дня.

Я как раз начал знакомиться с содержимым восхитительного номера, когда, судя по крику, доносившемуся из коридора, наш младший медвежонок жутко расстроился при виде своей Машеньки. Машенька Карла следовала за ним по всей Америке, что ничуть не радовало. Разочарованный при виде той, кто спит в его кроватке, Карл потребовал выпроводить бедную девушку. «*Уберите её отсюда*!» — орал медвежонок. Машеньку со слезами на глазах вывел Эндрю Лейн, после чего, в качестве утешения, её трахнул первый попавшийся роуди. Ох, как приятно вернуться в Америку!

Эндрю сделал возвращение ещё круче, экспроприировав два мотоцикла Кавасаки — супербайк года — прямо из салона компании, чтобы мы оба могли быстро смыться, когда требовалось. У нас выдалось два свободных дня, и мы с Эндрю отправились в самоволку, гоняясь по Малхолланд Драйв. Мы пронеслись мимо стены с надписью «МОНИКА ДЕЛАЕТ ОТЛИЧНЫЙ МИНЕТ», а затем по усыпанному песком Пасифик

Коуст Хайвею. Мы находились словно в эпицентре взрыва, ворвавшись в Анахайм по шоссе 710, чтобы выступить на тамошней Арене. Одна машина, битком набитая фэнами, узнала нас и выбросила свои билеты из тачки, когда мы с рёвом пронеслись мимо.

ELP использовали квадрофоническую систему. Фэнам нравилось, когда соло на синтезаторе летало над головами, но для нас составляло проблему расставить задние колонки, чтобы не закрыть выходы. И мы решили записать концерт и смикшировать его как в стерео, так и в квадро–звуке. Альбом получится тройным и выйдет под названием «*Welcome Back My Friends To The Show That Never Ends, Ladies and Gentlemen, Emerson, Lake and Palmer*».

Пока ELP выступали перед четырнадцатитысячной аудиторией, Эндрю организовывал полицейский эскорт, чтобы исход из зала получился драматичнее.

Концерт закончился, я быстро переоделся, и мы с Эндрю разогнали 750–кубовых друзей. В это время металлические ворота поднялись, и пред нашим взором предстал эскорт лос–анджелесских полицейских. Вспышки мигалок, вой сирен — мы проезжаем сквозь королевство возбуждённых фэнов в истинно голливудском стиле. К сожалению, голливудские традиции и Америка преодолевали трудности энергетического кризиса. Мы потеряли из виду эскорт после того, как оба заглохли прямо на середине автостоянки. Наши основные баки оказались пусты и, переключившись на вспомогательные, мы смогли добраться лишь до трассы, а там уже пришлось толкать железных коней. На нашу удачу та же машина с фэнами, которые узнали нас по дороге на концерт, узнали нас снова, остановились и поделились горючим из своего бензобака.

Для California Jam, состоявшегося 6 июля 1974 года в Онтарио, мне сшили специальный костюм по случаю нашего нового альбома — мой английский дизайнер хотел, чтобы я был похож на доктора Килдэйра[71]. Пешком или на колёсах до места добраться было непросто из–за чрезмерного движения по шоссе. С того момента, как мы попали в зону фестиваля, началось безумие и потасовка между группами и персоналом за право выступить в прайм–тайм. Ни одна группа не могла отстроить звук, вообще ничего настроить… даже летающее фортепиано.

— Там вообще места очень мало, — сказал Боб Маккарти. — Всё, что мы можем сделать, это постараться расположить рояль перед большими колонками, но это значит, что ты будешь находиться за сценой. Там хотя бы будет пространство метров в пятнадцать между землёй и тобой. Удачи.

Эндрю подружился с техником, у которого был новый Suzuki GS с объёмом двигателя в 1000 куб. см. Меня пригласили опробовать его на треке, опоясывавшем поле, на которое быстро прибывала толпа народа. Я разогнался до 180 км/ч, и можно было ещё! Господи, я захотел такую игрушку!

За кулисами тем временем Ди Энтони и менеджмент Deep Purple демонстрировали друг другу мускулы за право выйти первым. Общеизвестный факт, что на фестивалях лучшее время для выхода на сцену — перед закатом. У тебя есть возможность закончить сет при свете солнца. Мы вышли после того, как гитарист Deep Purple Ричи Блэкмор ткнул грифом гитары в объектив камеры, снимавшей мероприятие. Им это обошлось в тридцать тысяч долларов, весь гонорар группы.

Тем не менее, это был отличный концерт. И хотя не хватало одной камеры, вращающийся рояль запомнился людям больше, чем наша музыка, благодаря компании ABC. После концерта в лос–анджелесский отель нас доставил вертолёт.

В целом, семьдесят четвёртый мы провели, мотаясь по Америке, Англии и Европе, туда и обратно, быстрее чем скачет шарик для настольного тенниса. Ни в одной стране, где мы выступали, нас не хотели отпускать. У меня не было толком времени привыкнуть к очень дорогому поместью Stone Hill, который я официально задекларировал в качестве места проживания в Англии. Сама Англия могла только читать о нашем успехе за рубежом и обиженно дуться.

В Америке я как–то уговорил нашего пилота сделать бочку, к великому ужасу остальных, и подивиться факту, что бокал коньяка не опрокинулся, словно мы летели прямо. Лётчик даже передал управление мне, и я сделал круг… когда мы всех высадили. До этого я летал только на однодвигательных аппаратах (Сессны, Чероки и т. д.), и мне не терпелось узнать, на что способен этот самолёт. Я сидел за штурвалом, а пилот уселся на место второго лётчика.

Я просмотрел характеристики. Вроде не столь сильно отличаются от жестянок–тэйлдрэггеров[72]… за исключением одного важного аспекта… *чёртовой уймы мощи*! Когда я вырулил на взлётную полосу, меня ожидал большой сюрприз. Скорректировав вращение двигателя с помощью штурвала, я вывел самолёт на орбиту, так что пилоту пришлось сделать необходимые поправки. Через пару секунд мы находились намного выше допустимой высоты и болтали о возможностях самолёта.

Пилот передал контроль над полётом мне. На одномоторных Сесснах во время экзаменов, если ты слишком высоко, выключи

зажигание, опусти нос, чтобы скорость не увеличивалась. Если слишком низко, подними нос, поддай газу, чтобы набрать высоту, но скорость не превышай. Вот начало взлётной полосы, самолёт выровнен на высоте омнибуса и опускается на полосу, под мягким воздействием на рычаг управления.

— На Лиэрждете, просто направь его на полосу, — сказал пилот. Я понял, что мы летим слишком низко. Поддав газу, мы немедленно вернулись на прежнюю высоту. Пришлось объясниться со служащими диспетчерской: «Подтверждаем, перебор».

В офисе ELP на Керзон стрит, мы с Эндрю Лейном открывали мешки с почтой от фэнов. Я взял письмо от американской девушки, она вложила своё фото, которое я кинул Эндрю.

— Хмм, неплохо, — ответил он. — Жаль, что она показала не всё.

Нам было скучно, поэтому мы сочинили ответ со словами благодарности за фотографии, добавив, что мы были бы рады увидеть кое–что ещё. Пусть она попозирует перед камерой снова. Неделю спустя пришёл ответ: «Вы имеете в виду ню?» Мы тут же ответили, что *именно* это имели в виду. Ещё неделю спустя ко мне позвонил Эндрю. Он был возбуждён: «Езжай в офис, быстро!»

Она точно исполнила нашу просьбу. Фотографии однозначно были откровенными, впрочем, слегка невинными. На одном снимке она задирала майку, на другой приспускала джинсы, обнажая кустистый холмик. На всех фотография она написала «Киту, с любовью…». Эндрю положил снимки к себе в портфель, в надёжное место.

На следующий день Элинор неожиданно решила съездить с нами в офис. Для неё не остался незамеченным беспечно раскрытый портфель с отличным видом на наши художества. «Ну ты и наделал делов», — ответил я сконфуженному Эндрю.

Наш успех на Калифорния Джэм обошёл все английские таблоиды. Англия ожидала от своих граждан выполнения долга перед Родиной. ELP готовились к трём аншлаговым шоу на Уэмбли. Вдруг Элинор объявила, что снова беременна. Я впал в ступор и ничего не мог решить. Какое–бы решение ни приходило, я оттягивал время. Пока группа строила планы камбэка, я старался избегать разговоров о беременности. Я беспокоился о ревности между детьми, чего я не хотел допустить у себя в семье. Я ведь сам единственный ребёнок и часто наблюдал за глупыми ссорами между братьями и сёстрами школьных друзей. Я вычитал где–то, что наилучший разрыв возрасте — пять лет. Пять лет! По прошествии данного периода проблем не будет. НЕПРАВИЛЬНО!

Я предоставил природе самой решать, пока размышлял над дополнительным отцовством посреди тягот подготовки к шоу на Уэмбли. Я захотел вращающийся рояль. «Слишком дорого», — вопила Manticore.

— Ты хочешь этого ребёнка, — кричала Элинор.

Я много думал об этом, но вдруг возникли другие проблемы. Освещение… звуковая система? Если мы не можем позволить вращающийся рояль, чем мы можем поразить людей на родине? Нужно перенести Калифорния Джем в Лондон!

Первый вечер на Уэмбли. Я как обычно раздражён, болтаюсь около гримёрки. Элинор должна быть со мной, но её нет. Я сел на стул и прошёлся по сложному пассажу. Вошёл Эндрю и объявил пять минут до выхода.

— Где Элинор?

Он колебался.

— Почему Элинор нет?

— Я отвёз её в больницу.

— КУДА ТЫ ЕЁ ОТВЁЗ? Она заболела?

— Она… делает аборт, — ответил Эндрю тихо.

Я был сломлен, бился головой об стену, рыдал и наносил удары кулачками по бетону. «*Нет, нет, пожалуйста, нет*!»

Почему она не могла подождать? Пусть концерты закончатся, и мы подумаем о планах на будущее? Времени на ответы не было. Решения возникали в голове, я должен идти и играть… прямо сейчас!

ШОУ НАЧАЛОСЬ!

На том концерте я просто жопу рвал.

Карл Палмер мог отличить, в каком состоянии я нахожусь. Например, если я пассивен, я играю не так хорошо, как хотелось бы. Но когда я расстроен, зол или что–то делаю против воли, то играю как одержимый. Если вы в таком состоянии, у вас нет времени на страх перед сценой. Ослабляющий/парализующий синдром просто… исчезает. В ту ночь я играл как одержимый. Так что, если вы хотите, чтобы я хорошо сыграл, разозлите меня!

На тот момент, была ли это нерешительность с моей стороны, или решительность со стороны Элинор, нам обоим было что показать в пользу или против нашего брака. Будущее не определено, что делать — непонятно, хоть мы и пытались сохранить наш брак. Пришла беда, отворяй ворота!

Я ещё раз играл на вращающемся рояле в августе семьдесят четвёртого на Шарлотт Мотор Спидвей в Северной Каролине. Концерт известен под именем «Августовский джем». С нами выступали Allman Brothers Band, и как обычно возникла грызня за

верховенство между менеджерами. А пока я проверял усовершенствованную конструкцию Боба Маккарти — очень серьёзное устройство. Теперь использовался девятифутовый рояль с фейерверком на ножках. Когда он вращался, то напоминал гигантское огненное колесо.

— Мы можем крутить тебя намного быстрее, — сказал радостно Боб. — Не хочешь попробовать?

— А как же!

Я привык к фигурам пилотажа, так что никаких проблем не должно быть. Так я думал.

Allman Brothers должны начать и закончить в своё время. Но только это случится после ELP… т. е. мы за это время успеем вернуться в отель.

СЦЕНА!

Я уселся за рояль, закрепил ноги и поднялся в воздух. Когда зажглись фейерверки, техники за сценой начали вращать меня на запредельной скорости. Я моментально оказался в клубах дыма и после нескольких переворотов, я закричал, что хватит. Вероятно, возник эффект Доплера, потому что расслышали меня не сразу. Когда до них дошло, рояль резко остановился. Когда вы движетесь против центробежной силы, и вдруг всё неожиданно заканчивается, тело по инерции продолжает двигаться, как в моём случае. Голова встретилась с крышкой рояля, я разбил нос, пальцы прихлопнуло крышкой от клавиатурой. Лучше бы я сидел себе и играл как обычно, проходя по всем музыкальным стилям, но перспектива сидеть весь концерт не прельщала. Недавно я встретил Дейва Брубека, и его первые слова были такие: «Кит, ты же больше не крутишься на рояле? Это так опасно».

Дома я добавил в коллекцию мотоциклов Кавасаки 1100 и мог позволить себе большую покупку для родителей — дом!

Мама с папой до сих пор жили в том доме, где я вырос. Со временем, пшеничные поля вокруг вытоптала куча ног. Чтобы их (ноги) как–то расселить, потребовалось строить новые дома. Обстановка в районе ухудшалась, по словам отца, быстрее, чем черви прогрызли две яблони, гордость папы. Серьёзное дело! Он всегда отличался нетерпимостью к недисциплинированности. Если бы только у него были деньги. Червяки и буйные соседи? Он смог решить проблемы без ссор. К тому же, отец был очень бережлив, так что пришлось сильно постараться. «Пап, я хочу, чтобы вы с мамой присмотрели себе дом».

— У нас есть дом. Вот он — Мелвилл Вей, дом пятьдесят шесть.

— Я знаю, но я могу купить гораздо лучшее местечко. Место,

которые вы с мамой сможете назвать своим домом.

— Ты зарабатываешь деньги сейчас, сынок, но как долго это продолжится, а? Я ценю твою щедрость, но что случится, если группа распадётся, и ты останешься без работы? Что тогда будет с нами? У нас есть крыша над головой, скоро я выйду на пенсию. Мы сами сможем содержать эту дохлую крышу пока…

Моё терпение заканчивалось. «Папа, послушай… Я заплачу за дом наличными, без кредита. Я его выкуплю, он будет ваш, только ваш. Вы только найдите подходящий дом. У вас всегда будет крыша над головой, и если ты решишь выйти…»

— Нет, я не уверен. Ты же знаешь, мама не любит лестницы.

— Ну так найдите бунгало!

В августе они нашли дом. Прекрасное бунгало в Лансинге, графство Суссекс. С садом перед и позади дома. Им так понравилось, что после переезда они назвали его «Китли».

Эндрю хотел, чтобы я отвлёкся от проблем и набрался сил для творчества. Поэтому он сопровождал меня в мотоциклетной поездке на юг Франции в Сан–Тропе.

— Там куча симпатичных цыпочек.

Звучало заманчиво. Элинор захотела поехать с нами, махом разрушив мечты о солнечных ваннах с красотками типа Брижит Бардо, топлесс. Поймите меня правильно. Элинор ничуть не хуже любой из них, просто… ладно, это просто дурацкое рок–н–ролльное отношение оставлять за собой право выбора. В общем, проблем не было, мы отправились в путь.

Паром Дувр — Кале пересёк Ла–Манш, и вот мы мчимся на юг мимо ароматных французских виноградников. Климат постепенно меняется.

Вот что я вам скажу о поездках на байке: они сильно отличаются от длинных переездов на машине или любом другом виде транспорта — вы сразу ощущаете на себе изменение погодных условий. На вас налетает поток холодного ветра, и когда вы думаете остановиться, чтобы накинуть что–нибудь потеплее, вас накрывает тёплый фронт Матери–природы. Предполагаю, что вы не поймете, о чём я говорю, если только не выпадете из Боинга 747 на высоте десять тысяч метров. Конечно, после этого вам не удастся поговорить о пережитом.

Дождь — злейший враг мотоциклиста. К середине пути нам досталось по полной. Мы останавливались под мостами, потому что кожаные куртки впитывали влагу больше, чем могли выпить мы. Другого выбора, кроме как остановиться в ближайшем отеле, просто не было.

Сверчки пришли на смену дождям — верный признак, что мы

на верном пути… к югу! Мы мертвецки устали от ежедневной езды на мотоциклах. Эндрю поселился по соседству от нас, и мы договорились стартовать рано утром, чтобы побыстрее преодолеть последний отрезок путешествия.

Утром Элинор заказала яйца, сосиски, бекон. Их принесли тёпленькими под серебряной крышкой вместе с тостами и кофе. Мы почти позавтракали, когда позвонил Эндрю.

— Мне ещё не принесли завтрак, — пожаловался он.

— Я уверен, что завтрак прибудет с минуты на минуту, — заверил я. Взяв серебряное блюдо в ванную, я вывалил прекрасный здоровый стул, поставил блюдо на тележку, прикрыл крышкой, убедился, что тосты на месте. Масло и круассаны выглядели нетронутыми, чашки и кофейник протёрли. Общий вид невинно неотразим. Элинор дополнила картину цветком из горшка, положив его тележку. Мухи налетели, пока я катил завтрак по коридору. Громко постучав в дверь, я выпалил: «ОБСЛУЖИВАНИЕ В НОМЕРАХ!»

Эндрю открыл дверь. «Бонжур, месье. Вуаля, вотрэ пети дежёнер. Же суи десоле ле делэ», — сказал я на лучшем французском.

Эндрю решил, что его заказ по ошибке доставили в мой номер, и подыграл.

— Ничего страшного, — ответил он как истинный британский аристократ. — вот ваши чаевые.

Я милостиво принял франки и быстро смылся.

Эндрю уселся возле тележки, отмахиваясь от мух, налетевших на хлеб, налил кофе и поднял крышку. Крик отвращения раздался по всему отелю.

Конечно же, месть не заставит себя ждать — вопрос времени, как скоро план мести родится в его дурной башке.

— Не пускай его, — попросил я Элинор, а сам заперся в ванной. Было слышно, как Эндрю долбит в дверь.

— НЕ ПУСКАЙ ЕГО! — умолял я, сидя в ванне.

Я услышал, как открылась дверь, тихие переговоры, а затем дверь закрылась.

— Всё нормально, он ушёл. Мне нужно в ванную… открой дверь! — потребовала Элинор.

— Ты уверена, что он ушёл?

— Конечно, он ушёл. А теперь, пожалуйста, открой. Мне нужно привести себя в порядок, — в голосе Элинор зазвучали нотки нетерпения.

Я не подозревал, что Элинор перевербовали, опасливо приоткрыл дверь, а там стоял Эндрю с холодной бутылкой шампанского, с маниакальной улыбкой на лице. Я был в костюме

Адама. Он выстрелил пробкой в самое болезненное место организма, окатил холодным шампанским, остаток вылил в ванну. Туше.

Мы прибыли в Сан–Тропе и увидели, что к причалу пришвартовался британский линкор *HMS Norfolk*. Эндрю моментально подружился с моряками в ближайшем баре и получил приглашение посетить корабль. Пока нас водили по кораблю в сопровождении старшего, мне показалось, что из одной каюты доносятся обрывки «*Картинок с выставки*».

Позже мы сидели в баре и потягивали пиво. Вдруг ворвался моряк и кинулся мне на шею, бесконтрольно всхлипывая. «Мне сказали, что ты здесь. Не могу поверить. Кит Эмерсон! Не верю, что ты здесь», — рыдал парень.

Я даже смутился и попытался успокоить потерявшего рассудок парня, похлопывая его по плечу, как должен в подобной ситуации это сделать настоящий мужик. Остальные матросы пили пиво как ни в чём ни бывало, словно такое случалось каждый день. Им понравились фирменные майки с символикой ELP и металлическим черепом. Нам понравились рубашки с эмблемой корабля на рукаве. Перед тем, как расстаться, мы произвели обмен.

Тем вечером Эндрю, Элинор и я, с гордостью надев рубашки линкора *HMS Norfolk*, ужинали в эксклюзивном ресторане отеля. По случайному совпадению капитан корабля ужинал вместе с мэром города за соседним столиком. Капитан никак не мог взять в толк, как трое его матросов могли позволить себе столь щедрое питание. Он явно отметил для себя, что нужно наказать за длину волос, открытое пьянство и чревоугодие. И тут до него дошло, что мы вообще не из его команды. Он так и смотрел на нас, а мэр сделал вид, что ничего не заметил.

На следующий день, пока Эндрю трахал Сан–Тропе и его окрестности, мы с Элинор нашли нудистский пляж. Люди плавали в море с голым задом. Элинор сняла топ, что меня напрягло и спровоцировало в то же время. Я не мог решить, куда пялиться. Не желая быть в тени жены, я решительно снял плавки и улёгся загорать. Ненадолго. Вскоре меня вежливо похлопали чуть повыше талии и попросили надеть плавки.

— Почему? — удивился я.

— Месье, вы взяли на прокат у нас шезлонг. Мы за вас отвечаем. Те, кто щеголяет нагишом, находятся в пределах участка, где волна убывает, и все они носят полотенца.

Я прояснил для себя важную вещь о Сан–Тропе. Если ваша женщина показывает сиськи — это нормально, но если вы маячите со своим членом — это проблема. Чувствуя себя, словно

бесстыжий ребёнок, раздевшийся при всех, я натянул плавки и обнаружил, что весь пляж смотрит на меня. После такого я был готов возвращаться в Англию и закончить работу над концертом для фортепиано.

К тому времени, как я вернулся в относительно благополучную английскую сельскую жизнь, я решил возобновить работу над сольным альбомом, несмотря на запланированную серию концертов. Тройной альбом группы стал платиновым, как и остальные, а мастер–ленты неизданных записей (“Honky Tonk Train Blues” и т. д.) и написанные от руки партии лежали нетронутыми на чердаке дома. Им срочно требовалась компания нового материала, чтобы получился целый альбом.

Моя идея в то время состояла в том, чтобы записать историю фортепианных стилей. В какой–то степени я уже отметился в буги–вуги, би–бопе, страйде и блюзе. Теперь я сидел за большим роялем в домашней студии, глазел на очень красивый фасад дома сквозь запущенный сад и слушал пение птиц. Я намеревался создать несколько фортепианных вариаций. Это было очень вдохновенное время… почти религиозное. Широкие дубовые срубы, из которых построен Стоун Хилл, требовали уважения. Дом стоял здесь ещё до того, как открыли Америку, и с таким почтительным возрастом не поспоришь. Во времена Тюдоров был принят закон, согласно которому дубы использовались только для строительства кораблей, защищавших Англию. Если вы хотели построить дом из дуба, нужно дождаться, пока галеон не отслужит свой срок и не попадёт на двор скупщику старых кораблей. Стоун Хилл был построен из королевской мачты одного из кораблей Тюдоров.

На территории поместья гордо стоял большой старый дуб. Когда меня настигал творческий кризис, я покупал ящик вина, брал бутылку и ноты, забирался на дуб, располагался меж ветвей и глядел, как солнце заходит где–то за Нью–Хейвеном. В это время мой раскованный мозг работал над музыкой. Неизбежно мир и спокойствие нарушались четырёхлетним Аароном.

— Мама сказала, чтобы ты слезал с дерева и шёл ужинать — сейчас! — и чтобы я точно услышал, добавил, — Темнеет, папа.

Как всегда. Ещё чуть–чуть, и я бы свалился с гнезда, словно неоперившийся птенец.

Я написал серию вариаций под влиянием «Вальса № 6, до мажор» Брамса. Я хотел воссоздать скачки на дециму в стиле этого великого человека. Должно быть, там было влияние Копленда, в частности из балета «Appalachian Spring». Затем я захотел написать жигу, а потом рапсодическую, с переходом в фугу, сонату, если такое вообще есть. Я захотел хроматическую

гамму Шёнберга. Чем больше я хотел, тем больше нот выплёскивалось из рояля, да с такой скоростью, что я не успевал их записывать. А потом я захотел соединить их в один большой концерт!

Я почувствовал, что настало время для окончательного заявления, чтобы заткнуть тех, кто обычно восклицал: «А, Эмерсон! Всё, что он делает — подворовывает из классики». Может, концерт для фортепиано покажет им всем. Группы уже создавали произведения с оркестром, но никто в моём мире не писал концертов. Приняв решение, я не знал, как пишется концерт и решил найти кого–нибудь в помощь.

Джозеф Эгер. Отличная идея! Как здорово с ним работалось во времена The Nice!

Две недели спустя, договорившись об оплате, я выслал ему билеты на самолёт, и он приехал ко мне в поместье. Мы начали работать. Находясь в Англии, Джозеф не преминул воспользоваться случаем заняться собственными делами. Скоро стало понятно, что он не сделал ничего путного из моих записей. Джозеф предложил несколько набросков, но ни один из них не соответствовал моей музыке. Мы было весьма неудобно и тяжело сказать ему, что в этот раз не сложилось, в частности, когда он жил у меня дома.

Джозеф вроде бы воспринял увольнение вполне нормально. В конце концов, проживая у меня дома, он претворял в жизнь множество своих планов. Тони Стрэттон–Смит также приглядывал за делами Джозефа в Англии через свою компанию Charisma. Короче говоря, Джозеф Эгер проводил, как выражаются американцы, приятное время.

Как–то ночью в Стоун Хилл приехала бригада пожарных. Их оказалось человек восемь, во главе в командиром. Я сразу понял, что их визит носит двоякий смысл. На самом деле они таким образом смотрели, как живут поп–звёзды. Я не хотел их разочаровывать и вытащил лучшие коньяк и красное вино, пока они проверяли дом на предмет пожаробезопасности. После полуночи они выползли из дома, иссушённые.

Я позвонил Джону Майеру. Его Indo–Jazz Fusion развалился, и он загорелся помочь. Мы отлично сработались. Обычно я приезжал к нему домой в Сент–Джонс Вуд[73] на Нортоне с бутылкой «Курвуазье», брошенной в сумку с нотами. Джон, индиец по национальности, не принимал алкоголь до шести вечера, после чего тихо говорил: «Я думаю, что могу немного составить тебе компанию в поглощении нектара богов».

Редко когда он выпивал больше одной.

Позвонила мама.

— У твоего отца инфаркт. Но состояние стабильное.

Я проехал восемьдесят километров из Лондона в Суссекс и час спустя сидел у изголовья кровати. Он плакал, а я держал его за руку.

— У нас такой замечательный дом. Присматривай за мамой. Я не хочу умирать, я хочу наслаждаться этим прекрасным домом, который ты купил для нас… ещё какое–то время, — мой отец всхлипывал, а я неловко, с любовью, держал его руку. Я уверил, что никто не заберёт их дом, и он точно проживёт дольше, если побывает у моего врача на Харли стрит.

Я вышел в сад. Впервые в жизни я видел, как плачет отец. Для меня это был шок. Он был оплотом, крепостью и тайным вдохновителем, на которого я всегда хотел произвести впечатление. И хотя он никогда не требовал ничего подобного от меня, он это знал. Я это знал! Мы даже ссорились по этому поводу. Теперь я сам был отцом, а он сыном, и ответственность давила. В то же время концерт для фортепиано постепенно приобретал форму в моей голове. Он должен был! Так и должно быть! Я должен держаться на плаву, чтобы отец гордился мной. Одобрение отцом моей музыки всегда будет значит для меня всё.

19. Выступление с Оскаром

Где–то в марте 1975–го позвонил возбуждённый Вилли Робертсон. Он часто так поступал, но в этот раз, когда здоровье отца стабилизировалось, я принял дорого друга как подобало.

— Послушай, мой мальчик, не хочешь съездить на денёк во Францию, на виноградники Моёт et Chandon? У меня есть тридцать пригласительных от самого Фредди Шандона. Серьёзное дело, что скажешь?

Вилли использовал слово «серьёзный» как прилагательное, означавшее, что выпивка должна быть организована по–взрослому — аспект, который мы оценили лишь повзрослев, поэтому просто приняли королевский подарок.

Я не очень люблю шампанское, но перспектива продегустировать редкие коллекционные вина с самим графом весьма привлекала. Мы с Элинор оставили дом в надёжных руках няни Аарона.

Аарон остался у бабушки с дедушкой, а мы в компании других знаменитостей, включая Гэри Глиттера и самозваную звезду Эндрю Лейна, погрузились в частный самолёт в сторону земли сброженного винограда. Было весело, роуди The Who Уигги всю дорогу сопровождал остроумными комментариями экскурсию по туннелям, бочкам и званым ужинам, за которыми следовали ещё более экстремальные пирушки. Когда на аукционе выставили запасы шампанского урожая 1911 года в честь благотворительного фонда Нордоффа–Роббинса, каждый участник неистово старался перещеголять остальных, словно хотел доказать, чья карьера развивается успешнее.

Мы вернулись в лондонскую квартиру около одиннадцати вечера, гружённые бутылками от графа Фредди. Пока решали открыть одну из них, зазвонил телефон. Это была суссекская соседка. Она так верещала, что мы не сразу поняли, в чём дело.

— Пожар!

— *ПОЖАР*? Где пожар? Где?

Она задыхалась.

— Где пожар? — спросил я.

— Я каталась на велосипеде возле вашего дома и увидела пламя из окна верхней спальни. Я позвонила пожарным, приехало семь автомашин.

— О, Господи!

Я положил трубку, а затем набрал полицию. Они подтвердили факт пожара и, да — дело серьёзное.

— Что? — спросила Элинор, войдя в комнату и готовясь налить вино.

— Стоун Хилл в огне, — ответил я беспомощно.

Элинор моментально развалилась. Я позвонил Эндрю, который в отличии от нас, приехал домой в целости и сохранности.

— Эндрю, в Стоун Хилле пожар. Я еду в Суссекс.

— Оставайся на месте. Я подберу тебя через пять минут и сам довезу, а то ты убьёшься по дороге.

Это была самая долгая поездка в моей жизни, даже не смотря на то, что за рулём сидел Эндрю. Элинор и я сидели на заднем сиденье, держась за руки и размышляя, что осталось от дома.

— Ноты, *плёнки*, — бормотал я.

— Моё свадебное платье — ты–то вряд ли беспокоишься о нём, — бормотала Элинор, не желая уступать.

Два часа спустя мы добрались до сельской дороги, которая вела в к нашему дому. Она была блокирована полицией, а широта трагедии начала давить сильнее.

— Я владелец поместья.

— Окей, дайте им пройти, — передал сержант.

Ночной суссекский воздух пропитался дымом. Напоминало лондонский туман. Мы прошли мимо пожарных машин и подошли к воротам. Что же осталось от волшебного дома эпохи Тюдоров? Пожарные с брандспойтами стояли во дворе, некоторые из них с противогазами на лицах входили и выходили из дымящегося здания. Я услышал, как позади меня вскрикнула Элинор. «Держите её», — закричал кто–то.

— Я должен туда войти… мои записи… ноты, — просил я пожарных.

— Извините, сэр, в здании небезопасно, — ответил офицер.

Подошёл Эндрю и попытался объяснить по поводу плёнок… важности нот. Пожарный оставался непреклонным и сказал, что перед тем, как мы приехали, на первом этаже взорвались ящики с патронами для ружья, вынеся стену спальной и кое–кого из его подчиненных.

— Мы всё же рискнём, — ответил Эндрю.

Нас обрядили в шлемы и дали фонари. Следуя за пожарным, мы вошли в пекло Стоун Хелла!

Сквозь дым мой фонарь высветил ноты, которые вывалились из чердака, а теперь медленно тлели там, где была столовая. Я наступил на один лист, подобрал его, взглянул и увидел, что это была часть увертюры к “Five Bridges Suite”. Остальные ноты мокли в воде от пожарных рукавов.

— Мы собрали почти всё, что можно было спасти, — сказал

офицер. — И положили в студию. Что вы конкретно ищете?

— Плёнки из раздевалки на первом этаже, — я начал задыхаться.

— Её больше нет, — честно ответил пожарный.

— Они должны быть там.

— Хорошо, смотрите под ногами, — он повёл нас в ту сторону. — Лестница почти сгорела.

Всё, что осталось на первом этаже — это канализационные трубы. Ориентируясь по трубам и пиная горящие угли, я наткнулся на три тёплых ящика. Это были восемнадцатидорожечные мастер–ленты сессий “Honky Tonk Train Blues”.

— Отвези их в Лондон и проверь в студии, — прохрипел я Эндрю.

Соседи предложили нам кров на ночь. На кухне нас угостили коньяком, а мы старались не слушать, как пожарные вывозят остатки нашего дома. Я взглянул на Элинор. Длинные светлые волосы спутались, но больше вопросов вызвал синяк на лице.

— Как это случилось?

— Пожарный ударил и толкнул меня, когда я закричала, что пойду в дом.

— Что он сделал?

Сосед удержал меня, потому что мне захотелось вернуться на место и найти сукиного сына, который ударил её. Должно быть, он был одним из тех, кого я развлекал, когда они приходили с инспекцией по пожаробезопасности.

— Пожарный должен был сдержать Элинор, — грустно ответил сосед.

— Как… ударив по лицу?

— Забудь, — слабо сказала Элинор. — Мы потеряли дом… лицо восстановится.

— Дома тоже можно заново отстроить, — неуверенно вмешался сосед в попытке остудить накаляющуюся ситуацию.

Оказалось непросто спрятать статьи из прессы от больного отца: все таблоиды кричали о том, что дом Кита Эмерсона сгорел до тла.

По страховке Вилли Робертсона нам предоставили дом в Лондоне, пока восстанавливали Стоун Хилл. Эндрю проверил сохранившиеся плёнки и отрапортовал, что звучат они превосходно. Во временном пристанище я закончил последнюю часть концерта на пианино под названием “Con Fuoco” — «С огнём». Пока я оттачивал фортепианную часть, то часто навещал Джона Майера для работы над полной аранжировкой… и тут я захотел взять паузу!

Элинор и я отправились на целый месяц в отпуск в Гренаду, Вест–Индия, чтобы научиться нырять с аквалангом в компании самого Лероя Френча, как в фильме «Голубая вода, белая смерть». Там мы получили сертификат, а затем отправились на Галапагосские острова, где провели две недели на борту лодки с подвязанными к опорам сухими плодами. У нас был повар, инструктор по дайвингу и его ассистент. Мы были предоставлены сами себе, в компании морских львов и… пусть лучше об этом расскажет мой дневник.

22 августа

После завтрака мы сошли на берег с Сомбреро Чино. Наш маленький друг морской лев узнал нас, но получил взбучку от матери, которая потащила отпрыска на другой пляж. На другом берегу мы снова попали под бомбёжку галапагосских ястребов. На этот раз Элинор осторожно уклонялась от когтей пикирующих птиц, которые пронеслись в сантиметре от её лица. Майк, Мик и я ныряли в канале, а Элинор снимала на камеру. Видимость хорошая, течение сильное. Мы увидели мурену, иглобрюха и рыбу–попугая. Затем у Мика кончился кислород, и мы вернулись на «*Каткарт*», повиснув на выцветшем борту шлюпки. После обеда лодка отправилась в Бальтру за припасами. Плыть предстояло три часа. Мы учились играть в нарды, а затем пошли спать. Проснувшись, мы обнаружили свежий хлеб, апельсины и выпивку. Элинор хочет сделать салат из свежих фруктов, которые подают на ужин. Вечер заканчивается разговорами, выпивкой и игрой в нарды.

23 августа

Лодка покинула мелководье, вызванное отливом и продолжила курс на Санта–Крус. Возле устья большой лагуны мы кинули якорь и сели в шлюпку. Вода мелкая, видно черепах, скатов и акул. В самой укромной части лагуны мы наткнулись на гнездовье, или пастбище белых акул — они плавают вокруг нас и иногда показываются над водой. Погода установилась отличная, и мы вернулись на лодку. Следующим пунктом назначения был остров Гая Фокса, где мы должны нырять. Майк, Мик и я ныряем вдоль крутого склона. Я сфотографировал черепаху. Мы кажется слегка потеряли друг друга из виду, Майк пошёл ко дну как кирпич, Мик никак не мог спуститься ниже, а я болтался где–то посередине. Мик вскоре всплыл, а мы с Майком с небольшим запасом воздуха попытались опуститься до рифа на глубине тридцати метров. У нас получилось, но у меня запас кислорода оставался на опасном уровне, времени осмотреться не было.

Последовал сигнал подыматься. Затем мы поплыли на шлюпке к заливу Конвэй. Там нашли землю игуан. Местная игуана крупная, выглядит ярче, чем её морской собрат. Игуана роет самые здоровые норы в земле. После этого мы отдохнули песчаном пляже и вернулись на лодку как раз на отличный ростбиф Элинор.

24 августа

В конце пятичасового вояжа из Флорианы «*Каткарт*» остановился у острова Чемпион. После завтрака, пообещав Элинор больше не есть, мы отправились на дайвинг. Майк и я. На пути вниз вокруг плавает акула, но камера не готова. Пока я её включал, акула уплыла. Я расстроился, но мы продолжили погружение. За нами следует морской лев, а мы доплыли до пещеры в коралловом рифе. В этот раз погружение прошло без происшествий. Элинор сидела на пляже, играла в нарды с Миком, гуляла по окрестностям и загорала. Поднявшись из глубины, Майк и я собрали провиант, и все вместе провели пикник в окружении морских львов. Вернувшись на лодку мы с Майком решили ещё раз нырнуть в Девилз Краун. В этот раз было восхитительно — множество акул, барракуда и черепахи, я их сфотографировал. Иногда встречались целых три акулы на расстоянии полутора метров, по описанию совпадающих с галапагосской акулой. Сильное течение относит нас далеко от шлюпки и требуются неимоверные усилия достучаться до сонного эквадорца, ожидающего наверху. После короткого путешествия на «*Кэткарте*» мы причалили к заливу возле Флорианы, а затем отправились на сушу, чтобы поужинать с семьёй Уиттнерсов, проживавших здесь с 1932 года. Мы угощались вкусными блюдами — четыре смены — даже Элинор ни от чего не отказалась. Она ещё и нарушила клятву, накупив сувениров. Обожравшись от пуза, мы вернулись на лодку и отбыли.

Я вернулся в Англию заметно посвежевшим, воодушевлённым отличным путешествием и готовый к записи концерта. Кингсвэй Холл, расположенный на границе Сити, обладал лучшей акустикой для записи классической музыки. Но в то же время у него были и недостатки: отсутствовали собственные средства для записи. Если хотите записаться там, нужно арендовать большую мобильную студию и установить её возле зала, тем самым серьёзно нарушая движение. Метро, если появляется вовремя, громыхает из подземелья и вторгается в *каденцию*. Я был готов ко всему и арендовал здоровенный рояль Бёзендорфер для записи с очень большим Лондонским Филармоническим оркестром.

Ко дню записи я был настроен оптимистично и основательно подготовлен. Я отрепетировал самые замысловатые партии, инженеры расставили микрофоны, оркестранты расположились по местам в разном состоянии смущения. Неужели бюрократия поменяла точку зрения после всех этих лет? Как бы не так! Мне стало ясно, как только Джон Майер поднял палочку. Оркестр решил, что он играет роль Микки Мауса, дирижирующего морем в мультфильме «*Фантазия*». А теперь мышонку кинули в лицо водоросли. То, что рок–музыкант написал концерт для фортепиано с оркестром — уже смешно. Для них это был обычный трёхчасовой концерт. Духовики больше интересовались результатами матча по крикету, они давали друг другу советы, как лучше сыграть вместо того чтобы учить свою партитуру. Когда наступил обязательный перерыв согласно Уставу профсоюза, никто не учил свои партии. Я был очень недоволен.

Десятифутовый «Бёзендорфер», прекрасный рояль с огромным резонатором и лёгким управлением, звучал не так хорошо, как должен… как и всё общество. Я не мог играть с безразличными людьми, но у нас была ещё одна сессия. Когда и она провалилась, я объявил окончание и забрал записи с собой. Ни одна из них не была пригодна. Выходка стоила мне восемь тысяч фунтов и у меня не осталось ничего, кроме разочарования. Я отменил остальные сессии с Лондонским Филармоническим оркестром и отложил концерт до лучшего дня.

Директор оркестра позвонил узнать причину срыва.

— Ваш оркестр не заинтересован играть, равно как и я.

— Пожалуйста, приезжайте ко мне в офис и поговорим об этом.

Нехотя я сел за его стол. Директор оркестра явно хотел продолжения. Он хотел знать, какие проблемы возникли во время последней сессии и делал заметки самым примирительным образом. «Окей, я лично отберу лучших духовиков для следующей сессии и сделаю скидку на весь оркестр. Как вы на это смотрите?»

Я тайком забронировал студию ICT в Уэмбли и в этот раз отправил туда собственный «Стейнвей». Джона Майера я попросил кое–где упростить оркестровку.

Неожиданно мне достался активный оркестр. Впереди ожидало множество величественных моментов. Самым памятным оказалась пятая часть — Toccata Con Fuoco — записанная за один дубль, не считая фортепианной каденции, которую пришлось редактировать из–за шума на заднем плане. Я поднялся по лестнице в аппаратную, оркестр ожидал внизу. Все сошлось, как надо. Неистовство огня в Стоун Хилле, грусть и, наконец, со звуком грандиозных аккордов — реконструкция. Я крикнул в

интерком: «Мы закончили», и весь оркестр поднялся и зааплодировал. Эндрю хлопнул меня по спине. Это был очень величественный момент. Воодушевлённые, мы записали мою аранжировку “Abaddon's Bolero”, ранее исполненную полностью на синтезаторе на альбоме «*Trilogy*». Несмотря на то, что нам пришлось сделать пятьдесят два дубля, чтобы записать все части, результат получился прекрасным. Я пригласил оркестр отметить запись. Эндрю принимал заказы. Пока его ждали, он принял слегка на грудь, а я как раз раздавал ноты для «Maple Leaf Rag». Алкоголь почти не возымел действия на фейерверк Лондонского Филармонического оркестра.

Я взял записи домой и показал отцу. Не то, чтобы я хотел убедить его, что действительно могу зарабатывать на жизнь таким способом. Просто это было его мнение, а одобрение отца значило для меня всё. Он мной очень гордился! С тех пор, когда я приезжал, было так: «Не возражаю ли я, если он покажет мне аккорды к “Misty” на органе?»

В те времена выглядело нелепым, если рокер написал концерт для фортепиано. Это просто непостижимо! Запрещённая территория! Вы помните циничное замечание Бернстайна: «А сколько частей в вашем концерте?» И хотя я и оставался позитивно настроенным, было нелегко ступать по священной земле. На самом деле я чертовки боялся, что создав нечто, у меня не хватит смелости сыграть вживую.

Когда я повстречался с Джимми Пейджем в Монтрё, он высказал те же опасения. Оказывается, он написал концерт для гитары, но у него кишка оказалась тонка для записи в студии. Теперь я оказался в состоянии «Или давай делай, или вали отсюда».

Следующее письмо от BBC, датированное 20 мая 1975 года, было адресовано Пэт Маллиган, секретарше в Manticore:

> Уважаемая Пэт,
>
> я работаю над проектом шоу Оскара Питерсона, которое мы не так давно обсуждали.
>
> У нас будут шесть 45–минутных передач (название обсуждается) с Оскаром Питерсоном и гостями.
>
> Я хочу включить в состав гостей современных клавишников из джаза и классической музыки, известных композиторов, которые смогут проиллюстрировать свою работу на фортепиано, а также пригласить людей, широко известных (я даже скажу, популярных персон) из других областей, но которые

смогут достойно сыграть на фортепиано.

Я бы хотел, чтобы гости рассказали об их интересах в фортепианной музыке и музыке в целом, и вообще обо всём, что придёт на ум. Стиль шоу заключается в расслабленной неформальной атмосфере.

Кит Эмерсон из тех людей, которому, как мне кажется, понравится побывать гостем Оскара, и я был бы рад, если вы рассмотрите такую возможность.

С нетерпением жду ответа.

Искренне ваш,

Колин Стронг, продюсер,

Light Entertainment, газета «Variety»

Эндрю и я скрылись в джазовом клубе Ронни Скотта в Сохо. Святая Святых джаза, которую Ронни создал в пятидесятые.

Для короткого выступления Оскара Питерсона отобрали лучшую ритм–секцию. Эндрю не желал отставать и заказал лучший столик в таком месте, чтобы я мог посмотреть вблизи на непревзойдённого мастера джазового фортепиано.

За сценой происходила другая подготовка, о которой я не мог знать. Я сидел и въезжал в грув Оскара. Он играл непринуждённо. Всё, что я слышал, покупал и исполнял. Это был Оскар Питерсон, величайший джазовый пианист. Когда закончился первый сет, я расслабился и осмысливал то, что услышал, но вскоре меня прервали. Кто–то незаметно подошёл к Эндрю и что–то прошептал ему в ухо.

— Окей, пошли, — обратился Эндрю ко мне.

— Куда?

— Познакомимся с Оскаром!

— У Оскара впереди ещё один сет! Не лучшее время для знакомства!

— Я всё устроил!

Ещё один фокус Эндрю, но я начал возражать. В это время шепчущий посредник несколько помедлил и исчез.

— Ну вот! Ты снова отличился! — воскликнул рассерженный Эндрю.

— В смысле?

— Это был тур–менеджер Оскара Питерсона. Я всё сделал для тебя, чтобы ты встретился с великим человеком.

— О! Спасибо, что предупредил.

Но Эндрю ещё подсыпал соли на рану: «Он, наверное, вернулся в гримёрку и сказал Оскару, что Кит Эмерсон такой высокомерный хрен–суперзвезда, что не может поднять задницу

со стула и пойти познакомиться!»

— Упс!

Я пару минут зализывал раны на раненом самолюбии, а затем ко мне пришла идея. Я позвал официантку.

— Принесите мне лучшую бутылку шампанского и доставьте её с запиской в уборную Оскара Питерсона.

В записке было написано: «Оскар, вы были вдохновением как для меня, так и для других. Я понимаю, что вы очень заняты. Пожалуйста, примите это в знак моей любви к вам и вашей музыке».

Спустя какое–то время официантка вернулась.

— Оскар хочет вас видеть после следующего сета.

«Наверное, не только за шампанское», — подумал я. Эндрю теперь отстал от меня и заглядывался на официанток.

Сет закончился, официантка вернулась, чтобы напомнить нам о просьбе Оскара.

Я отправился к выдающемуся пианисту, за мной неохотно последовал Эндрю, и постучал в дверь грим-уборной.

— Входите, — пророкотал голос.

— Вот он, в компании участников трио — Мартина Дрю (ударные), Нильса Хеннинга (контрабас). Оскар представил меня им: «Это Кит Эмерсон». Они вежливо кивнули, но было видно, они понятия не имеют, кто я такой.

— Да, чувак! Тебе не стоило этого делать, — сказал Оскар, указывая рукой в сторону неоткупоренной бутылки Моёт et Chandon. — Садись. Вот что я тебе скажу.

Эндрю предусмотрительно извинился.

Под заинтересованным взглядом музыкантов ритм–секции я уселся в маленькой комнатке, и Оскар Питерсон рассказал о том вечере, когда он смотрел по телевизору Калифорнию Джэм. Увидев, как я вращаюсь на рояле, играя регтаймы и фуги, он позвонил другу Графу.

Оскар Питерсон звонил Каунту Бейси, чтобы тот посмотрел на меня?

— Мы можем пообедать вместе и обсудить новую передачу на БиБиСи, которую я буду вести?

— Ну… да, конечно.

— Отлично! Жду тебя завтра в ресторане «Меридиана» на Фулхэм роуд в час дня.

Я как тумане выполз на Фрит стрит с Эндрю, бормотавшим ругательства.

— Эндрю. Оскар говорил обо мне с Каунтом Бейси!

— Ага.

— Не могу поверить. Два величайших джазмена говорили обо

мне!

— Ага.

— Оскар хочет пообедать со мной завтра в ресторане под названием «Меридиана».

— Я его знаю. Белое здание на углу. Итальянская кухня. Симпатичные девочки, — ответил угрюмо Эндрю.

На этом мы расстались, пожелав друг другу спокойной ночи.

На следующий день в час дня я занял место за столиком Оскара. Там присутствовали люди из БиБиСи. Меня представили им, но я не смог запомнить их имена. Нам сунули под нос меню, мы заказали выпивку, а Оскар продолжал рассказывать всем, как он впервые увидел меня по телевизору. Поздним вечером сын попросил его спуститься из спальни.

«Пап… папа! Ты должен посмотреть на это!» Ну я и спустился вниз и увидел этого парня, вращающегося на рояле вокруг собственной оси и немедленно позвонил Бейси. «Включи ЭйБиСи! Ты должен глянуть на того парня», — говорил Оскар.

Во время его речи люди часто кивали в мою сторону и улыбались. Но это был столик Оскара, он правил балом. Его обаяние, красноречие в этот раз тронули меня глубже, чем его игра, на которой я вырос. Я почтительно склонился перед лицом Бога.

— Та запись “Chicago”… я часто ставил её на проигрыватель, слушая определённое место снова и снова, чтобы выучить соло.

— Да? Что за запись? Я столько раз играл “Chicago”, что уже потерял счёт.

Я несколько недель учил рефрен одной из его многочисленных импровизаций в 18–летнем возрасте. Я мог пропеть его среди ночи… и так и сделал.

— Нет, — ответил Оскар, принимаясь за еду. — Не помню такого.

В процессе подготовки я сказал Оскару, что хотел бы использовать Биг Бенд БиБиСи в моей композиции “Barrel House Shakedown”, а также предложил, что неплохо бы сыграть вместе “Honky Tonk Train Blues”, так как сингл с ней взбирался на вершину английских чартов. В Италии он уже занимал первое место несколько недель. Оскар не возражал.

За ночь перед записью на телевидении я запаниковал. Я не мог заснуть, беспокоясь о том, что следующим вечером буду играть вместе с одним из своих кумиров. Я выпил две таблетки снотворного, запил коньяком и отрубился.

На следующий день, прибыв в театр Хаммерсмит, я увидел там Эндрю Лейна, который проверял, чтобы всё было как надо. Его вид выдавал не меньшее волнение, чем у меня. Два рояля

стояли друг напротив друга. Мой специально расстроили под стиль хонки–тонк, а инструмент Оскара просто дожидался своего хозяина.

Постепенно прибывали музыканты оркестра. Карл Палмер напросился на шоу, и я в конце концов согласился, после того, как он пообещал замаскироваться, надев очки.

Раздали ноты музыкантам. У Оскара была своя ритм–секция, у меня своя, с Карлом Палмером в тёмных очках; чтобы его не узнали. Оскар сел за рояль и попросил указать, когда ему вступать. После первого прогона “Honky Tonk Train Blues” он сказал: «Хорошо! Когда ты дашь знак, чтобы я сыграл, я начну со своей ритм–секцией». Понятно.

Как можно деликатнее я дал всем новые инструкции и удалился в гримёрную ждать своего выхода. Эндрю заглядывал время от времени, но чем ближе подходило время, тем сильнее я паниковал. Я глотнул коньяка и на какой–то момент мне сильно захотелось взять и убежать из студии. Болтаясь по коридору я встретил Оскара, направлявшегося на сцену.

— Какой будет первый вопрос ко мне? — спросил я его.

Оскар лишь рассмеялся и оставил меня мерить шаги по гримёрке.

Шоу прошло успешно. Записи передач «*Оскар Питерсон представляет…*» были показаны в начале следующего года. Программа с моим участием вышла на БиБиСи 6 апреля 1976 года, как раз перед рождением второго сына, Дэймона. Вы могли видеть программу на видео. Стресс от участия сказался и на мне, и на Эндрю.

Два дня спустя у Эндрю обнаружился геморрой, настолько сложный, что его пришлось госпитализировать и удалить часть тонкой кишки.

Я съездил к нему в больницу на мотоцикле, подарил модели самолётов, чтобы он мог их клеить и раскрашивать. Врачи дали ему все таблетки, которые он попросил. На следующий день я сам свалился с геморроем, но собрался с духом и отправился к Эндрю — он лежал в частной палате. Эндрю с гордостью продемонстрировал результат усердного труда — Спитфайр, раскрашенный в камуфляж. Впечатляло! Пилот размером с ноготь был детализирован вплоть до лётных очков. Требовалось увеличительное стекло, чтобы рассмотреть более мелкие детали. Эндрю, которого напичкала разными лекарствами довольно симпатичная медсестра, удалось превзойти самого себя, прорисовав пилоту глазные яблоки.

— Глянь, я для тебя сохранил кое–что, — сказал Эндрю, заговорщически глядя на меня, прямо как его пилот. Он

приподнял блюдце, под которым лежала таблетка.

— Что это?

— Они классные. Я оставил для тебя. Возьми!

Задница адски болела. Я взял таблетку и, пока смазывал кремом Эндрю свою задницу, неожиданно вошла сестра. Она взглянула на мою зияющую дыру не моргнув глазом и заметила, что я выгляжу так же, как и на обложке.

Кое–как я завёл Нортон и поехал домой, привстав на подножке, пока не подействовало лекарство.

Законченный концерт ждал, пока я не придумаю, как его раскрутить. И тут позвонил Грег; он хотел послушать, что я там сочинил. Теперь мы обычно совещались, согласовывали, искали решение проблем, возникающие в процессе определения общего направления развития.

Грег пригласил меня в новый дом, Уиндлшэм Холл. Ещё одно огромное роскошное поместье с землёй, исчезающей за горизонтом. Грег выяснил, что оно исчезает раньше, чем он полагал: одним вечером он ехал по владению на Рендж–ровере с другом, которому хотел доказать чудеса полного привода. Они уткнулись носом в канаву, Рендж–ровер можно было списывать в утиль. Для Грега это ерунда; утром он купил новый.

Чтобы быть полностью готовым к исполнению концерта, я отправил техника за кокаином. Два грамма стоили мне сто пятьдесят фунтов.

Пока мы слушали, Грег высыпал пакетик на зеркало, соорудил из него линии и загнал их почти целиком в нос. Открыли бутылку коньяка и к двум часам ночи он приговорил остатки порошка и провозгласил, что то, что он услышал — «Чертовски здорово!» Затем, взяв в руки акустическую гитару, наиграл несколько аккордов: «Тебе не кажется, что звучит немного по–рождественски?»

На следующее утро я кое–как поехал домой. Мне не понравился наркотик. Он меня вогнал в депрессию. Но когда я принял немного ещё, то изменил мнение. Он мне начал нравиться, даже очень.

И вдруг я превратился из отшельника, погруженного в творческие грёзы, в экспрессивного маньяка, который наконец может высказывать свою точку зрения любым способом. Мои координаты в пространстве по широте и долготе не совпадали, но я на беспокоился на этот счёт. Я обрёл смысл, хотя никто так не думал. Если это был кокаин, то он вытащил меня из скорлупы. Все мои друзья торчали в «Загуле», но это был не просто район на юге Лондона[74]. Кокаин не сказался на моих творческих

возможностях, но сделал всё и ничего на общественной жизни. Я не думаю, что он по–настоящему помогал парням. Если повезёт и у вас встанет, то возможно, никогда не упадёт, что хорошо для вечно требовательного клитора. Часто попытки проникновения оканчивались всего лишь серьёзными обсуждениями, потому что мистер Одноглазый не желал идти на приём к Оптометристу. Друзья обращались к позитивному Эмерсону и постепенно меня начали приглашать на бесчисленные вечеринки, где я сдружился со всеми подряд, беседуя о всякой чепухе. Кокаин не считался вызывающим привычку. Этим пользовались перуанцы, когда отправлялись в долгие путешествия — типа принятия огромного количества кофе перед уходом на работу.

Кроме сексуальных неудач, на музыкальном уровне тоже позитивных сдвигов не происходило; по крайней мере, когда я сочинял. Я отвлекался, предпочитал болтать, чем играть.

Грег вернулся к сотрудничеству с Питом Синфилдом над рождественской песней и другими идеями, и меня пригласили сыграть на клавишах. В аранжировке было место, но вместо того, чтобы сыграть обычное соло на синтезаторе, я исполнил «Тройку» Прокофьева из фильма «*Поручик Киже*». Грегу и Питу очень понравилась идея и в декабре 1975 года, с оркестровкой Годфри Салмона, сингл “I Believe in Father Christmas” поднялся на 2 место английских чартов. Карл Палмер, чтобы не отстать от других, начал работать с биг–бендом Харри Саута, а также с Джо Уолшем, гитаристом The Eagles. Я помогал и Грегу и Карлу, когда они просили меня.

Для хорошо зарабатывающих групп английское налоговое законодательство перевернуло всё с ног на голову. К концу 1975 г. кое–кому пришлось заплатить 90 % от своих доходов в виде налогов. Лидеру лейбористов Харольду Уилсону, вечно попыхивающему трубкой, удалось выкурить нас из страны. В поисках выхода из ситуации ELP вместе со Стюартом Янгом приняли решение покинуть Англию. Но куда?

Эндрю, Робби Монтгомери (брат Дэвида Монтгомери, который сделал снимки меня за роялем, позднее изданные на альбоме «*Works*») и я сели на мотоциклы и поехали Монтрё. Эндрю на моём Нортоне, Робби на своём Кавасаки 900 и я на Кавасаки 1100 проделали путь в 1000 километров из Лондона в Монтрё за день, после того, как пересекли Ла–Манш вместе с автобусом со школьницами. Мы безмерно радовались, когда они фотографировались около наших мотоциклов.

В это время в самом разгаре проходил Джазовый фестиваль в Монтрё. Я встретил Криса Уэлча.

— Чёрт побери! Ты ехал всю дорогу на мотоцикле?

— Угу. Где тут бар?

Меня познакомили с Клодом Ноббсом, основателем фестиваля. «Ты должен здесь жить и выступать. Мы здесь строим студию записи».

— Неплохая идея, — заметил Эндрю, наблюдая за бесчисленными красотками.

Глядя на чудесное Женевское озеро, я согласился.

На берегу мы повстречали Джимми Пейджа из Led Zeppelin, и он любезно предложил нам «Чарли». Затем я отправился кататься на водных лыжах вместе с Филом Карсоном, который был тогда старшим вице–президентом Atlantic Records. В лодке сидела парочка папарацци из Англии и Германии, которые с удовольствием снимали нас. Мощности лодки не хватало, чтобы сбить нас с ног. На пол–дороги я предложил Филу снять плавки. Фил согласился, а на лодке началось подлинное веселье. Фотографии появились в *NME* с чёрными полосками, прикрывавшими наши чресла. Фил был расстроен, потому что его полоска была короче моей.

— Там было холодно, — жаловался оскорблённый Фил секретаршам в Лондоне, которые поместили фотографии на доску объявлений в офисе. Должен согласиться, было очень, очень холодно, но Фил был безутешен. Моя полоска была длиннее его! Надпись над фотографиями гласила: «Снимки некоторых эксгибиционистов». А вот немцы более рационально объяснили обнаженный вид, дескать, таким образом решаются проблемы с инерцией и устойчивостью без боязни показать интрументаж. Они опубликовали фотографии без цензуры с таким заголовком, если вольно перевести: «Фотт таким оппразом герр Эмерсон учится вассер скиинг, или как гофорьят французы, le ski nautique. Ффы спускаете трусы до колен, штоппы не разъехались ноги».

Тем вечером мы с Эндрю бросили байки возле маленького бара на краю города и увидели Роберта Планта и Джимми Пейджа. Плант ещё держался, а Джимми свесил голову в отключке. Коньяк разлили по бокалам, а я попытался поговорить с Джимми. Я рассказал ему о своём концерте для фортепиано, в результате чего он поднял голову и с грустью сказал: «Я как–то написал концерт для гитары, но у меня смелости не хватило сыграть его». Я мог только симпатизировать ему, лишний раз убеждаясь, как правильно я поступил. Когда наступила пора прощаться, Эндрю предложил Роберту довести его до отеля на байке. Джимми услышал это и умолял меня посадить к себе за спину.

— Извини, Джимми, это небезопасно.

— Чё значит, небезопасно?

— Это не самая лучшая идея. Ты едва стоишь на ногах.

— Ну так я ж буду сидеть, разве не так?

— Джимми, вокруг горы, дорога с очень крутыми поворотами… тебе придется пригибаться.

К счастью, Роберт пришёл на помощь.

— Спасибо за предложение, парни, но лучше, если мы с Джимми возьмём такси.

В Англии ELP, с ограниченным пафосом, предстояло попасть в очередной поток репетиций.

Находясь дома у Грега, я разглядывал коллекцию пластинок и увидел «Третью симфонию» Аарона Копланда, последняя часть которой содержит одну из десяти фанфар, “Fanfare for the Common Man”. Меня всегда впечатляла коллекция записей Грега, в которой было всё, начиная от Джулиана «Кэннонбола» Эддерли до Саймона и Гарфанкела, от Вона Уильямса до ABBA — иногда он предпочитал слушать, а не играть.

Я раскопал партии духовых к “Fanfare for the Common Man” и аранжировал их для новенького синтезатора Yamaha GX1. Первый из полифонических двухклавиатурных синтезаторов с монофонической клавиатурой и ленточным контроллером сверху.

Боб Муг предпринимал попытки в области полифонии, но из–за нехватки средств приходилось работать в одиночку, в это время на рынок рвались японцы, используя труд сотни рук. Не только Yamaha разрабатывала инструменты, в следующем году я услышу ещё об одной компании… KORG.

Официальное название синтезатора — Yamaha GX1, неофициальное — Машина–мечта. Компания произвела всего несколько штук, так они были очень тяжелыми, очень дорогими; цена варьировалась от двадцати до тридцати тысяч фунтов. Только сливки музыкальной элиты могли позволить себе GX1. Стиви Уандер купил его, продюсер Мики Мост, а также Джон Пол Джонс из Led Zeppelin. Он весил больше, чем контейнер с сумоистами, и пока команда техников устанавливала каркас, красочных выражений ему посвящалось больше, чем кому–либо. Я выбрал настоящего монстра, но и возможностей у него было как раз для одного из крупнейшего хита ELP, “Fanfare for the Common Man”.

Эндрю с Элинор вылетели в Монтрё для поиска дома, а группа спорадически джемовала и много болтала в Лондоне. Кокаина было вдоволь, я потакал своим прихотям по самое не балуй, вместо пальцев у меня кровоточил нос.

Из Монтрё позвонил Эндрю: «Мы нашли замечательный дом на берегу Женевского озера. Можно кататься на водных лыжах

прямо из собственного дока. В миле отсюда находится аэроклуб, и самое главное — на территории есть маленькое деревянное шато, возвышающееся над озером. Туда можно поставить фортепиано, сочинять музыку и не только». И радостно добавил: «Мы нашли дома для Грега и Карла. Прекрасные швейцарские коттеджи чуть повыше тебя».

Я начал привыкать к его «преследованиям», которые заводили, поднимали настроение и позволяли разговаривать на публике впервые в жизни. Как только я нашёл его, как мне теперь быть в Швейцарии? Ненадёжность внутри… надёжность снаружи? Это–то и пугало меня больше всего, и я размышлял, откуда придёт следующий грамм кокаина, если я буду жить в Монтрё. Но Стоун Хилл ещё не достроили, английское законодательство неумолимо; мне с Элинор по решению менеджмента пришлось переехать из Англии в Швейцарию. Все знали, что Элинор была беременной (после путешествия на Галапагосы), и в этот раз я старался быть более внимательным. Я привлёк лучших швейцарских гинекологов. Я попытался более согласованно подойти к отцовству, и в начале 1976 года мы строили планы о счастливой жизни на берегу Женевского озера.

К западу от Монтрё располагалась Лозанна. Больницы там были высшего класса, и я доставил Элинор туда. Она хотела эпидуральную анестезию, и все доктора уверяли нас, что сделают всё, чтобы роды прошли как можно безболезненнее. Во время всего этого Аарону пришлось пойти во французскую школу, как бы он не хотел, в остальное время за ним присматривала жившая с нами няня, обожавшая секс с оголодавшими членами нашей команды. Тот факт, что она не использовала туалетный ёршик, не остался незамеченным Элинор.

ELP въехали в только что построенную студию Mountain Studio в феврале 1976–го и устроили джем, в то время как вокруг нас суетились техники. Грозный GX1 ревел и стенал. ELP сыграли “Fanfare” с одним стерео–микрофоном. Чтобы протестировать акустику, мы записали “Fanfare for the Common Man” за один дубль, с импровизацией, а затем забыли о ней.

Несмотря на обилие белого вещества, ни одно не лезло в нос, пока ты насильно не заставишь. Жизнь в этой молчаливой деревушке начала тяготить. После джазового фестиваля, когда Монтрё закрылся, каждый день казался воскресеньем. Кроме мотоциклов, водных лыж и восхитительного пейзажа, в Монтрё не было ничего, кроме одного паба, где наши люди (за счёт группы) зависали, играли в дартс, ожидая возобновления работы. Местные жители (если вам удастся повстречать их) казались таинственными духами; телевидение вещало на любом языке,

кроме английского. Я погружался в депрессию.

Я скучал по Лондону… сильно! Мне требовалось общение для творчества. Грустно теперь думать о том, что я не полагался на собственную семью. Вместо этого, моё общение включало кокаин из Цюриха внутри обложек пластинок. Но поделиться было не с кем, и я потреблял его один. Я с удовольствием прочёл «Псы войны» Фредерика Форсайта, и когда узнал, что Норман Джуисон собирается снимать по роману фильм, то захотел написать музыку, и даже начал работу. Эндрю наводил справки. В общем, я спрятался в маленьком кабинете, перед которым открывался вид на частную гавань и озеро; иногда нюхал «Чарли», запивая его коньяком, и писал за новеньким пианино.

Сингл с “Honky Tonk Train Blues” занял 11 место в английских чартах в апреле, и поездка в Лондон на пару дней для схемок видео и промоушна стала глотком свежего воздуха. Клубы вечно полны и шумны, кокаин в избытке — вечеринки, вечеринки, вечеринки, пока к сожалению не пришлось возвращаться в Монтрё.

Грег приехал в моё шато, привезя с собой знаменитые четыре слова: «Слушай, я тут подумал…». Казалось, он никогда не выходил из дома без них.

В этот раз, его персональное декартово заклинание — Я мыслю, следовательно я существую — было гораздо оптимистичнее, чем «Я мыслил, следовательно я существовал». С философской точки зрения он поставил лошадь впереди телеги, высказав тем самым важную мысль.

— Ты, я и Карл, все мы использовали в записи оркестр… правильно? Почему бы не собрать один оркестр для турне?

Я внимательно слушал.

— Но, чтобы это сработало, — продолжал Грег. — Нам нужна концептуальная пьеса, в которой будут задействованы мы трое и оркестр. И здесь ваш выход, маэстро.

— Отличная идея, но где мы возьмём деньги?

— Не беспокойся, солнышко! Просто напиши музыку, а я поговорю со Стюартом.

И снова я заперся в кабинете для переработки пьесы «*Псы войны*» для Эмерсона, Лейка и Палмера. Два дня спустя я привёз ноты в студию для пробы с Грегом и Карлом. Вышло настолько здорово, что Грег вытащил Пита Синфилда в помощь для написания текста. Реакция Пита была такова, что он моментально испытал отвращение к теме наёмников, так как она связана с анархией, политическим дерьмом и, самое главное, там нет никакой романтики.

Пит обратился ко мне: «Меня не вдохновляет писать стихи к

такой тонкой теме, как наёмники, но я тут поразмышлял вместе с Грегом, и нам кажется, что концепция пиратов сработает намного удачнее. Пираты были наёмниками своего времени и… там гораздо больше романтики. Что думаешь?»

Я был страшно рад, что Грег снова работает со своим партнёром. Я принял идею, и они отправились в Диснейленд во Флориду, чтобы набраться впечатлений от аттракциона «Пираты Карибского моря».

Когда они вернулись с кинжалами в серьгах, стало ясно, что домашнюю работу они выполнили. Грег купил бесчисленное количество книг о пиратах, а Пит ликовал от открытий типа «пении на глазах». Он мог многое сделать с образами, выдаваемыми мощным GX1, под аккомпанемент большого оркестра… но Питу до этого дела не было. Он должен вымучивать стихи.

В полдень 18 апреля я преодолевал короткую дистанцию на Нортоне между домом и студией. Наступила Пасха, и в Монтрё было ещё тише, чем обычно, потому что все уехали на праздники. И нельзя никого винить в этом. Я находился в студии около часа, когда подружка Эндрю, Джей, позвонила и сказала, что у Элинор отошли воды, и такси доставляло её в больницу Лозанны. В мгновение ока я вскочил на мотоцикл и сопровождал жену до практически пустой больницы. Доктор, которого мы так обхаживали, чтобы он организовал эпидуральную анестезию для родов, загорал где–то на итальянских пляжах. Иного выхода, кроме как рожать *по–старинке*, у Элинор не было. Роды прошли легко. Без анестетиков, я не знаю, как она вытерпела столько боли. Я не могу заставить себя написать подробно об этом; скажу лишь, что она потеряла сознание в середине процесса. Наш второй сын родился в 16:47 19 апреля 1976 года. Когда она пришла в себя, мы нежно держали нашего ещё не названного сына. Долго думать нельзя, потому что в Швейцарии вы должны назвать и зарегистрировать новорождённого в течение двадцати четырёх часов, пока это не сделает кто–нибудь другой.

Я уснул на кушетке возле изможденной Элинор, а доктор, принимавший роды, решил приклеить бирку с именем «Питер» к маленькой ножке. Первые сутки мой младший сын носил имя Питер. Я не то, чтобы имею против этого имени, просто он не был похож на Питера — он выглядел, как кочевник!

На следующий день после обеда мы встретились с Эндрю в пабе около больницы, и за бокалом Гиннеса торопливо изучали имена вдоль и поперёк, чтобы уложиться в сроки, утверждённые швейцарским законодательством; время работало против нас. Появилась Джей.

— Дэмиен — прекрасное имя, — сказала она.

В процессе пития наступила пауза, пока отец и потенциальный крёстный соображали. Мы оба согласились, что имя слишком педерастичное.

— Его вечно будут колотить в школе с таким уродским именем! — ответил Эндрю. Мы стали переделывать имя и вдруг Эндрю внёс предложение. И хотя оно не походило ни на одно имя, которое мне приходилось слышать, я его принял. Это было сильное имя, которое хорошо гармонировало с выкриком, сопровождавшим его. В итоге, Эндрю, Джей и я вернулись в палату к Элинор с предложением. Она всё ещё была слаба, когда мы выдали альтернативу Питеру.

— Дэймон! Как ты думаешь?

Мы стояли вокруг кровати и заискивающе улыбались в ожидании одобрения. Элинор держала сына в руках. Она взглянула ему в глаза, а затем на застывшее в ожидании трио. Да, это был Дэймон! Элинор безоговорочно согласилась.

Встречайте Дэймона Кита Эмерсона.

20. Что посеешь, то и пожнёшь

Железный конь в виде мотоцикла Кавасаки 1100 часто возил страждущего «закинуться» седока на север от Монтрё в Цюрих.

«Поезд скрылся за холмом, издавая протяжный гудок».

И гудел он прилично. Иногда я получал маленькие пакетики с кокаином в конвертах пластинок. Лучший порошок лежал в бокс–сете *«Полное собрание сочинений для органа» И.С.Баха*, но его никогда не хватало. Этот поезд был той ещё задницей, да ещё и с миссией. Мимолётная остановка в клубе «Ugly», и обратно в Монтрё с пятью граммами кокаина под седлом. Я зашёл в студию и разделил порошок с техниками… всё, что угодно, лишь бы пообщаться. Когда остался последний грамм, пакетик снова вернулся в мотоцикл.

ELP очень много разговаривали. Обычно за круглым столом. Болтовня на первом месте, музыка на втором, кокаин с алкоголем обязательны. Нам каким–то образом удалось закончить работу. Дэвид Боуи иногда заглядывал, с ним было очень приятно закайфовать. Но приходилось возвращаться в свою лачугу, в своё пристанище, чтобы доработать концептуальную пьесу, которая должна оставить группу на вершине.

Пока я с нетерпением ожидал очередного джазового фестиваля Клода Ноббса, оживляющего городок, семья Эмерсонов продолжала страдать от переезда.

Аарону не нравилось ходить во франкоязычную школу, он не понимал языка, а тут ещё и случилось прибавление в семье. Ему пришлось свыкаться с переменами, пока мама нянчилась с младенцем. Он чувствовал себя покинутым, так как работы у меня прибавилось, и я не мог равномерно распределять внимание на всех членов семьи. Телевидение не показывало ничего интересного, если не считать ужаса под названием «Заключенный». Новости не понять. Мы только и слышали «радио гу–гу, радио га–га». Иногда получали записи телешоу с двухнедельным опозданием, но они нам доставляли такое наслаждение!

Грег купил велосипед с плутониевой рамой и катался вокруг озера. На итальянской границе находился очень милый ресторан с отличной кухней. Затем он жал педали в сторону студии; я предпочитал мотоцикл. Кроме этого, никаких развлечений не было. Нужно придумывать их самим.

Иногда я катался на водных лыжах из частной гавани до итальянского побережья и назад. Карл занимался с инструктором

по карате. Разочарование от этой чрезвычайно нейтральной частью мира стало настолько очевидным, когда один из наших техников схватил триппер от местной девушки. Как такое возможно в безупречной Швейцарии? Среди и так небольшого количества девушек, он умудрился выбрать не ту. Ну и невезение!

Наконец наступил июль, и пессимизм постепенно исчезал. Призрачный город оживал, вены наполняла свежая кровь в виде прекрасных людей. Музыканты и художники торчали в барах, тусуясь друг с другом; солнце подчёркивало их блеск. И вместе с яркими людьми в изобилии появились наркотики. Я продолжал писать музыку, группа собиралась в студии, джемовала, пробовала разные идеи, а в это время город пел и танцевал. Грег с Карлом не забывали о собственных музыкальных целях и, если требовалась моя помощь, им нужно было всего лишь попросить. Иногда они так поступали. Я помог классному аранжировщику для биг–бендов Харри Сауту доделать оркестровку к “Tank”, а также поимпровизировал для композиции “LA Nights”. Я был только рад, когда Грег предлагал идеи для оркестровок; мы привлекли молодого дирижёра, с которым он работал на сольных записях. Его звали Годфри Сэмон. После некоторого периода взаимной подозрительности, мы привязались друг к другу, как это иногда делают Скорпионы. Годфри был трудолюбивым парнем, с беспорядочной причёской, он был из группы Esperanto и закончил Гилдхоллскую школу музыки. Короче, все эти атрибуты помогли мне подружиться с ним.

Atlantic Records во главе с президентом Ахметом Эртегюном прилетели на фестиваль. Как–то вечером я сидел за одним столиком с Филом Карсоном. Led Zeppelin были где–то поблизости. Я шёл из туалета, когда столкнулся с парнем, выглядевшем, как будто он только что слез с трактора — настоящий фермер. Он хотел нюхнуть кокаин с кем–нибудь, и мы немедленно подружились. Свернув местную купюру в трубочку, я начал первым. За столиком я рассказал об этом случае Филу.

— Чувак, я только что нехило ширнулся с каким–то парнем. У него столько кокаина!

— А ты знаешь, кто это? — спросил скептически Фил.

— Нет, понятия не имею.

— Это Бонзо!

— Кто?

— Бонзо! Джон Бонэм, барабанщик Led Zeppelin.

— Надо же! Он мне нравится!

Бонзо сел к нам за стол, и нам вскоре наскучило происходящее.

— Почему бы не поехать ко мне домой и там продолжить

вечернику? Тут недалеко, в пол–миле на запад, прямо у озера. Возьми своего роуди и… не забудь дозу.

В стенах моего прибрежного пристанища Бонзо по–хозяйски разложил товар среди зеркал, бритв, свёрнутых банкнот, коньяка и т. д. В это время я подбирал, что поставить на проигрыватель. Кажется, я выбрал пластинку Steeleye Span.

— Эй! Для начала убери эту хрень! — заявил Бонзо, прикончив белую полоску, запивав доброй порцией коньяка. — Есть какие–нибудь записи Led Zep?

Как выяснилось, были.

— Ну бля, здорово! Поставь любую вещь, они все офигительные!

— Как насчёт “Black Dog”?

— Вперёд!

Пока я выравнивал порошок, стерео гремело, а Бонзо откинул голову и заорал: «Охуительная группа!»

Я должен был согласиться.

К счастью, Аарон и Дэймон спали в другом конце дома во время нашего кутежа. К нам подошла Элинор, но кайф не разделила, поскольку кормила грудью Дэймона.

Как только один трек Led Zep закончился, сразу же потребовался другой. Я хотел сыграть Бонзо кое–какие свои вещи, но у Бонзо был товар, так что он заказывал музыку.

Я всегда завидовал Led Zeppelin, а теперь один из них был у меня в гостях. Какой прорыв в этой стерильной благословенной Швейцарии! Попробуйте произнести это с набитым сыром ртом!

В четыре утра мы полностью очистили запасы бодрящего порошка и коньяка, и Бонзо отправил помощника в отель за следующей порцией.

— … и возьми ещё одну бутылку «Реми»! — крикнул он вслед.

— Сколько твоему старшему? — спросил Бонзо.

— Аарону скоро исполнится шесть, — ответил я с гордостью.

— Отлично. У меня тоже сын… Джейсон. Он немного постарше твоего. Ты знаешь что, он станет супер–барабанщиком. Я скоро посажу его за барабаны. Он держит ритм, поверь мне, уже играет много цеппелиновского дерьма.

Далее он деликатно спросил про способности Аарона.

— Ну, он прошёл половину первой книги «Плохо темперированного клавира» Баха. — ответил я.

Перебив, Бонзо ответил: «Хренова классика, терпеть не могу!»

Пластинки LZ прослушались несколько раз подряд, когда верный помощник вернулся с исполненным поручением. Мы разложили порошок перед собой. «Подкрепление» выглядело по–

другому, темнее чем обычно, и я спросил Бонзо, что это — Чарли (кокаин) или Генри (героин).

— Это, блядь, Чарли! Вперёд!

Меня не надо упрашивать.

Пятнадцать минут спустя игла проигрывателя поднялась и автоматически вернулась на место отдыха.

— Сыграй ещё раз другую сторону, — послышалось бормотание, и, чтобы исполнить просьбу гостя, меня из кресла услужливо транспортировало какое–то сюрреалистичное присутствие. Когда я выпрямился, то увидел, что нахожусь в милях от земли. Руки тянулись до проигрывателя вечность, а затем на меня нахлынула тошнота, я едва добежал до туалета. Когда поднялось солнце, играя бликами на озере, моя голова покоилась в тихом фарфоровом пруду. Бонзо и его друг спрашивали, есть ли что–нибудь поесть, кроме детского питания. Я был в тумане, чтобы самому посмотреть.

— Не знаю, глянь в холодильнике.

— Алё, гараж!

Мне удалось дойти из туалета в кухню, где при виде майонеза, размазанного по хлебу, потянуло обратно. А потом они ушли: четверть Led Zeppelin отожгла по полной, уделав кухню хозяина до руин Дрездена после бомбёжки. Я кое–как дополз до спальни в обнимку с ведром, а днём Элинор вызвала доктора, который сделал укол, чтобы меня перестало рвать.

Много лет спустя, в 1992 году, ELP гастролировали с группой Джейсона Бонэма. После одного концерта за пивом я рассказал внимательному и чуткому Джейсону о том вечере с Бонзо.

— Да! Таков был мой отец, — гордо ответил он.

Я не мог удержаться от проявления отеческих чувств по отношению к нему, даже когда после последнего концерта он помочился на еду в гримёрной. Ну да, яблоко от яблони недалеко падает, так говорят.

Наступил вечер, я пришёл в себя и поехал в студию, потому что Ахмет хотел послушать то, что мы насочиняли. Был разговор, что Atlantic хочет предложить нам глобальный контракт. Грег взял бразды правления в руки, и двухдюймовая двадцатичетырёхдорожечная плёнка была бережно извлечена из коробок и установлена в магнитофон. Ахмету понравилось услышанное, он собирался уходить, когда Грег воскликнул: «Погоди! Есть ещё одна вещь со времён нашего первого джема здесь. Она ещё сырая, потому что мы записали её на один стерео–микрофон. Но я бы хотел узнать, что ты об этом думаешь.».

И запись “Fanfare for the Common Man” установили на тонвал и врубили кнопку Play. Ахмета словно пригвоздило. «Это хит,

чуваки!» — сказал он к нашему вящему удовлетворению. И отбыл в Америку.

После одобрения Ахмета мне потребовалось необходимое разрешение издателей на право использования материала их клиента. Я написал письмо и отправил вместе с укороченной версией «Фанфар» в лондонский офис Boosey and Hawkes. Я знал, что в это время маэстро Копланд должен быть там. Неделю спустя Стюарт получил ответ, что Boosey and Hawkes не дают разрешение на релиз. Таких новостей я не ожидал. Я был уверен, что Аарон Копланд без проблем утвердит мою аранжировку одной из его композиций, особенно если она будет исполнена всемирно известной группой. Я чётко следовал партитуре и ничего не менял. Всё, что мы добавили — это ритм в стиле шаффл в исполнении Грега и Карла, а всё остальное я бережно отыграл на Yamaha GX1. Да, я добавил блюзовое соло, но Копланд известен лояльностью к американской культуре! Он смешивал и американскую и мексиканскую традицию в композициях, Америка признала его национальным достоянием. Он по праву признан одним из лучших композиторов Америки не только в классической музыке, но и в киноиндустрии, где его концерты и симфонии превратились в музыку к фильмам типа «Великолепная семёрка» и «Большая страна». Несомненно, наша версия могла донести величественную музыку Копланда до массовой аудитории в совершенно новом измерении.

Но, как и обычно, вмешалась бюрократическая машина. К ним на драной козе не подъедешь, они думают больше о себе, чем о своих клиентах. Я задумался: а как отреагирую я, если к моему концерту отнесутся так же. Вне всякого сомнения я относил себя к лиге великих, но музыка есть музыка и должна быть услышана. Конечно, если адаптация любой формы музыки — большая лажа, самое место ей — в мусорном баке. Но “Fanfare for the Common Man” так органично вошла в музыку ELP, как ранее «Картинки с выставки».

Столько поставлено на эту вещь, что я решил лично позвонить издателям. Примерно так прошёл разговор:

— Здравствуйте, это звонит Кит Эмерсон из Швейцарии.

— Да, чем могу помочь?

— Я бы хотел поговорить с тем, кто работает с Аароном Копландом. В частности с плёнкой, которую я присылал.

— Подождите.

Я терпеливо ждал, пока соединяли с нужным человеком. Наконец, на том конце провода раздался голос.

— Да, это звонит Кит Эмерсон из Швейцарии.

— Чем могу помочь?

— Я прислал кассету с адаптацией “Fanfare for the Common Man” Копланда в исполнении Emerson, Lake & Palmer.

— Спасибо, мы послушали. Я думал, что вы получили ответ: маэстро Копланду не понравилось.

— Почему? Что ему не понравилось? — я едва не умер.

— Понимаете, — ответил заботливый голос. — Она копирует оригинальную тему… тогда в чём смысл?

— Смысл в том, что я не отправил вам или маэстро полную версию. Там много импровизаций в середине.

— Ну тогда почему бы вам завтра не отправить нам вещь целиком?

Пять дней спустя я получил так необходимое разрешение.

На следующий день недостаток кокаина ввергнул меня в депрессию, и я пролежал в постели почти целый день, принимая снотворное. Но вечером снова потребовалось моё присутствие в студии. Планировалось записать мою аранжировку “Show Me the Way to Go Home”. Я принял пару таблеток перед выходом из дома, а когда сел за фортепиано, фортепиано заиграло… а я нет. Грег настаивал, чтобы эта классическая песня была записана за один раз живьём и, после ещё одного снотворного, я сделал ещё один дубль. Должно быть, были сыграны тысячи вступлений, разных — одно чуть грустнее, другое чуть безумнее, третье чуть лучше. Мне было всё равно. Если Грегу не нравился вокал, я был готов сыграть ещё одно классное интро и соло. Около трёх утра меня схватил кашель.

Неделю спустя отец заподозрил, что у меня туберкулёз, поскольку дышать было тяжело, а кашель ухудшился. В армии он повидал немало инфекционных заболеваний. Меня доставили в больницу Лозанны для биоскопии. Я помню, как в горло засунули трубки во время процедуры.

— Дыхательный!

Я был так накачан успокоительным, что услышал голоса с нотками паники как будто издалека. Я не мог ни разговаривать, ни дышать, но чётко понимал, что говорят обо мне. Тело бросило в пот, пока все кричали друг на друга. Мои лёгкие решили сыграть роль сдувшегося шарика, а астральное тело смотрело с потолка и говорило: «Если кто–нибудь не заметит моего состояния, я уйду».

— Дыхательный, дыхательный! — кричал по–французски голос из ниоткуда.

— Анестезию! — ответил другой голос.

А затем в лёгкие хлынул живительный поток воздуха. Накачанный анестетиком, я впал в тёмный бесцветный сон.

Результаты столь травматичной процедуры пришли на

следующий день. У меня была инфицирована верхняя доля правого лёгкого, мне назначили антибиотики и ингалятор для астматиков. Я должен перестать творить с собой гадости, но это не произошло так быстро.

Я ненадолго съездил в Англию, пока Элинор была у родителей в Дании.

Я остановился в отеле Монткам. Позвонив, кому надо, через час мне доставили три грамма кокаина. Я уже готов был выезжать, когда мне стало очень плохо. Нахлынула настолько сильная паническая атака, что я боялся открыть дверь. Позвонив доктору Даймноду, который через час стучал в дверь номера, я рассказал ему о приобретённой привычке. Слёзы хлынули рекою из глаз. Доктор ничуть не удивился.

Сделав суровое замечание касательно моего нездорового образа жизни, он предписал мне оставаться в постели и принять большую дозу транквилизаторов. На следующее утро, слабый и разбитый, я попытался выйти на улицу, но был снова охвачен приступом агорафобии. Не знаю, как я добрался до аптеки. Я чувствовал себя ужасно и не мог вынести того, что все смотрят на меня, да и сам не сумел заставить себя посмотреть на кого–либо.

Два дня спустя я почувствовал, что состояние улучшилось, и решил полетать на Сессне 152 на шорэмском аэродроме. Но, едва подойдя к самолёту, меня в очередной раз охватила паника. Извинившись перед инструкторами, я вернул ключи и позорно покинул аэродром.

Тем временем, Стюарт Янг, Годфри Сэмон и его помощник Тони Харрис строили планы для предстоящего тура, известного как Works (Произведения).

Мы утвердили название после того, как я предложил «*Произведения Эмерсона, Лейка и Палмера*», вдохновившись кокаином из бокс–сета «*Полное собрание произведений для органа» И.С.Баха*. Годфри собирался лететь с Тони в Америку для прослушивания музыкантов для оркестра, а в это время ELP в поддержку альбома проводили бесчисленные интервью во дворце Трианон, что во французском Версале. Призрак Марии Антуанетты и французской революции висел над нашим проектом, общая атмосфера гильотиной обрушилась на моё кокаиновое фобическое состояние, разбив его на мелкие кусочки, которые утроились словно метла Мики Мауса из мультфильма «*Фантазия*».

Я решил поговорить со Стюартом. «Я знаю, что идея с оркестром частично принадлежит мне, но не думаю, что у меня хватит сил пойти до конца», — сказал я, вспомнив о страхах Джимми Пейджа. Реакция Стюарта вернула меня в реальность:

«Ты принял решение. Следуй ему до конца!»

В то Рождество по предложению Ди Энтони семья Эмерсонов вылетела на Багамы. Там мы сняли виллу недалеко от пляжа. Ди больше не являлся нашим менеджером, но до сих пор питал искреннюю любовь к группе. Вместе с своим агентом Фрэнком Барсалоной, Питер Фрэмптон тоже стал владельцем дома на острове. Казалось немного глупо видеть на улице чёрных Дедов Морозов, распевающих «Йо–хо–хо!» Но выше по побережью Крис Блэкуэлл, президент Island Records, строил серьёзную студию, которая в будущем привлечёт таких клиентов как, упомянем лишь некоторых, Роберт Палмер, Грейс Джонс, B52s, Ринго Старр, AD/DC и конечно же Боб Марли. ELP окажутся в их числе. Казалось, весь рок–н–ролльный мир съехался на маленький остров.

Нассау не была самой безопасной гаванью на Земле, но здесь было гораздо веселее, чем в Швейцарии, или на Луне, разница небольшая. Дом премьер–министра Пиндлинга был самым большим на острове, а местные жители считали за удачу сходить на пляж, который захватили иноземные владельцы отелей. Журнал *Time* опубликовал статью, в которой предположил, что Пиндлинг был богаче самого президента США, благодаря взяткам, полученным от торговли наркотиками. Вы не могли пройти и нескольких сотен метров, чтобы к вам не подошли дилеры. Элинор преследовали и звонили с угрозами изнасилования. Две недели я спал с заряженным арбалетом под кроватью, а вскоре купил более эффективный полицейский револьвер Смит энд Вессон, который мог стрелять пулями от Магнума, и научил им пользоваться Элинор. Тем не менее, Нассау — это и чистейшее синее море, рыбалка, дайвинг и водные лыжи. Элвин Ли из Ten Years After со своей милой подружкой Сюзанной приехали к нам на Рождество. Под пальмами, в окружении роя москитов, благодаря которым алкогольное отравление сводится к минимуму, Элвин и я говорили о последней нарко–алкогольной пирушке.

Мы выбрали 13 января, но автоматически отказались от этой даты, которая могла привести к несчастью. Следующим вечером три грамма кокаина в компании с тремя бутылками коньяка закрыли главу декаданса и глупости. Элвин и я решили уплыть в Англию ранним утром. Мы понимали, что путь предстоит неблизкий, но у нас был компас… должно быть он не был водонепроницаемым, но по мере восхода солнца, здравый смысл закатывался всё больше и больше. Наши женщины благоразумно отправились спать, а мы промаршировали по пляжу, храбро

прыгнули в надвигающуюся волну, прямо в одежде, полные решимости доплыть до родины. Подлинное самоубийство! Твёрдость духа не покидала нас, но насквозь промокшая одежда не позволяла плыть быстро, поэтому с большим разочарованием и позором нам пришлось вернуться на берег. Это произошло 14 января 1977 года; в тот день я в последний раз принимал кокаин.

Несмотря на небезопасность, Элинор и я полюбили Багамы. Особенно Аарон, который наконец понимал человеческую речь; Дэймону было всё равно, потому что он ещё не научился говорить — ему любая речь казалась нормальной. Перед тем как группа поехала на север, в Монреаль, для репетиций, я попросил Элинор присмотреть дом, чтобы он был красивым и безопасным. Она отлично справилась с заданием и подыскала основательно защищённый коттедж с частным пляжем и бассейном.

Монреаль был выбран местом для репетиций, поскольку один из нашей команды, высокий импозантный канадец Тед Трэшер, имел там производственную компанию. Перелёт был сравнительно короткий — из Багам через Майами до Монреаля — короче, ещё одна перемена. Несмотря на небольшой сдвиг во времени и значительное изменение в климате, группе Монреаль понравился, и мы репетировали там три месяца. Требовалась новая оркестровка «*Картинок с выставки*» в дополнение к эпическим «Пиратам», и я полетел в Лондон, чтобы снова поработать с Джоном Майером.

Просмотрев аранжировку Равеля, мы немного её изменили, дабы избежать проблем с авторскими правами. Композиции Грега “From the Beginning”, “Closer to Believing” (более желаемое название “Closer to Behaving”), а также “C'est la Vie” были тщательно аранжированы Годфри Сэмоном, Карлу в “Tank”, “The Enemy God” Прокофьева вызвался помочь Харри Саут.

Тем временем, Грег начал присматривать за процессом строительства сцены, систем освещения и микширования. Я нашёл гипнотерапевта на окраине Мнореаля и какое–то время посещал его в надежде избавиться от страха сцены. Он походил на телезвезду, утверждая, что вводил людей в состояние гипноза, под которым им удаляли аппендицит. Это было несколько странно, особенно когда он попросил закрыть глаза, пока отсчитывал от десяти до одного. Я почувствовал укол, а затем как будто пёрышком провели по руке. Считая от одного до десяти, меня спросили, сколько раз он дотронулся до руки. «Десять раз», — ответил я. Открыв глаза, я увидел, что рука вся в крови от иголок, которые он втыкал. И он сказал: «Это как детские башмачки. Они вам больше не нужны».

Оставался целый месяц, чтобы протестировать результаты

необычного лечения. Будет ли хоть какая–нибудь польза, когда я выйду перед большой аудиторией? К том времени было поздно что–либо менять. В общем, мы задействовали всё жизненно необходимое, что можно было найти маленьком городе: кроме обычной команды техников, рабочих, поваров, звуковиков и осветителей, были рекрутированы доктора, парикмахеры, костюмеры, массажисты и даже тренер по карате для Карла.

Музыканты оркестра постепенно собирались для репетиций, знакомились между собой. Годфри и Тони проводили отбор для оркестра и хора очень тщательно, чтобы достойно исполнить столь обширный репертуар. Поразмыслив, я решил, что это хорошая стратегия, потому что ни одна секция оркестра не имела ни малейшего шанса — сравнительно с именитыми собратьями — формировать группировки, которые боролись бы между собой. Мы *все* были заодно, и чем больше мы репетировали, тем более сплоченным и преданным коллективом из 110 человек становились. Конечно же, без проблем не обошлось, но мы справились.

Когда мы не видели дирижёра — Годфри Сэмона — мы поставили его на импровизированный лифт, и он мог, когда требовалось, подниматься наверх, как на пьедестал, и опускаться вниз. К счастью, Годфри не страдал от головокружения, а его исключительное мастерство дирижирования произвело впечатление на молодых музыкантов оркестра, которым казалось, что, пока они смотрят в ноты, перед ним происходит вертикальный пинг–понг. Иногда нашей «деревне» требовался хиропрактик. Самое худшее случилось с лаком на редчайшем инструменте первой скрипки Брюса Дюкова, причиной которого стал небольшой звукосниматель, прикреплённый к ценному инструменту. Страховка позаботится об этом; но нас больше беспокоило, что остальные в знак протеста уйдут. Но они повели себя молодцом, ведь к каждому инструменту оркестра прикреплялся звукосниматель, передававший звук в малый микшерский пульт, затем в большой, где инженер мог сводить звучание целого оркестра.

Вспоминает Брюс Дюков:

> Столько воспоминаний осталось от того незабываемого времени, которое я провел с группой во время трёхмесячного тура 1977 года по Северной Америке. Сперва вызов в оркестр в качестве примы поверг меня в ужас, для этого пришлось уехать из Англии, где я жил тогда. А поскольку я недавно женился, они щедро предложили мне взять с собой жену Кей.

Какой вздор — трёхмесячный медовый месяц! Я уже участвовал до этого в разных рок–турах — с Риком Уэйкманом и Bee Gees, так что опыт в этом жанре и перипетиях гастрольной жизни имелся. Обычно бывало весело, репертуар сравнительно прост. Чего я не ожидал в этот раз — так это непростой природы музыки ELP. Это были полновесные оркестровые произведения, многие из которых основаны на весьма сложном классическом материале — «Скифская сюита» Прокофьева. Она была одной из самых замысловатых.

Но меня больше всего впечатлил концерт Кита. Добротно слаженная вещь с тонической гармонией (я думал, что для рок–музыканта типа Кита это слишком эзотерчино и интеллектуально), с отличным тематическим материалом. Она звучала не как остальные «тонические» пьесы, которые для меня казались не слишком музыкальными, потому что в основе своей они весьма диссонансные и неприятные на слух (прости, Шёнберг). А Кит оказался таким виртуозом.

Говоря о моей скрипке (редкий инструмент, сделанный Николя Люпо, или как его называют «французский Страдивари»), я был впечатлён и тем, как тщательно воссоздавался звук струнных. Они пошли так далеко, что привлекли специалиста по звуку, который разработал уникальный звукосниматель для каждого инструмента, который успешно воспроизводил каждый тон, но к несчастью, передавал больше, чем звук. Клей сдирал тонкий слой лака с моей ценной скрипки. Не надо говорить, как я был взбешён! Очень быстро они сделали так, чтобы настроить всё правильно, и звукосниматель прикреплялся к инструменту безопасно для слоя лака.

Я стал фанатом Кита, начал носить кожаные штаны. И в целом, с благодарностью вспоминаю работу с ним.

Спасибо, Брюс! На тебе были кожаные штаны, когда ты встретил Леонарда Бернстайна?

Времени перед первым концертом, чтобы съездить в Англию к доктору Колдуэллу, было достаточно. Он напичкал меня через капельницу тучей витаминных коктейлей, сунул кучу шприцов с документацией; любой проверяющий мог подумать, что я наркоман. Наш походный доктор помогал мне делать процедуры до самого первого концерта в Луисвилле в мае.

Невозможно объяснить чувство, как адреналин бежит по венам целого оркестра, когда свет гаснет, а пятно прожектора выхватывает солиста на скрипке–пикколо и барабанщика, играющих вступление к “Abbadon's Bolero”. Рефрен за рефреном вступает каждая новая секция оркестра, освещение усиливается по мере увеличения напряжения в аудитории — аж кожа покрывается мурашками. Грег, Карл и я выходим в последней части. Это такой экстаз, несмотря на присутствующий страх! И просто необходимо поддерживать высокий уровень энергии двух–часового шоу, включающего “Hoedown”, “Karn Evil 9 1st Impression, Part 2”, “The Enemy God”, “Tarkus”, “From the Beginning”, первую и последнюю части моего концерта, “Closer to Believing”, “Knife Edge”, “Pictures at an Exhibition”, “C'est La Vie”, “Lucky Man”, “Tank”, “Nutrocker”, “Pirates”, “Fanfare for the Common Man”, “America/Rondo”.

Каждый вечер перед концертом доктор ставил уколы, что к концу недели рука превратилась в синяк, и это привлекало внимание людей из первого ряда. Я мог по их лицам прочесть — неудивительно, что он играет так быстро. Иногда доктор находил вену, иногда — нет. Когда у него это не получалось, он использовал вену на кисти. Часто оставалась кровь в гримёрке на клавишах. Через две недели руки превратились в сплошной шрам, и негде было пробу ставить, разве что на заднице.

Грег и Карл, в моменты радости и горя, умудрялись проявить поразительное послушание. Первые концерты как обычно оценивались Грегом негативно. Он жаловался, что оркестр вовсе и не нужен, и мы без него хорошо сыграем. Что ж, может он и прав. «Альбом как чек — обещание произвести платёж», — он любил повторять.

Подливая масло в огонь, я мстительно отвечал ему, что Works полон оркестра, и наша публика заслуживает услышать живьем то, что они купили на пластинке.

Турне двигалось медленно, с нашей–то деревней. Нам приходилось выступать в любом зале, попадавшемся на пути к следующему большому городу. Выходной стоил нам недельного заработка. Отмена концерта — месячного дохода. Нечестный промоутер — дохода за год.

В целом, это был лишь вопрос времени, когда «деревня» столкнётся с айсбергом и пойдёт ко дну. Мы познакомились ближе со всеми членами оркестра и старались скрыть от них финансовые затруднения, но вскоре они поняли, что если аудитория не увеличится значительно, они первым рейсом отправятся домой. Мы с Грегом и Карлом слёзно умоляли Стюарта сохранить оркестр по крайней мере на три дня в июле

для концертов Мэдисон Сквер Гардене. И нам это удалось. Но перед этим, после одного удивительного концерта пришлось собрать весь состав и сообщить, что мы не можем себе позволить продолжать дальше. Слёзы выступили на глазах у всех, кто был так предан нашему делу. Слёзы, как и деньги, вскоре высохнут. Я не мог смотреть в глаза музыкантам, и в одиночестве вернулся к себе в маленький номер.

Около двух часов ночи в дверь номера Стюарта Янга постучали. Три члена оркестра просили сохранить концепцию, и от имени остальных сообщили, что готовы играть бесплатно. Стюарт и я были так тронуты этим благородным жестом, но вскоре профсоюз американских музыкантов прознал об этом и завернул идею.

Временно ELP вернулись к тому, с чего начинали — клавишные, бас, барабаны и вокал. Тот факт, что мы стали ещё лучше в заданном формате не удовлетворял меня, после той помпы и незабываемых обстоятельств. Возврат к трио давался мне тяжело. Но у нас запланированы концерты! У нас есть обязательства. У нас были расходы и закладные. В общем, мы переборщили. Настало время платежей по счетам. Я думаю, мы стали крепче, жёстче как группа, словно в подтверждение слов Грега: «Нам не нужен хренов оркестр». Я был благодарен, что музыканты снова собрались на три дня в нью–йоркском Мэдисон Сквер Гардене в июле. Я не мог дождаться этого, и мне кажется, что чувство было взаимным, когда мы собрались в престижном концертном зале.

Самым памятным для меня остался второй вечер, когда зал вместе с оркестром пять минут стоя аплодировали моему фортепианному концерту, а Грег подошёл, чтобы обнять.

После этого, мы должны были ждать августа, чтобы вновь увидеть оркестрантов, а между тем, бизнес шёл как обычно.

21. Повеситься на трубах

Олимпийский стадион, Монреаль, Канада, август 1977 г.

Вернуться вновь туда равносильно обретению второго дома. Годфри Сэмон и я частенько захаживали в клубы в старой части Монреаля. Как–то ночью по дороге в отель к нам в такси подсел какой–то парень. Прекрасная баллада Грега “C'est la Vie”» стала хитом в некоторых франкоязычных кварталах, и Годфри спросил нашего пассажира, как «C'est la Vie» переводится на французский канадский. Он подумал немного и заявил, что смысл такой: «Какого хрена».

Если до этого у меня не было точного определения одной из лучших баллад Грега, то теперь оно появилось. Трактовка был очень ёмкой и яркой, чётко отражающей отношение, которое я чувствовал к ней. Родители Элинор приехали из Дании за день до концертов, и мы решили поесть в отеле ресторана. По совпадению Грег тоже там был. Мы разглядывали великолепное разнообразие даров моря, и отец Элинор страстно возжелал отведать сёмги, выложенной целиком на витрину.

— Вы не можете отрезать кусок от неё. Будет вкуснее, если приготовить рыбу целиком, — сказал Грег.

Я ответил, что мы не сможем съесть пятикилограммовую рыбу… кроме того, она слишком дорогая.

Иногда Грег проявлял невиданную щедрость; в этот раз он превзошёл самого себя: «Повар! Пожалуйста, приготовьте эту рыбу целиком и запишите на мой счёт!»

И куда–то испарился.

Когда Эдмунд Хиллари достиг вершины Эвереста в 1953 году, он смог оглянуться назад с высоты своего положения и насладиться мигом победы. Когда я взобрался на сцену Олимпийского стадиона в 1977–м, обратного пути не было. Можно было лишь взбираться ещё выше, или свалиться вниз, если необходимо. Как говорится, «лучшая месть — жить припеваючи». Что ж, этот концерт с оркестром и хором был нашим последним шансом показать миру через видео и аудио–запись, кто мы такие на самом деле, заткнув таким образом критиков. Когда ELP вышли на сцену под аккомпанемент величественного аккорда “Abbadon's Bolero”, я молил Господа, что если я не сыграю больше ни одного концерта, пусть этот случится сегодня!

Исполняя финальные октавы третьей части концерта, я был обязан многим Господу Всевышнему на небесах. А потом я

расслабился и просто наслаждался концертом.

Благодаря большому спросу в качестве трио, ELP были приглашены нью–йоркской радиостанцией WNEW–FM для участия в благотворительном детском рождественском концерте в Мэдисон Сквер Гардене. Событие происходило в октябре в канун Дня благодарения. Репертуар группы изменился не сильно, и я попросил Боба Маккарти подготовить вращающееся фортепиано. Кто–то из аудитории передал большую жирную индейку. Такое периодически происходило и всегда выглядело столь милым.

Полёт фантазии? Не думаю, но на небесах явно следили за нами и в октябре, когда мы летели на двухдвигательном Конвэйре от одного концерта к другому.

20 октября 1977 года рок–группа Lynyrd Skynyrd летела самолётом той же компании. Иногда мы выступали вместе и проводили время после концертов. Новости об утонувшем самолёте дошли в фрагментах. Они разбились… где–то в крокодильих болотах… никто не знал, сколько выжило. Мы ничего не могли узнать, поскольку летели где–то над Мичиганом. Весть о смерти музыканта всегда была шоком; полная информация поступила только на следующий день. Певец Ронни ван Зандт, гитарист Стив Гейнс, вокалистка Кэсси Гейнс, дорожный менеджер Дин Килпатрик и оба пилота погибли, когда в Конвэйре кончилось топливо, и он упал в болота возле Гиллзбурга, штат Миссисипи.

Два дня спустя мы снова летели на очередной концерт. Настроение было отличное. Мы трое отыграли классный концерт. Я сидел в кресле, смотрел в иллюминатор и заметил, что левый пропеллер останавливается. Пилоты знали, что у меня есть лицензия пилота, в кабине я увидел, что индикатор уровня топлива почти на нуле, и мы искали аэродром, чтобы приземлиться на одном двигателе. Здравый смысл подсказывал вернуться на место и пристегнуться ремнями. Кроме пилотов только я знал о серьёзности ситуации, и пока мы постепенно теряли высоту в ночном небе в направлении неизвестного аэродрома в середине Северной Америки, на борту продолжалась вечеринка, пока пилот не посадил самолёт… как и положено. По крайней мере, я так думал, несмотря на то, что всё вокруг полетело вверх тормашками.

— Какого хрена мы тут делаем? — спросил Грег, вглядываясь в бесплодную местность. Первым высадился тур–менеджер и направился в направлении к контрольно–диспетчерского пункта дабы организовать такси и доставить нас к пункту назначения.

Две недели спустя басист Lynyrd Skynyrd Леон Уилксон

присутствовал в кресле–каталке на нашем концерте в первом ряду, и мы посвятили ему “Lucky Man”.

Во время этого тяжёлого тура поместье Стоун хилл наконец восстановили, но моя семья пока что жила в большой квартире в районе Хаммерсмит. К тому же Элинор нашла отличный коттедж на Багамах. К концу года группа закончила ещё один альбом под названием «*Works, Volume 2*», состоявший в основном из сольных и неизданных записей, лежавших на полке. Это было щедрое попурри, в очередной раз продемонстрировавшее широкий диапазон виртуозности. Atlantic Records получило возврат по авансу, который мы использовали, чтобы профинансировать оркестровый тур.

Было тяжело находиться в дали от моих мальчиков, Аарона и Дэймона, не видеть как они растут. Иногда получалось, чтобы они и их мама приезжали ко мне, но это было редко, потому что условия гастролирования были суровыми и опасными для детей. Держать ребят за сценой было небезопасно, особенно если мы ссорились.

Я помню, как после концерта ехал с семьёй в лимузине. Машину окружила толпа фанатов, некоторые залезли на крышу и кричали в окна. Семилетний Аарон подумал, что нас атакуют и начал кричать и плакать, так что маме пришлось его успокаивать. Ещё долго нам пришлось убеждать его, что эти люди не нападают на нас, они просто очень рады и им понравился концерт. Дэймон в это время сладко спал.

1978 — Emerson, Lake and Palmer играли концерт за концертом в Северной Америке, а затем мы вместе со Стюартом Янгом встретились с главным, Ахметом Эртегюном, в офисе Atlantic Records.

Он глядел на нас поверх очков и спросил о планах на будущее после безумия с оркестром. Мы слишком устали, чтобы ответить что–либо, поэтому Ахмет сам предложил идею: «Послушайте, почему бы вам, парни, не засесть в студии и поджемовать, как вы это всегда делали в Лондоне и Монтрё? Не надо делать концептуальный альбом, просто играйте. Сделайте короткие песни для радио, и не слишком сложные».

Я высказался, что Крис Блэкуэлл наконец достроил студию в Нассау, и подумал, что нам будет здорово там поработать. Мы вышли из кабинета, и пока Стюарт оставался обсудить бизнес–детали с великим Ахметом, Грег, Карл и я обсуждали творческие вопросы в коридоре.

Так это случилось. Карл взял в аренду дом к западу от студии Compass Point, а Грег со Стюартом — к востоку. Моя семья была довольна, поскольку дети пошли в местную частную школу. Я

купил лодку, на которой ходил на рыбалку или катался на водных лыжах. ELP арендовали первую студию в середине 1978 года, на неограниченный срок.

Я привёз мотоцикл из Англии. Как–то вечером в студии появился Ринго в компании с певцом Нилссоном и не знал, в каком районе остановился. Я знал то место и предложил довести его. Он сел ко мне за спину и мы с рёвом поехали вдоль побережья. Только после того, как я высадил его и отправился обратно, до меня дошло — Твою мать! Я только что подвёз одного из битлов!

Мой роуди Рокки перенёс три инфаркта, лишился зубов, но с удовольствием переехал на Багамы, где в 300 метрах от студии потягивал пиво в местном баре. Он собирался заказать ещё, когда два парня в масках и с пистолетами ворвались внутрь. Один перепрыгнул через стойку за деньгами, а другой загнал присутствующих в кухню. Рокки мирно сидел с пивом. Он мог расстаться с женщиной, но с пивом — никогда. Когда один из налётчиков проделал дырку в столе, где сидел Рокки, он воспринял это как акт агрессии и с неудовольствием присоединился к остальным, неся с собой пиво.

Вернувшись в студию, Рокки рассказал об инциденте. «Вы никогда не догадаетесь, что произошло со мной в обед…»; я был как обычно занят.

Меня всё больше беспокоил вопрос безопасности на Багамах. Не считая дайверов и рыболовов, туристок нередко насиловали на отдалённых пляжах. Мой хороший друг Колин, работавший крупье, пригласил к себе подружку из Майами. Он уехал на работу, когда она спала. Во время его отсутствия семь багамцев с ружьями ограбили дом и изнасиловали девушку. Элинор была шокирована, услышав об этом. Колин, узнав о случившемся, перевёз подругу в наш дом. А что если за ними проследили? На этот раз я купил Магнум 357.

Мы оставались верными излишествам. Студия 1 превратилась в место для переговоров, рестораном, репетиционной и, когда мы были готовы, в собственно студию. Всё это время с нами находился инженер, готовый начать запись, если что–нибудь происходило. Иногда приходилось его будить. Кое–как нам удалось собрать воедино шесть треков, которые мы посчитали пригодными для радио — “All I Want is You”, “Love Beach”, “Taste of My Love”, “The Gambler” и “For You”. Я не мог не добавить инструментальную пьесу “Canario”, адаптацию пятой части “Fantasia para uno Gentil Hombre” Родриго.

И наконец, я не мог не написать финальную концептуальную композицию. С помощью Пита Синфилда мы придумали “Memoirs

of an Officer and a Gentleman”. Почему мы так её назвали, я не помню. Каждый вечер в шесть часов Грегу звонила жена Регина и говорила, что его ужин на столе, тогда он уезжал. Карл и я часто оставались работать. Была одна часть в этой концептуальной пьесе, “Letters form the Front”, которая мне не нравилась. Уходя, Грег сказал: «Не делай ничего, она и так хороша. Очень эмоциональная песня». Мы с Карлом втащили вибрафон. Сегодня Карл умеет играть на этом инструменте, но у него нет видения пианиста в отношении аккордов. Неохотно он уступил место, а сам уселся в аппаратной и критически уставился на меня. Я закончил дубль и посмотрел на него в ожидании: Карл плакал от смеха.

— Что такое?

Между всхлипами и приступами хохота он имел наглость заявить, что моя игра на перкуссии звучит, словно молочник свалился с лестницы, а за ним последовали лошадь и телега, вместо нежных звуков, необходимых для такой сентиментальной песни.

Правильно! Притворившись, что отправился в туалет, я зашёл в кухню и набрал в две сковороды ножи и ещё что–то, и вернулся на позицию у вибрафона.

— Окей Карл! Я готов. Включай плёнку.

Когда дошёл мой черёд, я разбросал всю утварь на вибрафоне и объявил: «Вот что случилось с сиднейским мостом!»

В аппаратной мы смеялись как ненормальные. Каждый раз, когда мы просили инженера проиграть плёнку, то валились на пол от смеха, до колик в животе. Я уговорил инженера сделать мне копию, и дома вся семья смеялась над ней. Жаль, что кассета не сохранилась!

Ничего не подозревая, Грег приехал на следующее утро в студию и пожелал услышать, что мы сделали накануне ночью. Мы с Карлом обменялись заговорщическими улыбками. Я знал, какой регулятор отвечал за громкость кухонной утвари, и держал на нём руку. Каждый раз, когда доходила очередь до моей части, я убирал звук, пока мы с Карлом не начали драться понарошку, и дуракаваляние было разоблачено. Грег всё послушал и, не говоря ни слова, встал и вышел из студии.

— Вот, — сказал я Карлу, изображая Лорела и Харди[75]. — Ты опять втянул меня в весёленькое дело!

Был ещё один памятный момент во время записи «*Love Beach*», название, которое я ненавидел. Иногда я вёл лодку до залива Олд Форт Бэй, а там бросал якорь. Открывался великолепный вид на дом Карла, океан был чистым–чистым. Как–то вечером, после работы в студии, взяв с собой жену Морин, Карл управлял моей

яхтой, пока я катался на лыжах. Я дал ему чёткие инструкции, где находятся препятствия. Олд Форт Бэй идеален подходил для катания на лыжах, поскольку от океана его защищал риф, так что вода там была всегда спокойной. Я стоял на борту, чтобы убедиться, что Карл разобрался с управлением и ознакомился с зоной плавания. Когда я спрыгнул в воду с лыжами на ногах, то снова напомнил ему, чтобы он оставался внутри периметра.

— Окей Карл! Включай!

Я выплыл из воды. Скорее, меня выдернули, потому что Карл врубил на полную мощность, и я рассекал морскую гладь, качался вперёд и назад, прыгал над волнами. Условия для катания были идеальные, только Карла с Морин это особо не интересовало. С моего конца верёвки казалось, будто бы они что–то обсуждают. И тут я увидел, что мы выходим за периметр. Я мало что мог сделать в этой ситуации, разве что вытянуться и поднять руку в надежде, что они обратят внимание. Но на меня никто не смотрел, они видимо решили, что я снова рисуюсь. А тем временем лодка шла прямо на риф. Я услышал жуткий треск, когда двигатели протаранили кораллы. А я пошел на дно. Подплывая к лодке, Карл с Морин так и не поняли, почему мы остановились. Мы чудом избежали пробоины, а неумелая команда не получила травм, и им не пришлось вплавь добираться до берега, потому что я направил судно в безопасную гавань, где бросил на ночь якорь, чтобы нас потом отбуксировали до мастерской в десяти милях от места. Я сделал много дурацких вещей в жизни, но надеюсь, что уроки я извлёк. Один из них: Карл Палмер никогда в жизни не будет управлять моим кораблём. Путь лучше занимается тем, что у него получается лучше всего. Барабанами!

Я подарил ему два пропеллера с лодки, чтобы он повесил их на стену. И если жена посчитает нужным, можно повесить их на шею.

Иногда Эмерсоны сбегали от острова и посещали Майами, где нас принимали Bee Gees. Барри, Морис и Робин жили в сказочном комплексе рядом с каналом. Как–то вечером Барри позвонил Энди Гибб.

— Боже мой! Энди приезжает!

— Круто! А что не так? — спросил я.

— Он плывет на Бертраме[76]. Капитана на ней нет. Он сам управляется!

— А почему он на машине не едет? Он же за углом живёт!

— Он знает, что ты здесь, и хочет произвести впечатление, — ответил Морис.

— Свистать всех наверх! — заорал Робин, и мы в мгновение

ока оказались на частной пристани, с верёвками и захватами в руках, в ожидании швартовки.

Как оказалось, Энди отлично справился с работой и нам удалось надёжно закрепить большой корабль и спокойно отправиться дальше выпивать и общаться.

ELP сделали снимки для обложки «*Love Beach*» на маленьком острове под названием Солт Кэй. Мы позировали в стиле Beach Boys и изрядно повеселились, заголив животы, а Карл перещеголял всех, намазавшись детским маслом.

Но, это был конец эры. Тихо Карл вернулся в Тенерифе, Грег позднее вылетел в Англию, а я остался, чтобы поиграть с местными музыкантами, записав сольный альбом «*Honky*». За ним последуют саундтреки к фильмам «*Преисподняя*» Дарио Ардженто и «*Ночным ястребам*» с Сильвестром Сталлоне, а также множество других кинопроектов и телепередач. Я также слетал в Монреаль, чтобы принять участие в микшировании оркестрового концерта, который назовут «*Works Live*».

Не было прощальной вечеринки. Я был последним в Compass Point, чтобы протереть клавиши и удостовериться, что плёнки в надежном месте. У меня выдалась возможность пообедать с Грегом и его женой Региной в их доме, перед тем, как они уехали, где они оба снова мне напомнили о чрезмерном использовании оркестра. В подавленном состоянии я прошёлся по пляжу, даже жена меня не утешила.

В ту ночь я сидел на террасе, смотрел на тихий прибой под сводами пальм и держал в руках бутылку 12–летнего виски. И тут ко мне подбежал Аарон, весьма задумчивый. Его встревожил факт, что когда–нибудь он умрёт. Я вспомнил собственный страх в детстве, моё волнение обнаружила мама, она рассказала мне, что мы не бессмертны. Мой сын Аарон теперь задавал мне тот же вопрос, на который не мог ответить даже композитор Шарль Ив, будь он жив.

— Что случиться, когда мы умрём, папа?

Я глотнул скотч. Всё же, это отличалось от вопроса «Папа, откуда я появился?», на который ответить гораздо проще.

Но Аарона больше интересовало, куда он уйдёт, ему хотелось узнать о смерти и умирании. Когда виски ударил в голову, меня словно навестило озарение и помогло ответить на столь важный вопрос.

— Вспомни самое раннее воспоминание?

Аарон задумался на минутку и вспомнил ранний день рождения. Я попросил его вспомнить что–нибудь до этого. Он закрыл глаза, сморщился, надеясь что это поможет ему выдавить какие–то моменты, словно воду из губки.

— Думай!

Но он не смог ничего вспомнить.

— Примерно так. И если не можешь вспомнить, оно не может быть таким болезненным, верно?

Вроде его удовлетворил ответ, и он нашёл что–то более интересное, например Жизнь!

Мой отец умер в своём доме в Суссексе в 1981 году. Мама находилась рядом.

Я бегал по пляжу Cable Beach в Нассау и почувствовал, будто что–то ударило мне в затылок. Я даже остановился. В голове раздался гул. Я решил, что это из–за солнца и пошел домой принять душ и отдохнуть. Зазвонил телефон и дядя Рон сказал, что папа умер от инфаркта. Именно в этот момент я ощутил удар. Я первым самолётом полетел домой, чтобы быть рядом с мамой и организовать похороны.

Позднее Дэймон задался этим же вопросам о смертности, в частности после операции на сердце у моей мамы. Ему было шесть, и он дал хороший совет бабушке.

— Ты умираешь?

— Надеюсь нет, не сейчас.

— Ладно, но если Иисус придёт за тобой, почему бы тебе не пойти в ванную и повеситься на трубах!

Мама до сих пор смеётся над этим.

Больница Седарс Синай, Лом–Анджелес, 5 октября 1993 г., 5 часов вечера.

— Мистер Эмерсон, мистер Эмерсон… просыпайтесь! Мистер Эмерсон, Вы должны одеться и идти. Давайте, мистер Эмерсон, просыпайтесь, ну же! Пожалуйста! Ваш друг ждёт Вас. Ваш друг Уилл. Пожалуйста, просыпайтесь, доктор хочет поговорить с вами.

Я медленно открыл глаза. Правая рука была в пластыре до самой подмышки и так болела… адски. Если ад похож на эту боль, я туда не хочу. Рука словно хотела увеличиться, но в замкнутом пространстве это невозможно. Я никогда до этого не испытывал такой боли. Она была невыносима.

Доктор Бассетт стоял надо мной и говорил:

— Мы немного перенесли локтевой нерв, а также глянули на лучевой нерв, с ним всё в порядке. Будет немного больно несколько дней, но сёстры Вам дадут лекарства с собой. Вас что–то беспокоит сейчас?

Я только смог кивнуть. Моя рука чувствовала себя, словно

Необыкновенный Халк, запертый внутри металлических объятий, но колотящий по ним, чтобы выбраться и заиграть снова.

— Окей, сестра, сделайте ему укол. Увижу Вас через неделю, чтобы снять швы. Потом Вам понадобится физиолечение.

После укола меня снова попросили встать и одеться. Это было нелегко, поскольку в руке всё ещё находились трубки, а я был под воздействием успокоительного. Никого не было рядом, чтобы помочь, и когда я попытался натянуть штаны, то упал, из–за чего иглы в руке порвали вены. Сквозь дымку от лекарств я увидел призрак Уилла Александера, катящего кресло в мою сторону. В тот вечер он был моим ангелом–хранителем. Я мало что помню, кроме того, что он спал на диване в моём номере и присматривал за мной каждый пол–часа. Я глубоко признателен ему и его жене Кэнди за это тяжёлое время.

Дорога к выздоровлению была долгой и болезненной. Мне потребовалось два месяца, чтобы полностью разработать руку. Я потерял много мускульной ткани из–за вторжения доктором Бассеттом в лучевой нерв. Правая рука требовала большой работы, чтобы вернуть силу. Ежедневно я до сих пор слежу за рукой, как и за общим состоянием здоровья. Я хорошо осведомлён о дистоническом синдроме, сказывающемся на музыкантах, у которых была трава рук, мундштук или что там они используют для музыки. Карола Гриндя из ISSTIP[77] сильно помогла мне, и многим другим музыкантам, страдающим от невозможности выступать. Карола — жизнерадостная преподавательница по фортепиано из Румынии, ей уже за восемьдесят, но у неё в команде есть понимающие доктора и физиотерапевты. Вместе они создали ISSTIP, организацию, помогающую музыкантов преодолеть их проблемы и вернуться на сцену.

Восьмидесятые позволили мне вторгнуться в сферу музыки для кино. Я написал, сыграл и спродюсировал музыку к четырём большим фильмам — «*Преисподняя*», «*Ночные ястребы*», «*Хармагеддон*» и «*Лучшая месть*». В середине восьмидесятых увидел свет альбом и короткий тур Эмерсона, Лейка и выдающегося, к сожалению покойного, Пауэлла. Кози Пауэлл был симпатичным и харизматичным парнем, добавившем новое измерение саунду ELP. Он любил гоночные машины и мотоциклы, как и я. К сожалению, в 1998–м он умер соло, в автомобильной аварии, и музыкальный мир потерял барабанщика, который мог буквально снести крышу — как это он сделал на концерте в Оклахоме, когда раскаты его соло вызвали обвал панелей с потолка концертного зала.

Альбомы *«Black Moon»* и «*Live at the Royal Albert Hall*» были

выпущены перед моей операцией. Не считая бутлегов, ещё два официальных альбома ELP изданы после операции, в частности «*Return of the Manticore*» и «*In the Hot Seat*». Они стали для меня испытанием, потому что иногда я мог записываться только левой рукой. Но у меня всё же остались сочинительские навыки.

В сентябре 1994–го с помощью денег, занятых у дяди Рона, я переехал в Санта Монику, Калифорния, где теперь и живу один, и впервые самостоятельно решаю вопросы менеджмента, финансов, юристов и дизайна интерьера. Я начал писать эту книгу, купил Джип и Харли. К Рождеству того же года я полностью вернул деньги моему замечательному дяде, разобрался с долгами от неудавшейся налоговой схемы 1975 года. Мои инструменты потребовали ремонта, но я смог сыграть на них на последнем сольном фортепианном альбоме «*Emerson Plays Emerson*».

В 1996 году ELP предложили съездить в тур с группой Jethro Tull. Я сомневался, стоит ли принимать предложение, потому что не чувствовал, что рука выдержит полный концерт.

Мы сыграли первый концерт в Дариен Центре, штат Нью–Йорк 18 августа. Всё прошло хорошо. Толпа стоя встретила нас овациями. После концерта я вернулся в свою уборную и расплакался. Иэн Андерсон из Jethro Tull зашёл утешить меня и поздравить. Он знал, через что мне пришлось пройти!

После этого дела пошли лучше. Будет ещё много туров и событий, и с каждым днём они становились лучше и лучше.

Сейчас 16:15, 26 мая 2003 года. Я решил навестить место моего детства — Уэртинг, Суссекс.

Прогулка вдоль пирса подтвердила заверения мэра, что проблема с водорослями из–за английских и французских траулеров, разрушающих морское дно в двух милях от берега, потихоньку решается. Это хорошая новость. Плохая новость состояла в том, что это никак не помогает в сохранении местной морской живности. Теперь не имеет смысла шарить прутом или удочкой в поисках крабов. При заказе рыбы с чипсами, мне сказали, что треска, использующаяся в традиционном английском блюде, теперь завозится из Норвегии, как и традиционная рождественская ёлка на Трафальгарской площади. Спасибо, Норвегия! Не считая новых пешеходных зон и неизбежных американизированных супермаркетов, Уэртинг остаётся вполне тем же, как и всегда — прибрежным городком. Я вижу много молодых людей, но это вероятно потому, что я сам стал старше. В городе теперь работает собственная FM–радиостанция — большое дело, но так могло быть потому, что слушая радио по дорогу сюда, я думал, чтобы они по крайней мере функционировали,

когда я уеду.

Пока я пишу эти строки, вовсю идут приготовления к ещё одному туру The Nice с оригинальным Ли Джексоном и оригинальным, оригинальным Брайаном Дейвисоном. Живой альбом с нашего короткого тура 2002 года по Великобритании должен быть издан с участием больших талантов Дэйва Килминстера (гитара), Фила Уильямса (бас) и Пита Райли (барабаны) — это молодые личности, которые вместе со мной хотят сохранить дух прогрессивной музыки, даже если корпоративное движение не хочет.

Здесь, на уэртингском пирсе как будто бы колесо совершило полный цикл, только это колесо приводит в движение и другие шестерёнки. Я занят в проекте ремиксов ELP и world music — drum'n'bass, trance и chill out и других модных штуках, тем самым заработав одобрение сыновей — Аарона Уле (32 года) и Дэймона Кита (27 лет). Мой второй фортепианный концерт существует только в набросках, которые придется ещё расшифровать подобно коду Энигмы[78]. У меня столько нот, что иногда я сам затрудняюсь разобраться в них. В общем, вроде нет никакого недостатка во вдохновении. То, что вы читаете эту книгу, для меня достаточно, чтобы продолжать работать.

Я верю, что каждый может нарисовать удивительный холст своей жизни, используя маленькие кисточки или же разливая краску на нём — вы должны набраться терпения и дать возможность высохнуть краске. Нельзя трогать, пока не высохнет! Только тогда вашим полотном могут насладиться другие — как и любой другой картинкой с выставки.

Кит Эмерсон

Избранная дискография

Selected Discography

Albums with Emerson, Lake and Palmer.

Emerson, Lake and Palmer
UK: Island ILPS 9132 LP UK
US: Cotillion SD 9040 LP USA

Tarkus
UK: Island LIPS 9155 LP UK
US: Cotillion SD 9900 LP USA

Pictures at an Exhibition
UK: Island HELP 1 LP UK
US: Cotillion ELP 66666 LP USA

Trilogy
UK: Island LIPS 9186 LP UK
US: Cotillion SD 9903 LP USA

Brain Salad Surgery
UK: Manticore K 53501
US: MC 66669 LP USA

Welcome Back My Friends ... To The Show That Never Ends
UK: Manticore/Atlantic K 63500

Works Volume 1
UK: Atlantic K 80009 LP UK
US: SD 2-7000 LP USA

Works Volume 2
UK: Atlantic K 50422 LP UK
US: SD 19147 LP USA

Love Beach
UK: Atlantic K 50552
US: SD 19211 LP USA

In Concert (later Works Live)
UK: Atlantic K 50552
US: SD 19211 LP USA

The Best Of Emerson, Lake and Palmer
UK: Atlantic K50757
US: Palm Beach Records

The Atlantic Years
UK: Atlantic 7567-82403-2

Black Moon
UK: Victory 828-318-2

Live At The Royal Albert Hall
UK: Atlantic K50757
US: Palm Beach Records

Return Of The Manticore
Victory 828 459-2 CD Box set
In The Hot Seat
Victory 828 554-2 CD

Works Live
Victory 828 554-2 CD

The Best Of Emerson, Lake and Palmer
Essential ESS 296 CD

King Biscuit Flower Hour
King Biscuit 88025-2 CD Fully Interactive

Live At The Isle Of Wight Festival
Manticore M-CD101

Live In Poland
Metal Mind Records PROG CD0060, Imported UK 1999 as Castle CMRCD 558

Then and Now
Eagle EDL EAG 098-2

With the VIPs

The VIPs
Funtona V 8500

With P.P. Arnold

The First Lady of Immediate
Immediate IMSP 011

Karfunta
Immediate IMSP 017

With The Nice

The Thoughts Of Emerlist Davjack
UK: Immediate IMLP 016 LP
US: Immediate 52004 LP

Ars Longa Vita Brevis
UK: Immediate IMSP 020 LP
US: Immediate 52020 LP

Nice
UK: Immediate IMSP 026 LP
US: Immediate 52022 LP

Five Bridges
UK: Charisma Cas 1014 LP
US: Mercury SR 61295 LP

Elegy
UK: Charisma Cas 1030 LP
US: Mercury SR 61324 LP

Vivacitas: Live at Glasgow 2002
JVC/Sanctuary (to be released 2003)

Albums with others.

Emerson, Lake and Powell
Polydor POLD 5191 LP UK and 829 297-2 CD USA
Reissued 1992 in the USA with bonus tracks and the same serial as 1986 release.

To The Power Of Three
Geffen 924-181-1 LP
Geffen 924-181-4 MC
Geffen 924-181-2 CD

Classical Heads
Charisma CAS-1008

Film Soundtracks

Inferno
Cinevox CIA 5022

Nighthawks
MCA Records BSR 5196

Harmageddon
Canyon International Records C28Y0044

La Chiesa
Cinevox MDF 33.192 LP

Solo Albums

Honky
Bubble Blu 19608

Cream of Emerson Soup

The Best Revenge

Murderock
Bubble Records Blu LP1819

Best Revenge
Kimco Records CD JIM 0013

The Christmas Album
Keith LP1, MC1, CD1

Emerson Plays Emerson
EMI 7243

Награды ELP

ELP AWARDS

1970
Melody Maker
British Section
ELP: Brightest Hopes 1

International Section
Emerson: Keyboards 1

Sounds
British Section
Emerson: Keyboards 1

1971
Melody Maker
British Section
Emerson: Keyboards 1
Palmer: Drummer 1
ELP: Band 1
Tarkus: Album 1

1972
Melody Maker
British Section
ELP: Band 1

International Section
Emerson: Keyboards 1
Palmer: Drummer 1
ELP: Arrangers 1

Sounds
British Section
Emerson: Musician 1; Keyboards 1; Miscellaneous Instrument 1 (Synthesizer)
Lake: Bass Guitarist 2; Male Vocalist 8; Producer 1 (Eddy Offord 6)
Palmer: Drummer 1
Emerson/Lake: Composer 2
ELP: Band 2
Trilogy: Album 2
Trilogy: Album Design 8

International Section
Emerson: Keyboard 1
Miscellaneous Instrument 1 (Moog)
Lake: Bass Guitarist 3; Producer 3
Palmer: Drummer 2
Emerson/Lake: Composer 5
ELP: Band 4
Trilogy: Album 7

1973
Melody Maker
British Section
ELP: Live Act 1

International Section
Palmer: Drummer 1
ELP: Arrangers 1

Sounds
British Section
Emerson: Musician 2; Keyboards 1; Miscellaneous Instrument 2
Lake: Bass Guitarist 4; Male Vocalist 7; Record Producer 1
Palmer: Drummer 1
Emerson/Lake: Composer 5
ELP: Band 2
Brain Salad Surgery: Album Design 3
Welcome Back: Album 3; Album Design 7

International Section
Emerson: Musician 3; Keyboards 2; Miscellaneous Instrument 2
Lake: Bass Guitarist 2; Male Vocalist 8; Record Producer 1
Palmer: Drummer 2
Emerson/Lake: Composer 2
ELP: Band 1
Brain Salad Surgery: Album Design 5
Welcome Back: Album 1
Welcome Back: Album Design 3

New Musical Express
World Section
ELP: Group 2; Stage Band 2
Brain Salad Surgery: Album 3

British Section
ELP: Group 3; Stage Band 2
Brain Salad Surgery: Album 3

General Section
Emerson: Keyboards 2; Miscellaneous Instrumentalist 2
Lake: Bass Guitarist 3; Producer 3
Palmer: Drummer 1
Emerson/Lake: Songwriters 6
Brain Salad Surgery: Best-Dressed Album 2

Playboy
All-Star Jazz and Pop Poll
Emerson: Organ

1974
Melody Maker
International Section
Palmer: Drummer 1
ELP: Live Act 1

Sounds
British Section
Palmer: Drummer 1

Playboy
All-Star Jazz and Pop Poll
Emerson: Organ

1975
Melody Maker
British Section
Lake: Male Singer 9
ELP: Band 6; Live Act 6

International Section
Emerson: Keyboards 2; Miscellaneous Instruments 5; Arranger 8 (tied with Genesis)
Lake: Bass Guitarist 6; Male Singer 8; Producer 3 (Eddie Offord 1)
Palmer: Drummer 1
ELP: Band 3; Live Act 5

Sounds
British Section
Palmer: Drummer 1

New Musical Express
British Section
ELP: Group 3; Stage Band 3

World Section
ELP: Group 4; Stage Band 3

General Section
Emerson: Keyboards 2; Miscellaneous Instrument 3
Lake: Bass 5; Producer 2

1976
Melody Maker
British Section
ELP: Band 10
'I Believe in Father Christmas': Single 7

International Section
Emerson: Keyboards 2; Miscellaneous Instruments 4
Lake: Bass Guitarist 10; Producer 8
Palmer: Drummer 1

Sounds
Emerson: Musician 3; Keyboards 2
Lake: Male Singer 10; Bass Guitarist 5
Palmer: Drummer 2
I Believe in Father Christmas: Single 4

1977
Sounds
British Section
Emerson: Keyboards 1; Miscellaneous Instruments 4; Arranger 3
Lake: Bass Guitarist 4; Male Singer 7; Producer 2
ELP: Band 4; Arrangers 7
Fanfare for the Common Man: Single 1
Works Vol. 1: Album 1

International Section
Emerson: Composer 6
Lake: Male Singer 5
ELP: Band 4; Composers 7
Fanfare for the Common Man: Single 1
Works Vol. 1: Album 1

Playboy
All-Star Jazz and Pop Poll
Emerson: Organ

1993
Keyboard Magazine
Emerson: Overall Best Keyboardist; Best Rock Keyboardist

1994
Keyboard Magazine
Emerson: Overall Best Player; Best Rock Player

Фотоматериалы оригинального издания

Мама и Папа в день свадьбы.

Папа — самый счастливый солдат Британии.

Мама держит детку Эмо.

Рэгтайм Ковбоя Джо.

Мадам Коллиндж — моя вторая учительница игры на фортепиано.

Мой прапрадед Бруксон — Йомен из стражи Лондонского Тауэра, август 1885 г.

Музыкальный волнистый попугайчик Тедди Бой и я в 1959 году.

Развлечение семьи в раннем возрасте.

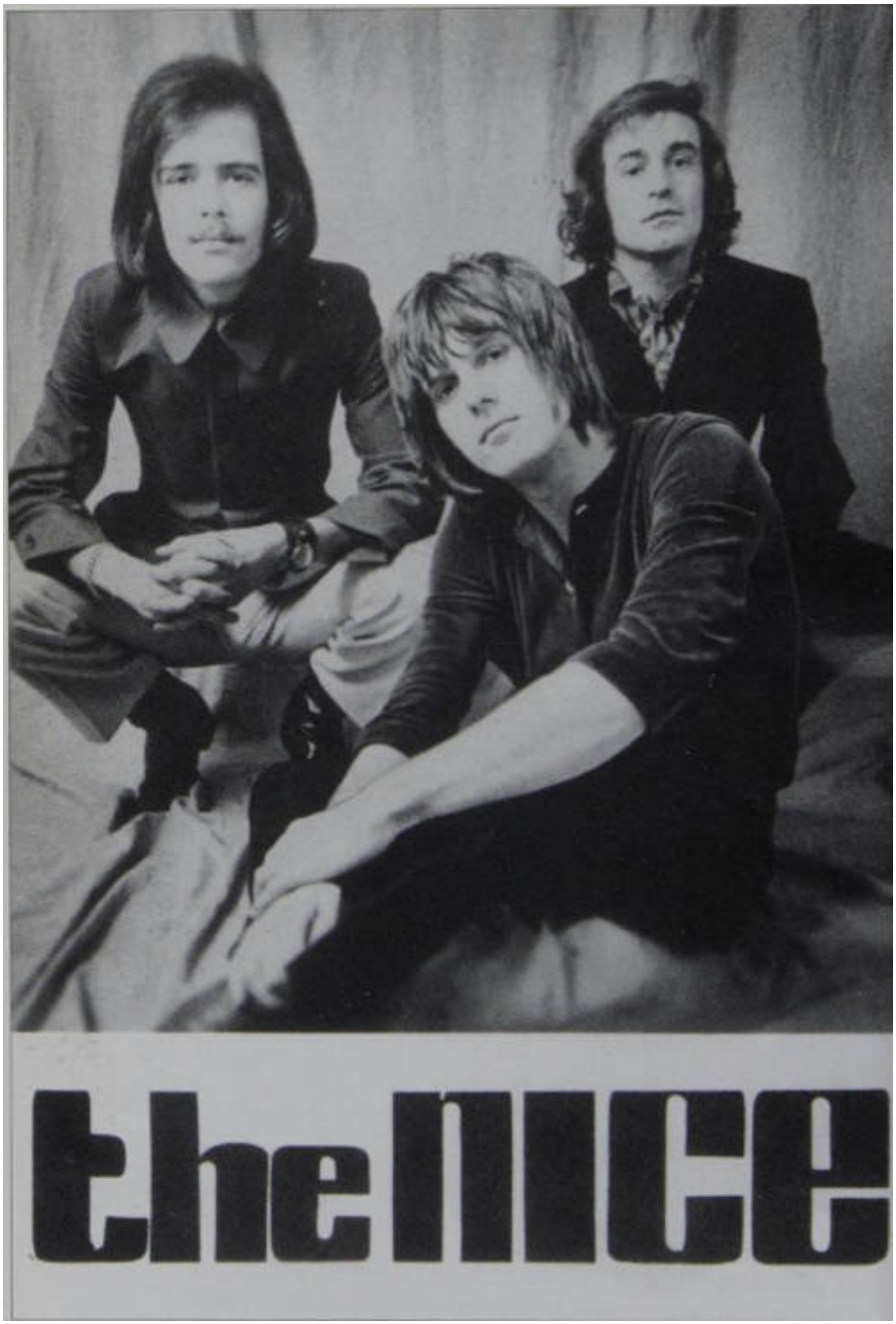
Выступление с Worthing Youth Swing Orchestra примерно в 1962 году. Проверьте причёску!

С T-Bones примерно в 1964 году.

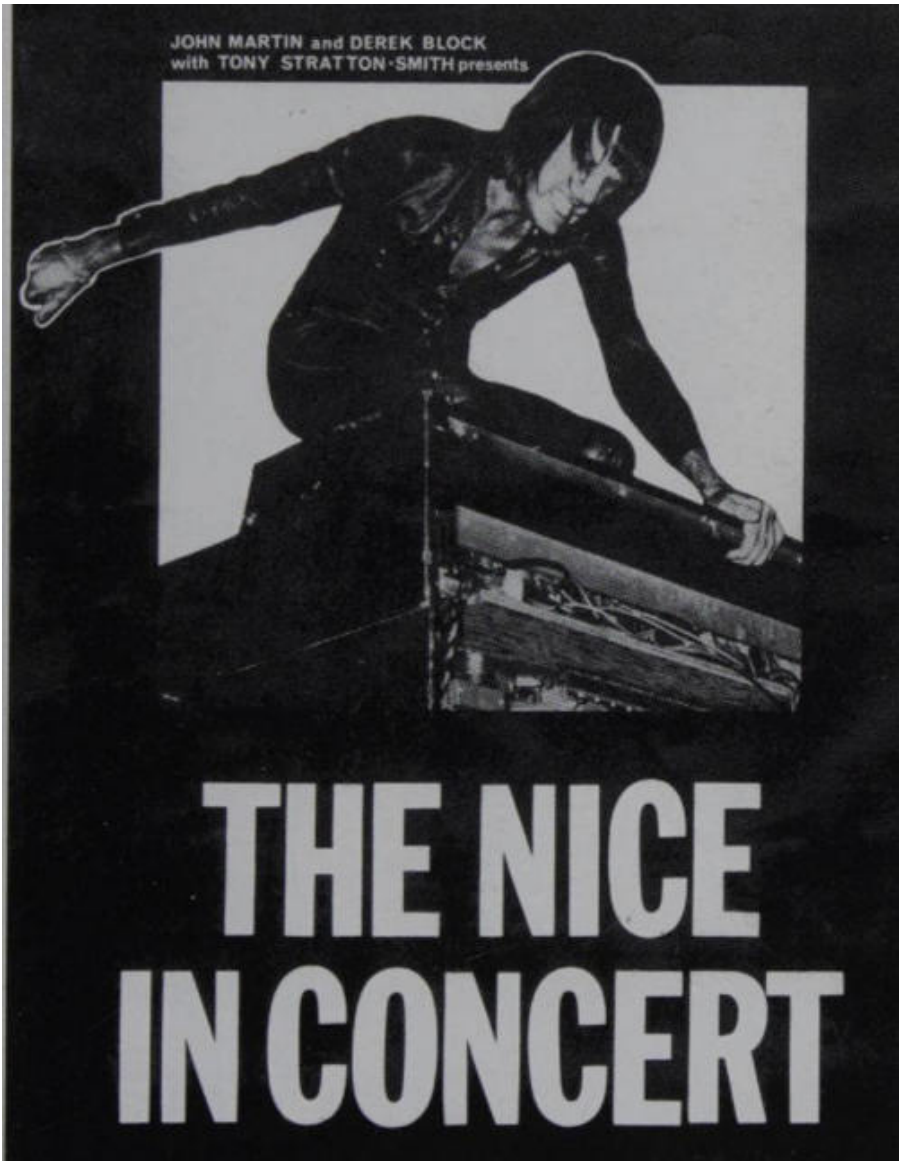
Гэри Фарр (к сожалению, теперь уже скончавшийся) засовывает большую палку в правое ухо Уинстона Уезеролла. Брайан “Легз” Уокли находится в центре, в то время как Стю Паркс (слева) и я (справа) служат полезной цели в виде пары подставок для книг.

ПиПи Арнолд вытворяет свои штучки на сцене, в то время как я вытворю свои штучки сверху органа…

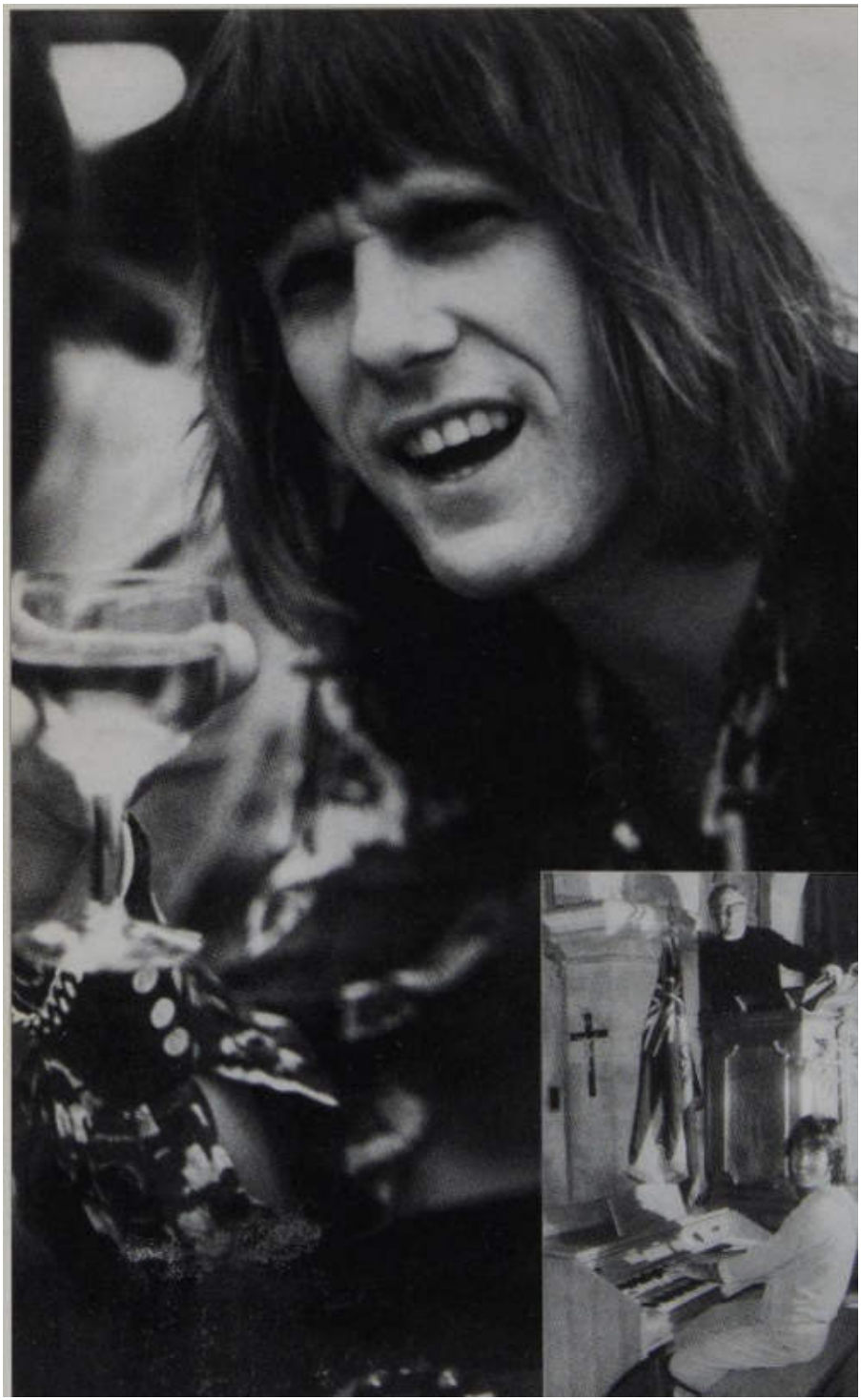
Поддержка ПиПи Арнолд в ранние времена The Nice.



Ранняя рекламная открытка The Nice.

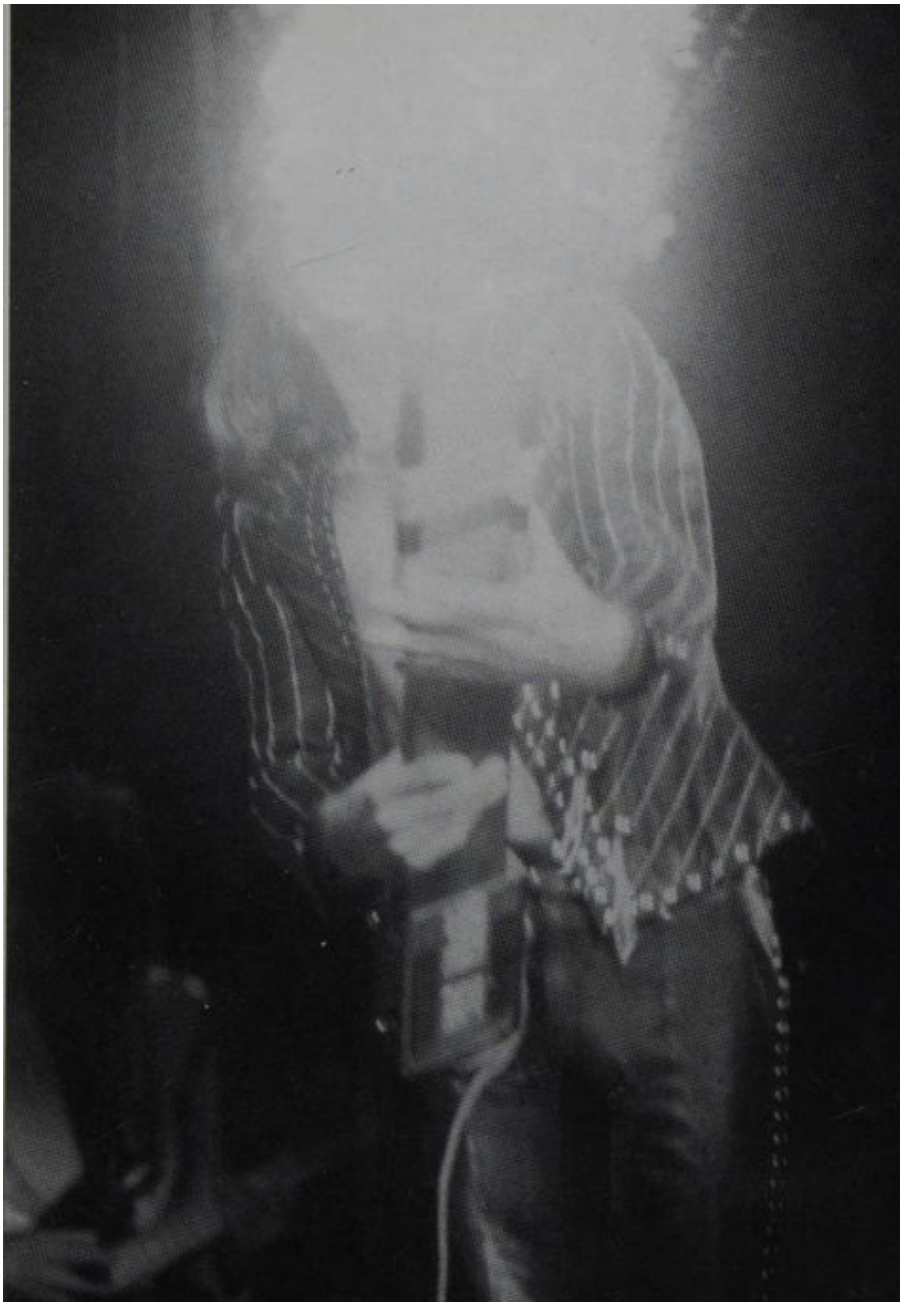


Рекламный материал для концерта The Nice.



Доброго вам здоровья!

Вставка: Выступление в отличном месте.

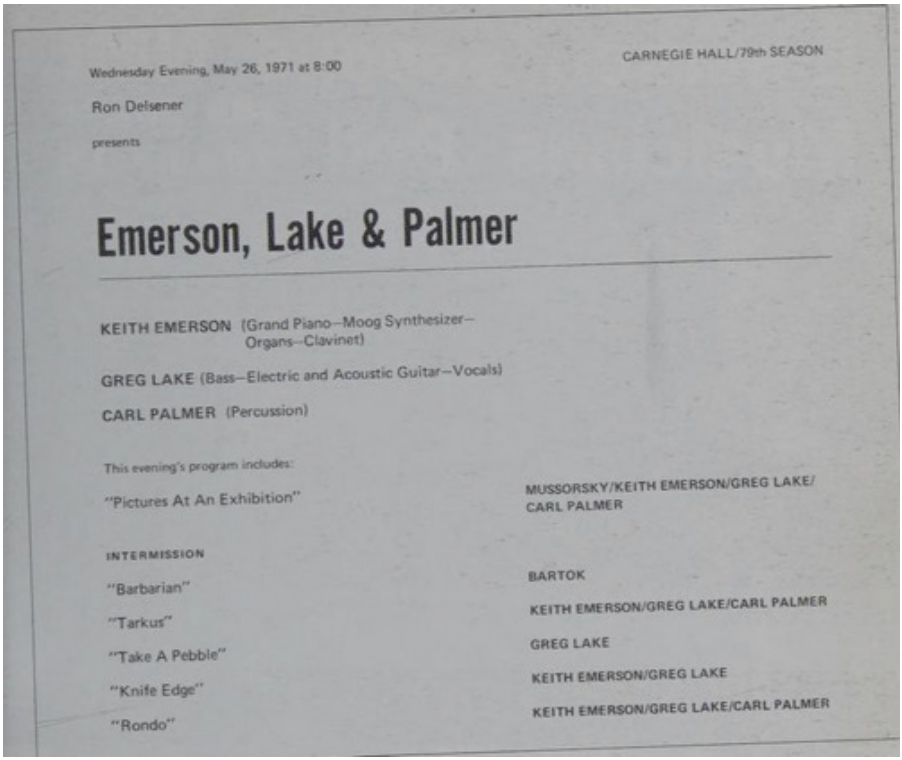


Эмо сносит голову пиротехникой.

Заглавие этой вырезки из газеты говорит само за себя.

На олимпийском стадионе Монреаля во время записи видео "Fanfare for Common Man".

Вставка: Элинор — бывшая миссис. Фото Нила Престона.



Wednesday Evening, May 26, 1971 at 8:00

CARNEGIE HALL/79th SEASON

Ron Delsener

presents

Emerson, Lake & Palmer

KEITH EMERSON (Grand Piano—Moog Synthesizer—Organs—Clavinet)

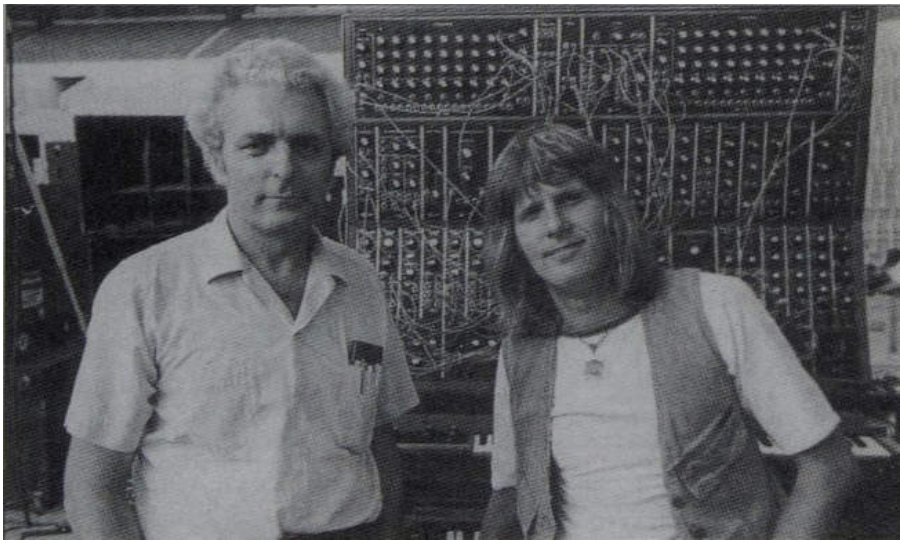
GREG LAKE (Bass—Electric and Acoustic Guitar—Vocals)

CARL PALMER (Percussion)

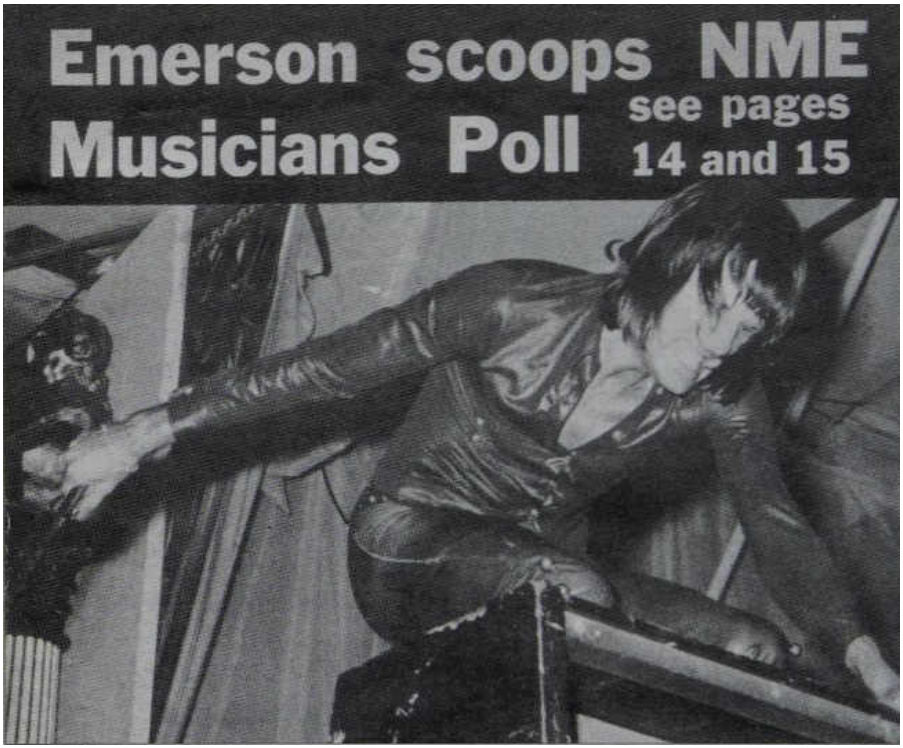
This evening's program includes:

"Pictures At An Exhibition"	MUSSORSKY/KEITH EMERSON/GREG LAKE/CARL PALMER
INTERMISSION	
"Barbarian"	BARTOK
"Tarkus"	KEITH EMERSON/GREG LAKE/CARL PALMER
"Take A Pebble"	GREG LAKE
"Knife Edge"	KEITH EMERSON/GREG LAKE
"Rondo"	KEITH EMERSON/GREG LAKE/CARL PALMER

“Как попасть в Карнеги Холл?” “Заниматься надо, заниматься!”

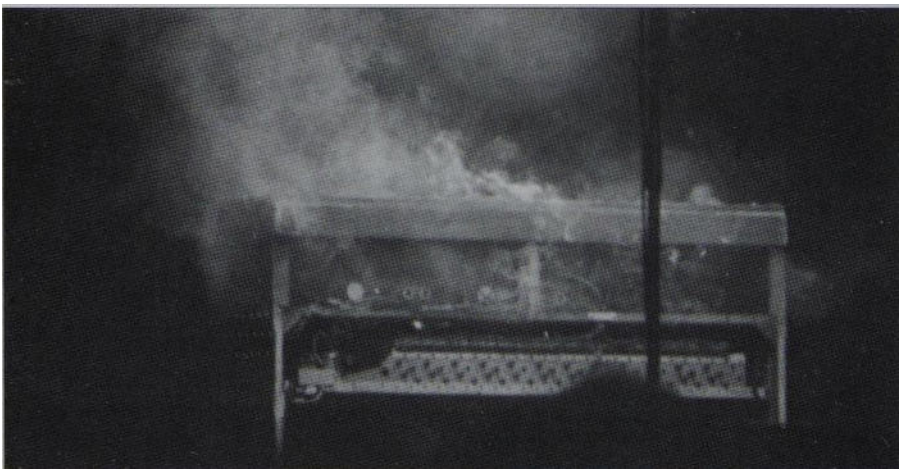


Доктор Роберт Муг и я.



Вырезка из газеты с объявлением о том, что я выиграл опрос музыкантов New Musical Express — каким-то образом обошел

таких корифеев клавишных, как Телониус Монк и Оскар Петерсон!



Ещё один дымящийся орган, ныне занесенный в Зал Славы Рок-н-ролла.

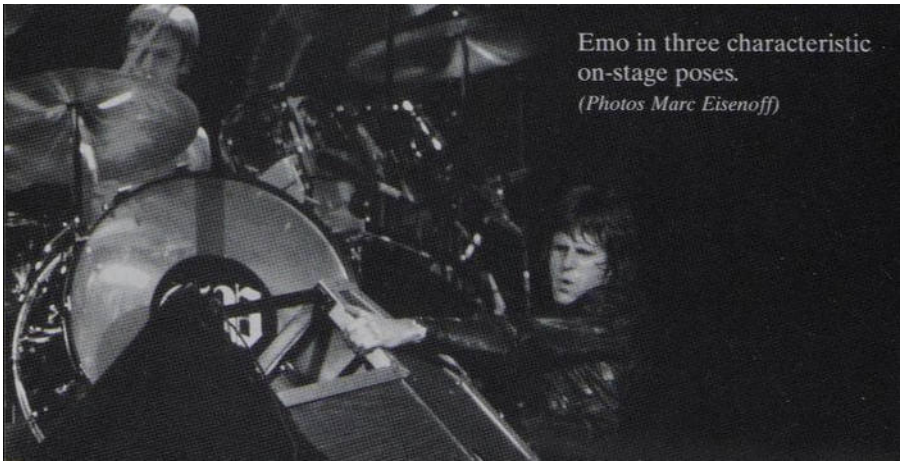
Mussorgsky's 'PICTURES AT AN EXHIBITION'
HELP1 (£1-49)

Thank you all for your patience in waiting for 'Pictures'. There have been a lot of unavoidable delays which have made the album not only late, but, unfortunately, more expensive than was originally hoped for. As it is we hope you like it.

Love

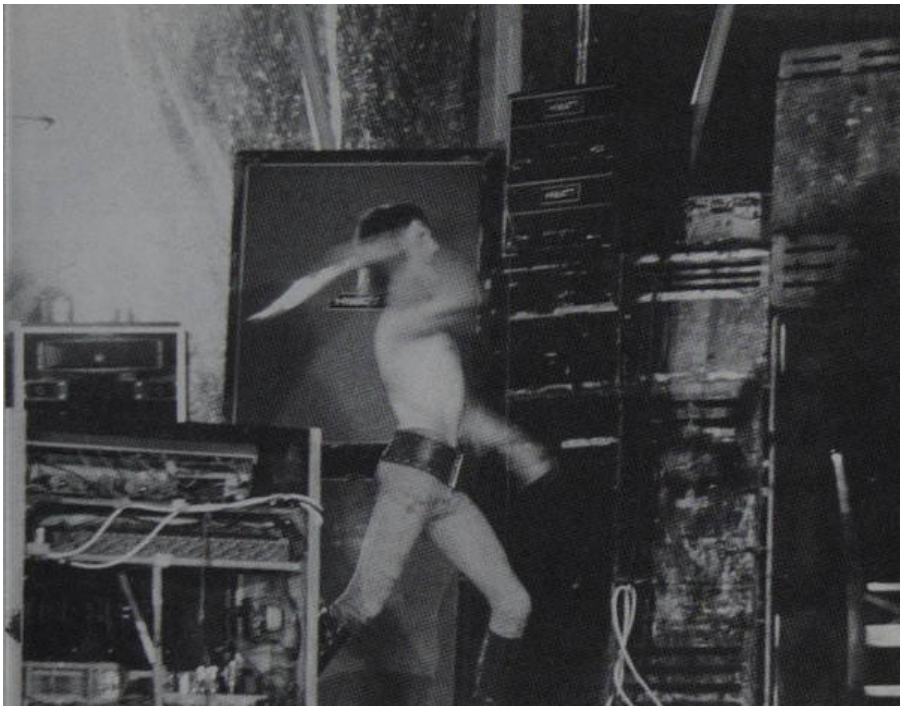
KEITH EMERSON GREG LAKE CARL PALMER

Объявление о выпуске — ELP «Pictures at an Exhibition».



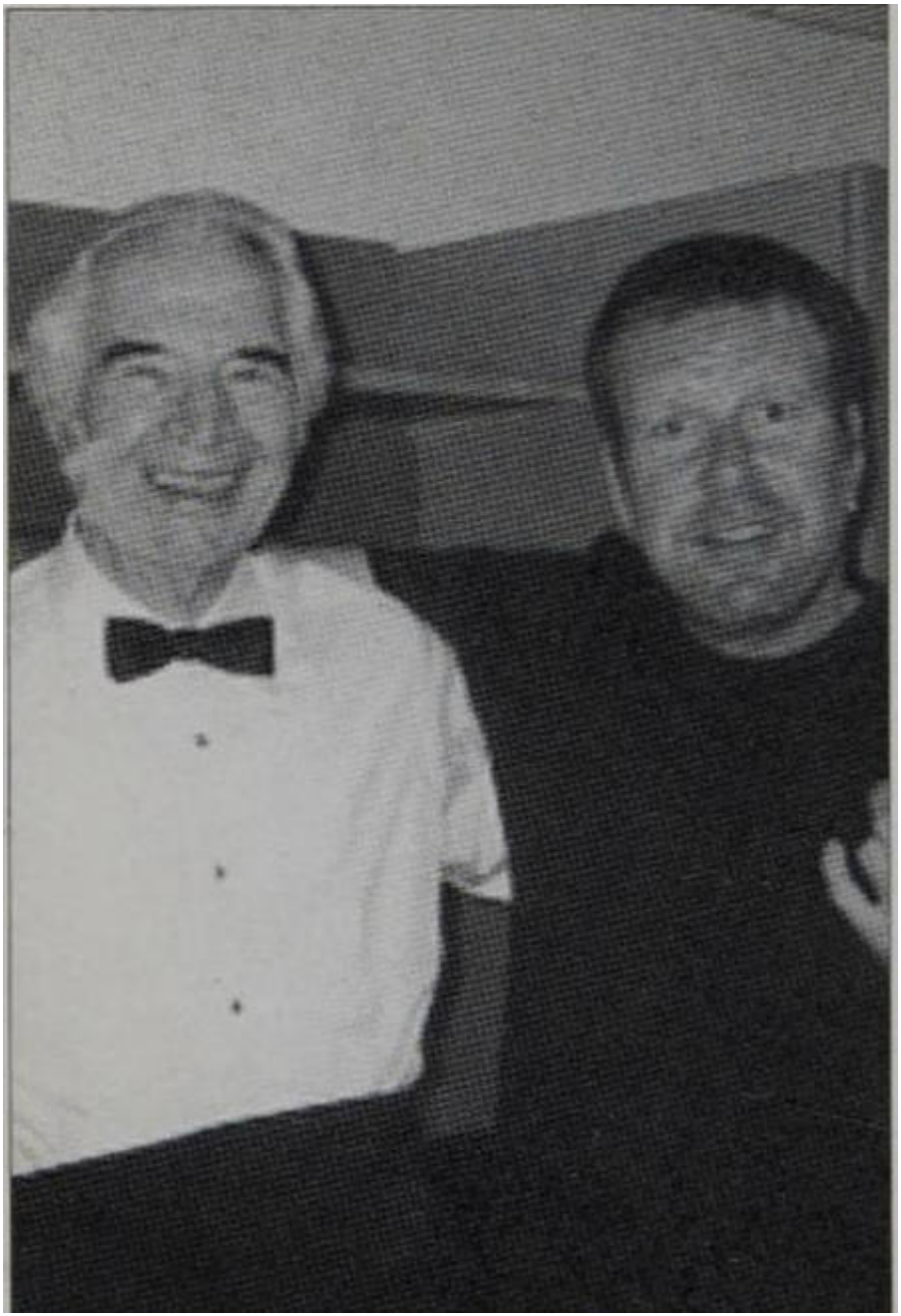
Emo in three characteristic on-stage poses.
(Photos Marc Eisenoff)

Эмо в трёх характерных для сцены позах. Фото Марка Эйзенофа.



Эмо проводит испытания своего оборудования.

В туре 2003 г. Фотография любезно предоставлена Мартином Фенвиком.



Моя очередь встретиться за кулисами с одним из моих

кумиров — с самим Дэйвом Брубеком.

Я уезжаю с концерта в Цюрихе на байке Hell's Angels.

Emerson, Lake and Palmer.

KEITH EMERSON is that rare thing – a musician who has attracted an almost unprecedented worldwide following as well as amazing critical success. Fusing rock 'n' roll with classical, jazz and world music, he has set a standard by which others are judged. His life story, as you might imagine, is a rollercoaster ride through some of the most exciting times in rock's history.

Pictures of an Exhibitionist is the insightful, amusing and irreverent memoir of this giant of popular music. He tells uproarious tales of life on the road with his bands The Nice and ELP; tales of the high-living lifestyle that goes with being one of the foremost rock stars in the world; and of course tales of the outrageous, keyboard-stabbing, barrier-shattering music he produced.

This is one of the most remarkable music memoirs ever written, from one of rock's greatest exponents.

'UNPUTDOWNABLE! A HYSTERICAL, INTRIGUING AND IMPORTANT MUSICAL MEMOIR.'
SUNDAY TIMES

'PROBABLY THE BEST AUTOBIOGRAPHY OF THE YEAR.'
DAILY EXPRESS

'KEITH EMERSON IS A TOWERING GENIUS OF POPULAR MUSIC.'
Q MAGAZINE

Front cover image © Corbis
Back cover image © Neal Preston

BIOGRAPHY

UNITED KINGDOM £7.99

ISBN 1-84454-053-7

9 781844 540532

TSP

notes

Примечания

1

Обыгрывается название альбома ELP «*Pictures at an Exhibition*» (Картинки с выставки). — примечание редактора FB2.

2

Разновидность пасьянса. — здесь и далее примечания переводчика

3

Штаб–квартира британских инженерных войск.

4

Ноты басового ключа фа (F), ля (A), до (C) и ми (E), получается F–A–C–E, т. е. лицо.

5

Ми (E), соль (G), си (B), ре (D), фа (F) — Every Good Boy Deserves Favours.

6

Коктейль с ромом и ягодами черники.

7

Веселые Гордоны — шотландский танец.

8

Около 160 кг.

9

Житель Ньюкасла.

10

Район и улица в Западном Лондоне.

11

Беглецы с Боу Стрит, главного уголовного полицейского суда в Лондоне.

12

«Главное блюдо», «гвоздь программы».

13

Документальный фильм 1922 г. о жизни эскимосов.

14

Пирожки с абрикосом.

15

Сухой крепкий сидр.

16

Варьете и кабаре в Париже.

17

Фирмы грамзаписи.

18

Житель Ливерпуля.

19

Подземное царство.

20

Сюита из одноимённого балета Игоря Стравинского.

21

Песня группы La Otracina — «Nine Times The Color Red Explodes Like Heated Blood».

22

Район центральной Калифорнии.

23

Британский парикмахер и бизнесмен.

24

Песня из мюзикла «Встреть меня в Сент–Луисе» в исполнении Джуди Гарлэнд.

25

Обыгрываются слова из церковного гимна Jerusalem, записанного ELP в 1973 г..

26

Связка мелких предметов, издающих приятный перезвон, wind chimes.

27

Английская актриса.

28

Город, расположенный в 43 км от Лондона.

29

Разбрызгивание краски по холсту; техника живописи.

30

Обыгрывается: «fire works» — пожарные работы и «fireworks» — фейерверк. — примечание редактора FB2.

31

Эмерсон цитирует строчку из песни Грега Лейка «I Believe in Father Christmas» — When I woke with the yawn at the first light of dawn.

32

Разлом на западе США, причине крупных землетрясений в Калифорнии.

33

Эмерсон ошибся: Хау собрал Bodast, а к Yes присоединился лишь в 1970–ом.

34

Чешское взрывчатое вещество.

35

Персонаж средневековой немецкой легенды.

36

Район трущоб в Глазго.

37

Американский комик.

38

Компании, выпускающие сантехнику.

39

Простенький вальс.

40

Английская детская писательница.

41

Самый знаменитый участник Порохового заговора против английского и шотландского короля Якова I в 1605 году.

42

Облигато — партия инструмента в музыкальном произведении, которая не может быть опущена и должна исполняться обязательно.

43

Популярный марш из одноименного кинофильма.

44

Один из участников Mothers of Invention.

45

Игра слов — private lake — частное озеро, private palmer — частный паломник.

На самом деле, электроклавесин — клавинет.

47

Большой пассажирский самолёт в конце 40–х, начале 50–х.

48

Одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных частных средних школ.

На самом деле Ludwig.

50

Деревянный ударный инструмент.

51

Английский таблоид.

52

Нидерландский художник–график.

53

Макдонелл Дуглас DC–9, реактивный самолёт.

54

Греческий алкогольный напиток.

55

Роман английского писателя Генри Уильямсона «Выдра по имени Тарка».

56

Американский духовой музыкальный инструмент.

57

Блочные дома с конюшней на первом этаже, чисто британская особенность.

58

Американский менеджер и импресарио.

59

Шутка в среде музыкантов, высмеивающая группы, не добившихся большого успеха в Европе и США, зато я Японии имеющих солидную массу поклонников, что не считалось тогда кошерным.

Имеется в виду композиция А. К. Жобима, что переводится как слегка фальшиво, нестройно.

61

Курвуазье — марка коньяка.

62

1937 г.

63

Наивный! Извините, не смог сдержаться — переводчик.

64

Роман американского писателя Роберта Хайнлайна.

65

Популярный детский стишок и песенка–считалочка.

66

Английский лётчик, летавший без ног, как А. Маресьев.

67

Английский фильм о летчиках Второй мировой войны.

68

Обыгрывается известная песенка из оперетты «Капризная Мариетта» «Ah! Sweet Mystery of Life», Mister E — намёк на фамилию автора книги.

69

Небольшой биплан.

70

Швейцарский художник.

71

Персонаж американских фильмов 30–60–х годов.

72

Тэйлдрэггер — самолёт с хвостовым колесом.

73

Фешенебельный район Лондона.

74

Игра слов: «Tooting» — район Южного Лондона, также загул, веселье, ширяние.

75

Американские комики.

76

Модель яхты.

International Society for the Study of Tension in Performance, Международное общество изучения проблем у исполнителей.

78

Портативная шифровальная машина времён Второй мировой войны.